

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

16+
ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

№ 4 (22)
15 декабря 2015 г.

Главный редактор – *А. Э. Еремеев*, доктор филологических наук, профессор,
ректор ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия»

Редакционная коллегия:

Е. А. Акелькина – доктор филологических наук, профессор;
В. О. Бернацкий – доктор философских наук, профессор;
Л. О. Бутакова – доктор филологических наук, профессор;
В. А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
О. Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
С. Н. Рягин – доктор педагогических наук, профессор.

Выпускающий редактор *О. В. Попова*, кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь *Т. М. Казакова*
Корректоры *Л. И. Козякова, Н. В. Сафронова*
Компьютерная верстка *Т. М. Казаковой*
Макет обложки: *Н. С. Сивко, И. Ю. Ерофеев*

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00374 от 11.09.2012 выдано Управлением Роскомнадзора по Омской области

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161
Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Ссылки на журнал при цитировании обязательны
Цена свободная

ISSN 1998-5320

© Омская гуманитарная академия, 2015

Адрес редакции и издателя: Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.
Тел./факс 28-47-37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omga.su>
Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 22,6. Печ. л. 29,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ 323
Полиграфический центр издательства ОмГА.
Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Издание включено в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

PRIVATE ESTABLISHMENT
AN EDUCATIONAL

INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION

«OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES»

THE SCIENCE OF PERSON: HUMANITARIAN RESEARCHES

Scientific journal
Published since December 2007
Issued four times a year

№ 4 (22)
15 December 2015

Chief Editor – *A. E. Eremeev*, Doctor of Philology Sciences, Professor

Editorial staff

E. A. Akelkina – Doctor of Philology, Professor;
V. O. Bernatskiy – Doctor of Philosophy, Professor;
L. O. Butakova – Doctor of Philology, Professor;
V. A. Evdokimov – Doctor of Political Science, Professor;
O. Yu. Patlasov – Doctor of Economy Sciences, Professor;
S. N. Ryagin – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Managing editor *O. V. Popova*, Candidate of philological Sciences, Associate Professor
Editor, executive secretary *T. M. Kazakova*
Proof-reader *L. I. Kozyakova N. V. Safronova*
Computer-aided makeup – *T. M. Kazakova*
Cover layout: *N. S. Sivko, I. Y. Erofeev*

Manuscripts are subjected to the editorial processing.
The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.
Registration certificate PI № TY55-00374 from 11.09.2012.
issued by Directorate of Roskomnadzor of the Omsk region
Subscription index in the catalog «Russian Press» 43161
The journal «The science of person: humanitarianresearches» is included in the system of Russian science citation index (RINTS)
References to the journal citation are required
Price free

ISSN 1998-5320

© OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES, 2015

**The publication is included in the List of Russian reviewed
scientific journals, in which basic scientific results of dissertations
on competition of scientific degrees of doctor and candidate of Sciences should be published**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ван Лиэ, Dr. Habil. Philol., профессор Пекинского университета иностранных языков, Института русского языка (Китай), член правления Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, член Международного сообщества писателей (СПб.), член редакционного совета Тайваньского научного журнала «Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России».

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиа коммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Карташова Ирина Вячеславовна, доктор филологических наук, почетный профессор Тверского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН (с 1996 г.).

Лебедева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования.

Лозовский Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Ормонбекова Ардакбубу Ормонбековна, доктор филологических наук, проректор по учебной работе Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Республика Кыргызстан).

Янушкевич Александр Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережнова Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заведующая лабораторией методологии исследований проблем управления качеством образования.

Далингер Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета. Награжден знаком «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Досанова Сая Сабировна, доктор педагогических наук, профессор, первый вице-президент Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Загвязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, член научно-редакционного совета и редколлегии «Большой Тюменской энциклопедии».

Звонников Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, проректор Государственного университета управления (Москва), член Совета Минобрнауки России по программе МРА, руководитель Рабочей группы Комитета Совета Федерации по образованию и науке, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по содействию профессиональному и бизнес-образованию, член Американской ассоциации по эвалуации.

Липчик Михаил Павлович, действительный член (академик) РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике Омского государственного педагогического университета, директор Омского научного центра РАО.

Ромм Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного, социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Рыжакوف Михаил Викторович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института содержания и методов обучения РАО, академик-секретарь Отделения общего среднего образования, председатель Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания.

Смолин Олег Николаевич, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награжден медалью К. Д. Ушинского.

Чечель Ирина Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор Института управления образованием РАО.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апенко Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Инновационное и проектное управление» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Апсалямов Надирбек Апсалямович, доктор экономических наук, профессор, президент Казахстанского инновационного университета (г. Семей), почетный работник образования РК. Отмечен знаками «Отличник образования Казахской ССР», «Отличник образования СССР», удостоен медали INSAM «За безупречную деловую репутацию», международных наград – имени Сократа и «Европейское качество».

Атышов Кобоген Атышович, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и внешним связям Кыргызского экономического университета (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования.

Зайцева Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и финансов Сибирского университета потребительской кооперации.

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственной и региональной политики Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Осипов Юрий Мирзоевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, основатель и первый заведующий отделением кафедры ЮНЕСКО, член Учебно-методического совета по инноватике вузов России, член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (технические науки), член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете (экономические науки).

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина), академик Академии экономических наук Украины, председатель Союза рекламистов Украины.

Чимпоеш Драгош, доктор экономических наук, профессор Государственного аграрного университета (г. Кишинев, Республика Молдова).

Шумакова Оксана Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ректор Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

EDITORIAL BOARD

PHILOLOGICAL SCIENCE

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor of Beijing University of Foreign Languages and of Russian Language Institute (China), member of the board of China Association on the research of the Russian literature, member of the International community of writers (St. Petersburg), member of the editorial board of the Taiwan scientific journal "The studies of Russian language, history and culture of Russia".

Issers Oksana Sergeevna, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of theoretical and applied linguistics, Dean of the faculty of Philology and media communications of Omsk F.M. Dostoevsky State University.

Kartashova Irina Vyacheslavovna, doctor of Philology, Emeritus Professor of Tver State University, honored worker of higher school of the Russian Federation.

Kataev Vladimir Borisovich, doctor of philological Sciences, Professor, head of the department of Russian literature history at the philological faculty of Lomonosov Moscow State University of the Russian Federation, Chairman The Chekhov Commission under the Council on the History of World Culture of the Russian Academy of Sciences (since 1996).

Lebedeva Olga Borisovna, doctor of philological Sciences, Professor of Russian and foreign literature of the National Research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

Lozovsky Boris Nikolayevich, doctor of philological Sciences, Professor, Director of the Department of "The journalism faculty" of the The Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Ormonbekova Ardakbubu Ormonbekovna, doctor of philological Sciences, Vice-rector on educational work of the Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Kyrgyz Republic).

Yanushkevich Alexander Sergeevich, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of Russian and foreign literature of the National research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

PEDAGOGICAL SCIENCE

Berezhnova Elena Viktorovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, head of the laboratory of methodology of research of the quality of management education.

Dalinger Victor Alekseevich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of chair of theory and methodology of teaching mathematics of Omsk State Pedagogical University, Awarded the title "Honored worker of higher school of the Russian Federation".

Donskih Oleg Albertovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of philosophy Department, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Dosanova Saya Sabirovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, first Vice-President of the Kokshetau University named after A. Myrzakhetov (Kazakh Republic).

Zagvyazinskiy Vladimir Ilyich, full member of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation, head of the academic Department of methodology and theory of socio-pedagogical research of Tyumen State University, member of the scientific editorial board and the editorial board of the "Big Tyumen encyclopedia".

Zvonnikov Viktor Ivanovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Pro-rector of State University of Management (Moscow), member of the Board of the Ministry of education of Russia in the MPA program, the head of the Working group of the Federation Council Committee on education and science, member of the Committee of the chamber of Commerce of the Russian Federation for the promotion of professional and business education, a member of the American Association for the evaluation.

Lapchick Mikhail Pavlovich, full member (academician) of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of Informatics and methodology of teaching computer science of Omsk State Pedagogical University, Director of the Omsk scientific center of RAE.

Romm Tatyana Aleksandrovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of pedagogy and psychology of the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University.

Ryzhakov Mikhail Viktorovich, academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, academician-Secretary of the Department of General secondary education, Chairman of the Council for doctoral and master's theses of major: 13.00.01 - General pedagogics, history of pedagogics and education; 13.00.02 – Theory and methodology of education and upbringing.

Smolin Oleg Nikolaevich, member-correspondent of Russian Academy of Education, doctor of philosophical Sciences, head of all-Russian public movement “Education for all”, honored worker of higher school of the Russian Federation, first Deputy Chairman of the education Committee of the state Duma of the Russian Federation. Awarded the medal K. D. Ushinsky.

Chechel Irina Dmitrievna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Institute of Management Education of RAE.

ECONOMIC SCIENCE

Apenko Svetlana Nikolaevna, doctor of economic Sciences, Professor, head of “Innovation and project management” Department of Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Apsalyamov Nadirbek Apsalyamovich, doctor of economic Sciences, Professor, President of the Kazakh innovative university (Semei), honorary worker of education of Kazakhstan. Honored with “High achiever of education of the Kazakh SSR”, “Excellence in education of the USSR”, awarded INSAM medal “For impeccable business reputation”, the international Socrates award and the “European quality” award.

Atyshov Kobogen Atyshovich, doctor of economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and External Affairs of the Kyrgyz Economic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Belyaev Viktor Ivanovich, doctor of economic Sciences, Professor of the Department of economics, entrepreneurship and marketing of Altai State University, honored worker of higher professional education.

Zaitseva Olga Petrovna, doctor of economic Sciences, Professor, head of Department of accounting and finance of Siberian University of Consumer Cooperatives.

Kisel Roman, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic and regional policy of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).

Osipov Yuriy Mirzoevich, doctor of technical Sciences, doctor of economic Sciences, Professor, founder and first head of the Department UNESCO chair, member of the Educational-methodical Council on the universities of Russia innovations, member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (technical Sciences), member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University (Economics).

Romat Evgeny Viktorovich, doctor of Sciences in public administration, Professor of the Kiev National Trade and Economic University (Ukraine), academician of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Chairman of the Union of advertisers of Ukraine.

Cimpoies Dragos, doctor of economic Sciences, Professor of the State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova).

Shumakova Oksana Viktorovna, doctor of economic Sciences, Associate Professor, rector of accounting and auditing of Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 1. PHILOLOGICAL SCIENCES

М. А. Васильева. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ ПЕТРА БИЦИЛЛИ О ГОГОЛЕ	10
M. A. Vasilieva. PROBLEM OF THE PERSON IN PYOTR BITSILLI'S RESEARCH ON GOGOL	10
М. А. Галиева. ФОЛЬКЛОРИЗМ ПРОЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА. ПОВЕСТЬ «ТАМАНЬ»	15
M. A. Galieva. FOLKLORISM IN PROSE BY M. U. LERMONTOV: OF THE QUESTION NOVEL «TAMAN».....	15
О. А. Дмитриева. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛА <i>ОПРОКИНУТЬ</i>	20
O. A. Dimitrieva. SEMANTICAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN VERB <i>ОПРОКИНУТЬ</i> (OPROKINUT').....	20
И. В. Карташова. ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ И ЕГО ОСНОВАХ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ РОМАНТИКОВ И Н. В. ГОГОЛЯ	25
I. V. Kartashova. ENTHUSIASM AND ITS BASES IN THE VIEW OF THE EUROPEAN ROMANTICISTS AND N. V. GOGOL	25
М. М. Ковалёва, Ю. В. Чемякин. КОРПОРАТИВНЫЕ СМИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ	40
M. M. Kovaleva, Yu. V. Chemyakin. CORPORATE MEDIA IN MODERN RUSSIA: SEARCHING THE STRATEGY OF DEVELOPMENT.....	40
Э. И. Коптева. ЭПИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ В «ЗАПИСКАХ» (1743–1812) Г. Р. ДЕРЖАВИНА	47
E. J. Kopteva. THE EPIC AND AUTOBIOGRAPHICAL AT THE «NOTES» (1743–1812) OF G. R. DERZHAVIN.....	47
Р. Н. Лейни. ИСТОКИ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА: ПРИЁМ «ДВОЙНОГО ВИДЕНИЯ» В РОМАНЕ Л. ДОБЫЧИНА «ГОРОД ЭН» И ТЕОРИЯ ПАРОДИИ Ю. ТЫНЯНОВА	51
R. N. Leyni. THE ORIGINS OF RUSSIAN MODERNISM: THE RECEPTION OF «DOUBLE VISION» A NOVEL BY L. DOBYCHINA «CITY N» AND A THEORY OF PARODY Y. TYNANOV	51
Е. С. Радионцева. ИНТЕГРАЦИЯ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ В ИНТЕРНЕТ	56
E. S. Radionseva. INTEGRATION OF REGIONAL NEWSPAPERS IN THE INTERNET	56
Т. П. Рогожникова. РУССКАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ДОМИНАНТА <i>ПРАВДА</i> В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ	61
T. P. Rogozhnikova. PRAVDA (THE TRUTH) – A RUSSIAN CULTURAL AND LINGUISTIC DOMINANT IN HISTORICAL STUDY	61
М. К. Согомонян. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ РОМАН В XIX ВЕКЕ	67
M. K. Sogomonyan. LATIN AMERICAN NOVEL IN XIX CENTURY	67
О. Н. Татарникова. ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО <i>ИВАН</i> В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ	70
O. N. Tatarnikova. ONOMASTIC FIELD OF PERSONAL NAME IVAN IN THE NATIONAL MIND.....	70
Т. В. Устинова. РОЛЬ КОНТЕКСТА В НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ: СЛУЧАЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ КРЕАТЕМ ПОЭТА	76
T. V. Ustinova. THE ROLE OF CONTEXT IN NON-CONVENTIONAL MEANING CONSTRUCTION: THE CASE OF THE READER'S RECEPTION OF THE POET'S LINGUISTIC NOVELTIES	76
Л. Н. Юровицкая, В. В. Доброва. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	83
L. N. Yurovitskaya, V. V. Dobrova. COGNITIVE MODELLING OF EPISTEMIC MENTAL STATE.....	83

РАЗДЕЛ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 2. PEDAGOGICAL SCIENCES

В. А. Богданов, Л. М. Мануйлова. ФОРМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	90
V. A. Bogdanov, L. M. Manuylova. THE FORM OF THE RELATIONSHIP INSTITUTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL SPHERES AND EDUCATION IN PROBLEM SOLVING TRAINING	90
Е. Н. Володина. ПРЕДМЕТНАЯ СПЕЦИФИКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	96
E. N. Volodina. SUBJECT SPECIFICITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A LANGUAGE PERSONALITY IN THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION	96
А. В. Горина. ВИРТУАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ «РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ» КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ФГБОУ ВПО «СибАДИ»	105
A. V. Gorina. THE VIRTUAL WORKSHOP «DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF STUDENTS PROJECTS» AS A MEANS OF INSTRUCTION AND UPBRINGING FSEI OF HPE «SibADI» STUDENTS	105
Ю. Б. Дроботенко. ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	112
Yu. B. Drobotenko. THE CHANGING NOTION OF TEACHING PROFESSION IN MODERN SOCIETY	112
О. В. Комарчук. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗУЧЕНИЯ РАЗДЕЛА «ЭКОНОМИКА» В КУРСЕ «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ» С 5 ПО 9 КЛАСС НА ОСНОВЕ УЧЕБНИКОВ, РЕКОМЕНДУЕМЫХ МИНИСТЕРСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ	118
O. V. Komarchuk. THE COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDYING «ECONOMICS» IN THE COURSE «SOCIAL SCIENCE» ON AVERAGE LINK ON THE BASIS OF THE TEXTBOOKS RECOMMENDED BY THE DEPARTMENT OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION	118
И. И. Новикова, Ю. В. Ерофеев, Д. А. Гришков, О. Г. Торсунов, О. В. Толкунова, О. А. Савченко. АКТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ ПРОРАБОТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В СТАЦИОНАРНЫХ ЗАГОРОДНЫХ ЛАГЕРЯХ	126
I. I. Novikova, Yu. V. Erofeyev, D. A. Grishkov, O. G. Torsunov, O. V. Tolkunova, O. A. Savchenko. RELEVANCE OF SCIENTIFIC STUDY OF THE ORGANIZATION OF EFFECTIVE IMPROVEMENT IN CHILDREN'S CAMPS	126
И. М. Новикова. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ	129
I. M. Novikova. SAVES HEALTH SPACE AS A FACTOR FORMATION OF REPRESENTATIONS ABOUT A HEALTHY LIFESTYLE IN PRESCHOOLERS WITH DISABILITIES	129
И. А. Подворный. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	137
I. A. Podvorny. FACTORS THAT DEFINE THE STATE OF THE STUDENTS` MILITARY-VOCATIONAL COUNSELLING IN THE MODERN CONDITIONS	137
Т. В. Соснина. РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНСАЛТИНГА В МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	142
T. V. Sosnina. THE ROLE OF THE EDUCATIONAL CONSULTING IN THE MODERNIZATION OF THE MODERN SCHOOL	142

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 3. ECONOMIC SCIENCES

В. И. Ахмеева. РЕФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	148
V. I. Ahmeeva. THE REFORM OF THE ECONOMIC MODEL OF LOCAL GOVERNMENT BASED ON TERRITORIAL ORGANIZATION	148

Т. В. Бахарева. КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ФИРМЫ	156
T. V. Bakhareva. CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS AN INSTITUTION OF THE MODERN FIRM	156
В. Б. Башуров, Г. В. Дербенева, Е. В. Пыхтеева, С. Н. Ширококов. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ	162
V. B. Bashurov, G. V. Derbenyova, E. V. Pyhteeva, S. N. Shirobokov. SOCIAL SECURITY OF WELFARE PROGRAMS IN OMSK REGION	162
М. Е. Глущенко. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ: КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ	166
M. E. Glushchenko. COMPREHENSIVE METHOD OF ASSESSMENT OF THE ENVIRONMENTAL SAFETY ENTERPRISE	166
Е. В. Драгунова, А. В. Кравченко. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАЕКТОРИЙ РОСТА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ	174
E. V. Dragunova, A. V. Kravchenko. INVESTIGATION OF GROWTH TRAJECTORY OF RUSSIAN ENTERPRISES	174
В. В. Завадская, О. В. Кучеренко. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	182
V. V. Zavadskaya, O. V. Kucherenko. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	182
Т. И. Захарова, Ю. Н. Иванова, Е. В. Юдина. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ	190
T. I. Zakharova, Yu. N. Ivanova, E. V. Yudina. SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE SELKY TERRITORIES	190
Б. С. Кошелев, В. В. Пецевич. МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНЫ НА СОРТОВЫЕ СЕМЕНА ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР	196
B. S. Koshelev, V. V. Petsevich. PRICING AND LONG GRADE SEEDS GRAIN	196
Л. С. Медведева, Ю. В. Мостовая. ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ВНЕДРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ УЧЁТА И ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА	200
L. S. Medvedeva, Yu. V. Mostovaya. ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL STANDARDS OF ACCOUNTING AND FINANCIAL REPORTING ACTIVITIES OF SMALL BUSINESSES	200
В. В. Нарбут. НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	206
V. V. Narbut. THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: CONDITION AND DEVELOPMENT PROSPECTS	206
О. Ю. Патласов, С. С. Каирденов. ЭТИЧЕСКИЕ ФИНАНСЫ В НРАВСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	213
O. Yu. Patlasov, S. S. Kairdenov. ETHICAL FINANCE IN MORAL ECONOMY	213
Б. И. Штейнгольц, В. А. Назаркина. АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТОЧКИ РОСТА	225
B. I. Shteingoltz, V. A. Nazarkina. AUTOMOBILE TOURISM IN MODERN RUSSIA: GROWTH POINT	225

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 1 PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 821

М. А. Васильева,
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, г. Москва

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ ПЕТРА БИЦИЛЛИ О ГОГОЛЕ

Статья посвящена этико-антропологическим воззрениям выдающегося литературоведа русского зарубежья П. М. Бицилли. Большой вклад в изучение проблемы человека внесли работы учёного, посвящённые творчеству Н. В. Гоголя. Мотивы подобия, вещности, пустоты, механического повтора, разложения человека на составные части были исследованы филологом на уровне предметного анализа гоголевских текстов («микроскопического анализа») и одновременно на уровне философской рецепции. Оригинальный метод Бицилли значительно обогатил современную философскую антропологию и литературоведение.

Ключевые слова: филология русского зарубежья, литература о Гоголе, философская антропология, «микроскопический анализ» текста.

Пётр Михайлович Бицилли (1879–1953) – выдающийся представитель гуманитарной мысли русского зарубежья, автор многочисленных исследований по медиевистике, теории истории, культурологии, лингвистике и литературе. В 1920 году он, как и многие изгнанники, покинул Россию, сначала эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, а в 1924-м по приглашению Софийского университета переехал в Болгарию, где и обосновался окончательно. Именно в изгнании учёный-энциклопедист обратил пристальное внимание на классическую и современную русскую литературу, а его библиография пополнилась значительным числом статей и фундаментальных трудов, посвящённых творчеству русских писателей. На фоне его обширного литературоведения, поражающего разнообразием и оригинальностью тем, работ о Гоголе у Бицилли немного. В основном статьи приходятся на 1934 год – две в эмигрантской и две в болгарской периодической печати, чуть раньше – в 1932-м – вышла статья «Зощенко и Гоголь», и только в 1948-м издаётся «Проблема человека у Гоголя»¹, – итоговый труд. Между тем вклад Бицилли в науку о Гоголе трудно назвать скромным. К русскому классическому филологу обращаются в исследованиях о Пушкине, Толстом, Достоевском, Чехове, Бунине, Набокове и др. Гоголем «проверяется» мастерство многих писателей. Основная же тема в гоголеведении Бицилли остаётся неизменной. Она заявлена ещё в статье «Зощенко и Гоголь», где, анализируя рассказ Зощенко «Мудрость», отслеживая в нём гоголевские истоки, филолог заключает, что во взаимоотношениях зощенковских героев «всё сплошь механизировано, обесмыслено, обездушено...» [1, с. 467]. Проблема «механистичности» и «вещности» человека и человеческих отношений – сквозная тема в литературоведении Бицилли. Подступы к ней учёный делал на протяжении многих лет. Насколько волновала его этико-антропологическая проблема «вещь и человек» в творчестве Гоголя,

можно судить по частотности её возникновения в таких не «гоголевских» работах, как «Пушкин и Вяземский: К вопросу об источниках пушкинского творчества» (1939), «Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа» (1942), «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1946).

Мотиву «мёртвенности», «вещности» в гоголевских произведениях было посвящено немало работ в отечественном литературоведении, в том числе задолго до обращения к этой проблематике Бицилли. Однако, проследив генезис этой темы, мы сможем уяснить не только укоренённость учёного в определённой традиции, но и очевидное новаторство его прочтения Гоголя. Родоначальником традиции можно было бы назвать В. В. Розанова. В известной статье «Пушкин и Гоголь» (1891) он писал: «Не в нашей только, но во всемирной литературе он (Гоголь – прим. автора) стоит одиноким гением, и мир его не похож ни на какой мир. Он один жил в нём; но и нам входить в этот мир, связывать его со своей жизнью и даже судить о ней по громадной восковой картине, выкованной чудным мастером, – это значило бы убийственно поднимать на себя руку. На этой картине совершенно нет живых лиц: это крошечные восковые фигурки...» [2, с. 140]. И далее, в «Опавших листьях»: «Везде покойник у него живёт удвоенною жизнью, покойник – нигде не “мёртв”, тогда как живые люди удивительно мертвы. Это – куклы, схемы, аллегории пороков» [3, с. 417–418]. Тема отсутствия жизни в гоголевских героях будет продолжена Розановым в статье «Как произошёл тип Акакия Акакиевича» (1894). Гоголь уходил от действительности и жизни, – считает Розанов, – как «уходили от холода его чиновники» в свой странный мир «болезненного воображения», где «жили оскопленные <...> образы Акакиев Акакиевичей и подобных, но <...> без жизни, без естественного на себе света, без движений, без способности в себе продолжающейся мысли, развивающегося чувства» [2, с. 148].

Примечательно, что антигоголевский выпад Розанова будет иметь в литературе о Гоголе плодотворное продолжение. Выведенный Розановым мотив «вещности» в дальнейшем условно распадается на два направления. Первое – *внешнее*, «актёрское», «театральное» (мотив маски) активно интересует литературоведов, исследующих форму гоголевского текста (идеальный пример – статья Б. М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918)). Второе направление задано также во многом Розановым, который, говоря о «вещном», безжизненном образе титулярного советника, выходит на философский уровень восприятия текста. Примером такого направления в гоголеведении может послужить книга К. В. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934). Философская рецепция должна была стать прерогативой религиозно-философской критики, однако получила оригинальнейшее развитие в том направлении филологии, которое самоопределилось строго между философией литературы и формальным методом (А. Л. Бем, Д. И. Чижевский, Л. В. Пумпянский и др.). Именно к этому направлению примыкал и П. М. Бицилли.

В «Проблеме человека у Гоголя» Бицилли стремится максимально уйти от априорных установок. С одной стороны, «будь Гоголь только сатириком-реалистом, продукты его творчества отошли бы в прошлое вместе с изображённой в них действительностью, сохранили бы лишь значение исторического документа» [4, с. 567], с другой – «абстрактный антропологизм Гоголя, его стремление понять “человека вообще”, не исключает его реалистичности – иначе не был бы он великим художником слова» [4, с. 561]. Концепция Бицилли чутко балансирует между двумя устойчивыми дефинициями «Гоголь-реалист» и «Гоголь-религиозный мистик» и одновременно обозначает новые задачи изучения творчества писателя. Используя терминологию самого учёного, можно сказать, что для Бицилли «проблема человека» у Гоголя – идея не «постраемая», а «вскрываемая» [5, с. 263] из недр художественного произведения, с опорой на «микроскопический анализ» (термин Бицилли) текста. Именно на этом пути открытия «изнутри», позиции идейного невмешательства, учёный убедительно демонстрирует целесообразность художественных средств «общей направленности гоголевской “антропологии”» [4, с. 552].

Бицилли показывает, что в произведениях Гоголя аналитический метод описания человека соответствует идейному замыслу. Подробное описательное разложение человеческого лица на составные части (носы, усы, подбородки, бакенбарды и т. д.), способность носа отделиться от человека и стать самостоятельным персонажем, любовь Чичикова к своему животу или попытка Агафьи Тихоновны «составить» из носа и губ своих женихов идеального «синтетического» жениха, неожиданные парадоксальные сравнительные «вещные» характеристики героев («Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках...»), и, наконец, бесконечное «отожествление “живого” и “мёртвого” у Гоголя», «замещения живого существа его “принадлежностями”, “мёртвыми вещами”» [4, с. 559] продиктованы глубинным онтологическим пониманием катастрофических метаморфоз сущности человека: «Всё это, конечно, не

случайность, не проявление авторского автоматизма, а, напротив, находится в тесном соответствии с замыслом повести, выражающей символично концепцию человеческой безличности, а потому и «разложимости» [4, с. 559].

Прослеживая эволюцию «проблемы человека» у Гоголя, Бицилли широко использует черновые тексты, ранние редакции произведений. Тем же путем шёл В. В. Розанов в статье «Как произошёл тип Акакия Акакиевича», обратившись не к последней редакции «Шинели», а к черновику. Как и Розанов, Бицилли наблюдает в ранних редакциях и черновиках у Гоголя элементы большей «вещности» и большего аналитического, «предметного» разложения в описании лиц – те стилиевые особенности, которые в поздних редакциях «микшировались» или исчезали. Розанов был одним из первых, кто отметил «анатомическую последовательность движущегося описания» [2, с. 148] живых людей в гоголевской прозе, усматривая в этом «*принижающее, извращающее действительность* творческое воображение» [2, с. 144]. Бицилли, обращаясь к гоголевской антропологии, движется тем же путем, что и Розанов, однако в итоге приходит к альтернативной концепции: «Хорошо известно, что наряду с мнением о “бездушности” и “бездуховности” Гоголя, было и другое, ему противоположное, выраженное формулой Достоевского, что “вся русская литература” “вышла” из его “Шинели”. Странно, что утверждая это, Достоевский как будто забыл о “Медном всаднике”, о “Станционном смотрителе”» [4, с. 567]. Здесь Бицилли, обращаясь к знаменитой фразе, приписываемой Достоевскому, не столько полемизирует с гипотетическим автором высказывания, сколько подчёркивает решающую роль Гоголя в становлении сюжета о «маленьком человеке» и шире – гуманистической идеи в русской литературе.

Подробность стилистического анализа приводит филолога к множеству новых открытий, откликается на целый ряд исследовательских траекторий и задаёт новые (большой интерес представляет сопоставление идей Бицилли с различными положениями в гоголеведении В. В. Гиппиуса, В. В. Зеньковского, А. Л. Бема, Д. И. Чижевского, В. В. Набокова и др., которое не входит в задачу данного исследования). Так, Бицилли изучает мотив «привычки» (механической, бессмысленной бесконечности действий и поступков), видя в ней результат отсутствия духовного стержня у гоголевских героев. «Пустота» или «ничто» героев Гоголя – отдельная тема в литературоведении русского зарубежья, которую Бицилли значительно развил. В его интерпретации человек Гоголя – пустое место, до поры не заполненное ничем – никакой идеей, никаким содержанием – и только по мановению воли случая, фатума, эта пустота заполняется «идеей» – будь то идея женитьбы, идея приобретения ружья или шинели. Именно на этом «оживлении» от сторонней идеи построен «Ревизор», где все «действие» начинается извне и прерывается, словно по мановению сторонней воли. «Показывая, как сборище безликих лиц, после того как на них надели маски, начинает лицедействовать, Гоголь раскрывает то свое видение жизни, которое его самого приводило в ужас» [4, с. 565]. По Бицилли, «в отвлечении от своего “комплекса” гоголевский человек не *individuum*, неделимое», и это «полное отсутствие “чистого я”», «разложимость» человека есть неотъемлемая часть гоголевского описания. В «аналитическом» описательном разложении человеческого облика кроется глубокая связь с глобальной гоголевской идеей, т. к. в гоголевском тексте «все элементы повествования подчинены общему замыслу, так что требования лаконизма соблюдены строжайшим образом» [4, с. 568].

Какова же эта центральная идея творчества Гоголя? Вывод Бицилли строго подчинён постулированному им в литературоведении принципу адекватности формы и содержания как основной меры совершенства художественного произведения и диаметрально противоположен розановскому: «Необходимо было обладать в высшей мере духовностью, чтобы ощущать ужасающий гнет “бездуховного” и “бездушного” начала, начала “вещности”, с такою силою, с какою ощущал её Гоголь в самом себе, без чего он не мог бы увидеть с такою зоркостью это начало “человека вообще”. Необходимо было пережить эту трагиду человеческой личности, чтобы создать несравнимую ни с чем по своему совершенству комедию, чем являются все гоголевские вещи» [4, с. 572].

Выдвинутое требование адекватности формы и содержания как залога совершенства художественного текста приводит П. М. Бицилли к оригинальной, хотя и не бесспорной интерпретации «незавершённости» гоголевских произведений. Бицилли выстраивает любопытные параллели между «незавершением» коллизии в «Женитьбе», «незавершением» вечной ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем и «незавершением» комедии «Ревизор», которая, по сути, не имеет в своей структуре классической «развязки». «Идея» гоголевского героя «*не развивается* подобно гегелевской, не доводится до истинного конца, до завершения, до выявления полностью её цели и её смысла» [4, с. 562].

Если двигаться дальше по той траектории, которую наметил Бицилли, то логично можно прийти к решению одного из наиболее проблематичных вопросов в гоголеведении о незавершённости «Мёртвых душ». Применяя оригинальную эстетическую концепцию незавершённости гоголевских произведений, предложенную Бицилли, можно значительно расширить понимание «незавершённости» великой поэмы, выйти за рамки традиционных парадигм, сводящих проблему к «духовному кризису» или «творческому кризису» гения. «Трагедия Гоголя коренным образом отличается от трагедии, как её понимали моралисты и драматурги классического века. Борьба начал духовности и бездушия, “бесчувственности” – не то что борьба “страстей” и “долга”. <...> “Победа” над страстью состоит не в искоренении её..., но в отказе подчиниться ей. В том и развязка классической трагедии. Постигши это, “герой” обретает свой катарсис. Для того же, кто осознал в себе наличие начала вещиности, катарсис этого рода невозможен. Единственный выход из этого тупика – примирение с жизнью...» [4, с. 572]. Таким образом, бесконечность развязки (бесконечное незавершаемое продолжение произведения) оказывается органичной составляющей его внутренней формы, служит, как ни парадоксально, «примером строжайшего выполнения требования адекватности “формы” и “содержания”», постулированного Бицилли в программной статье «Пушкин и проблема чистой поэзии» [1, с. 116], и по-своему разрешает с эстетико-философской точки зрения одну из центральных проблем гоголевского творчества. Проблематика *завершённости незавершённого* – отдельное направление в литературоведении [1, 6, 7, 8]. У Бицилли она занимает существенное место. Как исследователь творчества Гоголя он по-своему решает эту проблему и логически замыкает круг, делая *поэтику незавершённости* неотъемлемой частью *всеединства* гоголевского текста.

В итоге поставленная в работе о Гоголе *проблема единства* индивидуальности получает несколько уровней прочтения: *антропологический* (индивидуальность человека как однократное, неповторимое единое целое) – «недостижимый» идеал Гоголя-мыслителя; *эстетический* (литературное произведение как уникальный, неповторимый акт творчества и как неделимое, неразложимое целое) – то, что и было достигнуто в совершенном гоголевском тексте (в том числе даже на уровне его «незавершённости»), и *методологический* – подробный стилистический анализ, постижение *целого* («индивидуальности *Всеединства*») путём не отвлечённых логических конструкций, а «индивидуализирующего» подхода к каждому конкретному произведению. Предпринимая исследование о Гоголе, Бицилли обмолвится: «...Есть у Гоголя ... ему одному принадлежащие средства комической экспрессии, на функцию которых, если я не ошибаюсь, ещё не было обращено должного внимания» [4, с. 530]. В случае с Бицилли можно говорить о новизне разработки проблемы на основе избранного им метода стилистического анализа текста («микроскопического анализа»), который логически приводит к глобальному осмыслению творческого наследия писателя.

Безусловно, гоголевская антропология и её стилистическое воплощение привлекали многих исследователей. Так, например, Л. В. Пумпянский в черновых набросках труда «Гоголь» кратко наметит раздел, посвящённый «Мёртвым душам», где, в частности, напишет:

«Пока я установил для анализа “Мёртвых душ” следующие гранки:
механизация человеческих движений, лиц и пр.;
превращение движений человека в заводную игрушку – мех. игр.

Imagination, qui invente des poses, des situations (не механические и не злобные) – im. pos.

Механизация слов (через повторение и т. д.) – мех. сл.
<...>
Я уже предвижу некоторые выводы» [9, с. 707].

Набросок сделан в 1923 году, но работа над книгой не была завершена. «Некоторые выводы» двумя десятилетиями позже сделает Бицилли, значительно расширив диапазон означенной темы и метода её разработки. Труд 1948-го года – идеальный образец переплетения идейных и эстетических воззрений в литературоведении самого Бицилли. Его опыт стилистического анализа – вскрывающий в мире Гоголя трагедию распада личности на «составляющие», возможности её замены (подмены), механического повтора («дубликата», «двойника»), разрушения неделимости индивидуальности – внёс существенный вклад в современную «аналитическую антропологию литературы» [10].

Примечание

¹ Опубликовано впервые: Бицилли, П. М. Зошенко и Гоголь / П. М. Бицилли // Числа. – 1932. – № 6. – С. 211–215; Бицилли, П. М. Гоголь и классическая комедия / П. М. Бицилли // Числа. – 1934. – № 10. – С. 198–199; Бицилли, П. М. Гоголь и Чехов. (Проблема классического искусства) / П. М. Бицилли // Современные записки. – 1934. – Кн. 56. – С. 298–308; Бицилли, П. М. Гоголь като человек / П. Бицилли // Българската мисъл. – 1934. – Кн. 10. – С. 618–622; Бицилли, П. М. Изкуството на Гоголь / П. Бицилли // Литературен глас. – 1934. – 22. IV. – № 231. – С. 1; Бицилли, П. М. Проблема человека у Гоголя / П. Бицилли // Годишник на Софийския ун-т. Историко-филологически факултет. – 1947/1948. – № 44. (Ч. 4 : Езикознание и литература.). – С. 1–32.

Библиографический список

1. Бицилли, П. М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии [Текст] / П. М. Бицилли ; сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. М. Васильевой. – М., 2000. – 606 с.
2. Розанов, В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского... [Текст] / В. В. Розанов – М., 1996. – 702 с.
3. Розанов, В. В. О себе и жизни своей [Текст] / В. В. Розанов. – М., 1990. – 876 с.
4. Бицилли, П. М. Избранные труды по филологии [Текст] / П. М. Бицилли; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Вомперского и И. В. Анненковой; вступ. ст. В. П. Вомперского. – М., 1996. – 710 с.
5. Бицилли, П. М. Очерки теории исторической науки [Текст] / П. М. Бицилли. – Прага, 1925. – 339 с.
6. Шкловский, В. Б. Тетива: О несходстве сходного [Текст] / В. Б. Шкловский. – М., 1970. – 376 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов; подгот. изд. и коммент. Е. А. Годдеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. – М., 1977. – 576 с.
8. Медведев, П. Н. [М. М. Бахтин]. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику [Текст] / Бахтин под маской. – М., 2003. – 640 с.
9. Пумпянский, Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы [Текст] / Л. В. Пумпянский ; отв. ред. А. П. Чудаков ; сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. – М., 2000. – 864 с.
10. Подорога, В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы [Текст] / Валерий Подорога. – М., 2006. – Т. 1 : Н. Гоголь, Ф. Достоевский. – 688 с.

M. A. Vasilieva,

Alexander Solzhenitsyn Center for studies of the Russian emigrees, Moscow

PROBLEM OF THE PERSON IN PYOTR BITSILLI'S RESEARCH ON GOGOL

Petr Bitsilli is one of the most famous philologists of the Russian abroad. Article is devoted to his ethic and anthropological views. The scientist's works devoted to N. Gogol's creativity made the big contribution in studying of a problem of the person. Motives of look-alike, thingness, emptiness, mechanical repetition, decomposition of the person on components were investigated by Bitsilli at the level of the detailed analysis of Gogol's texts («the microscopic analysis») and at the same time at the level of philosophical reception. The original method considerably enriched modern philosophical anthropology and literary criticism.

Keywords: philology of the Russian abroad, literature on Gogol, philosophical anthropology, «the microscopic analysis» of the text.

References

1. Bitsilli P.M. *Tragediya russkoy kul'tury: Issledovaniya, stat'i, retsenzii* [Tragedy of the Russian culture: Researches, articles, reviews]. Moscow, 2000, 606 p.
2. Rozanov V.V. *Sobr. soch. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo...* [Collected works. Legend of the Grand Inquisitor of F.M. Dostoyevsky...]. Moscow, 1996, 702 p.
3. Rozanov V.V. *O sebe i zhizni svoey* [About itself and the life]. Moscow, 1990, 876 p.
4. Bitsilli P.M. *Izbrannyye trudy po filologii* [Selected works on philology]. Moscow, 1996, 710 p.
5. Bitsilli P.M. *Ocherki teorii istoricheskoy nauki* [Outline of the theory of historical science]. Prague, 1925, 339 p.
6. Shklovskiy V.B. *Tetiva: O neshodstve skhodnogo* [Bow-string: About a dissimilarity of the similar]. Moscow, 1970, 376 p.
7. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977, 576 p.
8. P.N. Medvedev [M.M. Bakhtin]. *Formal'nyy metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku* [The Formal Method in Literary Criticism. A critical introduction to sociological poetics]. Moscow, 2003, 640 p.
9. Pumpyanskiy L.V. *Klassicheskaya traditsiya: Sbranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: Collected papers on stories of the Russian literature]. Moscow, 2000, 864 p.

10. Podoroga V.A. *Mimesis. Materialy po analiticheskoj antropologii literatury* [Mimesis. Materials on analytical anthropology of literature]. Moscow, 2006, 688 p.

© М. А. Васильева, 2015

Автор статьи – **Мария Анатольевна Васильева**, кандидат филологических наук, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва, e-mail: marijavasil@mail.ru

Рецензенты:

С. А. Кибальник, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, член Международного общества Ф. М. Достоевского, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Е. Н. Проскурина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН.

УДК 82:801; 398:801

М. А. Галиева,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ФОЛЬКЛОРИЗМ ПРОЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА. ПОВЕСТЬ «ТАМАНЬ»

Статья посвящена изучению функционирования фольклорной традиции в поэтике М. Ю. Лермонтова. Объектом исследования является повесть «Тамань» из романа «Герой нашего времени». Проводятся параллели с русской загадкой: песня девушки и диалог с Печоринным вписаны в ритуальный контекст, генетически возводимый к паремиологическому материалу. Рассматривается функция загадок, небылиц в тюркском и русском фольклоре. Диалог, состоявшийся между Печоринным и девушкой, по своей архитектонике напоминает загадку. Сопоставление этого фрагмента с древнерусской повестью о Петре и Февронии Муромских типологически важно: «тёмная речь» Февронии также генетически возводима к загадкам, нацеленным на спасение жизни героя.

Большое внимание уделяется метафизическому плану повести. Фольклорная традиция проявилась главным образом латентно: в споре, словесной борьбе Печорина и контрабандистки и в песне «про лодочку».

Ключевые слова: фольклор, литература, поэтика, Лермонтов, поэтика загадки, сказка.

Вопрос о лермонтовском фольклоризме начал волновать исследователей еще в 20–40-е гг. XX в. Доказательством этому служат статьи П. Владимирова [3], Н. Мендельсона [9], П. Давидовского [6], С. Советова [14]. В этих статьях уделено внимание главным образом отношению самого поэта к народной поэзии; производится анализ всевозможных источников фольклоризма творчества. Однако здесь важны в теоретическом аспекте два момента: во-первых, изучается фольклоризм лирики, поэм, прозе почти не уделено внимание; во-вторых, анализируются главным образом *вторичные формы* фольклоризма. Конечно, вопрос о фольклоризме прозы Лермонтова – вопрос сложный, особый, так как фольклорное начало его лирики и поэм не вызывает сомнения (во многих статьях происходит лишь расширение круга возможных фольклорных источников) и, вероятно, этот материал более продуктивен для исследователя. Но в фольклористике и в теории литературы давно поставлен вопрос о *внутренних формах* фольклоризма в поэтике, о латентном существовании фольклорной традиции [5, с. 35–36]. В таком теоретическом ключе проанализировал роман «Герой нашего времени» В. А. Смирнов. В его монографии «Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века)» представлен тщательный анализ романа Лермонтова в свете мифопоэтических констант и архетипических построений. В своей отдельной статье, посвященной фольклорному началу в романе, Смирнов обращается к «мотиву небесного ограждения» в повести «Бэла», связывая песнь девушки с приоткрытием Печорину *ритуального пространства*; песня воспринимается через семиотику сада, звездного неба [13, с. 7–11]. В свете архетипических построений этот роман анализируется и в учебном пособии Я. В. Погребной [11].

Исследователь указывает на важность архетипов «ребёнка» (дитяти), «тени», которые должен преодолеть Печорин. Итак, проблема фольклоризма прозы Лермонтова волновала исследователей, но не достаточно изучена на сегодняшний день. В своей статье постараемся наметить возможные пути решения данной проблемы на материале повести «Тамань», которая уже привлекала учёных в аспекте фольклорной традиции и архетипического смысла.

В. А. Смирнов, анализируя фрагмент повести «Бэла», песню девушки «про тополя», приходит к выводу об изначальной *ритуальной заданности* сюжета: «на символическом языке лирической песни сад – это сама девушка, обладательница “звёздного”, “небесного сада”» [13, с. 11]. Бэла не предназначена Печорину. Однако не только в песне Бэлы приоткрывается внутренняя тайная природа натуры Печорина, но и в песне девушки-контрабандистки (повесть «Тамань»). Выявляя мифопоэтический и фольклорный элемент в этой части, исследователи приходят к выводу о наличии обрядового инициатического комплекса, ритуала посвящения в художественной действительности. В этом отношении точна Я. В. Погребная, отмечающая и «пограничное» положение хаты, в которой остановился Печорин, и «странные» состояния героев (слепой мальчик, глухая старуха). Однако учёный в этом видит возможность преодоления в Печорине «теневого» начала, «дитяти» – путём постижения социальной стороны жизни, когда он выступает «странствующим офицером с подорожной по казённой надобности» [11, с. 45]. Отчасти соглашаясь с таким комментарием, позволим себе некоторые дополнения.

Если Печорин и преодолевает в себе эти теньевые неразумные начала, «анима», то только на некоторое время. Да и только ли в приобретении нового «лица», социальной сути состоит его инициация? Стоит обратить внимание на то, что *инициатический путь* Печорина начинается ещё до прибытия в Тамань: «Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться» [8, с. 250]. «Три дня и три ночи» – фольклорная формула, отсылающая нас к былинам, к сказкам, где герой, нацеленный на достижение чего-либо *заветного*, путешествует три дня или просит на что-либо отсрочки три дня (например, в былине «Илья Муромец и Калин-царь»; в драме «Царь Максимилиан» царь Максимилиан просит отсрочки у смерти на три дня). Попадая в древнюю *лачужку*, Печорин требует встречи с хозяином, но находит лишь слепого мальчика, который, отметим, ещё и «сирота, убогой».

Во-первых, важно то, что мальчик слепой. Учитывая ритуальный орнамент, складывающийся из *странного ночного* путешествия Печорина, расположения хаты «на обрыве», «лунного пейзажа», можем предположить, что и слепота мальчика, и глухота старухи вовсе не случайны. Эти детали указывают на поэтику «иног царства», в котором действуют иные законы: оптика героев меняется (покойника на «том свете» часто изображают незрячим [10, с. 16]), герой же, попадающий на «тот свет», оказывается в лиминальном состоянии, то есть «на пороге». Во-вторых, мальчик сам определяет свой статус: «“Ты хозяйский сын?” – спросил я его наконец. – “Ни”. – “Кто же ты?” – “Сирота, убогой”» [8, с. 251]. Слепой – пограничное существо, между миром «живых» и миром «мёртвых», он как бы ничей (сирота). На этом «странности» хаты не заканчиваются. Неслучайно Печорину говорят, что здесь «нечисто», да и сам он подмечает это: «На стене ни одного образа – дурной знак!» [8, с. 251]. Однако самыми «странными» и ритуально значимыми вещами выступают даже не хата, не слезка в лунную туманную ночь за контрабандистами и их разоблачение, а песня девушки-«ундины» и катание в «лодочке» с ней.

В песне, которую поёт девушка, заключается частично ответ Печорину (на его размышления об увиденном ночью):

«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везёт моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в тёмную ночь
Буйная головушка» [8, с. 255].

И в этой самой лодочке герою потом и предстоит испытать предсмертное состояние. Песня должна была его предупредить, насторожить, но Печорину захотелось узнать больше (как и в случае с Бэлой). Эта повесть интересна не только песенным фрагментом, но и *диалогом-состяжением*, который происходит между героями: «“Скажи-ка мне, красавица, – спросил я: – что ты делала сегодня на кровле?” – “А смотрела, откуда ветер дует”. – “Зачем тебе?” – “Откуда ветер, оттуда и счастье”. –

“Что же, разве ты песню зазывала счастье?” – “Где поётся, там и счастливится”. – “А как неравно напоёшь себе горе?” – “Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко”. – “Кто ж тебя выучил эту песню?” – “Никто не выучил; вздумается – запою: кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймёт”. – “А как тебя зовут, моя певунья?” – “Кто крестил, тот знает”. – “А кто крестил?” – “Почему я знаю?” – “Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал”» [8, с. 256]. Этот диалог состоит из двух частей: вопросов Печорина и *ответов-загадок* девушки. На свои посредственные вопросы герой получает зашифрованные ответы, где ключевым является момент сакрального посвящения/непосвящения Печорина в тайну «честного круга контрабандистов: “кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймёт”» [8, с. 256].

Внутренний сюжет повести напоминает по своим ритуальным элементам волшебную сказку: Печорин, путешествуя три дня и три ночи, попадает в древнюю хатку «на обрыве» (в лунную ночь), в которой его встречает слепой мальчик; герой сталкивается с чудесной девушкой, которую сам именует ундиной, и вступает с ней в диалог, во многом непонятный ему. В этом случае уместно поставить вопрос о функции загадки или «загадочных понятий» в повести. Стоит отметить, что «сказка, воспользовавшись для своих целей загадкой, приняла её в разных видах, т. е. в форме вопроса, описания и необъяснимого выражения, понятного лишь самому составителю» [7, с. 81]. В данном случае перед нами не столько загадка в чистом виде, сколько обмен иносказательной речью, игра слов.

Обращаясь к параллелям из кабардино-черкесского фольклора, актуальным для повести «Бэ-ла», отметим, что в тюркском эпосе загадка и небылица выполняют особую функцию, являясь «средством борьбы основного героя со своими социальными противниками» [17, с. 134]. Возможно, что и здесь поэт не уходит от этих традиций – по крайней мере, Печорин и банда контрабандистов находятся в социальной борьбе, но при этом она носит ритуальный характер. Девушка задаёт герою особую загадку, которая также должна была бы предупредить его, но он уверен в своем знании («а вот я кое-что про тебя узнал» [8, с. 256]). Однако это знание носит *профанный* характер. Контрабандистка всё же его обхитрила – словесное единоборство в этом случае лишь предвещало «катание в лодочке». «Выигрывает тот, кто может придумать для партнёра неразрешимую загадку» [2, с. 89].

Учёные выделяют в структуре сказки особый тип загадки, которую условно можно назвать «шееспасительной», то есть освобождающей своим решением человека от смерти. И именно в этой повести словесное состязание, возникшее между Печориным и девушкой, предопределило дальнейший ход событий: «“Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег”. И тут я очень важно пересказал ей всё, что видел, думая смутить её – нимало! она захохотала во всё горло: “Много видели, да мало знаете, а что знаете, так держите под замочком”. – “А если б я, например, вздумал донести коменданту?” – и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться» [8, с. 256–257]. Она предупредила Печорина о том, что ему лучше молчать, но он не внял совету. В этом случае можно говорить об *агоне*, выраженном в словесной борьбе, в «загадочных формулах», являющихся в повести сюжетобразующими. Здесь показателен (в типологическом плане) фрагмент из древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских».¹

Князь Пётр, решив проверить «на мудрость» Февронию, даёт ей сложные задания. Феврония же, в свою очередь, загадывает князю сложные загадки. Феврония испытывает князя просьбой сотворить ей в короткий срок ткацкий станок: «*Девицу же захотел проверить, так ли она мудра*, как слышал он от юноши своего. С одним из слуг своих послал он пучок льну и сказал: «Эта девица хочет быть моей женой благодаря своей мудрости. Если она мудра, то пусть из этого льну сделает мне рубашку, штаны и полотенце за то время, которое я буду находиться в бане». Слуга принес ей пучок льну, подал ей и сказал княжеские слова. Она же сказала слуге: “Влезь на печку нашу и сними с шестка поленце, и принеси его сюда”. Она же, отмерив его пядью, сказала: “Отруби здесь это поленце”. Слуга отрубил. Она сказала ему: “Возьми этот обрубок от полена, и пойдя дай его князю своему, и скажи ему от меня: в то время, в какое я этот пучок льну расчешу, пусть князь твой сделает из этой щепки ткацкий станок и все устройство, на котором я смогу соткать полотно”» [12, с. 339]. В этом «темном слог» кроется разгадка логики вселенной, «загаданные концепты представляют собой алфавит модели мира, весь состав макрокосма и микрокосма» [16, с. 160–161]. Загадка по своему существу изначально связана с мифом, а значит, перед нами *инвертированная реальность*, кажущееся несоответствие мира сакрального и бытового, однако только путём постижения «другого

языка», распознавания, преодоления препятствий Пётр может полностью иницироваться. В этом кроется «тёмный язык» Февронии, её загадки, адресованные князю, разгадывание которых влияло на *ритуальный ход* событий. «Шееспасительная» загадка, её разрешение является стержнеобразующей для сказки [15, с. 323].

Итак, Печорин, не поняв песни и реплик девушки-контрабандистки, решается на встречу с ней и *катание в лодке*: «Тяжёлые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. “Взойдём в лодку”, – сказала моя спутница: я колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю, но отступить было не время. <...> Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... “Чего ты хочешь?” – закричал я, крепко сжав её маленькие руки; пальцы её хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку» [8, с. 258]. В русском фольклоре лодка является символом погребальной обрядности [1]. На переходный момент указывает и борьба Печорина со своей «спутницей»: пусть эта борьба закончилась ничем, никто не погиб, но для героя это ритуально значимый акт. Именно этим воспоминанием Печорин начинает свою дневниковую запись: «Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голоду, да ещё вдобавок меня хотели утопить» [8, с. 249].

В сюжетной основе «Тамани» лежит иносказание, выраженное в песне и словесном агоне, которые надлежало расшифровать Печорину. С одной стороны, он человек «светских» знаний, выступивший как социальное лицо (офицер, прибывший по «казенной надобности»), не понял семиотики поведения «честных контрабандистов» в ритуальном значении, не понял тех знаков, которые ему подавала девушка; с другой стороны, и в этой части романа герой показан как человек метафизического начала. Во-первых, Печорин сразу подмечает, что в хате «нечисто», образа нет. Во-вторых, ему мерещится слепой мальчик, оптика героя сменяется, он пребывает в пограничном состоянии: «<...> но я не мог заснуть: передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами» [8, с. 251]. В-третьих, подобная ситуация возникает и днём, только в связи с девушкой: «*Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часу, может быть и более. . .* Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, эта была песня, и женский свежий голосок, – но откуда? . . . Прислушиваюсь... напев странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь – никого нет кругом; прислушиваюсь снова – *звуки как будто падают с неба*» [8, с. 254]. Печорин, придаваясь воспоминаниям, выпадает из линейного времени, профанного пространства: воспоминание носит характер *припоминания* (миметического действия), которое важно в сакральном смысле для героя.

Разрешение вопроса о фольклоризме прозы М. Ю. Лермонтова возможно лишь при обращении к латентным формам фольклорной традиции: русской, кабардино-черкесской. В повести «Тамань» выстраивается ритуальный орнамент, генетически восходящий к поэтике волшебной сказки с её эйдологией «иноного царства», к паремиологическим формулам, связанным с «космическим состязанием», *агоном* между героями. Привлечение материала древнерусской литературы усиливает высветивание фольклорного начала в произведении Лермонтова, так как загадка в своей «состязательной» функции была актуальна и для фольклора (сказки), и для «Повести о Петре и Февронии Муромских», и, как показал анализ, для поэтики М. Ю. Лермонтова. Исходя из такого теоретического посыла о внутренних формах фольклоризма и проделанного фольклористического комментария, вопрос о «теневой» природе личности Печорина не может решаться однозначно и требует новой филологической дискуссии.

Примечание

¹ Развёрнутый фольклористический комментарий см. в моей статье: М. А. Галиева Вопросы поэтики: фольклорная традиция в древнерусской литературе // Филология и человек. – 2015. – № 1. – С. 148–153.

Библиографический список

1. Анучин, Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Московского Археологического общества. – М. : Типография и Словолитня О.О. Гербець, 1890. Т. 14. – С. 81 – 226.
2. Ведерникова, Н. М. Русская народная сказка / Н.М. Ведерникова. – М. : Наука, 1975. – С. 142.
3. Владимиров, П. Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии Лермонтова // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1892. – С. 5–28.

4. Галиева, М. А. Вопросы поэтики: фольклорная традиция в древнерусской литературе // Филология и человек. – 2015. – № 1. – С. 148–153.
5. Горелов, А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. – Т. XIX. – Л. : Наука, 1979. – С. 31–48.
6. Давидовский, П. Генезис «Песни о купце Калашникове» // Филологические записки. 1913. IV–V. – С. 585–586.
7. Елеонская, Е. Н. Роль загадок в сказке / Е. Н. Елеонская // Сказка, заговор и колдовство в России. – М.: Индрик, 1994. – С. 79 – 89.
8. Лермонтов, М. Ю. Тамань // М. Ю. Лермонтов Собр. соч. : в 6 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 6. – С. 249 – 260.
9. Мендельсон, Н. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок Лермонтову. – М., 1914. – С. 165–195.
10. Никитина, А. В. Свечи в обрядах смерти // А. В. Никитина Свеча в обрядах перехода. – СПб. : Филологический факультет. – СПбГУ, 2008. – С. 7–36.
11. Погребная, Я. В. Аспекты современной мифопоэтики : учебное пособие. Практикум / Я. В. Погребная. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. – С. 178.
12. Повесть о Петре и Февронии // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). – М. : Сов. Россия, 1982.
13. Смирнов, В. А. Мотивы «небесного ограждения» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Содержание и технологии литературного образования в средней школе: проблемы анализа художественного текста. – Иваново: ИВГУ, 2004. – С. 6 – 15.
14. Советов, С. Народные черты в языке и стиле «Песни про купца Калашникова» // Русский язык в школе. – 1940. – № 5. – С. 56–63.
15. Титова, Н. Г. Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе // Вопросы современной науки и практики. – 2012. – № 1 (37). – С. 319–324.
16. Топорова, Т. В. Русские параллели древнеисландских загадок // Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 160–190.
17. Хут, Ш. Х. Сказочный эпос адыгов / Ш. Х. Хут. – Майкоп : Адыгейское отделение Краснодарского кн. изд-ва, 1981. – С. 190.

*M. A. Galieva,
Lomonosov Moscow University*

FOLKLORISM IN PROSE BY M. U. LERMONTOV: OF THE QUESTION. NOVEL «TAMAN»

The paper studies the functioning of the folk tradition in the poetics of M. U. Lermontov. The object of the study is prose, the tale «Taman» from the novel «Hero of Our Time». Drawing parallels with the Russian enigma: the song of the girl and the dialogue with Pechorin written in a ritual context, genetically erected to paremiological material. We consider the function of riddles, tales in Turkish and Russian folklore. The dialogue that took place between Pechorin and a woman, in its architectonic resembles a puzzle. A comparison of this fragment of old Russian Tale of Peter and Fevronia of Murom typologically important: «dark speech» by Fevronia genetically constructed to riddles aimed at saving the life of a hero.

Much attention is paid to the metaphysical plane story. Folk tradition manifested mainly latent: in the dispute, verbal fight Pechorin and smuggler, and in the song «about the boat».

Keywords: folklore, literature, poetics, Lermontov, poetics puzzle tale

References

1. Anuchin D.N. Sani, boat and horses as accessories funeral rites. *Drevnosti. Trudy Moskov-skogo Arheologicheskogo obshhestva*. Moscow, Tipografija i Slovolitnja O.O. Gerbek, 1890. T. 14. pp. 81–226.
2. Vedernikova N. M. *Russkaja narodnaja skazka* [Russian folk tale]. Moscow, Nauka, 1975, 142 p.
3. Vladimirov P. Historical and folk themes in the poetry of everyday Lermontov. *Chtenija v Istoricheskom obshhestve Nestora Letopisca*. Kiev, 1892. pp. 5–28.
4. Galieva M.A. Questions of poetics: folk tradition in ancient literature. *Filologija i chelovek*. 2015. vol. 1. pp. 148 – 153.
5. Gorelov A.A. By the interpretation of the concept of "folklorism literature". *Russkij fol'klor*. T. XIX. Leningrad, Nauka, 1979. pp. 31–48.
6. Davidovskij P. Genesis "Song of the Merchant Kalashnikov". *Filologicheskie zapiski*. 1913. IV–V. pp. 585–586.
7. Eleonskaja E.N. *Rol' zagadok v skazke* [Fairy tale, conspiracy and witchcraft in Russia]. Moscow, Indrik, 1994, pp. 79–89.
8. Lermontov M.Ju. *Taman'* [Coll. cit. : 6 m.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 6. pp. 249–260.

9. Mendel'son N. Folk motifs in the poetry of Lermontov. *Venok Lermontovu*. Moscow, 1914. pp. 165–195.
10. Nikitina A.V. *Svechi v obrjadah smerti* [Candle in the rites of transition]. Sankt-Peterburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. pp. 7–36.
11. Pogrebnaia Ja.V. *Aspekty sovremennoj mifopojetiki. Uchebnoe posobie. Praktikum* [Aspects of modern mythopoetics. Tutorial. Workshop]. Stavropol': Izd-vo SGU, 2010, 178 p.
12. *Povest' o Petre i Fevronii* [Old Russian tradition (XI–XVI cc.)]. Moscow, Sov. Rossiia, 1982.
13. Smirnov V.A. The motives of the "heavenly guards" in the novel MU Lermontov "Hero of Our Time". *Soderzhanie i tehnologii literaturnogo obrazovaniia v srednej shkole: problemy analiza hudozhestvennogo teksta*. Ivanovo: IvGU, 2004. pp. 6–15.
14. Sovetov S. Traits in the language and style of "Song of the Merchant Kalashnikov". *Russkij jazyk v shkole*. 1940. vol. 5. pp. 56–63.
15. Titova N.G. The dominant feature puzzles in Russian and English "fabulous" discourse. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki*. 2012. vol. 1 (37). pp. 319–324.
16. Toporova T.V. *Russkie paralleli drevneislandskih zagadok* [About Old Norse cosmological mysteries as the phenomenon of language and culture]. Moscow, IMLI RAN, 2002. pp. 160–190.
17. Hut Sh.H. *Skazochnyj jepos adygov* [The fabulous epic Circassians]. Majkop: Adygejskoe otdelenie Krasnodarskogo kn. izd-va, 1981, 190 p.

© М. А. Галиева, 2015

Автор статьи – **Марианна Андреевна Галиева**, аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Рецензенты:

В. А. Смирнов, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет.

И. Б. Ничипоров, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

УДК 811.161.1'367.7

О. А. Димитриева,
Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛА *ОПРОКИНУТЬ*

В статье рассматриваются грамматические и сочетаемостные особенности глагола *опрокинуть* в значении «выпивать спиртное». Уделяется внимание как наиболее частотным формам употребления, так и лексическому окружению данного глагола.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальный менталитет, концептуализация действия, лингвокультурология.

Данная статья продолжает исследование автора о стереотипных представлениях о русском застолье, в частности, о культуре употребления спиртного, выраженного в глаголах с вышеобозначенным значением, например, глаголы со значением манеры питья (подробнее см. [1]). В любой культуре есть нечто типичное, характерное, и это постигается с помощью фрейма, который является «способом организации представлений, хранимых в памяти» [2]. Фрейм национально и культурно обусловлен. Т. Б. Радбиль вслед за И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелевым [3] отмечает, что русский фрейм «застолье», помимо обильной выпивки, включает закуску и душевное общение [4]. Манера питья в русском языке представлена действиями, обозначаемыми многочисленными глаголами: *выпить, вздрогнуть, вмазать, опрокинуть, накатить* и др. Для каждого из них характерен свой сценарий, своя последовательность действий: например, для глаголов *накатить, вмазать* характерно приглашение к совместному осуществлению действия (глагол употребляется в форме повелительного наклонения совместного действия или в 1 л. мн. ч. настоящего-будущего времени): *Давай накатим (вмажем)*; для глагола *вздрогнуть* (с междометием *ну* в форме прошедшего времени мн. ч.) непосредственно перед самым выпиванием:

Ну, вздрогнули! Эти глаголы используются в канонической речевой ситуации. Глагол *приложиться* (*прикладываться*) чаще используется в нарративном режиме текста, с его помощью дается характеристика человека, взгляд со стороны (*любитель приложиться к бутылке*) или ситуации (*Старуха умолкла и, направившись к своему заветному шкафику, приложилась к рюмочке, до которой была большая охотница и ежедневно к вечеру еле держалась на ногах и ворочала языком* (Н. Э. Гейнце. Коронованный рыцарь). При этом при глаголах *накатить*, *вздрогнуть*, *вмазать* объект питания зачастую не эксплицирован, а для действия, выраженного глаголом *приложиться*, часто указывается ёмкость (*бутылка, фляга, рюмка* и т. п.) и её содержимое (*вино, водка* и т. д.). В данной статье подробно рассматривается глагол *опрокинуть*, его грамматические характеристики и сочетаемостные особенности. Анализ проводился на примерах, взятых из Национального корпуса русского языка (основной корпус), начиная со второй половины XX – XXI вв. [5].

В Малом академическом словаре глагол *опрокинуть* имеет следующее основное значение: «1. Свалить, повалить набор или перевернуть (кверху дном). *Татьяна опрокинула пустую чашку на блюдечко.* Тургенев, *Новь* [...] || *без доп. Прост.* Выпить. *Чинovníк наливал чай и, указывая Порфирычу на чашку, прибавлял: – Ну-ко... опрокинь!* Гл. Успенский, *Нравы Растеряевой улицы*» [6]. Здесь в качестве оттенка значения с пометой «без дополнения» выделяется «выпить». В Большом словаре русских поговорок даётся фразеологизированное выражение «опрокидывать / опрокинуть стаканчик. *Прост.* Выпивать спиртное» [7]. В высказываниях с глаголом *опрокинуть* часто эксплицируется объект действия, т. н. «застольный сосудец» [8] в винительном объекта: 1) *рюмка* (около 55 примеров из 217) и её дериваты *рюмочка, рюмашка, рюмашечка, рюмаха*; 2) *стакан* (24 примера), *стаканчик* (7 примеров); 3) *стопка* (18 примеров), *стопочка*; 4) далее по убыванию *кружка, кружечка; чарка, чарочка; бокал, фужер*:

(1) *Я опрокинул ещё одну рюмку. Марфуша внимательно проследила взглядом за моей рукой, вздохнула и медленно проговорила...* (Вера Белоусова. Второй выстрел); *Я цивилизованный человек, жену не запираю, могу сам иногда с ними посидеть, рюмочку опрокинуть* («Нет, я ещё не всё сказал(а), о тишине и не мечтай...») // «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.20); – *Василий, – Сима помнит, как за столом воскресным она шары свои лупила, отцу с приятностью мешая рюмашку водки опрокинуть, – нельзя сдавать рубежей, кто-то должен продолжать линию, идти по стопам* (Сергей Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева);

(2) *Славик послушно опрокинул в себя стакан, спросил...* (Борис Екимов. Высшая мера); *Пока все орут да по команде вскакивают, я всегда успею стаканчик опрокинуть!* (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри);

(3) *Женщины пили валерьянку. Корытин добрую стопку водки опрокинул* (Борис Екимов. Пиночет); *Вот беда... Может, пропустим, а? – А давайте, – говорю я. И потом, опрокинув стопочку и прокашлявшись, он говорит...* (Булат Окуджава. Новенький как с иголки);

(4) *А уж когда вторую-то кружечку опрокинул – и совсем затуманился* (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей).

В некоторых примерах указывается количество – *по малой, маленькую, малость; граммов по сто, по столешнику; по четверть литра*: – *Ох, видно, крепко вы, чертяки-водяные, перебрали вчера, – проворчал урядник. – Что ж, думаете, дел у меня больше нет, как ваши хмельные фантазии проверять?! – Загалдели разом рыбаки. Опрокинули, дескать, по самой малой. А пришелец был наяву! Никаких пьяных видений!* (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн).

Что касается наименования употребляемых алкогольных напитков, то в высказываниях с глаголом *опрокинуть* появляются следующие названия (расположим их по частотности): *водка, коньяк (коньячок), вино, виски, спирт* и т. д. Кстати говоря, данному глаголу практически не свойственна сочетаемость с диминутивами названий напитков (в отличие от глагола *попивать* – подробнее см. [9]).

Как отмечает В. С. Храковский, в универсальной функционально-семантической категории множественности «различаются неопределённая множественность и определённая множественность (иначе счёт)» [10, с. 12], причём выделяются: 1) точный счёт; 2) неточный счёт; 3) приблизительный. В высказываниях с рассматриваемым глаголом часто указывается на счёт количества ситуаций или порядок следования: 1) самое частотное количественное числительное – два, три: *Он опрокинул две рюмки подряд и отошёл* (Сергей Юрский. Любимец публики); *Евгений заметил, что друг успел опрокинуть уже три рюмки водки* (Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии); 2) глагол сочетается с порядковыми числительными, обозначающими очерёдность: *Хлебни вина – и ложись спать. В семь*

утра поедешь. Из нас троих я один имел водительские права, и назавтра предполагался дальний перегон машины. **Опрокинув по третьей**, они научили меня: – Ты пьяный. Поймают – отберут права. Поэтому через город не езжай (Андрей Рубанов. Носки); Гость **опрокинул вторую кружку**, вытер пену с жёстких усов, дохнул мне в лицо пивным духом (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно всё); 3) неточный счёт передаётся с помощью таких слов, как *очередной, который уже, последний, другой*: Кирилл согласно кивнул и **опрокинул в себя очередную** рюмку вишнёвки (Марианна Баконина. Девять граммов пластита); В десять часов вечера г-н Хабибуллин **опрокинул последнюю** рюмку, побелел лицом и упал с дивана (Происшествия // «Столица», 1997.03.04); Сосед замолчал, обвёл застолье надменным взглядом и **опрокинул который уже** стаканчик (Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998); Изредка ему ещё приходилось **опрокинуть чарку-другую** на именинах Зевса или на юбилее Меркурия (Аркадий Инин. Поправка к мифу).

В окружении данного глагола среди адвербиальных выражений, как правило, образа действия, можно выделить следующие: 1) указывающие на скорость осуществления действия – *быстро, поспешно, торопливо*: Карина Назаровна, перехватив инициативу, чокнулась с Галиной Сергеевной и писателем, **быстро опрокинула** в рот рюмку и потянулась к блюду с маринованными огурчиками (Андрей Белозеров. Чайка); 2) подчёркивающие манеру – «в один приём» – *залпом, разом, сразу, махом, вмах, целиком, единым глотком, одним движением* и др.: – Добрый день, – сказал он официанту на родном языке слугителя непристойного места и взял два фужера с красным. Один протянул Люне, с сильным звоном чокнулся и **опрокинул залпом** (Сергей Юрский. Рождество на чужбине); Он схватил стакан и **разом опрокинул** мятный ликёр в громадную пасть, затем, даже не сделав глотательного движения, откусил кусок стакана и, звонко проскрежетав зубами, проглотил (Митьки. Папуас из Гондураса); 3) указывающие на частотность, небольшой интервал – *подряд, одну за другой, раз за разом* и др.: Я налил себе две стопки и, не угощая никого, **опрокинул их раз за разом** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей).

Глагол *опрокинуть* часто (в 36 % случаев) сопровождается существительным или возвратным местоимением *себя* в винительном месте с предлогом *в*: *в себя* (37 примеров), *в рот* (36), *в пасть* (2), *в горло* (1), *в глотку* (1), *в пищеводы* (1). Человек представляется как вместилище, сосуд, т. е. одновременно является и субъектом действия и объектом:

1) *Залпом опрокинув в себя* стакан водки, он завернулся в шубу и, укладываясь на кошме, сказал жене... (Чингиз Айтматов. Белый пароход); – Он и правда плеснул в стакан немножко и, не оттащив руку, сразу **опрокинул в себя**, будто торопился запить какую-нибудь гадость (Валентин Распутин. Последний срок);

2) – Говорить мало, – заметил дядя Володя и налил ещё рюмочку перцовки. – Как же воспитывать-то? – Дядя Володя **опрокинул рюмочку в большой рот**. – Ху-у... (Василий Шукшин. Вянет, пропадает); Содовой водой он пренебрег, а виски одним махом **опрокинул в рот** и спросил ещё порцию (В. П. Катаев. Сорренто);

3) Отец Андрей взглянул на него, **опрокинул стопку в горло** и затряс головой. – Ч-ч-чёрт! – прошипел он. – И крепка же окаянная! Градусов на семьдесят, пожалуй! – Он перевёл дыхание и встал (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); – Дай бог, не последняя, – так же, не интонируя, произнес Пакин и **опрокинул рюмку в глотку** (Петр Галицкий. Цена Шагала); Гости, утолив первый аппетит и жажду, забросав в себя массу ломтей мяса и рыбы, **опрокинув в горячие от солёностей пищеводы** потоки вина и водки, складывались в отдельные кружки и группы (Александр Проханов. Господин Гексоген).

В высказываниях с глаголом *опрокинуть* часто сообщается о последовательности действий, поведении человека, т. е. подробно описывается фрейм «выпить рюмку»: это, как правило, налить (иногда сам субъект действия) – поднести рюмку – сказать тост (не во всех случаях) или чокнуться рюмкой с кем-то – издать горловой звук (часто *крякнуть*) / выдохнуть / утереться – закусить (или не закусывать) или покурить. Естественно, что не все этапы могут быть обозначены явно, рассмотрим примеры: Не обращая на нас внимания, он **налил в жестяную кружку водки, опрокинул в себя, крякнул, не закусывая**, и только после этого обернулся (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний); Николай Сергеевич **чокнулся с Борисовым, опрокинул рюмку, крякнул и сказал, понюхав** кусочек чебурека... (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь); Проследили глазами, как Илья без напряжения **опрокинул в себя, не глотая, капли стёр с подбородка и корочкой занюхал** (Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая); Ромуальд Борисович с чувством **опрокинул в рот граммов сто водки, крякнул**: – И водка почище была (Марианна Баконина. Школа двойников); Витя задумался,

вспоминая... Перестал закусывать. Но, когда Борис долил ему водки, **встрепенулся**, сказал: «**За ваш дом, ребята!**» и, **опрокинув** стопку, **потянулся к салатнице** с квашеной капустой (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы). Помимо спонтанных, ситуативных тостов (За здоровье! За учёбу! и т. п.), традиционной является фраза «**Чтоб не последняя!**»: Но мужик, он всегда хозяин. Сарай запирает. Рыбачит. «**Чтоб не последняя**», – **опрокинул** стопку. Сквозь всю жизнь держит свой стиль, как атлант своды серого неба. Попробуй стиль мужицкий выдержать! Дальнобойщики (Сергей Шаргунов. Ура!). Как видно из примеров, в высказываниях выделяются три основных возможных действия после «опрокидывания стаканчика»: 1) не закусить; 2) занюхать (например, рукавом) или понюхать (чаще всего, хлеб, хлебное изделие) / покурить; 3) закусить. Что касается последнего, то излюбленной традиционной закуской являются солёности (солёный огурец, грибы, квашеная капуста), бутерброд, ломтик лимона и т. д.: – Хозяйюшка, – сказал он, – а что, если мы с отцом Андреем вот здесь у вас по столешнику и **опрокинем**, а? – Я уж сказала, хорошим людям всегда рада, – опять-таки очень серьёзно ответила Волчиха, – я сейчас **солёных огурчиков из кадки** принесу (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Алексей **опрокинул** в рот рюмку, стал с сопением жевать **солёный огурец** (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы); Обтершись махровым полотенцем, переодевшись в сухое, мы сели за стол. Дед смачно подцепил вилкой **малосольный гриб**, **опрокинул** рюмочку водки (Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик).

При толковании совершенного вида (СВ) Е. В. Падучева обращает внимание на два семантических типа глаголов СВ: 1) прототипический глагол СВ «обозначает ситуацию, у которой есть либо внутренний предел, либо субъект, наделённый целью» [11, с. 86]; 2) моментальный, при котором «вся ситуация сводится к “моментальному” переходу в новое состояние» [11, с. 87]. Глагол *опрокинуть* можно отнести к моментальным, что непосредственно связано с выбором типа аспектуальной ситуации. Так, рассматриваемый глагол чаще всего используется в ситуации конкретного единичного действия (около 90 %) (конкретно-фактический тип употребления). Не исключается также ситуация повторяющегося действия (наглядно-примерный тип употребления СВ): – Раз и **вдрызг!** – произносил он, как **заклинанье**, прежде нежели **опрокинуть** этот глоток себе в пасть. Это «раз и вдрызг» неоднократно слышал я от него по разным поводам, а то и без повода вовсе (Семен Лунгин. Виденное наяву).

Частотность употребления грамматических форм рассматриваемого глагола можно представить в следующей таблице.

Частотность форм слова *опрокинуть*

Формы глагола		Количество	% соотношения от общего числа примеров	
Изъяснительное наклонение	настоящее-будущее время	1 л. мн. ч.	5	2
		2 л. ед. ч.	1	0,4
	прошедшее время	мужской род	123	57
		женский род	20	9
множественное число		22	10	
Повелительное наклонение	единственное число	1	0,4	
Условное наклонение	мужской род	1	0,4	
Инфинитив		24	11	
Деепричастие		20	9	

Из таблицы можно увидеть гендерные особенности употребления (глагол в прошедшем времени в мужском роде), что связано с тем, что: 1) выпивка традиционно считается мужским видом времяпрепровождения; 2) собственно способ, образ выпивания часто характеризуется как мужской самими авторами текстов: Женщины пили валерьянку. Корытин добрую стопку водки **опрокинул** (Борис Екимов. Пиночет); Храня молчание, как положено, мы **опрокинули** свои рюмки, дамы **пригубили** из бокалов (Борис Хазанов. Далёкое зрелище лесов); Я видел, как она **по-мужски опрокинула** эту рюмку (Василий Аксенов. Апельсины из Марокко).

Если для глаголов *вмазать*, *накатить* частотной формой является императив совместного действия или глагол в настоящем-будущем времени (1 л. мн. ч.), а также использование в «канонической речевой ситуации» [11], то для глагола *опрокинуть* – это нарратив, описание ситуации даётся с точки зрения повествователя.

Таким образом, в высказываниях с глаголом *опрокинуть* с точки зрения окружения важным становятся следующие моменты: 1) посуда при осуществлении действия, выраженного данным глаголом; 2) указание на множественность ситуации; 3) субъект одновременно является и объектом действия, что подтверждается сочетаниями с существительными в винительном месте с предлогом *в*; 4) вхождение действия во фрейм «выпить»; 5) мужской способ выпивания, что легко замечается по частотности употребления форм; 6) употребление в нарративе.

Библиографический список

1. Димитриева, О. А. Глаголы со значением «употреблять спиртное»: семантико-стилистическая характеристика / О. А. Димитриева // Научный диалог. – 2015. – № 6 (42). – С. 21–37.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина [и др.]. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
3. Левонтина, И. Б. Лексика начала и конца трапезы в русском языке / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002. – С. 573–583.
4. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 328 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 2. – 4-е изд. стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
9. Димитриева, О. А. Взаимодействие словообразовательной модели и контекста (на примере глаголов со словообразовательным формантом по-...-ыва-) / О. А. Димитриева // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы междунар. науч. семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск). – Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. – С. 106–110.
10. Храковский, В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация / В. С. Храковский // Типология итеративных конструкций; отв. ред. В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.
11. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

O. A. Dimitrieva,

Chuvash State Pedagogical University named after I. Yakovlev, Cheboksary

SEMANTICAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN VERB ОПРОКИНУТЬ (OPROKINUT')

Russian people have a great variety of different verbs that mean 'to drink alcohol'. These verbs describe various aspects of drinking process: time of the day, types of glasses, the words that person usually says when having a drink, common food that is usually served, activity of the person, his or her actions, steps or stages of becoming drunk. For definite occasions the Russian native speaker easily or naturally chooses from the variety of verbs 'to drink alcohol'. This article is devoted to one of such verbs which means 'manner of drinking' – *опрокинуть* (*oprokinut'*). This verb in Russian has a metaphorical meaning (the main meaning means 'spontaneous movement accompanied with overturning of the object'). In the first part of the article it is written about lexical units that are widely spread in the context with this verb. In the second part of it the most common grammatical forms are shown.

Keywords: language picture of the world, conceptualisation of the action, national mentality, cultural linguistic.

References

1. Dimitrieva O.A. Verbs with Meaning 'to Drink Alcohol': Semantical and Stylistic Characteristics [*Glagoly so znacheniem 'upotrebljat' spirtnoe': semantiko-stilisticheskaja kharakteristika*]. *Nauchnyj dialog*, 2015. vol. № 6 (42), pp. 21–37.
2. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Ju.G., Luzina, L.G. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Shorter Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1997, 245 p.
3. Levontina I.B., Shmelev A.D. Vocabulary of the beginning and the end of the meal in Russian [*Leksika nachala i kontsa trapezy v russkom jazyke*]. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moscow, 2002, pp. 573–583.
4. Radbil' T.B. *Osnovy izuchenija jazykovogo mentaliteta* [The Basics of Learning the Language Mentality], Moscow, 2013, 328 p.
5. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [National Corpus of the Russian Language] Available at: <http://www.ruscorpora.ru/>.
6. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4v. Vol. 2, Moskva, 1999, 736 p.
7. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Great Dictionary of the Russian Proverbs], Moscow, 2007, 784 p.
8. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaja versiya* [Explanatory Dictionary of Russian Language. Contemporary version] Moscow, 2000, 736 p.
9. Dimitrieva O.A. The Interaction of Derivational Model and Context [*Vzaimodejstvie slovoobrazovatel'noj modeli i konteksta (na primere glagolov so slovoobrazovatel'nym formantom po-...-yva-)*]. *Voprosy russkoj istoricheskoj grammatiki i slavjanovedenija : k 175-letiju so dnya rozhdenija Vatroslava Jagicha : materialy mezhdunar. nauch. seminara*, Petrozavodsk, 2013, pp.106–110.
10. Khrakovskij V.S. Semantic Types to Multiple Situations and their Natural Classification [*Semanticheskie tipy mnozhestva situacii i ikh estestvennaya klassifikacija*]. In: *Tipologiya iterativnykh konstrukcij*. Leningrad, 1989, pp. 5–53.
11. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Research. The Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language. The Semantics of Narrative]. Moscow, 1996, 464 p.

© О. А. Димитриева, 2015

Автор статьи – **Ольга Альберговна Димитриева**, аспирантка, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, e-mail: olgaal_79@mail.ru

Рецензенты:

Л. Н. Оркина, доктор филологических наук, профессор, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

С. Л. Михеева, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

УДК 821.161.1

И. В. Карташова,

Тверской государственный университет

ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ И ЕГО ОСНОВАХ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ РОМАНТИКОВ И Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются отличительные особенности романтического энтузиазма, которые сравниваются с представлениями, существующими в философии, этике и эстетике предшествующих эпох. Особое внимание уделяется мировоззренческой основе энтузиазма Н. В. Гоголя как универсальному чувству, также в статье отражены эволюционные аспекты гоголевского энтузиазма.

Ключевые слова: энтузиазм, экстаз, вдохновение, йенский романтизм, Н. В. Гоголь, истина, творческая энергия.

Одной из отличительных особенностей романтического мироощущения и мировосприятия был *энтузиазм*. Известный ещё античности [1], феномен энтузиазма в романтизме как бы заново рождается, приобретает принципиально важные коннотации. Непосредственно выражая главнейшую ценностную интенцию романтиков – «апофеоз духа», – энтузиазм во многом определил их представления о личности, её идеальном мире. Энтузиастические умонастроения были характерны для всего романтического движения, но прежде всего, как справедливо полагает В. И. Грешных, «знаком

энтузиазма» отмечен ранний (йенский) период немецкого романтизма (см.: Грешных В. И. Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков. – Калининград, 2001). Именно в это время энтузиазм сделался сознательной установкой романтиков.

По сравнению с теми представлениями об энтузиазме, которые существовали в философии, этике и эстетике предшествующих эпох, в романтизме он предстаёт в более многогранных и широких, по сути дела, универсальных значениях и понимается как целостное явление. Для непосредственных предшественников романтиков – деятелей века Просвещения – было характерно дифференцированное отношение к энтузиазму: разграничение «религиозного, фанатического неистовства и возвышенного восторга духа» (см.: Михайлов А. В. Вст. ст. и комментарии // Шефтсбери. Эстетические опыты. – М., 1975. – С. 489). Отсюда, при всём несомненном интересе к энтузиазму, он воспринимался как позитивно, так и достаточно скептически. И хотя Шефтсбери вслед за Локком придал энтузиазму высокое философско-эстетическое значение, увидел в нём способ познания мира и жизненную позицию личности, предваряя таким образом романтиков, всё же некая двойственность по отношению к нему у английского философа остаётся. Утверждая, что энтузиазм – «вещь могущественная», заслуживающая «тонкого суждения», и усматривая в нём «многообразные виды»: наряду с «варварским буйством» и «предерзостным фанатизмом» – «благородный энтузиазм» героев, поэтов, философов, – Шефтсбери отделяет его от «божественного вдохновения». Внешне они очень схожи, но «вдохновение есть действительное ощущение Божественного присутствия, а энтузиазм – ложное», поскольку он может быть внушён не «разумностью и здравым смыслом», а «предвзятостью и предубеждениями» [2]. Противопоставление разумной духовной деятельности человека и аффектированного энтузиазма, в котором субъективность, «деятельность самого сознания» ошибочно принимаются «за нечто, приходящее извне, от Бога», характерно для работ Канта (см.: Ямпольский М. Физиология символического. – Книга 1. – М., 2014. – С. 418–419). Как справедливо подчёркивает В. А. Мильчина, «трансцендентность и исключительность возвращаются энтузиазму лишь в начале XIX в.» [3], в романтическую эпоху.

В работах, посвящённых романтизму, речь об энтузиазме и героях-энтузиастах заходила неоднократно. Но, думается, сущность этого феномена, его природа, интенции, истоки до сих пор остаются не вполне ясными. О романтическом энтузиазме обычно говорят или как об эстетическом явлении («боготворение» искусства), или как о психологическом, эмоциональном, имея в виду страстность и напряжённость духовной жизни романтической личности.

Действительно, романтизм делает установку на особую яркость и интенсивность, на «усиленную жизнь» (Шлейермахер), на горячую преданность идеалу, обострённое восприятие красоты. Однако, как представляется, это только один и, так сказать, «внешний» аспект романтического энтузиазма¹. Когда Новалис, восхищаясь свободным критическим умом и «мощным пониманием вещей» своего друга Ф. Шлегеля, одновременно называл его «главным жрецом энтузиазма» [4], он явно имел в виду не только психологические показатели, но и иной спектр значений, относящихся не к способу выражения чувств, а характеризующих жизненную позицию и саму суть переживаемого состояния. Новалис размышлял о «культуре энтузиазма», о его значимости для духовного воспитания человека, для «сосредоточенности сердца и духа» (*Gemut*)². Романтики соотносили энтузиазм с вдохновением. В связи с этим представляется важным уяснить, что воспламеняет романтическую личность и становится источником её воодушевления.

Романтический энтузиазм как эмоциональное, психологическое явление имеет философскую, мировоззренческую основу. В раннем романтизме он рождался в результате нового *взгляда* на мир и нового понимания личности. В литературной науке стало традиционным мнение об индивидуализме и эгоцентризме раннего (йенского) романтизма. В этом же ключе оказывается и романтический энтузиазм. Однако если это и индивидуализм, то особого толка. Было бы не совсем точным видеть в романтическом энтузиазме исключительно «устремлённость к центру “я” своего “я”, необыкновенную жажду выражения духа» (см.: Грешных В. И. Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков, с. 338). Вернее, апофеоз духа, устремлённость в глубины «я» соединялись у йенских романтиков с признанием сложнейших и необходимых соотношений «я» и «не я».

В представлении ранних романтиков об энтузиазме выступили те же синтезирующие принципы, которые отличают их миропонимание как таковое. Романтическое движение виделось его теоретикам как переосмысление и вместе с тем наследование и объединение различных тенденций и форм предшествующей философской, эстетической и художественной мысли (см. подробнее Карташова И. В. Об эстетических схождениях в эпоху романтизма // Искусство поэтики – искусство поэзии.

К 70-летию И. В. Фоменко. Сборн. науч. тр., Тверь, 2007.). Романтики ценили импульсы, исходящие от чужой мысли, но побуждающие к новым открытиям, «так чтобы цвет и ядро чужого духа стали пищей и семенем ... собственной фантазии» [5].

Хотя многие романтики начали свой путь с увлечения философией Фихте, фихтеанство (вопреки распространённым мнениям) не было главной философской основой раннего романтизма. Субъективность фихтеанства довольно быстро стала представляться романтикам определённой ограниченностью. По мысли Ф. Шлегеля, Фихте хотел «почерпнуть единственно из самого себя всё содержание мышления, презирая природу»³. Новалис, теснее других романтиков связанный с философией Фихте, тем не менее, также достаточно критично воспринимал его субъективизм: «Не излишне ли произвольно Фихте заключал всё в “Я”. По какому праву?.. Должно существовать “не-Я”, чтобы “Я” могло полагать себя как “Я”» [6].

Философия йенского романтизма *объединяла* главные идеи Фихте и натурфилософию Шеллинга. Романтики сохраняли фихтеанское положение о «вселенской значимости» и творческой активности «Я» как высшем проявлении жизненности, о преобразующей мир деятельности субъекта. Вместе с тем этого субъекта они включали в систему природы, подчиняли его воздействию надличностных сил, Божественных начал бытия. Ранним романтикам пусть на какой-то краткий период действительно удавалось соединять противоположные тенденции и утвердить диалектическое соотношение объективного и субъективного, общего и индивидуального, «Я» и «Не-я».

Преображающая природу деятельность личности могла состояться только при условии вовлечённости этой личности в жизнь природы, в жизнь целого, при условии «внутреннего», органического постижения его законов. Таким образом, индивидуальность, осознававшая себя в категориях романтической личности, переставала быть и «господином вселенной», и «песчинкой мироздания», она становилась ипостасью Творения и вместе с тем высшим его выражением; она слышала в себе присутствие Божественного начала, она верила в возможность своего бесконечного совершенствования – и это вызывало прилив огромного воодушевления и радостной гордости.

Сущность романтического энтузиазма хорошо видится в сочинениях Шлейермахера, особенно в «Речах о религии» и «Монологам». Пронизывающее эти произведения страстное воодушевление, «пламенем» которого автор стремился зажечь своих читателей, проистекает из философского представления о бесконечности и единстве мира, об общих законах, объединяющих «всё величайшее и всё мельчайшее». Шлейермахер видит своеобразие, неповторимость каждого явления, каждой индивидуальности. Вместе с тем, как писал переводчик и замечательный знаток творчества Шлейермахера С. Л. Франк, для автора «Речей» «индивидуальность, личное своеобразие каждого человека, есть та точка в нём, через которую он глубже всего связан с истинным и бесконечным и точнее всего отражает его». «Постижение метафизического смысла индивидуальности» Франк считал «великим открытием» Шлейермахера [7]. К этому можно добавить, что подобное «великое открытие» делали одновременно со Шлейермахером и другие йенские романтики.

Романтизм, рождавшийся в период грандиозных потрясений (исторических, социальных, духовных), устремлялся не к разрушению (как порой ещё считается), а к *созиданию*, строительству нового «Царства Духа», жаждал охватить «всё» и выразить противоречивое единство мира, осмыслить каждое явление в его отдельности, неповторимости и вместе с тем всеобщности, а жизнь – в её вечном движении, изменчивости, в связях прошлого, настоящего и будущего. Романтики улавливали единые токи, пронизывающие вселенную и человека. Являясь высшей, лучшей частицей вечно становящегося мира, человек проникнут его творческим духом. Он призван быть активным, «пособником Бога». Принадлежа миру, он «помогает» его созидать (Шлейермахер). И у Новалиса в «Цветочной пыльце»: «на нас возложена миссия – мы призваны сотворить землю» [8]. Подобное мировосприятие и становится источником романтического энтузиазма. С другой стороны, состояние творческого горения, экстаза было для романтиков идеальным условием воплощения своего видения величия мироздания и человека.

Энтузиастические переживания романтиков наиболее часто вызывались созерцанием природы⁴. Их многозначность, их «восхождение» от очарованности красотой конкретных явлений к трансцендентным, онтологическим и религиозным высотам тонко переданы в одном из писем Ф. О. Рунге. «Когда на небе надо мною кишат бессчётные звезды, и во всех необъятных пространствах шумит ветер, и волны обрушиваются на берег, и над лесом начинает розоветь эфир, и солнце освещает мир; когда пар поднимается с лугов и я бросаюсь в траву, искрящуюся капельками росы, и на каждом листочке и на каждом стебельке кипит жизнь и всё сливается в один дружный аккорд, – тогда душа моя

громко ликует и носится в безмерном пространстве, окружающем меня <... > я чувствую и слышу живое дыхание Бога, держащего мир в руке своей <...> Это чувство взаимосвязи всей вселенной с нами, этот восторг и ликование духа... эта любовь, которая держит нас в своих объятиях и несёт через жизнь <...> – всё это переполняет нас и побуждает сообщать себя другим, мы запечатляем высшие точки своего существа» [9].

Романтическая личность испытывает страстное влечение к тому, что вне её. Ей открывается во всём своём величии царящий в мире закон всеобщего родства и любви, гармония всего сущего. Эти представления, особенно характерные для йенского романтизма, сохраняются у многих более поздних романтиков. Из фрагмента П. Б. Шелли «О любви»: «В трепете весенних листьев, в синем воздухе мы находим ... тайные созвучия своему сердцу. В безязыком ветре есть красноречие, в шуме ручья и окаймляющих его тростников есть мелодия; и непостижимая связь их с чем-то внутри нас рождает в душе восторг, от которого захватывает дыхание; вызывает на глаза слёзы непонятной нежности, такой же, какую будит патриотическая гордость или голос любимой, поющей для тебя одного» [10].

Рассматривая исторически различные представления о личности, С. Л. Франк находил возможным выделить «романтический гуманизм», отличный от ренессансного и просветительского. «В романтизме и идеализме складывается новое понятие о человеке, по которому сущность человека лежит не в его “разуме”, а в том, что он есть средоточие и вершина космических сил». По мнению Франка, романтический идеал «прекрасной души», «благородной человечности» складывается как итог «духовного самосовершенствования человека, сознательного развития в нём дремлющих божественно-космических сил» [11]. Франк указывает на оптимизм ранних романтиков, который «является основой понимания существа человека». Действительно, у ранних романтиков энтузиазм проистекал из светлого, жизнерадостного мировосприятия. В. М. Жирмунский был глубоко прав, считая, что романтизм начинался «пламенным принятием жизни» [12]. Да и в позднем романтизме, пережившем глубокие разочарования и гибель надежд, энтузиазм как способность верить в идеал и служить ему продолжает оставаться драгоценным даром, высшим проявлением духовной активности, показателем «живой души». Энтузиазм поддерживал романтиков в их противостоянии враждебным обстоятельствам. Примечательно утверждение Гофмана, что «энтузиазм ... никогда не даёт погаснуть мечте» [13].

Универсальность и гуманистический смысл романтического энтузиазма, впервые проявившегося в творчестве немецких писателей, хорошо поняла и выразила г-жа де Сталь в своей книге «О Германии»: «Многие питают предубеждение к энтузиазму; они смешивают его с фанатизмом, а это большая ошибка. Фанатизм – это всё исключаящая страсть, предмет которой одно какое-нибудь убеждение; энтузиазм тождественен мировой гармонии; это любовь к прекрасному, душевный подъём, радость самопожертвования, соединённая в одном и том же переживании, в котором есть величие и покой. <...> Когда жизнь человека сливается с жизнью мира, в ней есть что-то божественное» [14].

Де Сталь проницательно указала на синтетическую природу энтузиазма – слияние в «одном переживании» различных эстетических и нравственных начал, что и обуславливает его тождественность «мировой гармонии». Вместе с тем энтузиазм романтической личности, конечно же, выражает повышенное чувство собственного «Я». Великую радость ей доставляет осознание самой своей способности переживать экстатическое состояние от прикосновения к божественной сути бытия. Характерно, что Л. Тик видел в энтузиазме «прекрасную исповедь» души. «Когда... во всей природе мы ощущаем созидающих духов и отовсюду, с гор и из долин, звучит нам родственная жизнь, дружественные силы, и мы ощущаем себя в созвучии с миром зримым и незримым, тогда... мы хотим воздвигнуть памятник возвышенному ощущению самих себя» (содержащий процитированные слова этюд «Несколько слов о справедливости, умеренности и терпимости», по собственному признанию Тика, принадлежит ему) [15]. Это могло привести (и порой приводило) к ощущению своей избранности, к некоей гордыне и пренебрежительному отношению к людям, лишённым «возвышенных ощущений», – тот же Тик в данном этюде раздражается упреками в адрес тех, чьи души погружены в прозаические заботы и не могут быть «вместилищем светлого пламени энтузиазма» [15].

Но главное в энтузиастических настроениях ранних романтиков – это не эгоцентризм и самолюбование, а устремлённость к «великой цели всех целей – возвышению человека над самим собой» [4, с. 148], достижение которого возможно именно через взаимопроникновение внешнего и внутреннего, конкретного и трансцендентного, земного и сверхчувственного. Известный фрагмент Новалиса из «Цветочной пыльцы»: «Мы грезим о странствиях во вселенной: но разве не заключена вселенная внутри нас? Глубины своего духа нам не ведомы. – Внутри ведёт таинственный путь. Внутри нас – иного не дано – вечность с её мирами, прошлое и будущее». Этот фрагмент Новалиса, взятый

изолированно от других, может быть понят и часто понимается как выражение субъективно-идеалистических взглядов автора. Заметим, однако, что романтические фрагменты при своей контрастности и даже противоречивости представляют собой целостную систему, они взаимосвязаны, и связь эта диалектична. По мысли Ф. Шлегеля, отсутствие противоречий, обычно признаваемое за «добродетель учёной системы», в действительности может свидетельствовать об «односторонности» или «отсутствии собственного свободного ... взгляда <...> Если нельзя отрицать того, что для некоторых предметов существуют различные точки зрения, то следует допустить для честного исследователя возможность сознательно рассматривать такие предметы с противоположных точек зрения» [5, с. 241–243].

И действительно, несколько ниже Новалис утверждает: «Обитель души там, где соприкасаются внутренний и внешний миры. Когда пребывает в каждой точке их взаимопроникновения». И далее: «Расхожая истина о том, будто человеку не дано пребывать вне себя, сознательно преступать границы чувственного восприятия, не выдерживает никакой критики. Человек в любую минуту способен стать сверхчувственным существом. В противном случае он не сделался бы гражданином мира, а остался бы животным».

Сосредоточенное созерцание своего «Я» Новалис считает только «первым шагом» на пути «подлинного воспарения духа... Кто этим ограничится, свершил лишь полдела. Вторым шагом будет продуктивный взгляд наружу, активное наблюдение за окружающим миром». И, наконец, обобщающий тезис: «То, что мы называем уходом в себя, по сути является выходом наружу, восстановлением изначальной целостности». Таким образом, энтузиазм («подлинное воспарение духа») оказывается в одном ряду с романтическим универсализмом.

В своей статье о Георге Форстере Ф. Шлегель рассматривает личность немецкого писателя, критика и революционера как энтузиастическую. При этом «горячее воодушевление» Форстера непосредственно соотносится с «универсальной восприимчивостью» и «всеобъемлемостью его духа», с устремлённостью «вперёд», в будущее, с идеей совершенствования и достоинства человека.

В представлениях романтиков энтузиазм получает высокое ценностное значение. В нём активизируются лучшие стороны человеческой личности – благородство, бескорыстие, жертвенность. Этот этический аспект особенно представлен у немецких, а также французских романтиков: у Г-жи де Сталь (см. выше), у Б. Констана. Энтузиазм поистине поднимает человека над самим собой и становится способом проникновения в великие тайны бытия. «В моменты высшего восторга в чувстве благоговения, или подлинного экстаза... границы времени... кажутся как бы прорванными или упразднёнными», человек приобщается к Запредельному, «озаряется лучом света этого высшего мира»⁵.

В энтузиазме предстают интуитивные, пророческие возможности личности, способность предчувствовать и возвещать будущий прекрасный мир, в который так горячо верили ранние романтики. Но также и приближать его. По словам Шлейермахера, романтическая личность – это «пророческий гражданин грядущего мира, влекомый к нему живой фантазией и сильной верой и принадлежащий к нему каждым своим действием и каждой мыслью» [16, с. 388]. Таким образом энтузиастическое состояние для романтиков (как уже говорилось) предполагает повышенную активность и концентрацию *всех* духовных сил человека, в том числе воли и разума. Однако разум здесь теряет ту определённую, которую он имел в представлениях просветителей. По мнению Ф. Шлегеля, разум играет большую роль в энтузиастическом устремлении к идеалу, поскольку он сам творит этот идеал. Разум сам по себе имеет синтетическую природу, он перестаёт быть противоположностью чувству. «Источник идеала – это горячая жажда вечности, стремление к Богу, следовательно, самое благородное в нашей природе. <...> Вдохновение – мать идеала, а понятие – его отец... <...> Ибо что такое разум, как не способность к идеалам?» [17].

С другой стороны, и «чувственно-эмоциональное освоение жизни» (А. В. Михайлов), так ярко проявившееся в романтическом энтузиазме, также имеет сложную, множественную природу. По словам С. Л. Франка, Шлейермахер под чувством «разумеем не обособленную отдельную область душевной жизни, а глубочайший корень всего сознания вообще; из этого корня позднее выделяются познавательная и практическая сферы» [7]. В чувстве даётся недифференцированное восприятие жизни, возникает «момент ... первоначального единства» человека и мира, «священное сочетание вселенной с воплотившимся разумом» [16, с. 88].

Очень широкое представление о соотношении эмоционального и рационального в духовном мире энтузиастической личности было у Новалиса. Один из его фрагментов гласит: «Экстаз – внутренний световой феномен = интеллектуальному созерцанию» [18, с. 147]. Поэтому романтики распространяли энтузиастическое состояние не только на эстетическую, художественную деятельность,

но и на научную. По словам Шеллинга, «действенным началом всякого творящего и созидającego искусства и науки является энтузиазм, порыв духа в подлинном смысле» [19].

Для романтиков энтузиастическое видение давало возможность истинного *познания* жизни. И Ф. Шеллинг, и Ф. Шлегель говорили об энтузиазме как о «принципе искусства и науки», а Новалис считал, что «истинный математик есть энтузиаст *per se*. Без энтузиазма нет математики» [20, с. 153]. В данном случае энтузиазм выражает специфику романтического мышления, горячую приверженность личности предмету своего изучения, «воспламенённость» им, страстное желание дойти до его глубин и вместе с тем наслаждение самим процессом исследования, движением своей мысли, «абсолютное упоение мудростью» (Новалис).

Являясь высшим подъёмом духа, энтузиазм внешне выражался во взволнованном, патетическом строе речи, однако при этом романтики опасались чрезмерной эмоциональности. Энтузиастическое состояние нередко признавалось ими как «жар души», просвечивающий во внешне сдержанном выражении чувств. Энтузиазм не должен был превращаться в неистовство. Он своеобразно соотносился с романтическим Невыразимым. Так, по мысли Новалиса, «дружба, любовь и благоговение должны бы проявлять себя тайно. <...> Есть много такого, что слишком нежно, чтобы тронуть это мыслью, и уж тем более, чтобы о том говорить» [20, с. 307]. Весьма критично относился к аффектированной чувствительности и Вакенродер [15, с. 146–147]. Его собственный энтузиазм выражался в «благоговении», в «тихом священном трепете».

Менее умеренными были Тик и Шлейермахер. Обращаясь к своим читателям и имея в виду интенсивность духовной деятельности, автор «Речей о религии» восклицал: «Не желай быть умеренным!» А. Л. Тик отстаивал право энтузиастической личности на поэтическое «безумие». «Кого трогает возвышенное, кому открываются чудеса прекрасного, вся душа того проникается энтузиазмом, и ему невозможно ограничиться холодными, отмеренными похвалами <...> И тогда наш язык изливается в восторженной речи» [15, с. 146–147].

В своих наиболее экстатических проявлениях энтузиазм в самом деле мог своеобразно соотноситься с феноменом «высокого безумия», который очень интересовал романтиков, особенно поздних. С романтической точки зрения энтузиазм и высокое безумие роднило то, что и там, и здесь происходило внезапное озарение и «восстание» души⁶, кроме того, романтический безумец, так же как энтузиаст, оказывался способен постичь скрытые и на первый взгляд невозможные связи между явлениями и таким образом достигнуть какого-то высокого синтеза. Не случайно подобное безумие Байрон в стихотворении «Сон» ставил в связь с «безумием мудрецов», которые наводят на жизнь «телескоп истины». Сходство между состоянием безумца, энтузиазмом поэта и гения-изобретателя устанавливал В. Ф. Одоевский, ибо «для всякого открытия нужно пожертвовать тысячами понятий общепринятых и кажущихся справедливыми: от того не было почти ни одной новой мысли, которая бы в минуту своего появления не казалась бреднями <...> То, что мы часто называем безумием, экстатическим состоянием, бредом, не есть ли иногда высшая степень умственного человеческого инстинкта?» [20, с. 25–26].

От выпренности и аффектации энтузиастические романтические порывы спасала их глубочайшая искренность. Они поистине изливались из потрясённой души. Та чрезвычайно высокая нота, которую романтики брали в своём благородном энтузиазме, увы, стала маловнятной и даже вызывающей иронию в последующие времена, особенно в наш жёсткий механический век. Уместно привести пространное размышление Кристины Вольф об экзальтации немецких романтиков: «После скажут – взвинченность. Повышенная чувствительность. Но ведь можно было бы сказав и “перенапряжение”, если согласиться считать предвосхищение, предчувствие – напряжением... наш привычный инструментарий не в состоянии этого охватить. Литературные, исторические, политические, идеологические, экономические понятия не способны до конца это выразить <...> Итак, иное видение, иные слова... Какие высокие они берут ноты, какой благодатно-дерзновенный позволяют себе язык, какой упрямый, требовательный дух» [21, с. 336–337]. А. Б. Ботникова справедливо видит в «торжественном жесте» и патетике «опознавательные знаки» романтической эпохи. «Высота стиля соответствовала высоте мысли и силе чувства. <...> Многие романтики своей жизнью, а порой смертью, подтверждали патетику своего поведения, своих речей, своих писем» [22, с. 34].

В энтузиазме, свойственном самым разным писателям, выразились те схождения и соответствия, которые отличают романтизм как эстетическую и духовную культуру и придают ей удивительное единство. В этом контексте закономерно возникает имя Н. В. Гоголя, личность и творчество которого, несомненно, отмечены печатью романтического энтузиазма и отмечены, пожалуй, в более высокой степени, чем творчество многих его романтических современников в России. Обращение к

этому вопросу открывает такие стороны личности и творчества Гоголя, которые достаточно редко привлекают внимание современных исследователей.

Формирование Гоголя как человека, как мыслителя, как творческой личности происходило в романтическую эпоху и было очень многим ей обязано. Среди воспринятых Гоголем философско-эстетических, психологических и художественных интенций романизма был и энтузиазм⁷. Он был непосредственно пережит писателем в юношеские годы и оставил глубокий след во всём его творчестве.

Будучи одним из показателей романтической эпохи, энтузиазм, конечно, присутствовал и в духовной жизни русского общества первой трети XIX века. Однако среди близких Гоголю людей можно было встретить достаточно осторожное отношение к энтузиазму. Так, В. А. Жуковский, который во время своего участия в Дружеском литературном обществе был погружён в стихию этического энтузиазма, царившего в этом кружке, позже начинает принимать энтузиазм с некоторыми «поправками» явно просветительского толка. Размышляя о ценности духовного общения, разделяя романтический культ дружбы, Жуковский ещё близок к просветительской традиции в своих определениях соотношений чувства и разума и настаивает на руководящей роли последнего. Жуковскому импонируют «чувства спокойные, утверждённые умом». Своему другу Александру Тургеневу он пишет, что не хочет отказаться от энтузиазма, но хочет «его усилить, укоренить... ошибиться ему несколько крылья, сделать его спокойнее, постояннее». «Хочу, чтобы он меня освещал, а не ослеплял. <...> Видишь ли, что я хочу быть энтузиастом по рассудку. C'est une rareté!» [23, с. 456–457].

Энтузиастические переживания Гоголя были иными. Они могли доходить до высочайшего, «разрывающего душу» экстаза, до «испепеляющего пламени». В своём энтузиастическом настрое Гоголь типологически близок ко многим европейским, особенно немецким романтикам. Подобно Шлейермахеру, Л. Тику или Гофману, Гоголь зачастую «не желал быть умеренным».

Повышенная интенсивность, избыточность духовной жизни была свойственна Гоголю с ранних лет. Энтузиастическая тональность в особенности отличала его ценностные ориентации. Ещё в Нежинском лицее «уединяясь совершенно» от «существователей», от «ничтожного самодоволия», ощущая себя странником, «иноземцем», забредшим на чужбину, «искать того, что находится в одной только родине», он страстно мечтает об этой духовной родине и надеется обрести её в Петербурге, среди друзей, способных понять «тайны сердца» и «жадные откровения». Восторженные фрагменты гоголевских писем Г. И. Высоцкому, а также матери и некоторым родным являются ярчайшим выражением энтузиастического мироощущения и стиля. Они, несомненно, находятся в русле романтических эпистолярных (например, переписка Вакенродера и Л. Тика, братьев Шлегелей, письма Гофмана к его другу Теодору фон Гиппелю и т. д.). «Твоё письмо, – пишет Гоголь Высоцкому, – блеснуло для меня звездой радости. – Из стороны чуждой льдистого севера, но где так же, как в здесь, воображение греет нас... мне казалось, я услышал родные звуки сердца, меня понимающего. Это было письмо твоё»⁸. Как и все романтики, юный Гоголь восторженно переживает чувство дружбы и родственной любви. Он признаётся, что встречи с близкими и родными жаждет с «ужасным энтузиазмом» (X, с. 120). Взрывы страстного воодушевления будут характерны для Гоголя и в более поздние годы (например, известная запись накануне нового 1834 года).

Об органическом родстве Гоголя с романтизмом свидетельствует формирующая уже в раннюю пору мировоззренческая основа его энтузиазма – универсальное чувство максимализма идеалов, «гордое самосознание», уверенность в причастности человеческого «Я» созидательным силам мироздания и возможности личности в процессе творящейся жизни. Особенно сильное выражение у Гоголя получил эстетический пафос романтического энтузиазма – представление о человеческой жизни как о деянии и подвиге, как о постоянном духовном самовозвышении. «Пламенные помыслы» будущего писателя, его «высокие предначертания» направлены на «поднятие труда важного, благородного», «на пользу мира».

По-настоящему достойным человека духовным состоянием для Гоголя является ускорение и «кипение» внутренней жизни. Энтузиазм рождает «стремительные возвышенные мысли», становится условием творчества, «вдохновенных трудов» и подвигов. Здесь снова возникают выразительные параллели с высказываниями Новалиса, Тика или Шлейермахера, при всём том, что они, по крайней мере, в 30-е годы Гоголю, скорее всего, не были известны. Гоголя страшит возможность «остановки», притупления чувств. Снижение интенсивности духовных порывов представляется ему угрозой омертвления души, и, наоборот, он поэтизирует состояние максимального напряжения духовных сил, когда «душа... живёт порывно, сокрушительно, мятежно» (VIII, с. 12).

Среди современников Гоголя создалось и быстро укрепилось мнение о нём как о человеке очень скрытном и замкнутом. Действительно, Гоголь вскоре начинает прятать свой энтузиазм от

посторонних, а часто даже от близких людей, опасаясь быть непонятым или прослыть «пустым мечтателем» (X, с. 112). Душевная открытость и доверчивость, пылкое чувство дружбы, проявившиеся в юношеских письмах Гоголя, после переезда в Петербург встречаются реже. Гоголь всё более замыкается в себе. Он гордится тем, что умеет «скрывать себя от всех» (X, с. 147) и при этом прекрасно осознаёт высокую ценность своего внутреннего мира. Чувства, «которые редко достаются в удел жителю Земли, высокие... торжественные ощущения» становятся потаённой жизнью его души, они «невидимы, незаметны для света» (из письма к Жуковскому, 1836 год. – XI, с. 48). Иногда интенсивность духовных порывов Гоголь пытается скрыть даже от самого себя, вернее, он обуздывает их «железной силой души» и «твёрдой волей». Это прежде всего относится к энтузиазму любви, который, как убедительно показал Ю. В. Манн, Гоголю был знаком, но который был им преодолен (см.: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1800–1845. – М., 2004. – С. 163–166, 254–256). Признавая, что любовь – это «первое благо в свете», Гоголь опасается её «сильного и свирепого энтузиазма», ибо знает, что отдаться любовному чувству для его страстной природы равносильно гибели («Это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение» – X, с. 252). Но сложность здесь в том, что, наряду с приобретённым рано практическим жизненным опытом, трезвой рассудительностью и «твёрдой волей», в потаённых глубинах гоголевской души продолжал жить пылкий мечтатель и энтузиаст⁹.

Как верно заметил И. И. Гарин, «насколько Гоголь был скрытен в жизни, настолько он раскрывался в творчестве. Творчество как бы компенсировало жизнь...» [24, с. 222]. Действительно, степень самовыражения в художественных произведениях Гоголя очень высока. В них прочитывается история души автора, а их эстетическая выразительность и поэтичность во многом обязаны непосредственному отражению его энтузиастического мировосприятия. Это прежде всего относится к изображению природы в ранних произведениях писателя.

В одном из писем 1832 года Гоголь признаётся: «Может быть, нет в мире другого влюблённого с таким *исступлением* в природу, как я. Я боюсь выпустить её на минуту, ловлю все движения её, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей» (X, с. 242. *Курсив авт.* – И. К.). Думается, что это не просто восхищение природными красотами. Есть все основания говорить о гоголевском романтическом чувстве природы. По справедливой мысли Л. В. Славгородской, для романтиков «пейзаж... становился... источником совершенно особого переживания: в доступных зрительному восприятию формах природы они ищут проявление её внутренней сущности» [25, с. 198].

Романтическое чувство природы, её «культ», как известно, во многом были обязаны натурфилософии Шеллинга. Шеллингианская философия природы была известна Гоголю, хотя (по крайней мере, в ранний период творчества), возможно, и не из первых рук. Но он не мог не знать работ русских последователей Шеллинга – А. И. Галича и Д. В. Веневитинова¹⁰. Он с воодушевлением прочёл «Размышления о природе» М. А. Максимовича (первое издание вышло в 1833 году) – книгу, испытавшую сильное влияние натурфилософии Шеллинга и его последователей Стеффенса и Окена. В ней развивались характерные для этой философии идеи: о единстве и многообразии всего сущего, тождестве мира неорганического и органического, о «животворящем духе природы, о поступательном восхождении («степенях») творимой и творящейся жизни, её вечном совершенствовании и высоком назначении человека, наиболее полно воплотившем божественный замысел («Наконец, жизнь восходит на высшую степень *одухотворяется*, – и в храме природы воздвигается человек. <...> Бренное тело, которое у прочих тварей составляло *цель* бытия их, в человеке есть только сосуд, где разгорается пламя *ума*, от Бога вдохновенное») (*Курс. авт.* – И. В.) [26, с. 49–50].

Максимович горячо воспринял поэтическое начало шеллингианской натурфилософии, размышления о природе в его книге выразились не в отвлечённо логической, но в близкой Гоголю эмоционально-художественной форме – не случайно современники говорили о Максимовиче как о «поэте науки».

Что касается Гоголя, то отзвуки шеллингианских концепций слышны в его исторических статьях «Мысли о географии» (см. комментарии к статьям в 3 томе полн. собр. соч. и писем Гоголя в 23 т. – М., 2009). Природа предстаёт здесь в своём единстве, созидательных, «творящих» силах. В статье «О поэзии Козлова» Гоголь в духе шеллингианской традиции видит «весь блеск, всё разнообразие постоянно светлой в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы» (3, с. 153). И этими многообразными формами «управляет одна мощная жизнь, бьющая ровным пульсом по всем жилам» («Мысли о географии», 3, с. 164).

Энтузиастический взгляд Гоголя, открывающий в природе бесконечность, творческое величие и грандиозность, формирует характерные особенности поэтики и стиля: гиперболизацию, изображение предметов и явлений в их высочайшем «пределе», яркие, почти ослепительные краски и т. д.

В гоголевских описаниях природы (произведения начала 30-х годов) и современники писателя, и позднейшие исследователи нередко усматривали неестественность, высокопарность, риторику. И хотя в последнее время о красоте гоголевских пейзажей много говорится, думается, что их изумительная поэтичность до сих пор недооценивается. Пейзажи в произведениях Гоголя проникнуты особым, именно романтическим очарованием. В них, несомненно, есть конкретные детали: в раннем творчестве это украинские пейзажи, весенние, летние, зимние; вместе с тем, они универсальны, космичны, они выражают любимую романтическую идею бесконечности и взаимосвязи, великого любовного союза, проникающего всё мироздание и сливающего небесное и земное (знаменитое описание летнего дня в Малороссии в повести «Сорочинская ярмарка»). Восторженно-умиленное ощущение одухотворённости и чудесности природы способствует созданию нежных, грациозных образов: «Девственные чаши черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник – ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их» (3, с. 117).

Исследователи часто говорят о гоголевском преображении и мифологизации реальной природы. Но здесь следует уточнить, что для Гоголя, как и для многих романтиков, художественное преобразование означало не создание никогда не бывших явлений, но *открытие* необыкновенного и прекрасного в том, что было обыкновенным, будничным в обывательских представлениях, у людей, утративших «искру энтузиазма» и, таким образом, живую душу. Лирическая экспрессия и патетика гоголевских описаний вызвана стремлением снять будничные покровы и выразить реально существующую для писателя одухотворенную красоту природы.

В романтических произведениях Гоголя природа тождественна, родственна авторскому сознанию, открыта ему «прелестью всех своих явлений». В пейзажах «Вечеров...» явно слышны отзвуки той живой беседы человека с мирозданием, с самим Творцом, идея которой воодушевляла Новалиса, Шлейермахера, Жуковского и других романтиков. Взгляд автора обращён не только на внешний мир, но и в глубины собственного духа. В состоянии экстаза романтическая душа *слышит* «дыхание» вселенной («необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он»), она сама становится беспредельной и необъятной. Внешний и внутренний космосы сливаются в великом божественном единстве и сотворчестве. В повестях «Вечеров...» звучит, если использовать формулу С. Л. Франка, «музыка души» лирического героя-рассказчика, мечтателя и энтузиаста, восторженно переживающего открывшуюся ему родственную связь бесконечного и конечного, небесного и земного: «А вверху всё дышит, всё дивно, всё торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в её глубине» (1, с. 117)

Особенностью романтического энтузиазма было его прихотливое и порой почти парадоксальное соединение («смена», «чередование») с романтической иронией, по словам Ф. Шлегеля, «сдерживающим скепсисом». Как уже говорилось, романтики опасались превращения энтузиазма в абстрактную выпренность. Ирония и должна была выполнять роль сдерживания и самоограничения для романтического автора. Сложное соотношение, контрасты и слияние энтузиазма и иронии весьма характерны для Гоголя. И здесь хотелось бы указать на образ одного гоголевского персонажа, порой всё ещё превратно воспринимаемого гоголеведами. Это один из рассказчиков «Вечеров...» – панич в гороховом кафтане. Многократные ироничные выпады против него Пасечника отнюдь не означают дискредитации и отказа от романтического взгляда на мир. Романтическая ирония в данном случае демонстрирует свою амбивалентность, прихотливые колебания между снижением и возвышением. Она призвана лишь ввести беспредельное романтическое одушевление, так ярко проявившееся в сказках панича, в некие границы. По сути дела, это самоирония автора.

Другой важный «объект» энтузиастического мировосприятия Гоголя – это, конечно, искусство. Его апофеоз в произведениях писателя, особенно 30-х годов, хорошо известен. В данной же статье хочется остановиться лишь на немногих моментах. Думается, что эстетическую концепцию Гоголя даже с большим основанием, чем Вакенродера, можно определить как энтузиастическую (энтузиастической концепцией искусства Вакенродера называет В. И. Грешных в указ. соч.). Гоголь видит в искусстве высшую форму бытия и высшее совершенство человека. И, по крайней мере, для раннего Гоголя важным условием творчества, как индивидуального, так и народного, является энтузиастическое состояние духа. Так, говоря об очаровании малороссийских песен, Гоголь подчёркивает, что они

рождаются не в «обычном состоянии», но в состоянии «раскованности духа». Песня (а также танец) включает в себе возможность вырваться из прозаического порядка и испытать состояние «торжественного разгула». Песня рождается «в вихре, в забвении, когда душа звучит и все члены, разрушая равнодушное обыкновенное положение, становятся свободнее... и дикие волны веселья уносят... от всего» (3, с. 160).

Органическая близость Гоголя к романтической эстетике проявляется и в способе рассмотрения явлений искусства. Романтики, как известно, отвергали рационалистический анализ, анатомическое вторжение в живой организм художественного произведения, считая, что это убивает его красоту, его жизнь. Они не признавали жёстких абстрактных подходов и категорий, которые, по словам В. Одоевского, «на досуге изобретает засушенный мозг теоретика» [27, с. 122]. Об искусстве они предпочитали говорить на языке самого искусства и на этом языке умели выразить и развить замечательно глубокие эстетические идеи, имеющие не только историческое, но и непреходящее значение. В этом контексте Гоголь явно пытается сделать свои эстетические штудии адекватными самому искусству, максимально усиливает их эмоциональную и художественную выразительность. Так называемые «статьи» Гоголя в жанровом отношении близки «Сердечным излияниям» Вакенродера, они становятся своеобразными этюдами-фантазиями, где большое место занимает образ романтической души и её энтузиастических переживаний.

Эстетические работы Гоголя непосредственно воплощают романтический тезис о том, что «о настоящем искусстве никогда нельзя говорить без энтузиазма» (Л. Тик). Так, в этюде о «Борисе Годунове» предстаёт не аналитическая характеристика пушкинского шедевра, а его, по словам Ю. В. Манна, «трепетно-вдохновенное, живое восприятие» [28, с. 194]. Задуманные мысли и переживания авторского «я» доверены здесь мечтателю, энтузиасту Поллиору. Его устами выражается предельно эмоциональное экстатическое состояние, охватившее самого автора при чтении «поэмы» Пушкина. «Великий! Когда развёртываю дивное творение твоё, когда вечный стих твой гремит и стремится по мне молнию огненных звуков, священный холод разливается по жилам и душа дрожит в ужасе, вызвавши Бога из своего беспредельного лона...» (3, с. 242–243).

Разделяя пафос романтической эстетики, Гоголь приходит к мысли о невозможности рационалистических подходов к прекрасным созданиям искусства. Обычные, стёршиеся слова не способны выразить «хотя одну струю безграничного океана чувств», в который погружается воспринимающая душа. Возникает мотив невыразимости красоты, а конфликт поэта и дерзающей судить его произведения «толпы» приобретает подчёркнуто романтический характер. Гоголю кажется «святотатством», когда «всенародно судят и толкуют о поэте, когда прения их воздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжищах» (3, с. 241).

По сути дела, этюд о «Борисе Годунове» представляет собой ту самую исповедь духа, в которой Л. Тик (см. выше) видел сущность романтического энтузиазма. Восприятие пушкинской «поэмы» становится *сопереживанием*, в процессе которого воспринимающая личность, полностью погружаясь в художественный мир, соприкасается с «божественной душой» автора, с его «безграничной», «бессмертной» идеей. Сопереживание неизбежно приводит к углублению в тайники собственной души (в «невидимого меня»), порождает мечты о грядущих свершениях. В страстной и трогательной исповеди-клятве, обращённой к Пушкину, «невидимое я» приоткрывается в своих глубоко личных переживаниях, в восторгах и муках, надеждах и сомнениях (см. 3, с. 243).

Энтузиастическое восприятие искусства у Гоголя, как и у европейских романтиков, связано с признанием его объединяющей и сближающей силы. Подлинный художник пробуждает в душе другого человека «ответные струны», вызывает сочувствие, симпатию к своей душе. При чтении «дивных строк» встречаются родственные души, сливаясь в одном чистом благородном порыве. «Чудо» искусства заключается в его способности преодолеть разобщённость и одиночество. «Боже!.. Какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселяя в одну душу ответ на жаркий вопрос другой! Как эти души быстро отыскивают друг друга, несмотря ни на какие разделяющие их бездны!» (3, с. 243) А в этюде «Женщина» Гоголь в духе романтического гуманизма создаёт исключительный по своей утончённости образ «духовного поцелуя», сливающего людей в искусстве.

Гоголевский энтузиазм включает в себя страстное томление по «душе родной». Возможность прочесть в другом «повторение всего себя» является для Гоголя величайшей благодатью. Отсюда пылкая мольба о «ниспослании» близкого, понимающего существа. «Всемогущий! Зачем дал ты мне неполную душу? или пополни её, или возьми к себе и остальную половину» (3, с. 243). Это томление, жажда быть услышанным, понятым будет сопровождать Гоголя на протяжении всей его жизни

и определит многие её драматические коллизии. При всей замкнутости, для Гоголя были характерны отдельные, часто неожиданные моменты самораскрытия, искренние, интимные признания, когда «пламенеющая жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душа» (X, с. 151) как бы прорывается навстречу немногим близким людям, и такие минуты были очень дороги Гоголю. М. А. Максимовичу он признавался: «...быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души – это страшно!» (X, с. 288)

Подобно многим романтикам (Ж. де Сталь, Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер), Гоголь связывал энтузиазм духа с юностью, этим, по выражению Шлейермахера, «цветком человеческого существования» [16, с. 415]. Энтузиазм юности ассоциировался с высшей степенью духовности, выражался в кипении сил, благородных порывах, готовности на великие деяния, пронзающие остром видении красоты. Юность наиболее способна воплотить идеальную для романтиков «полноту жизни». В «Ночах на вилле» Гоголь с нежностью вспоминает юношескую пору, «когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками ... когда сладко смотреть очами в очи и когда весь готов на пожертвование, часто даже вовсе ненужное» (III, с. 326). Позже, в лирических отступлениях «Мёртвых душ», Гоголь представит подлинный апофеоз юности, её идеализма, доверчивости, доброты, открытости, любопытства к жизни.

С другой стороны, Гоголь переносит энтузиастическое состояние личности на жизнь и деятельность целых народов, на движение истории. Энтузиазм как историческая категория означает для Гоголя проявление динамического, творческого, волевого начала бытия. В исторических статьях «Арабесок» Гоголь выделяет энтузиазм Средних веков, в особенности XV столетия, завершающего этот период, когда, по его мнению, действенные силы исторического процесса обнаружались наиболее отчётливо. Средние века поражают «живым действием», «внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши...» (3, с. 16)

Проблема энтузиазма возникает в сознании Гоголя и в связи с его педагогической деятельностью, с размышлениями о личности историка-педагога и историка-учёного. Гоголю открывается огромное воспитательное значение преподавания исторических дисциплин. По мнению Гоголя, оно должно формировать мировоззренческий и нравственный облик юных слушателей, открыть им творческую суть жизни и изумительную мудрость Провидения, его «чудные пути» (3, с. 17) и таким образом направить их энтузиазм на всё «прекрасное и благородное». Но для этого необходимо, чтобы «рассказ профессора дышал сам энтузиазмом <...> должен делаться по временам возвышен, должен сыпать и возбуждать высокие мысли...» (3, с. 36).

Таковы были первые лекции самого Гоголя в Петербургском университете. Они действительно «дышали энтузиазмом», отличались «пламенными порывами поэтического воодушевления» (В. И. Шенрок) и, пока Гоголь не охладил к преподавательской деятельности и не разочаровал своих слушателей, захватывали и увлекали их. По словам М. Н. Ковалевского, «никто в России до Гоголя не мог так властно воскрешать далёкое прошлое и бросать на него свет яркий и ослепительный, как молния» [29, с. 43].

Рассмотрение романтического энтузиазма в творчестве Гоголя, очевидно, имеет целый ряд аспектов. Позволю себе кратко остановиться ещё на одном. Когда о романтических энтузиастах говорят по отношению к литературным персонажам, то обычно в качестве их творцов называют Вакенродера, Тика, Гофмана. Но с полным основанием в этот ряд может быть включён и Гоголь. Романтический энтузиазм, так интимно пережитый самим писателем, позволил ему с особой художественной убедительностью раскрыть его психологию в некоторых своих героях, особенно – в Пискарёве («Невский проспект»). На наш взгляд, в трагической истории художника Пискарёва содержится одно из наиболее ярких изображений энтузиазма любовного чувства в мировой литературе.

Уже приходилось говорить, что с образом Пискарёва связаны контрастные и очень важные для последующей русской литературы мотивы [30]. Это, во-первых, мотив «маленького человека», его «слабого сердца» и, во-вторых, явно превышающие социальную характерность мотивы идеала, энтузиазма, альтруизма и сострадания. Ещё В. И. Шенрок пронизательно отметил, что в Пискарёве «Гоголь, очевидно, имел намерение выразить не просто пылкий порыв обыкновенного юноши, но исключительный идеализм высшей природы» [31, с. 89]. В основе идеальных устремлений Пискарёва оказывается романтическая абсолютизация любви, представление о ней как о силе, способной вознести человека в «сферы непрекращающейся гармонии» [4, с. 143] (о специфике романтического переживания любви см.: Махов А. Е. Любовная риторика романтиков. – М., 1991). Подобное состояние и переживает гоголевский герой, охваченный любовью к встреченной на Невском проспекте прекрасной женщине.

В духе романтической поэтики Гоголь прибегает к психологической гиперболизации и предельной экспрессивности: «...дыхание занялось в его груди, всё в нём обратилось в неопределённый трепет, все чувства его горели, и всё перед ним окинулось каким-то туманом» (3, с. 134). Постепенно доведя изображение энтузиастических эмоций героя до апогея, Гоголь внезапным резким ударом обрывает их. Состояние восторженного обожания и упоения сменяется горьким разочарованием. Значительность и трагичность переживаний Пискарёва усугубляется тем, что его энтузиазм благороден и жертвенен. «Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша ещё дышащий неопределённую духовную потребностью любви. И то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие помышления, то самое, напротив, ещё более освятило их. Это доверие, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет исполнять все повеления её» (3, с. 134). Гибель героя вызвана как его бескомпромиссностью, так и абсолютностью, универсальностью переживаемого им конфликта, ощущением разрушения мировой гармонии, идею которой так страстно исповедовали ранние романтики и в которой женщина была «венцом творения».

Энтузиастическая позиция героя в «Невском проспекте» является выражением авторского пафоса. Повесть Гоголя отличает какая-то удивительная «исповедальная» интимность в раскрытии внутреннего мира Пискарёва. В повествование незаметно вплетается монологическая форма, точки зрения автора и героя сливаются, действительность начинает видеться глазами Пискарёва. Рассказ о преследовании незнакомки превращается в изображение «изнутри» душевного состояния героя, его экстаза и смятенности чувств.

В изображении Гоголя энтузиазм Пискарёва – это энтузиазм поэтической, художественной личности, предполагающий интенсивность воображения и фантазии. Возбуждённое воображение Пискарёва реализуется в его снах. Каждое его сновидение является своего рода поэмой, где происходит восстановление идеального и прекрасного, гибнущего в реальной жизни. В конечном итоге мерой жизненных явлений в повести оказывается сознание героя, через него создаётся представление о гуманистическом содержании романтического идеала. Пискарёв становится подлинным рыцарем, служителем красоты и женственности, его мечтательность, непрактичность и наивность содержат донкихотское начало в том высоком, благородном смысле, какой ему придавали романтики. В «Невском проспекте» едва ли не впервые в русской литературе начата тема любви к женщине как сострадания, как страстного участия к её судьбе, которая впоследствии будет так важна для Достоевского. «Неужели равнодушно допустить её гибель, и при том тогда, когда только стоит поднять руку, чтобы спасти её от потопления? <...> Я должен на ней жениться». В раздумьях гоголевского героя возникает мотив «бескорыстного» и «великого» подвига спасения Красоты, «возвращения миру прекраснейшего его украшения».

Будучи близок к ранним романтикам в понимании мировоззренческих основ энтузиазма, Гоголь рисует дальнейшие, уже трагические его судьбы. Подняв на поэтическую высоту энтузиастический мир своего героя, Гоголь в «Невском проспекте» приходит к выводам о неизбежной гибели идеального и безграничном одиночестве человека в эпоху «всеобщей раздробленности». «Невский проспект», на наш взгляд, самое безотрадное произведение Гоголя. Романтический разрыв мечты и действительности достигает здесь высочайшего трагизма, который, однако, будет в дальнейшем преодолевать на пути религиозных исканий.

Говоря о гоголевском энтузиазме, следует иметь в виду его эволюцию. В позднем творчестве писателя он получает всё более глубокое мировоззренческое содержание и пророческие, провидческие функции («лирические отступления» в «Мёртвых душах»). Кроме того, в разных произведениях Гоголя энтузиазм явлен как в своём светском, так и в религиозном значении. По-видимому, романтический энтузиазм открывал путь религиозному мирозерцанию, ибо чрезвычайно значимым в нём была способность почувствовать «присутствие Создателя в создании» (В. А. Жуковский) и «отражение Божества в человеке» (Ф. Шлегель). Не случайно Новалис, Шлейермахер, Ф. Шлегель, Шатобриан связывали энтузиазм со «стихией религии» (см., анпр., вышеуказанные комментарии И. Н. Лагутиной к переводу статьи Новалиса «Христианский мир или Европа»). По мысли Шатобриана, «любовь к религии может порождать ни с чем не сравнимый энтузиазм, ибо христианин любит в Боге высшую красоту, а в небесах – своё отечество» [3, с. 153]. Должно быть, гоголевский энтузиазм испытал эволюцию в сторону осознания своей боговдохновенности – и в этом качестве он выразился в духовной прозе писателя. Но это тема другого исследования, выходящая за пределы статьи.

Примечания

¹ Правда, некоторые романтики в своих высказываниях об энтузиазме как будто бы ограничивались этим аспектом, продолжая традицию просветительских толкований. Так, по мысли раннего французского романтика Баланша, энтузиазм – это человеческое чувство, достигшее «определённой мощи и иступления» (см.: Эстетика раннего французского романтизма. – М., 1982. – С. 39). Но само чувство при этом понимается нетрадиционно, «романтически». Как справедливо отмечает А. В. Карельский, у Баланша и других ранних французских романтиков понятие чувства универсализируется, «превращаясь из психологического в онтологическое и эстетическое» (см.: История всемирной литературы. Т. 6. – М., 1989. – С. 147).

² На многочисленные смысловые оттенки этого слова, определяющие глубину и сложность самого понятия и включающие в себя как эмоциональные, так и интеллектуальные и волевые начала, указывает И. Н. Лагутина. См. её комментарии к переводу статьи Новалиса «Христианский мир или Европа» // *Argbor Mundi*, вып. 3, – М., 1994. – С. 166. Таким образом, в романтическом энтузиазме, который непосредственно соотносится с *Gemut*, тоже присутствует некий смысловой синтез.

³ Шлегель Ф. История древней и новой литературы. Ч. 2. – СПб., 1830. – С. 356. Характерно, что в этом своём труде Шлегель критически отзывается и о субъективном идеализме Беркли, скептицизме Юма. Там же, с. 231.

⁴ Как известно, природа играла огромную роль в формировании романтического миропонимания. Органическая точка зрения на неё приводила романтиков к важнейшим положениям их универсалистских концепций. См.: Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб, 1914; В. В. Ванслов Эстетика романтизма. – М., 1966; Берковский Н. Я. Романтизм Германии. – Л., 1973; Хорбат К. Романтические воззрения на природу // Европейский романтизм. – М., 1973; Карташова И. В. О своеобразии эстетического идеала ранних романтиков // Проблемы романтического метода и стиля. – Калинин, 1980; Van Tieghem P. *Le Sentiment de la Nature dans le Preromantisme Europeen*. – Paris, Nizet, 1960; *Le romanti'sme dans la literature europeen*. – Paris, 1948.

⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. – Т. 2. – С. 366.

⁶ Над этим соотношением размышляли и русские романтики. Так, в предисловии «Издателя» к поэме И. И. Козлова «Безумная» сказано, что в состоянии безумия «бездейственная, едва ли не сонная душа вдруг восстаёт» и «с иступлением раскрывает таившуюся в ней силу» (см.: Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. – Л., 1960. – С. 487).

⁷ Первый вариант данной статьи под названием «О романтическом энтузиазме в мироощущении и художественном мышлении Н. В. Гоголя» был опубликован в книге «Мир романтизма», Тверь, 2011. – Т. 16 (40). – С. 89–94. В настоящее время статья переработана и дополнена.

⁸ Г. И. Высоцкому. 19 марта 1827 г. // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. X. Издание АН СССР. – Л., 1941. С. 84. В дальнейшем ссылки на сочинение и письма Гоголя делаются в тексте с указанием тома и страницы. При этом цитирование происходит по двум изданиям: старому академическому в XIV томах и начатому в 2001 г., новому академическому собранию сочинений в 23 томах (в настоящее время неоконченному). В первом случае тома обозначены римскими цифрами, а во втором – арабскими.

⁹ Эта двойственность духовного облика Гоголя, как бы сотканного «из разных начал», и контрастные способы выражения этих начал детально раскрыты в указанной книге Ю. В. Манна.

¹⁰ Кроме того, среди близких Гоголю людей были не только обстоятельно знакомые с трудами Шеллинга (напр., В. Ф. Одоевский), но и непосредственно общавшиеся с немецким философом, слушавшие его лекции (И. В. Киреевский, С. П. Шевырёв).

Библиографический список

1. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969.
2. Шефтсбери. Письмо об энтузиазме // Шефтсбери. Эстетические опыты. – М. : Искусство, 1975. – 536 с.
3. Мильчина, В. А. Комментарии // Эстетика раннего французского романтизма. – М. : Искусство, 1982. – 479 с.
4. Шульц, Г. Новалис сам свидетельствующий о себе и своей жизни ; пер. с нем. – Челябинск : Урал LTD, 1998. – 336 с.
5. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. – В 2 т. – Т. 1 / вступ. статья, пер. с нем. Ю. Н. Попова; примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. – М. : Искусство, 1983. – 479 с, 1 л. портр. – (История эстетики в памятниках и документах).
6. Novalis. *Schijften*. Bd. 2. – Stutgardt, 1965. – S. 107.
7. Франк, С. Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. – М., 1994. – 304 с.
8. Novalis. *Dichtung und Prosa*. Reclams Universal-Bibliothek Band 394. – Leipzig, 1975. – S. 390.
9. Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. статья и комм. А. В. Михайлова. – М. : Искусство, 1987. – 736 с.
10. Шелли, Б. П. Письма. Статьи. Фрагменты. – М. : Наука, 1972. – 536 с.

11. Франк, С. Л. Достоевский и кризис гуманизма // «Путь» – орган русской религиозной мысли ; под ред. Н. А. Бердяева. – 1931. – № 27 (Париж). – С. 72. Цит. по <http://www.odinblago.ru>.
12. Жирмунский, В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1914. – 207 с.
13. Гофман, Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы ; пер. с нем Т. Ключевой. – М. : Радуга, 1987. – 464 с.
14. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриева. – М. : Изд-во Московского университета, 1980. – 630 с.
15. Вакенродер, В.-Г. Фантазии об искусстве. – М. : Искусство, 1977. – 261 с.
16. Шлеермахер, Ф. Речи о религии к образованным людям, её презирающим / Монологи. – М. : Икс-Хистори, 2015. – 480 с.
17. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. – В 2 т. – Т. 2 / вступ. статья, сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова; примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. – М. : Искусство, 1983. – 448 с, 1 л. портр. – (История эстетики в памятниках и документах).
18. Новалис. Генрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. – СПб., 1995. – 240 с.
19. Шеллинг, Ф. Философские исследования о сущности человеческой природы: Брунер, или О божественном и естественном начале вещей. – СПб. : Изд-во Д. Е. Жуковского, 1908.
20. Одоевский, В. Ф. Русские ночи. – М. : Наука, 1975. – 327 с.
21. Вольф, К. Тень мечты // Встреча: повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и натиска и романтизма ; пер. с нем. – М. : Радуга, 1983.
22. Ботникова, А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 342 с.
23. Жуковский, В. А. Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. Одиссея, художественная проза, критические статьи, письма. – М. – Л., 1960. – 779 с.
24. Гарин, И. И. Загадочный Гоголь. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 363 с.
25. Славгородская, Л. В. Гофман и романтическая концепция природы // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана: Гофман и романтическая концепция природы. – М. : Наука, 1982.
26. Максимович, М. Размышления о природе. – изд. 2-е. – Киев : тип. И. Вальнера, 1847. – 159 с.
27. Одоевский, В. Ф. Последний квартет Бетховена // Одоевский В. Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М. : Худ. литература 1981. – 370 с.
28. Манн, Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 813 с.
29. Ковалевский, М. Гоголь как историк // Н. В. Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909. – С. 36–51.
30. Карташова, И. В. Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (Тема мечтателя) // Этюды о романтизме. – Тверь, 2002. – С. 120–131.
31. Шенрок, В. Материалы для биографии Гоголя : в 2 т. – Т. 2. – М. : тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1892. – 364 с.

I. V. Kartashova, Tver State University

ENTHUSIASM AND ITS BASES IN THE VIEW OF THE EUROPEAN ROMANTICISTS AND N. V. GOGOL

The article considers distinctive features of romantic enthusiasm that are compared with the views existing in philosophy, ethics and aesthetics of the previous epochs. The author gives a special attention to the world outlook basis of enthusiasm of N.V. Gogol as to the universal feeling. Evolutionary aspects of Gogol enthusiasm are also reflected in the article.

Keywords: enthusiasm, ecstasy, inspiration, Jena romanticism, N. V. Gogol, truth, creative energy.

References

1. Losev, A. F. Istorija antichnoj jestetiki. Sofisty, Sokrat, Platon. – М., 1969.
2. Sheftsberi. Pis'mo ob jentuziazme // Sheftsberi. Jesteticheskie opyty. – М. : Iskusstvo, 1975. – 536 s.
3. Mil'china, V. A. Kommentarii // Jestetika rannego francuzskogo romantizma. – М. : Iskusstvo, 1982. – 479 s.
4. Shul'c, G. Novalis sam svidetel'stvujushhij o sebe i svoej zhizni ; per. s nem. – Cheljabinsk : Ural LTD, 1998. – 336 s.
5. Shlegel', F. Jestetika. Filosofija. Kritika. – V 2 t. – Т. 1 / vstup. stat'ja, per. s nem. Ju. N. Popova; primech. Al. V. Mihajlova i Ju. N. Popova. – М. : Iskusstvo, 1983. – 479 s, 1 l. portr. – (Istorija jestetiki v pamjatnikah i dokumentah).
6. Novalis. Schijiften. Bd. 2. – Stutgardt, 1965. – S. 107.
7. Frank, S. L. Lichnost' i mirovozzrenie Fr. Shlejermahera // Shlejermaher F. Rechi o religii Mono-logi. – М., 1994. – 304 s.

8. Novalis. Dichtung und Prosa. Reclams Universal-Bibliothek Band 394. – Leipzig, 1975. – S. 390.
9. Jestetika nemeckih romantikov / sost., per., vstup. stat'ja i komm. A. V. Mihajlova. – M. : Iskusstvo, 1987. – 736 s.
10. Shelli, B. P. Pis'ma. Stat'i. Fragmenty. – M. : Nauka, 1972. – 536 s.
11. Frank, S. L. Dostoevskij i krizis gumanizma // «Put'» – organ ruskoj religioznoj mysli ; pod red. N. A. Berdjaeva. – 1931. – № 27 (Parizh). – S. 72. Cit. po <http://www.odinblago.ru>.
12. Zhirmunskij, V. M Nemeckij romantizm i sovremennaja mistika. – SPb., 1914. – 207 s.
13. Gofman, Je. T. A. Zhizn' i tvorcestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty ; per. s nem T. Kljuevoj. – M. : Raduga, 1987. – 464 s.
14. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov / sost. A. S. Dmitrieva. – M. : Izd-vo Mo-skovskogo universiteta, 1980. – 630 s.
15. Vakenroder V.-G. Fantazii ob iskusstve. – M. : Iskusstvo, 1977. – 261 s.
16. Shleermaher, F. Rechi o religii Rechi o religii k obrazovannym ljudjam, ejo prezirajushhim/ Monologi. – M. : Iks-Histori, 2015. – 480 s.
17. Shlegel', F. Jestetika. Filosofija. Kritika. –V 2 t. – T. 2 / vstup. stat'ja, sost., per. s nem. Ju. N. Po-pova; primech. Al. V. Mihajlova i Ju. N. Popova. – M. : Iskusstvo, 1983. – 448 s, 1 l. portr. – (Istorija jestetiki v pamjatnikah i dokumentah).
18. Novalis. Genrih fon Offterdingen. Fragmenty. Ucheniki v Saise. – SPb., 1995. – 240 s.
19. Shelling, F. Filosofskie issledovaniya o sushhnosti chelovecheskoj prirody: Bruner, ili O bozhest-vennom i estestvennom nachale veshhej. – SPb. : Izd-vo D. E. Zhukovskogo, 1908.
20. Odoevskij, V. F. Russkie nochi. – M. : Nauka, 1975. – 327 s.
21. Volf, K. Ten' mechty // Vstrecha: povesti i jesse pisatelej GDR ob jepohe Buri i natiska i romantiz-ma ; per. s nem. – M. : Raduga, 1983.
22. Botnikova, A. B. Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form. – Voronezh : Izd-vo Voronezh-skogo gos. un-ta, 2004. – 342 s.
23. Zhukovskij, V. A. Sobr. soch. v 4 t. – T. 4. Odisseja, hudozhestvennaja proza, kriticheskie stat'i, pis'ma. – M. – L., 1960. – 779 s.
24. Garin, I. I. Zagadochnyj Gogol'. – M. : TERRA-Knizhnyj klub, 2002. – 363 s.
25. Slavgorodskaja, L. V. Gofman i romanticheskaja koncepcija prirody // Hudozhestvennyj mir Je. T. A. Gofmana: Gofman i romanticheskaja koncepcija prirody. – M. : Nauka, 1982.
26. Maksimovich, M. Razмышlenija o prirode. – izd. 2-e. – Kiev : tip. I. Val'nera, 1847. – 159 s.
27. Odoevskij, V.F. Poslednij kvartet Bethovena // Odoevskij V. F. Soch. v 2-h t. – T. 1. – M. : Hud. li-teratura 1981. – 370 s.
28. Mann, Ju.V. Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845. – M. : Aspekt Press, 2004. – 813 s.
29. Kovalevskij, M. Gogol' kak istorik // N. V. Gogol'. Tri jubilejnye rechi. Kazan', 1909. – S. 36–51.
30. Kartashova, I. V. Ob odnoj gogolevskoj tradicii v tvorcestve F.M. Dostoevskogo (Tema mechtatelja) // Jetjudy o romantizme. – Tver', 2002. – S. 120–131.
31. Shenrok, V. Materialy dlja biografii Gogolja : v 2 t. – T. 2. – M. : tip. A. I. Mamontova i Ko, 1892. – 364 s.

© И. В. Карташова, 2015

Автор статьи – Ирина Вячеславовна Карташова, доктор филологических наук, почётный профессор Тверского государственного университета.

Рецензенты:

А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

В. А. Евдокимов, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

УДК 070.1 + 316.774:654.1 + 004.738.5:655.41

М. М. Ковалёва, Ю. В. Чемякин,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

КОРПОРАТИВНЫЕ СМИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются основные проблемы и тенденции развития отрасли российских корпоративных СМИ, анализируется состояние российской корпоративной прессы в период экономического кризиса. Кризис, несмотря на некоторые негативные моменты, в целом, способствовал качественному росту, повышению эффективности российских корпоративных СМИ. Авторы предлагают деление корпоративных изданий на СМИ сферы экономики и СМИ сферы культуры, рассматривают их особенности и функции, делают прогнозы дальнейшего развития российской корпоративной прессы, обосновывают конкретные меры по выработке стратегии её успешного развития.

Ключевые слова: корпоративные СМИ, пресса, стратегия развития, кризис, современные проблемы, организация работы редакции, издательское дело, коммуникации, теоретические вопросы журналистской деятельности.

Зачем и кому нужны корпоративные СМИ? Такая постановка вопроса, казалось бы, неуместна в условиях бурно развивавшегося в последнее десятилетие этого сегмента информационного пространства. В научной литературе и среди практиков высказывались даже мнения о том, что корпоративные СМИ, возможно, перехватят функции традиционной журналистики [1], что в моногородах СМИ градообразующих предприятий преобразуются в полноценные городские СМИ [2]... Казалось неизбежным представление о том, что так называемые имиджевые корпоративные СМИ имеют постоянную тенденцию к росту в связи с необходимостью продвижения компаний на рынки.

Однако любое общество развивается не линейно, переживает разные стадии, различные этапы: стабильное развитие, бурный рост или кризис. На том этапе развития, в котором оказались современные корпоративные медиа, обнаружились новые явления, новые тенденции, которые обуславливают необходимость поиска новых стратегий развития, выявления финансовых и профессиональных ресурсов. Любая стратегия – это смена устоявшихся тактических приёмов, действий, направленных на достижение цели. И в этих условиях вопрос, прозвучавший в начале статьи, безусловно, требует честного и убедительного ответа. Конечно, не потерял смысла прогноз, высказанный одним из авторов статьи почти десять лет назад о том, что в определённых условиях именно корпоративные СМИ могут стать локомотивом развития информационного пространства России, в связи с чем необходимо осмыслить новую проблему, условно обозначаемую как трансформация журналистики на рынке товаров и услуг [3]. С научной точки зрения осмысление этой проблемы представляется одной из самых актуальных задач, обсуждение которой будет способствовать развитию практики. Нельзя сказать, что в исследованиях корпоративной прессы последнего десятилетия заметны такого рода попытки. Из немногих кандидатских диссертаций по корпоративным СМИ, защищённых в нашей стране, значительная часть посвящена проблемам типологии изданий, функциональному анализу; поднимались также проблемы повышения эффективности и т. д. И редко когда работы были связаны с точным представлением о цели изданий (зачем они нужны?) или взаимоотношений издателей и журналистских коллективов и аудитории (кому нужны?). В настоящее время неизвестно даже количество российских корпоративных СМИ, а теория явно не успевает за меняющейся практикой.

Что касается теоретического осмысления накопленного корпоративными медиа опыта, то в отечественной науке о журналистике, на наш взгляд, есть необходимость определиться прежде всего, с понятием «корпоративное СМИ». Почему именно СМИ? Потому что, строго говоря, понятие «средство массовой информации» (СМИ) – это не обозначение вида профессиональной деятельности лиц, работающих в так называемом медийном пространстве. Как известно, понятие «медиа» не имеет точного определения, а в буквальном переводе звучит как посредник. Возражать против этой логики нет необходимости, но следует признаться, что оно является своего рода теоретическим камуфляжем при отсутствующем понятии. А вот использование термина «средство массовой информации» применительно к корпоративным печатным, аудиовизуальным и интернет-ресурсам представляется

более уместным. В данном случае слово «корпоративные» означает не более чем предметную область того, где эти средства функционируют. Поэтому определение «корпоративное СМИ», на наш взгляд, лучше отражает суть явления и может трактоваться как вид массово-информационной деятельности на рынке товаров и услуг, целью которого является обслуживание коммерческих интересов. Конечно, данное определение не универсально, и научному сообществу еще предстоит определить, соответствуют ли ему издания крупных музеев, театров, вузов... Эта проблема выходит за пределы данной публикации, однако она очень важна для определения дальнейших стратегий развития корпоративной прессы, формирования редакционного коллектива, системы финансирования и др.

Большинство корпоративных СМИ имеют непосредственное отношение к экономической сфере. Речь прежде всего идет об изданиях производственных предприятий, холдингов, банков, страховых компаний, сетей розничной торговли и т. д. Лидируют по количеству собственных корпоративных СМИ в России производственные, энергетические, фармацевтические, телекоммуникационные компании и банки [1]. Важнейшей социальной функцией принадлежащих им изданий является «обеспечение бизнес-коммуникаций» [4].

В настоящее время наблюдается и существенный рост сегмента корпоративных изданий в сфере культуры. К таковым мы относим СМИ образовательных учреждений (вузов, колледжей, лицеев и т. д.), издания театров, музеев и иных учреждений культуры, издания различных некоммерческих организаций. В частности, по данным исследования, проведенного С. В. Лебедевой, значительно выросло за последнее десятилетие число изданий средних учебных заведений. Согласно этим данным, в период с 2006 по 2010 г. в городе Екатеринбурге появилось пятьдесят новых школьных изданий, в 2011 г. – ещё девять [5]. Активно развиваются и СМИ высших учебных заведений [6].

Одной из главных функций принадлежащих им изданий является культурно-просветительская, заключающаяся в распространении определенных знаний, идей и ценностей.

Разумеется, деление на корпоративные СМИ сферы экономики и корпоративные издания сферы культуры носит в значительной мере условный характер. Как показывает исследование тех и других СМИ, их содержательные и функциональные особенности во многом сходны.

Среди учебных заведений, издающих свои СМИ, есть не только государственные или муниципальные, но и коммерческие. Основной же целью любой коммерческой компании является, согласно законодательству РФ, получение прибыли. Более того, оказанием коммерческих услуг занимаются и множество государственных, муниципальных вузов, колледжей, гимназий, театров, музеев... В современных рыночных условиях они также вынуждены активно заниматься зарабатыванием денег. Поэтому и их корпоративные СМИ наряду с культурно-просветительской функцией, выполняют и функцию обеспечения бизнес-коммуникаций. В данной сфере наблюдается своего рода броуновское движение между собственно корпоративными интересами и теми, которые ориентированы на просвещение, воспитание и т. д.

С другой стороны, во многих заводских или банковских изданиях (то есть, относящихся изначально к экономической сфере жизни общества), встречаются исторические, краеведческие публикации, рецензии на новые книги или иные материалы, касающиеся культуры и искусства. Иными словами, наряду с основной функцией обеспечения бизнес-коммуникаций эти издания выполняют и просветительскую функцию.

Таким образом, в качестве первого шага выработки стратегии должно быть более или менее разделяемое большинством участников рынка корпоративных СМИ понимание различных функций и целей этих средств массовой информации. Необходимо прийти к общему мнению о самом смысле существования корпоративных СМИ.

Четкое представление об этих базовых понятиях, возможно, позволит определить их структуру и ответить на поставленные в начале данной публикации вопросы.

Проблемы, связанные с определением смысла и целей существования корпоративных СМИ, были подняты на состоявшейся в апреле 2015 года XII Международной конференции «Роль коммуникаций и корпоративных СМИ в стратегическом управлении компанией», организованной Ассоциацией директоров по коммуникациям и корпоративным медиа России (АКМР). В частности, предметом активного обсуждения стал вопрос, поставленный пиар-директором компании «Берингер Ингельхайм» Ольгой Исса: «Корпоративный журнал – чтобы что?». Подобного рода вопросом еще в 2013 году, на пике благополучного развития корпоративных СМИ, в беседе с одним из авторов данной статьи, задавался московский исследователь и опытный специалист в сфере производства корпоративных СМИ Леонид Агафонов: «А стоит ли тот эффект, который производит издание, тех денег,

которые на него тратят?! Отказ от имеющихся перегибов рано или поздно наступит. Люди научатся считать... Внимание к этому вопросу, видимо, изменит рынок. Я бы сказал, отрезвит. Клиенты издательских домов и агентств не смогут всю жизнь тратить безумные деньги на корпоративные СМИ». Так и произошло. И на упомянутой конференции самыми обсуждаемыми были именно темы, связанные с этим: целесообразность затрачиваемых средств, оптимизация расходов на выпуск корпоративных изданий, измерение эффективности корпоративных СМИ.

В качестве одного из путей оптимизации затрат на выпуск корпоративных СМИ некоторые их владельцы выбрали перевод своего издания с аутсорсинга на In-house (иными словами, если ранее они заказывали производство своего издания какому-то агентству, то теперь стали производить корпоративное СМИ силами штатных сотрудников собственной компании). Некоторые, в том числе и из участников упомянутой XII Ежегодной международной конференции АКМР убеждены, что такой способ производства КМ оказывается дешевле и выгоднее.

Однако не менее распространена и иная точка зрения, которую наиболее активно отстаивают представители аутсорсинговых агентств. Так, по мнению управляющего партнера агентства «Социальные сети» Дениса Терехова, производство корпоративных СМИ на аутсорсинге не только, как правило, позволяет обеспечить лучшее качество изданий (так как в аутсорсинговых агентствах работают высококвалифицированные опытные журналисты, дизайнеры и другие специалисты сферы коммуникаций), но и нередко оказывается выгоднее, в том числе и в финансовом плане (потому что сторонники производства изданий In-house не учитывают плату за аренду помещений, трудозатраты и «социальный пакет» своих бухгалтеров, штатных PR-специалистов, необходимость оплачивать их отпуска, больничные и т. д.).

По нашему мнению, на решение вопроса «Аутсорсинг или In-house?» могут влиять следующие обстоятельства.

Первое – это исторические особенности создания корпоративных СМИ. Так, если на предприятиях, ныне входящих в российские корпорации (к примеру, УГМК, НЛМК или «Объединенные машиностроительные заводы») уже несколько десятилетий, с советских времен, существуют издающиеся силами штатных сотрудников заводские газеты, которые достаточно качественно выполняют свои функции, востребованы читателями, то кардинально перестраивать систему СМИ оказывается затруднительно и «болезненно», а в некоторых случаях, наверное, и не нужно. Если же компания или предприятие созданы относительно недавно, в XXI веке, то руководство уже чаще пользуется услугами аутсорсинговых агентств, «с нуля» создающих там печатные издания (или даже систему корпоративных СМИ).

Второй фактор касается специфики компаний. Не все компании одинаково легко могут отдать свои издания на аутсорсинг. Понятно, например, что закрытые компании, имеющие отношение к оборонно-промышленному комплексу, очень неохотно допускают к себе людей «со стороны». Соответственно, практически не отдают свои СМИ на аутсорсинг.

Третье – финансовые возможности учредителя. Они, конечно, тоже являются существенным фактором. Если компания может выделить лишь очень ограниченный бюджет на свое СМИ, то с большой долей вероятности она будет все же производить издание собственными силами, распределив обязанности по его производству между штатными сотрудниками (даже если такой выбор будет иметь издержки в виде не слишком высокого качества издания и дополнительной нагрузки на сотрудников, порой отвлекающей их от своих главных обязанностей).

Среди представителей компаний, специалистов в сфере коммуникаций, достаточно распространено мнение, что внутренние издания (предназначенные для персонала), особенно крупных корпораций, не только дешевле, но и во всех смыслах выгоднее, логичнее производить In-house. Так как штатные сотрудники гораздо лучше знают компанию изнутри, знают работающих в ней людей и отношения между ними, могут оперативно отслеживать все изменения, организовывать обратную связь с читателями.

Но представители аутсорсинговых агентств отстаивают свою точку зрения, заключающуюся в том, что аутсорсинговые компании способны на одинаково высоком профессиональном уровне создавать как внешние издания (для клиентов и партнеров), так и внутренние СМИ (одним из доказательств чего могут служить частые победы таких изданий на Ежегодном всероссийском конкурсе «Лучшее корпоративное медиа» и др.).

Отметим, что в кризисные периоды многие компании делают основной упор именно на развитие внутренних коммуникаций и, соответственно, внутренних СМИ. В частности, среди заказчиков

«МедиаЛайна» (одной из крупнейших в России компаний по производству корпоративных изданий «на заказ») от внутренних изданий практически никто не отказывается даже в нынешние непростые времена. «Да, сокращают количество выходов в год, снижают тиражи или ищут какие-то новые форматы, а в основном, по сути, просят делать всё то же самое, что и раньше, только за меньшие деньги – объясняет ситуацию в беседе с одним из авторов статьи генеральный директор компании «МедиаЛайн» Лариса Рудакова. – Заказчики скорее готовы сокращать бюджеты на внешний пиар, чем на внутренние издания».

Показательно, что ещё социологическое исследование 2010 г., проведённое сообществом специалистов по внутренним коммуникациям, свидетельствовало о доминирующем положении в системе корпоративной прессы и продолжающемся росте именно изданий для внутренней аудитории (которые составили 84 % от общей совокупности исследованных изданий) [1]. Таким образом, издания для персонала уже давно и традиционно лидируют в системе российских корпоративных СМИ.

Современные кризисные явления ещё больше заставили обратить внимание на внутрикорпоративные СМИ, по сравнению с которыми рекламные и PR-издания для клиентов явно отступают на второй план. В период кризиса компании вынуждены сосредотачиваться именно на самых насущных, первостепенных делах, и свои сократившиеся бюджеты использовать для их реализации. И авторы данной статьи согласны с теми специалистами в сфере коммуникаций, по мнению которых начинать работать с внешней общественностью не слишком перспективно, пока не выстроены отношения компании с собственным персоналом, не сформирована лояльность сотрудников к компании. На первый план в непростые времена выходят функции консолидации, интеграции персонала, мобилизации сотрудников на решение поставленных задач.

На XII Ежегодной международной конференции АКМР многие участники высказывали мысль о том, что наблюдающиеся кризисные явления в российской экономике, наряду с опасностями и некоторыми негативными последствиями, несут в себе и благоприятные возможности, способствуют развитию рынка корпоративных медиа и корпоративных коммуникаций. Наиболее ёмко эту мысль выразил директор по связям с общественностью, руководитель Блока информационной политики компании «Интер РАО», член Правления АКМР Антон Назаров, заявивший: «Кризис – это прекрасный способ повысить эффективность своей работы в двух направлениях. Первое: интенсивное глубинное проникновение во все процессы, их оптимизация. Второе: сокращение бездарных, лишних, ненужных, балластных кадров». Более мягко высказался исполнительный директор АКМР Джемир Дегтяренко: «Кризис полезен тем, что люди начинают работать не на сорок процентов, а хотя бы на семьдесят».

Кризис усилил конкуренцию на рынке аутсорсинговых агентств, специализирующихся на корпоративных СМИ. Следствием этого стала возросшая требовательность заказчиков к качеству продуктов и услуг агентств. Так, по словам гендиректора «МедиаЛайна» Ларисы Рудаковой, если два года назад на столичном рынке настоящую активность проявляли и реально конкурировали друг с другом три крупных агентства («ЛюдиPeople», «А2» и «МедиаЛайн»), то с прошлого года очень активизировались многие маленькие компании, дизайнерские бюро и даже типографии, которые тоже стали участвовать в тендерах, предлагать свои услуги по производству корпоративных медиа, а также крупные издательские дома, такие, как «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», имеющие подразделения, занимающиеся выпуском корпоративных изданий на заказ. «В этих условиях у нас повышаются требования к самим себе, – отмечает Лариса Рудакова. – Потому что мы, сохраняя лидерские позиции, должны работать всё так же чётко, как часы, а с другой стороны, демонстрировать не менее креатива, свежего взгляда и возможности идти навстречу пожеланиям клиента, чем маленькие компании, предлагать какие-то уникальные продукты». Изменившаяся ситуация на рынке обусловила и структурные преобразования в агентствах. Так, в ИД «МедиаЛайн» появилось особое направление «MediaLine Digital», отвечающее за создание различных электронных ресурсов: сайтов, электронных журналов, новостных и мобильных приложений для смартфонов, iPad и т. д. Спрос на такого рода продукцию сейчас немалый.

Также активно развивается в настоящее время корпоративное радиовещание. Более того, некоторые представители компаний, например, менеджер отдела внутренних коммуникаций Группы МТС Кукин Роман именно радио считают наиболее эффективным и перспективным инструментом внутренних коммуникаций. Некоторые компании (МТС, «ВымпелКом») осуществляют корпоративное радиовещание с помощью подрядчиков, на аутсорсинге. А некоторые (например, компания «Связной»). – In-house. По словам креативного директора компании «Связной» Леонида Шепелева, радио

«Связного» вещает в трёх тысячах торговых точках по всей России, и его слушают в месяц около трёхсот тысяч человек. При этом директор по корпоративным коммуникациям компании «Связной» Елена Ноготкова считает: «в нашем случае радио – это уже прошлое. Мы сейчас двигаемся в сторону собственного телевидения. Для меня лично будущее – это все-таки мобильные приложения, когда ваш бренд, ваша компания постоянно присутствует в телефонах ваших сотрудников. Вы можете там общаться, узнавать новости, и это онлайн, постоянно. В принципе, печатные СМИ можно уже выбрасывать».

Однако далеко не все коллеги согласны с такой радикальной точкой зрения на печатные издания. К тому же, специфика многих российских компаний, предприятий и условий труда их работников такова, что именно печатное издание является наиболее удобным и эффективным способом донесения корпоративной информации до персонала. Например, по словам начальника отдела внутренних коммуникаций и корпоративных СМИ компании «Северсталь» Ольги Шалаевой, несмотря на наличие в её компании корпоративного телевидения и иных средств коммуникаций, наиболее эффективными медиа можно признать именно печатные издания. Как отметил руководитель одного из крупнейших агентств по выпуску корпоративных СМИ «ЛюдиPeople» Владимир Змеющенко, несмотря на бурное развитие электронных корпоративных СМИ, ни одна из крупных компаний-заказчиков не собирается в обозримом будущем отказываться от печатных изданий, и ни одна большая компания не думает о том, чтобы оставлять какой-то один источник информации; наоборот, думают о том, как правильно разделить аудитории, чтобы каждой из них дать тот источник, который для неё наиболее комфортен.

Таким образом, есть все основания полагать, что в обозримом будущем наряду с бурным ростом самых разных электронных (прежде всего, мобильных) корпоративных информационных ресурсов, продолжится и развитие печатной прессы корпораций, предназначенной как для сотрудников, так и для внешней общественности. Что касается аутсорсинга в сфере корпоративных СМИ, есть предпосылки для его дальнейшего развития в России. Процент корпоративных СМИ, выходящих на полном и частичном аутсорсинге, очевидно, будет повышаться (хотя в ближайшие годы вряд ли достигнет уровня наиболее развитых стран Запада). Структура данного рынка в России, судя по всему, будет все больше напоминать структуру развитых рынков корпоративных медиа западноевропейских стран, где двадцать процентов крупнейших агентств производят около восьмидесяти процентов всех корпоративных СМИ. Наверняка будет наблюдаться и дальнейший рост разнообразия услуг, оказываемых аутсорсинговыми агентствами. В частности, в тех важных сферах, которые на данный момент развиты слабо. Речь идет о привлечении коммерческой рекламы в корпоративные СМИ, о разных способах их продвижения, активных формах взаимодействия с аудиторией. Усилившаяся в связи с экономическим кризисом конкуренция, борьба за заказчиков будут вынуждать аутсорсеров предлагать более качественную продукцию по более разумным ценам.

Если бурное развитие российской корпоративной прессы в первом десятилетии XXI века носило в значительной мере экстенсивный, количественный характер, то сейчас наступает время преимущественно интенсивного, качественного роста. Именно в этом направлении – в повышении результативности деятельности – кроются значительные возможности дальнейшего развития российских корпоративных СМИ. Всё больше учредителей будут добиваться высокой эффективности своих изданий и тщательно отслеживать её при одновременной оптимизации расходов, стремлении хотя бы часть их покрыть за счет привлечения коммерческой рекламы и т. п. Есть все предпосылки для дальнейшего совершенствования методов измерения эффективности корпоративных СМИ, а также для коммерческого развития данного направления. Вероятно, услуги по измерению и оценке результативности корпоративных изданий будут предлагать существующие крупные исследовательские центры; можно даже спрогнозировать появление независимых агентств, специализирующихся на измерении эффективности корпоративных медиа. Возможно, подобные структуры будут созданы и при АКМР. Ассоциация директоров по коммуникациям и корпоративным медиа России уже сейчас во многом выполняет роль консолидирующего, исследовательского центра и «драйвера развития» российских корпоративных медиа. Усложнение и дальнейшее развитие отрасли повысит значение подобных объединяющих центров развития. Они необходимы для дальнейшего успешного роста рынка корпоративных СМИ в России. АКМР или иная организация, претендующая на данную роль, должна будет в полной мере отвечать на вызовы нового времени, проводить мероприятия и создавать структуры, способствующие повышению квалификации сотрудников изданий, улучшению качества и повышению эффективности корпоративных СМИ, стимулирующие научные исследования в сфере корпоративных медиа и т. д. При этом если такая организация претендует на роль действительно

общенационального консолидирующего центра, «генерального штаба развития» отрасли, участие в её семинарах, тренингах, конференциях, профессиональных конкурсах и иных мероприятиях должно быть финансово доступно для представителей большинства российских корпоративных СМИ, а не только крупнейших российских и международных компаний. В настоящее время учредители многих российских корпоративных СМИ просто не имеют финансовой возможности для участия их сотрудников в подобных – зачастую весьма дорогостоящих – мероприятиях. Кроме прочего, назрела необходимость выпуска периодического издания (как вариант, выпуска электронного журнала или создания специального сайта), посвященного проблемам и основным тенденциям развития корпоративных СМИ, трансляции передового (в том числе, зарубежного) опыта в данной сфере. До настоящего времени эти функции частично выполняли рубрики и отдельные тематические выпуски таких журналов, как «Новости СМИ», «PR в России», «Пресс-служба», посвященные корпоративной прессе альманахи и сборники статей, выпускавшиеся издательским домом «Имидж-Медиа», факультетами журналистики УрГУ и СПбГУ. Значительная часть содержащейся там информации была актуальной, полезной для практиков и исследователей, однако периодического издания, регулярно, всесторонне освещающего проблемы корпоративных СМИ, не было. В настоящее время развитие и усложнение рынка диктует необходимость создания подобного специализированного издания, которое, очевидно, должно быть востребовано редакциями российских корпоративных СМИ, стремящимися выпускать действительно качественные современные издания.

Есть основания полагать, что будут развиваться и некоторые другие важные тенденции, наметившиеся в настоящее время. В частности, активное заимствование корпоративными СМИ не только методов подачи информации, но и форматов «большой прессы», стремление корпоративных изданий быть похожими (как по содержанию, так и по оформлению) на деловые, городские общественно-политические, специализированные или массовые (в зависимости от целей и специфики аудитории) издания [7]. Последствия такой «мимикрии» корпоративных медиа – как для компаний, так и для общества в целом – требуют изучения. Но очевидно, что «лобовая пропаганда» корпоративных интересов работает всё меньше и меньше. Более эффективным на современном этапе представляется ненавязчивое, «подспудное», а в некоторых случаях и завуалированное продвижение ценностей и интересов корпораций, «обернутое» в интересную, привлекательную, практически полезную и социально-значимую «обёртку». Всё больше учредителей российских корпоративных СМИ это понимают. Развитие корпоративных медиа в данном направлении, судя по всему, будет сопровождаться уменьшением доли чисто корпоративной информации в изданиях и повышением доли актуальной для читателей информации о развитии рынка или конкретной отрасли в целом, о передовом российском и зарубежном опыте, о социальных проблемах, которые так или иначе связаны с данной отраслью, и путях решения этих проблем. И возможность высказаться о поводе актуальных проблем будет предоставляться не только представителям компании-учредителя издания, но и экспертам «со стороны», в том числе и придерживающимся иной точки зрения (как это уже делается в журнале компании ИнтерРАО ЕЭС «Энергия без границ» и других передовых российских корпоративных изданиях). Таким образом, повышение эффективности российских корпоративных СМИ, очевидно, будет связано с повышением их социальной значимости и выполнением ими части тех функций, которые до настоящего времени выполняла «большая пресса».

Библиографический список

1. Корпоративная пресса. Руководство к действию. – М. : ИД «МедиаЛайн», 2011. – 244 с.
2. Мурзин, Д. А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Мурзин. – М., 2007.
3. Ковалева, М. М. Основные этапы развития и методы исследования корпоративной прессы // Корпоративная пресса России: современный опыт и тенденции развития : сборник статей и интервью / сост. Ю. В. Чемякин ; под науч. ред. М. М. Ковалевой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 17–22.
4. Мурзин, Д. А. Феномен корпоративной прессы. – М. : Издательский дом «Хроникёр», 2005. – 192 с.
5. Лебедева, С. В. Школьные издания как фактор развития медиаобразования в современной России : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Лебедева – Екатеринбург, 2014.
6. Сидорова, Т. И., Чемякин Ю. В. Вузовские СМИ в системе корпоративных медиа // www.mediascore. – Выпуск № 3. – 2011 г. – 0421100082\0073
7. Чемякин, Ю. В. Российские корпоративные медиа: современные тенденции и перспективы развития // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 4 (119), 2013. – С. 95–103.

*M. M. Kovaleva, Yu. V. Chemyakin,
Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, the first president of Russia, Ekaterinburg*

CORPORATE MEDIA IN MODERN RUSSIA: SEARCHING THE STRATEGY OF DEVELOPMENT

This article examines pivotal problems and tendencies of the development of the Russian corporate media as well as the state of the latter in the period of the modern economic crisis. Despite a few negative trends, the crisis has facilitated to quality improvements and improving effectiveness of the Russian corporate media. The authors suggest dividing of corporate outlets for business-oriented and culturally-oriented and envisage their specifics and functions. Along with, they tend to forecasts the future of the Russian corporate press and propose the measures on the strategy of its successful development.

Keywords: corporate media, the press, strategy of development, crisis, modern problems, editorial office, publishing industry, communications, theoretical issues of journalism activity.

References

1. *Korporativnaya pressa: rukovodstvo k deistviyu* [The corporate press: the guide to action]. Moskva: Publ. House "MediaLine", 2011. 244 p.
2. Murzin, D.A. *Korporativnaya pressa: sovremennye tipologicheskie kontseptsii* [The corporate press: modern typological concepts]. Thesis for the degree of Candidate of philology. Moskva, 2007. 176 p.
3. Kovaleva, M.M. *Osnovniye etapi razvitiya i metodi issledovaniya korporativnoi pressi* [Main stages of the development and methods of researching the corporate press], pp. 17-22 (in) M.M. Kovaleva (ed.) *The Corporate press of Russia: contemporary experience and the tendencies of development. Articles and interviews.* Ekaterinburg. Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2006.
4. Murzin, D.A. *Fenomen korporativnoi pressi* [The phenomenon of the corporate press]. Moskva: Izdatel'skiy dom "Khronikor", 2005. 192 p.
5. Lebedeva, S.V. *Shkol'naya pressa kak faktor razvitiya mediaobrazovaniya v sovremennoi Rossii* [The school press as a factor of development of media education in modern Russia]. Thesis for the degree of Candidate of philology. Ekaterinburg, 2014. 176 p.
6. Sidorova, T.I & Chemyakin, Yu.V. *Vuzovskie SMI v sisteme korporativnikh media* [University media within the system of the corporate media], *www.mediascope*. Vol. 3, 2011 - 0421100082\0073.
7. Chemyakin, Yu.V. *The Russian corporate media: modern tendencies and the outlines of development / Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, Ser 1. Problemi obrazovaniya, nauki i kul'turi. N 4(19), 2013, pp. 95–103.

© М. М. Ковалёва, Ю. В. Чемякин, 2015

Авторы статьи – Маргарита Михайловна Ковалёва, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, e-mail: mmkovaleva@yandex.ru

Юрий Владимирович Чемякин, кандидат политических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, e-mail: chemyakin1977@yandex.ru

Рецензенты:

Г. Г. Щепилова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

В. А. Евдокимов, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

**ЭПИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
В «ЗАПИСКАХ» (1743–1812) Г. Р. ДЕРЖАВИНА**

В статье раскрывается проблема жанрового синкретизма «Записок» Г. Р. Державина. Рассматривается генезис романной формы в русской «невывымышленной» прозе, в том числе вопрос о взаимодействии эпического, автобиографического и романного начал. Определяются основные тенденции развития русской прозы (от записок Г. Р. Державина к прозаическим опытам А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др. авторов).

Ключевые слова: русская проза, эпос, роман, автобиография, «невывымышленная» проза, условно-биографическое «я».

Размышляя об истории возникновения романа, М. М. Бахтин одним из источников формирования романной прозы считал биографические и автобиографические формы. Иными словами, формирование «я», личностного самосознания, потребности в рефлексии ведёт к усложнению повествовательной традиции и рождению романа как завершающей ступени в развитии литературной формы, обобщающей весь опыт генезиса жанровых систем.

В русской светской литературе появление самосознающего героя связано не только с формированием сентиментальной традиции конца XVIII в., но и с потребностью в создании произведений, опирающихся на личный опыт, биографию, потребностью в критическом осмыслении жизни, в том числе исторической действительности. Интересно, что в этот период в русской литературе ещё сохраняется представление об идеальном человеке как герое эпоса или трагедии (например, в произведениях Н. М. Карамзина «Марфа-посадница», «Наталья, боярская дочь», «Рыцарь нашего времени»). Собственно эпопея появится в финале века, что говорит о созревании единства национального и личностного самоопределения. Литературные формы, вызревающие в европейской культурной среде на протяжении долгого времени, осваивались в русской словесности в той мере, в какой позволяли исторический опыт, прагматика, культурные интересы. Жанровый синкретизм в этом случае был неизбежен и проявлялся в различных родовых формах литературы: в стихотворных, драматических и повествовательных текстах.

Своеобразие литературной ситуации рубежа XVIII–XIX вв. в России заключается в непрерывном взаимодействии эпического, романного, автобиографического начал. Идеальный (героический) образец трансформировался в историческую и социальную жизнь. Представление о «высоком» и «низком» проверялось в собственном опыте, при разрешении нравственных вопросов в настоящих житейских перипетиях.

В «Записках» Г. Р. Державина жанровый синкретизм тем более обращает на себя внимание, так как эта книга – один из немногих опытов XVIII в., в котором автор пытается соблюсти эпическую дистанцию. Именно эта дистанция оказывается принципиально необходимой Державину, потому текст пишется не от первого, а от третьего лица. Вызревает потребность в осмыслении не только жизненного пути, автобиографических его моментов, но и исторического процесса, участником которого явился сам поэт.

Обращаясь к проблеме эпического характера, мы отмечаем ироническое отношение автора к своему условно-биографическому герою. Ирония заключается в том, что он не застаёт важные события, в том числе эпохальные, как очевидец. Он – свидетель своего Времени, однако, например, о приходе к власти Екатерины II узнаёт от других сослуживцев. Следя за передвижением Пугачёва и стремясь заслужить славу в поимке преступника, герой упускает его, а в финале «Записок» так и не получает заслуженного внимания от императора Александра I.

Подобная ирония позволяет различить два плана изображения героя: серьёзный и смешной. Подчёркнуто серьёзно автор приводит свидетельства о явлении кометы де Чезо в 1844 г. или пугачёвском восстании, тогда как о первой влюблённости говорит комично, создавая анекдотичную ситуацию. Подобная черта биографических форм, по мысли М. М. Бахтина, говорит об их принадлежности к области серьёзно-смешного, из которой постепенно вырастает романная традиция: «...через

всю историю романа тянется последовательное пародирование или травестирование господствующих и модных разновидностей этого жанра, стремящихся шаблонизироваться» [1, с. 197].

Приведенный ниже фрагмент записок даёт возможность увидеть пародирование эпического героического сюжета: «На дороге случилось приключение, ничего, впрочем, не значащее, но, однако, могущее в крайнее свергнуть его злополучие. Прекрасная, молодая благородная девица, имевшая любовную связь с бывшим его гимназии директором господином Вережкиным, который тогда возвращён был паки на прежнее своё место, быв зачем-то в Москве, отправляясь в Казань, к своему семейству, сговорила с ним и ещё с одним гвардии же Преображенского полка капралом Аристовым вместе для компании ехать. В дороге, будучи непрестанно вместе и обходясь попросту, имел удачу живостью своей и разговорами ей понравиться так, что товарищ сколь ни завидовал и из ревности сколь ни делал на всяком шагу и во всяком удобном случае возможные препятствия, но не мог воспретить соединению их пламени. Натурально, в таковых случаях более оказывается в любовниках храбрости и рвения угодить своей любезной. . . извозчики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотели перевозить без ряды, а как они запросили неумеренную цену, . . . то и не хотел он им требуемого количества денег дать, а они разбежались и скрылись в кусты. Прошло добрых полчаса, и никто из перевозчиков не являлся. <...> Страстный капрал, обнажа тесак, бросился в кусты искать перевозчиков и, нашед их, то угрозами, то обещанием заплатить всё, что они потребуют, вызвал их кое-как на паром. Но как пришли на оный, то и требовали наперёд денег в превосходном числе, чем прежде просили. Тут молодой герой, будучи пылкого нрава, не вытерпел обману, вышел из себя и, схватя палку, ударил несколько раз кормщика. Он схватил свой багор и закричал прочим своим товарищам: “Робята, не выдавай!”; с словом с сим все перевозчики, сколько их ни было. . . напали на рыцарствующего капрала» [2, с. 23–24].

Брань за внимание возлюбленной напоминает фабулу героической поэмы «Илиада», в свою очередь, подвергнушая пародии в ирои-комической поэме В. И. Майкова, старшего современника Державина, «Елисей, или Раздраженный Вахх»:

Тогда явился вдруг капрал сам-друг с драгуном
И резнул ямщика он плетью, как перуном;
Хотя на ней столбец не очень толстый был,
Однако из руки капральской ярко бил.
Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,
За то служивый сей и более озлился,
Что он не видывал такого мужика,
Которого б его не сшибла с ног рука;
Велел немедленно связать сего героя,
Который принужден отдаться был без боя [3, с. 213].

Отметим ситуативное сходство двух фрагментов, тем более что битву и в записках Державина затеивает капрал. В этом случае якобы жизненная история оборачивается литературной игрой. Сам повествователь признался, как случилось анекдотичное знакомство с Майковым: «Князь Козловский. . . у посещавшего его или нарочно приехавшего славного стихотворца Василья Ивановича Майкова читал сочинённую им какую-то трагедию, и как приходом вестового Державина чтение перервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идёт вон, сказал ему: “Поди, братец, служилый. С Богом; что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь”, – и он принужден был выйти» [2, с. 23]. Будущий стихотворец встречает именитого поэта – тема чрезвычайно популярная в античной литературной традиции. Автор комично обыгрывает эту жизненную и, в определённой степени, историческую сцену. Такой же путь изображения выберет А. С. Пушкин в своей заметке «Державин». Комизм снимает любую дистанцию, создавая «зону контакта» с «незавершённой действительностью» (М. М. Бахтин).

Жизненная основа придаёт целостность не только сюжетно-композиционному течению записок, но и самому образу героя, связывая документально-историческое и бытовое, идеальное и мирское. Причём идеал человеческого поведения повествователь восстанавливает, опираясь на собственный внутренний опыт различения «высокого» и «низкого». Акцент в процессе рассказывания делается не на событиях как таковых, а на осмысливании «я». Так проявляется философский потенциал биографической формы. Целостность здесь ещё не дана, она востребуется, к ней движется всё повествование: от безудержных чувств – к нравственной твёрдости, от расплывчатого самопредставления – к очерчиванию личных границ и отстаиванию их.

Было бы неверно отказывать запискам в художественности. В этом повествовательном синтезе взаимодействуют самые противоречивые традиции, в том числе и романские, однако доминирует здесь не изображение, а выражение. Изображение, иными словами, становится первичным элементом, отражающим жизненный смысл. Из подобных биографических «зарисовок» создаётся единство взгляда, единство личности. Честолюбие сопрягается с невниманием к себе (по мысли Г. Гегеля, такова черта романного героя).

В записках синкретично взаимодействуют эпическое и романное представления о характере и судьбе героя. С одной стороны, это сказывается в осмыслении исключительности и предначертанности своей судьбы (как в эпосе), с другой – в «рвении», поиске собственных характерных черт (как в романе). При этом идеал соотносится не с легендарным эпическим прошлым, а с документально-жизненным фактом, являющимся подтверждением жизненных взглядов и убеждений. Истина обретается в сердце, а опора – в самом себе.

Приведём ещё один фрагмент из текста: «...Державин ...приехал во дворец рано поутру в пятницу просить инструкции. Его не допустили ...в субботу, долго ожидав, был принят, казалось, довольно ласково. Он [Павел I. – прим. авт.] спросил: “Что вы, Гавриил Романович?” Сей отвечивал: По воле вашей, Государь, был в Совете; но не знаю, что мне делать. – “Как не знаете, делайте, что Самойлов делал”. <...> “Я не знаю, делал ли что он; в Совете никаких его бумаг нет... потому осмеливаюсь просить инструкции”. – “Хорошо, предоставьте мне”. Сим бы кончить должно было; но Державин по той свободе, которую имел при докладах у покойной императрицы, ...сказал, не знает он, что сидеть ли ему в Совете или стоять, то есть быть ли присутствующим или начальником канцелярии. С сим словом вспыхнул император; глаза его как молния засверкали, и он ...во весь голос закричал... “*Слушайте: он почитает быть в Совете себя лишним, – а оборотась к нему: – Поди назад в Сенат и седи у меня там смиренно, а не то я тебя проучу*”» [2, с. 190].

Перед читателем разворачиваются формы *отражения* жизненного опыта, не только и не столько фактография, сколько обнаружение и *восприятие* факта, его *трансформация* в духовной жизни человека, его роль в самопознании постоянно изменяющегося существа. С этим связано и восприятие времени в записках: время опирается на факты, жизненные переживания и осмысления, что создаёт определённый «ритм» самосознания. По словам Гегеля, «...время находится в теснейшей связи с простым самобытием, постигающим в звуках свой внутренний мир» [4, с. 258]. Хотя мыслитель отмечает это в связи с исследованием музыкального воздействия, он точно определяет, что время самосознания, самоосознавания и есть внутренний ритм жизни личности: «“Я” же не является неопределённой продолжительностью существования, а становится самобытием лишь в его сосредоточенности и возвращении к себе» [4, с. 258]. Фрагменты, отрезки этого ритма остраиваются в биографических формах литературы, собственно, так и рождается романное повествование.

Самосознание стремится к единству, опорам во внутренней и внешней жизни, – иными словами, к гармонизации «я» и «не я» «...единство и однообразие не свойственно ни времени, ни звукам как таковым, а принадлежит только “я” и *вносится им во время* [курс. авт.] для своего самоудовлетворения» [4, с. 258]. Державин создаёт подобное единство личности, единство взглядов и мыслей. В этом смысле он творит эпос своего времени: «Настоящий роман, как и эпос, требует целостности...» [4, с. 411].

Автору ещё необходимо удержать старые идеалы, отсюда – предсказания судьбы, обращение к авторитету древних авторов, стоическая мораль. Вместе с тем для него и для его действующего героя принципиально важна открытость миру – эта романная черта, позволяющая автору, герою, читателю находиться в «одной плоскости». Событие поиска «я» осовременивается. Здесь становится необходимым введение в повествовательный текст различных малых и средних повествовательных форм: анекдотов, историй, документов, приказов, воспоминаний, шуток и т. д. Всё сказанное позволяет говорить о своеобразной диалектике авторского поиска: между эпическим идеалом (героизация и символизация событий) и настоящим временным (романным) контекстом: «Опыт, познание и практика (будущее) определяют роман» [1, с. 206].

Вследствие этого в записках фокус и дистанция постоянно меняются: от дальнего к близкому, от эпического времени – к настоящему, и наоборот. Наряду с ритмической прозой, усиливающейся в определённые моменты повествования, создаётся ритм другого порядка: упорядоченная звучащая речь согласуется с ритмами (движением) исторического времени. Кульминационные события истории сочетаются с движением внутренней «меры» в мыслях, чувствах, поступках молодого героя и зрелого, представляющего свою жизнь человека. Эта перемена в

масштабах изображаемого/осваиваемого мира позволяет осознать изменение внутренних качеств личности, усиление сосредоточенного внимания на себе.

Здесь мы вполне можем заметить тенденции, характерные для эволюции русской литературы переходного периода рубежа XVIII–XIX вв. Автобиографическое начало, с одной стороны, развивается как составляющая романной формы, а с другой, как интенция философизации литературного текста. По мысли Бахтина, подобное движение от эпического к романному, от идеального к настоящему вообще характерно для русской прозы, в частности прозы Н. В. Гоголя: «Гоголь потерял Россию, то есть потерял план для её восприятия и изображения, запутался между памятью и фамильярным контактом (грубо говоря, не мог найти соответствующего раздвижения бинокля)» [1, с. 219]. Державин, а затем Пушкин в «Капитанской дочке» нужную диспозицию отыскивали, меру,веряющую настоящему. Для Державина ею становится стоический идеал внутренне независимой личности, для Пушкина – та же внутренняя независимость и цельность, берущая силы из нравственного сознания и патриархальной традиции. Гоголевский Чичиков «выпал» из этой традиции, вернуться к целому которой возможно, только сознательно выстраивая свой жизненный путь по нравственным ориентирам. Гоголь во втором томе раскрывает эту мысль, вводя в романное событие образы Муразова и князя (ревизора). Если отсутствует внутреннее самосознание, совесть, – даётся внешняя «мера». К эпическому целому отсылает авторское жанровое определение: «поэма». Преображение героя возможно в том случае, если он вернется к целому: национальному, общечеловеческому, религиозному.

В русской классической литературе, а также в целом ряде записок русских авторов (Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, И. В. Лопухина, Екатерины II и др.) такой гармонизирующей мерой становится и образ автора, и образ «ищущего истинного познания» «я». Синкретизм эпического, автобиографического и романного начал в так называемой «невывымышленной» прозе конца XVIII – начала XIX вв. преобразуется в определённый синтезирующий принцип. Романное отталкивается от эпического и в то же самое время не может без него существовать, переосмысляя вечное, традиционное и настоящее. Эпическое равновесие героя – судьбы преобразуется в романную тему неадекватности героя и его судьбы, его положения, образуя открытую жанровую содержательную структуру. Так, Державин в своих «Записках» определил основные пути изображения развивающегося условно-биографического героя. Эта традиция будет осмыслена в прозаических опытах А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского и других русских авторов.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.
2. Державин, Г. Р. Записки / Г. Р. Державин. – М. : Мысль, 2000. – 334 с.
3. Майков, В. И. Елисей, или Раздраженный Вахк // Русская поэзия XVIII в. / А. Кантемир [и др.] ; вст. ст. и сост. Г. Макогоненко, примеч. П. Орлова и А. Саковича. – М. : Художественная литература, 1972. – С. 205–261.
4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. Т. 2. – СПб. : Наука, 2001. – 603 с.

E. J. Kopteva, Omsk's state pedagogical university

THE EPIC AND AUTOBIOGRAPHICAL AT THE «NOTES» (1743–1812) OF G. R. DERZHAVIN

At this article the problem of genre syncretism of «Notes» of G.R. Derzhavin reveals. Genesis of a novelistic form in the Russian «non fiction» prose, including a question of interaction epic is considered, autobiographical and novelistic began. The main tendencies of development of the Russian prose are defined (from G.R. Derzhavin's notes to prosaic experiences of A.S. Pushkin, N. V. Gogol, etc. authors).

Keywords: Russian prose, epos, novel, autobiography, «non fiction» prose, conditional- biographic «I».

References

1. Bachtin M.M. *Epos i roman* [Epos and novel], St. Petersburg, Alphabet, 2000, 304 p.
2. Derzhavin G.R. *Zapiski* [Notes], Moscow, Thought, 2000, 334 p.

3. Majkov V.J. *Eliseus, or Angry Bacchus. Russkaja poesija XVIII v.*, Moscow, Fiction, 1972, pp. 205–261.
4. Gegel' G.V.F. *Lekcii po estetike* [Lectures on an esthetics], St. Petersburg, Science, 2001, 603 p.

© Э. И. Коптева, 2015

Автор статьи – **Элеонора Ивановна Коптева**, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Рецензенты:

Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Омский региональный научно-исследовательский Центр изучения творчества Ф. М. Достоевского.

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 821.161.1 + 82.02

Р. Н. Лейни,

Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

ИСТОКИ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА: ПРИЁМ «ДВОЙНОГО ВИДЕНИЯ» В РОМАНЕ Л. ДОБЫЧИНА «ГОРОД ЭН» И ТЕОРИЯ ПАРОДИИ Ю. ТЫНЯНОВА

Рассматриваются значимость и актуальность теоретических работ Ю. Тынянова и прозы 20-х годов для осмысления художественно-эстетических изменений в литературе второй половины XX века.

Ключевые слова: постмодернизм, пародия, ирония, формализм, русская литература, литературный процесс, литературная эволюция.

Обзор литературно-критических и исследовательских работ последнего десятилетия демонстрирует, а во многом и популяризирует анализ текстов адептов постмодернизма через теоретико-методологические идеи литературоведов 20-х годов. На первый взгляд, подобное ретроспективное обращение может восприниматься диссонирующим и нарушающим последовательность смен литературно-эстетических систем. В действительности же идея формальной школы искусства первой трети XX века о суверенной самоценности формы во многом раскрывает механизм изменений художественных парадигм модернизма постмодернизмом.

В данной статье предпринята попытка изучения теоретических работ и Ю. Тынянова о пародии и романа Л. Добычина «Город Эн» с целью показать художественное новаторство и особенность зарождения новой эстетической системы постмодернизма. Думается, что тексты русских представителей формальной школы во многом наполнены пророческой интуицией и предвосхищают появление русского постмодернизма в конце XX века.

В истории развития литературного процесса необходимо принять во внимание и намеренное прекращение, прерывание логики смены художественных парадигм от модернизма к постмодернизму. Известнейшая статья «Сумбур вместо музыки», появившаяся в начале 1936 года, высказывания М. Горького, Постановление об опере «Великая дружба» насильственно прервали движение эстетическо-художественной тенденции модернизма в сторону усложнения художественного языка и создания эффекта коммуникативной неоднозначности или «двойного видения текста» постмодернизма.

Подобную участь разделил не только формализм, но и ряд русских писателей, оказавшихся в ситуации «преемственного одиночества». Так, решительно вытесненным в маргинальный пласт «несвоевременной литературы» оказался Л. Добычин. Один из литературных критиков писал, что роман Л. Добычина «вещь сугубо формалистичная, бездумная и никчёмная. Формализм тут законно сочетается с натурализмом» [1]. С точки зрения официальной критики, «Город Эн» был последним «формалистическим» романом, «проскочившим» в печать. Неудивительна и уничтожающая реакция на образец «формализма». Поликодовая структура романа Добычина, насыщенная иронической

неоднозначностью, самой тканью повествования противоречила жёстким канонам политически ангажированного реализма.

Лояльные Добычину современники отмечали недооцененность его творчества, «его место в литературе было совершенно особым: у него не было ни соседей, ни учителей, ни учеников. Он никого не напоминал» [2]. Зато Ю. Тынянову, наряду с положительными отзывами на роман, принадлежала блестящая пародия на Добычина, которая и была направлена на его ни на кого не похожую писательскую манеру. Единственным писателем, кого автор «Города Эн» выделял среди современников, был Ю. Тынянов.

Для данной работы принципиальное значение имеют также теоретические идеи И. П. Смирнова о трансформации поэтических языков модернизма. Трансформация эстетических идеалов и стилевых установок в контексте мировой культуры не раз становилась объектом пристального изучения современными учёными различных гуманитарных направлений. Последняя из глобальных стилевых триад, по мнению В. Бранского, получила название «классика – модернизм – постмодернизм». Причину изменений эстетического идеала учёный усматривает не в отождествлении постмодернизма со «сверхмодернизмом», не с развитием «антиискусства», а с определённой эволюцией эстетического идеала художественной культуры XX века. Не видеть определяющей роли эволюции эстетического идеала в эволюции художественной культуры – значит не видеть за деревьями леса, пишет исследователь [3]. Воссоздавая логику художественных изменений, И. П. Смирнов высказывает идею о глубинной трансформации художественно-эстетической парадигмы, когда накопление внутри старой системы оптимального числа вторичных преобразований неуклонно приводит к трансформации системы.

На наш взгляд, механизм, способный расшатать глубинные основы художественно-эстетической системы, и путь, способствующий трансформационным переходам, кроются в модернистской иронии, скрытый и буквальный смысл которой создаёт неоднозначность, вариативность прочтения художественного текста. По определению В. И. Тюпы, иронический модус художественности представляет собой воплощение авторской концепции личности, характеризующее литературное произведение как целое [4].

Ирония как эстетическая категория представляется в виде мировоззренческой установки авторского сознания и сопряжена не только с авторской ценностной ориентацией, но и определяет структурные и композиционные принципы построения художественного текста. Ирония проецирует и особые коммуникативные стратегии, создаёт новые коммуникативные модели в системе координат автор–читатель. Ироническая амбивалентность текста провоцирует множественные интерпретации. Такая коммуникативная модель организует особое воздействие на читателя, вместо однозначного истолкования знакового комплекса формулирует несколько версий.

Одним из первых, описавших подобный потенциал комического, был Ю. Н. Тынянов. В теоретико-литературных статьях русский формалист отмечает способность пародии организовывать новые эстетические системы в искусстве и литературе. Под пародированием исследователь понимал перевод конструктивного элемента текста из одной системы в другую, такими системами могли быть литературное произведение предшественника, языковая или речевая норма стиля, жанра, направления. «Пародия вся – в диалектической игре приёмом» [5]. В своих работах Тынянов формулирует мысль о том, что новое произведение появляется благодаря пародированию, отталкиваясь от опыта предыдущей культуры.

Это высказывание позволило голландскому исследователю Д. Фоккема проецировать теоретико-методологические идеи Тынянова и русских формалистов на схему литературного развития, которая трактовалась им как «смена системы норм». Игровой потенциал иронического модуса художественности модернизма органично приводит к накоплению внутри старой системы оптимального числа вторичных преобразований и в итоге – к стилистическим сломам системы.

Конститутивной научной темой Ю. Н. Тынянова выступает теория литературной эволюции, основанная на теории автоматизации-деавтоматизации через пародию. Согласно теории Тынянова, каждое произведение литературы – система, а литературная эволюция представляется «сменой систем». При этом происходит «отталкивание» каждого «нового» произведения от предыдущего, «старого», что обусловлено поиском постоянной новизны, внутренне присущей искусству.

При этом мы можем легко обнаружить периодическое возрождение на протяжении веков пародийности как некоторого существенного признака культуры, поразительную схожесть эстетических критериев литературы и искусства определённых эпох. И как следствие, место романтизма занимает реализм, реализма – модернизм, а дальше – постмодернизм. Возможно, подобные наблюдения

за логикой развития позволили В. С. Библеру высказать предположение: «Не есть ли культура логики самоизменения, по сути дела – культура бесконечного повторения, пусть в новых, более богатых вариантах...» [6] Методология самого Тынянова предполагала осознание литературной эволюции в качестве изменения соотношения членов системы. В статье «О пародии» учёный уточнял: «Эволюция литературы совершается не только путём изобретения новых форм, но и, главным образом, путём применения старых форм в новой функции» [7].

Основоположники философской рефлексии постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида) новаторство старых форм пародийной игры и иронических отсылок к предшественникам объясняли не-транспарентностью действительности, утратившей прозрачную ясность всех вещей и системно-аксиологическую определённую. Таким образом, новая функция иронии постмодернизма заключается в изменении отношения восприятия и коммуникации и тем самым – «отношения к коммуникации как таковой». Как пишет И. П. Смирнов, «чрезвычайную популярность в постмодернизме завоевывает положение о несовпадении даже достоверного изображения с изображаемым», «двойное видение литературного текста» [8]. Именно оно подрывало собственное значение предмета, обогащало его дополнительным значением, вытекающим из сопоставленности разных предметов.

Показательной особенностью строения романа Л. Добычина является описание действительности с разных точек зрения, каждая из которых воспроизводит её неадекватно, искажает её. Сам сюжет романа представляется иронически-искривлённой метафорой: обретение собственного видения мира героем оборачивается прогрессирующей близорукостью. Главный герой и рассказчик ещё в раннем детстве узнаёт «про то, что электрическое освещение должно вредить глазам». И он безуспешно старается уберечься: «Пришёл инженер. Он зажжёт электричество, и я отвернулся, чтобы не испортить глаза» [9]. Но зрение героя продолжает ухудшаться и становится причиной неспособности к математике: «Я думаю, не оттого ли, что я почему-то не могу рассмотреть на доске мелкие цифры». «Потом Шустер свёл меня к бабьему месту, но я видел хуже, чем он, и купальщицы мне представлялись расплывчатыми белесоватыми пятнышками». «Моё зрение, по-видимому, стало хуже. Лица её я не видел. Я чувствовал только, которое пятнышко было её головой». «Со стула я видел картинку да Винчи, но с места ничего не мог рассмотреть». Герою и в голову не приходит мысль об очках, пока он случайно не попадает взглядом в стекло пенсне. Только тогда он понимает: «до этого всё, что я видел, я видел неправильно» [10]. Боковое зрение, неправильно, случайно брошенный взгляд через пенсне помогает герою осознать действительность. Сюжет романа о духовном взрослении героя иронически низводится до уровня ухудшения зрения и приобретения очков.

Повествовательные стратегии самого автора романа могут почти бесконечно предоставлять все новые вариации видения действительности. По мнению В. Ерофеева, близорукость в финале становится конструктивным принципом повествования, превращается в обнаружение ограниченного восприятия героя: «близорукость есть скрытая пародия на “литературность”» персонажа. Признание героем неправильности своего видения – это ещё одна ироническая волна, и пародия может быть прочитана как мотив самокритики» [11].

Постмодернистская пародичность девальвирует смысловую устойчивость сюжетного хода, демонстрируя его относительность и неопределённость. На текст накладывается дополнительный оборот иронии, превращающий единое высказывание в метод организации текста как программно эклектической конструкции различных пассажей, отношения между которыми не могут быть однозначно определены.

Пародичность в романе Л. Добычина проявляет себя и включённостью в единую ткань произведения совершенно различных стилистических и жанровых систем, кодов или языков других семиотических систем. Такими структурами становятся ставшие клише и стереотипами образы классического и массового искусства, живописные и музыкальные темы, вывески и рекламно-графические образы. Мальчик-повествователь описывает реальность, опираясь на знаки-индексы, указывающие на предмет, но не характеризующие его. Например: «Не он ли, – говорил я себе, – этот Мышкин, которого я всё время ищу?»; «лицо его напоминало лицо Достоевского»; «вошли дама-Чичиков и «Страшный мальчик»; «я был одинок, как демон М. Лермонтова».

На протяжении всего романа особое видение героя создаёт неестественный мир, в котором отнесены реальность и условность: герои сидят на крыльце, как «Гоголь в Васильевке», фельдшер Пшеборовский напоминает картину «Ницше», штабс-капитан Чигильдеев – картину «Всё в прошлом», а облака оказываются как на открытке, подаренной «мадмазель» Горшковой. Равновероятность появления культурных и бытовых реалий в мире героя влияет на метод изображения такой

действительности. Примитивистский взгляд создаёт искусственный мир, в который включён огромный культурный пласт искусства, истории. «Дама-Чичиков», «Лев XII», «Толстой, убегающий из дома с котомкой и палкой» предстают в этом мире как условность, стереотип художественных представлений. Культурные реалии (имена писателей, образы живописи) иронически низведены до уровня быта, общественного мнения: «с волосами дыбом и широкими усами, он напоминал картину «Ницше»; «он советовал подражать нам “Гоголю как сыну церкви”»; «я стоял, как Манилов»; «как Чичиков, я силенга угадать, кто писал»; «про современную литературу я думал, что она вроде «Красного смеха»; «мы с тобой – как Манилов и Чичиков».

В альтернативном бытии, созданном мальчиком-повествователем, иронически уравниваются не только культурно-исторические реалии: Ницше, Эдуард VII и воздушный змей, война с японцами и дешёвый чай. Культура, культурный миф сведены к быту: «Кондратьевна, вскочив с качалки, побежала к нам. Мы похвалили садик и взошли с ней на верандочку. Там я увидел книгу с надписями на полях – «Как для кого!» – было написано химическим карандашом и смочено. – «Ого!» – «Так говорил, – прочла маман заглавие, – Заратустра». – Это муж читает и свои заметки делает, – сказала нам Кондратьевна. Пришёл Андрей и показал мне змея, на котором был наклеен Эдуард VII в шотландской юбочке» [12]. Б. Парамонов определяет это свойство добычинской прозы как «описание глухого быта как бы на гимназической латыни ... причём не быт разоблачается, а культура одомашнивается» [13].

Именно подобное не разоблачение, а ироническое снижение высокого и позволит в дальнейшем появиться «несовместимым совмещениям» постмодернизма. Достаточно вспомнить остроумную интерпретацию Б. Акуниным популяризации идей коммунизма в начале XX века: традиционный фольклорный образ вурдалака и использование жанрового конструкта готического романа становится объяснением исторических, общественно-политических реалий. Подобный процесс иронического совмещения во многом созвучен концепциям Тынянова: «Совсем новые, совсем голые явления не выживают. Нужна какая-то смесь, даже неразбериха, чтобы не оказаться вне литературы, быть с нею связанным. Потом постепенно отшелушиваются “краски ветхие... и появляется лицо”» [14].

Но не только сюжетная ироническая многозначность раскрывает новаторство постмодернистского письма Л. Добычина. Предзнаменованием постмодернизма становится отсутствие ранжированности семиотических систем в рамках одного текста. Способствует этому сама манера мышления повествователя, представленная через множество разнородных фрагментов и частей, между которыми нет какого-либо объединяющего начала. Повествовательная стратегия в романе представляет собой сознательную установку на отсутствие единства, универсальности и целостности. Торжество фрагментарности, эклектики, эфемерности в романе проявляется в равноценности описанных событий: вывески с «коричневыми голыми индейцами с перьями на голове», обёртки карамельки «Мерси», найденный пятак, встреча с другом или смерть отца. «Иоанн у креста, милостивый, напомнил мне Васю, растроганный, я засмотрелся на раны Иисуса Христа и подумал, что и Вася страдал» [15].

Впоследствии Лиотар назовёт «век постмодерна» эрозией веры в «великие метаповествования», в «метарассказы», легитимирующие, объединяющие и «тотализирующие» наши представления. Повествование Л. Добычина сродни этому расщеплению «великих историй», когда на смену единому повествовательному дискурсу появляется множество более простых, мелких, локальных «историй-рассказов»: «В «монументальной И. Ступель» маман заказала решётку и памятник. Там на стене я заметил картинку, похожую на краснощёкенькую богородицу тюремной церкви. – Мадонна, – напечатано было на ней, – святого Сикста. Карманов устроил маман на телеграф ученицей. Она уходила, надев свою чёрную шляпу с хвостом, я писал, и Розалия, как взрослому, подавала мне чай» [16]. Смысл этого крайне парадоксального, нарочито беспародического по своей природе повествования – не узаконить знание о мире, а сообщить о его всеобщей нестабильности, когда всё читательское внимание концентрируется на единичных фактах и локальных процессах.

Как можем заметить, отмеченная Тыняновым непосредственная включённость комического в механизм литературной эволюции, в процесс перехода «старого» в «новое», широко используется современными литературоведами в качестве методологической основы выявления новаторства постмодернистской художественности. Но при этом значимость разработанных Тыняновым методологических основ создания новой эстетической системы порой ограничивается рассмотрением пародийной игры цитатами, аллюзиями, отсылками и реминисценциями. Подобное изучение, на наш взгляд, остаётся всё же остепенённым определением постмодернизма.

В своих работах Тынянов размежёвывал понятия «пародичности» и «пародийности». Оппозиция пародичность/пародийность Тынянова обогащает наше понимание диалектики старого и нового.

Анализ иронической структуры повествования в романе Л. Добычина показывает путь глубинной трансформации модернистского текста и формирования повествовательной стратегии постмодерна. Подобная повествовательная стратегия обнаруживает своеобразное явление «пародичности». Структурная организация романа, состоящая из иллюзорных, «боковых» точек зрения, отрицаемых в финале прозрением героя, обнажает механизм трансформации художественно-эстетической парадигмы, когда накопление внутри старой системы оптимального числа вторичных преобразований неуклонно приводит к трансформации системы. Повествовательная организация исследуемого романа отличается наличием фигуры «ненадёжного» повествователя, обладающего оригинальным субъективным кругозором, а также применением особых приёмов, нарушающих норму линейной наррации. Использование такого типа повествования обнаруживает метатекстуальную (в том числе пародийную) природу сюжета. Таким образом, «ненадёжный» повествователь выполняет функцию манифестации провокативной стратегии постмодернистского дискурса.

Библиографический список

1. Поволоцкая, Е. Формалистское пустословие / Е. Поволоцкая // Литературное обозрение. – 1936. – № 5. – С. 8–9.
2. Каверин, В. А. Добычин / В. А. Каверин // Писатель Леонид Добычин. Воспоминания. Статьи. Письма. – СПб. : Звезда, 1996. – С. 16–19.
3. Бранский, В. Я. Искусство и философия / В. Я. Бранский. – Калининград : Янтарный сказ, 1999. – С. 542.
4. Тюпа, В. И. Художественность литературного произведения: Вопросы типологии / В. И. Тюпа – Красноярск : Изд-во КГУ, 1987. – С. 22.
5. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – С. 226.
6. Библер, В. С. Заметки впрок / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 26–27.
7. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – С. 292.
8. Смирнов, И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино / И. П. Смирнов. – СПб. : Петрополис, 2009. – С. 53.
9. Добычин, Л. И. Город Эн: роман, повести, рассказы, письма / Л. И. Добычин. – М., Эксмо, 2007. – С. 38.
10. Добычин, Л. И. Город Эн: роман, повести, рассказы, письма / Л. И. Добычин. – М., Эксмо, 2007. – С. 72, С. 85, С. 104–105, С. 107, С. 124.
11. Ерофеев, В. В. Поэтика Добычина, или Анализ забытого творчества / В. В. Ерофеев // В лабиринтах проклятых вопросов. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 196.
12. Добычин, Л. И. Город Эн: роман, повести, рассказы, письма / Л. И. Добычин. – М., Эксмо, 2007. – С. 123.
13. Парамонов, Б. Добычин и Берковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.xs.libris.ru
14. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – С. 569.
15. Добычин, Л. И. Город Эн: роман, повести, рассказы, письма / Л. И. Добычин. – М., Эксмо, 2007. – С. 113.
16. Добычин, Л. И. Город Эн: роман, повести, рассказы, письма / Л. И. Добычин. – М., Эксмо, 2007. – С. 11.

R. N. Leyni,

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

THE ORIGINS OF RUSSIAN MODERNISM: THE RECEPTION OF «DOUBLE VISION» A NOVEL BY L. DOBYCHINA «CITY N» AND A THEORY OF PARODY Y. TYNANOV

Discusses the importance and relevance of theoretical works Y. Tynyanov and prose 20-ies for understanding the artistic and aesthetic changes in the literature of the second half of the twentieth century.

Keywords: postmodernism, parody, irony, formalism, Russian literature, literary process, literary evolution.

References

1. Povolockaja, E. Formalistskoe pustoslovie / E. Povolockaja // Literaturnoe obozrenie. – 1936. – № 5. – S.8-9.
2. Kaverin, V. A. Dobychin / V.A. Kaverin // Pisatel' Leonid Dobychin. Vospominanija. Stat'i. Pis'ma. – SPb. : Zvezda, 1996. – S. 16–19.
3. Branskij, V. Ja. Iskusstvo i filosofija / V. Ja. Branskij. – Kaliningrad : Jantarnyj skaz, 1999. S. 542.
4. Tjupa, V. I. Hudozhestvennost' literaturnogo proizvedenija: Voprosy tipologii / V. I. Tjupa – Krasnojarsk : Izd-vo KGU, 1987. – S. 22.
5. Tynjanov, Ju. N. O parodii / Ju. N. Tynjanov // Ju. N. Tynjanov Pojetika. Istorija literatury, kino. – M. : Nauka, 1977. – S. 226.

6. Bibler, V. S. Zametki vprok / V.S. Bibler // Voprosy filosofii. – 1991. – № 6. – S. 26–27.
7. Тунжанов, Ю. Н. О пародии / Ю. Н. Тунжанов // Тунжанов Ю. Н. Поjetика. Istorija literatury, Kino. – М. : Nauka, 1977. – S. 292.
8. Smirnov, I.P. Videorjad. Istoricheskaja semantika kino / I. P. Smirnov. – SPb.: Petropolis, 2009. – S.53.
9. Dobychin, L. I. Gorod Jen: roman, povesti, rasskazy, pis'ma / L. I. Dobychin. – М., Jeksmo, 2007. – S. 38.
10. Dobychin, L. I. Gorod Jen: roman, povesti, rasskazy, pis'ma / L. I. Dobychin. – М., Jeksmo, 2007. – S. 72, S. 85, S. 104–105, S. 107, S. 124.
11. Erofeev, V. V. Pojetika Dobychina, ili Analiz zabytogo tvorchestva / V.V. Erofeev // V labirintah prokljatyh voprosov. – М. : Sov. pisatel', 1990. – S. 196.
12. Dobychin, L. I. Gorod Jen: roman, povesti, rasskazy, pis'ma / L.I. Dobychin. – М., Jeksmo, 2007. – S. 123.
13. Paramonov B. Dobychin i Berkovskij. //www. xs libris. ru/
14. Тунжанов, Ю. Н. Поjetика. Istorija literatury. Kino / Ю. Н. Тунжанов. – М. : Nauka, 1977. – S. 569.
15. Dobychin, L. I. Gorod Jen: roman, povesti, rasskazy, pis'ma / L. I. Dobychin. – М., Jeksmo, 2007. – S. 113.
16. Dobychin, L. I. Gorod Jen: roman, povesti, rasskazy, pis'ma / L. I. Dobychin. – М., Jeksmo, 2007. – S. 11.

© П. Н. Лейни, 2015

Автор статьи – **Регина Николаевна Лейни**, кандидат филологических наук, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, e-mail: leyniregina@yandex.ru

Рецензенты:

Р. Р. Измайлов, кандидат филологических наук, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова.

И. Ю. Ивановщина, доктор филологических наук, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

УДК 007

Е. С. Радионцева,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИНТЕГРАЦИЯ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ В ИНТЕРНЕТ

В публикации рассматривается процесс интеграции районных газет Сибирского федерального округа в интернет-пространство, выявляется специфика электронных версий печатных изданий.

Ключевые слова: современная районная газета, электронная версия районной газеты.

Самым читаемым типом прессы в России являются районные газеты. Им удаётся быть интересными для читателей, несмотря на трудную экономическую ситуацию, зависимость от местных властей, отсталую полиграфическую базу и недостаток кадров. По информации ВЦИОМ, доля их читателей – около 35 % – остаётся неизменной на протяжении вот уже многих лет, тогда как доля читателей общероссийских политических еженедельников за это время значительно снизилась. Кроме этого, районные издания составляют примерно четверть всех наименований, выходящих в России [1, с. 64].

Сейчас перед местным изданием стоит задача активного внедрения в цифровое пространство. По статистике Центра гуманитарных технологий [Центр гуманитарных технологий, 2010: URL: <http://gtmarket.ru/organizations/pew-research-center>], читатели в возрасте старше 55 лет предпочитают бумажную прессу. Основу же аудитории газетных iPad-приложений составляют люди в возрасте 25–44 лет, на долю которых приходится 47,3 % «цифровых» продаж. Самыми активными пользователями сети являются дети и молодёжь в возрасте 12–24 лет. В группе 25–44-летних таких пользователей 80 %, а в возрастной категории выше 45 лет – 31 %. К концу 2015 года проникновение интернета среди первых двух групп населения достигнет 97–99 %, поэтому дальнейший прирост аудитории возможен только за счёт населения старше 45 лет [2, с. 36].

Районные газеты стали активно проникать в интернет через размещение своих электронных версий. Понятие «электронная версия» встречается в классификациях М. Лукиной [5, 2005], А. Носика [6], И. Давыдова [3] и др. Исследователи разделяют издания по способу выхода [3, с. 45] на следующие виды: собственно сетевые издания (то есть такие, которые выходят только в интернете);

издания, адаптированные для интернета, незначительно отличающиеся от своих печатных «собратьев», и сетевые версии традиционных СМИ.

А. Носик предложил новую классификацию, при которой эти же группы можно обозначить как «клоны», «гибриды» и «оригинальные интернет-СМИ» [6].

М. Лукина и И. Фомичева [5, с. 34] предлагают все средства массовой информации, выбравшие интернет как канал распространения своей продукции, разделить на три большие группы: эквивалентные копии традиционных СМИ, или их электронные версии; модифицированные онлайн-версии традиционных СМИ, которые возникли на почве своих оффлайн-прототипов, но не копируют их, а проводят собственную информационную политику, имеют собственную, отличную от «родителя» схему вещания, соответствующую выбранному каналу; медиапроекты, возникшие в сети и не имеющие оффлайновых прототипов. Многие из них прямо заявляют о своих коммерческих целях.

Количество электронных версий районных газет в России сегодня не подсчитано, а сам процесс интеграции печатных СМИ в глобальную сеть в целом изучен слабо. В связи с этим в первую очередь необходимо провести количественный анализ, и только на основании его данных впоследствии можно говорить о тенденциях и положении электронных версий районных газет Омской области в системе СМИ.

Исследование динамики интеграции электронных версий районных газет в интернет-пространство проводилось по четырём регионам СФО: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область и Омская область. Анализ проводился в два этапа. Первый этап исследования пришёлся на 2012 год, данные зафиксированы в сборнике «Диалог поколений. Труды по философии и медиакоммуникациям» [7, с. 202–203]. Второй этап исследования был проведён в марте 2014 года.

В результате анализа было обозначено количество действующих электронных версий районных газет, которые регулярно обновляют материалы на своём сайте, определено текущее положение электронных версий районных газет Омской области в системе СМИ Сибирского Федерального округа.

По данным 2012 года [7, с. 202–203], среди регионов Сибирского федерального округа по насыщенности электронными версиями лидировала Омская область, чей результат был равен 44 % электронных версий от общего числа районной печати: 14 электронных версий на 32 районные газеты области.

На втором месте находился Красноярский край, в котором насчитывалось 39 % электронных версий от общего числа периодических печатных районных изданий. На конец первого полугодия 2012 года в крае было зарегистрировано 17 электронных версий «районков» из 44 районных изданий, представленных на официальном сайте Красноярского края.

На третьем месте был Алтайский край с результатом 36 % электронных версий от общего количества районных изданий. Информация о них зафиксирована на официальном сайте Алтайского края. Это 21 электронный вариант, а всего в Алтайском крае 59 районных печатных изданий.

Последнее место в нашем рейтинге оставалось за Новосибирской областью с 5 электронными версиями из 32 районных газет, или 16 % от общего числа.

Анализ, проведённый в 2014 году, показал, что ситуация кардинально изменилась.

Среди 30 исследуемых электронных версий районных газет **Новосибирской области** в настоящий момент функционирует лишь 29. Портал газеты «Аэро-Сити» не открывается (дата обращения 01.05.14). Таким образом, количество электронных версий районных газет в Новосибирской области выросло с 5 до 29.

При анализе доменных имён данных изданий выяснилось, что 17 из 29 электронных версий имеют одинаковое окончание `nsonews.ru`. Существует одноимённый портал NSONEWS, который позиционирует себя как медиапортал Новосибирской области. Согласно информации, размещённой на сайте медиапортала, следует, что ресурс был зарегистрирован ГБУ НСО «Агентство по печати и массовым коммуникациям Новосибирской области» в 2013 году. Такая же информация размещена на всех электронных версиях районных газет Новосибирской области, у которых доменное имя оканчивается на `nsonews.ru`. Исследование данных сайтов показало, что они созданы по единому образцу: у них идентичный дизайн, структура и система навигации.

Два ресурса: «Степная нива» и «Маслянинский льновод» – в доменном имени имеют окончание `smi/main/`. На сайте издания с таким доменным именем сказано, что информационная и техническая поддержка оказана информационным агентством «Муниципальная Россия». Доменные имена с окончанием `smi/main` встречаются у электронных версий районных газет не только Новосибирской области, но и других исследуемых регионов. Остальные 10 газет имеют в интернете собственные независимые ресурсы.

Из 29 анализируемых ресурсов ежедневно обновляется контент только на двух сайтах, это 6,9 % от общего количества ресурсов: «Бердские новости»; «Наша жизнь».

Восемь изданий, или 27,6 % от общего количества электронных версий районных газет Новосибирской области, обновляют контент еженедельно: «Степная нива», «Барабинский вестник», «Венгеровская газета», «Искитимская газета», «Трудовая жизнь», «Тогучинская газета», «Чановские вести», «Черепановские вести».

Ежемесячно размещают материалы редакции четырёх изданий – это 13,8 % от общего количества: «Краснозерская новь»; «Трудовая правда»; «Сельский труженик»; «Знамя труда».

Пять изданий, или 17,2 %, обновляют ресурс по мере поступления информации. Частота обновлений обычно занимает от нескольких дней до недель: «Коченевские вести», «Маслянинский льновод», «Наши новости», «Мошковская новь», «Приобская правда».

Как показал анализ, 10 изданий перестали обновлять контент с 2013 года. Это 34,5 % от общего количества исследуемых ресурсов: «Сельская правда», «За изобилие», «Степные зори», «Маяк кулунды», «Ордынская газета», «Северная газета», «Новая жизнь», «Убинский вестник», «Кулудинская новь», «Чулымская газета».

В результате проведённого анализа посещаемости электронных версий районных газет Новосибирской области удалось установить, что количество посетителей не зависит напрямую от частоты обновления ресурса.

Первоначальный количественный анализ электронных версий районных газет **Алтайского края** показал, что с 2012 по 2014 гг. число изданий выросло с 21 до 33. Однако в ходе исследования выяснилось, что два ресурса не функционируют. При попытке перейти на сайты газет «Моя земля» и «Заря» в окне браузера появляется информация, что «сайт закрыт». В итоге, можно считать, что действующих электронных версий районных газет Алтайского края на сегодняшний день всего 31.

Исследование доменных имён данных ресурсов позволило выявить следующие данные: сайты газет «Бурлинская газета», «Каменская народная газета», «Восток Алтай» созданы на бесплатной платформе «ucoz». Сайты газет «Наши вести» и «Вперед» созданы при поддержке ИА «Муниципальная Россия»: их доменные имена оканчиваются на smi/main. Остальные 26 газет имеют в интернете собственные независимые ресурсы.

Из 31 анализируемого ресурса ежедневно обновляется контент на шести сайтах, это 19,4 % от общего количества ресурсов: «Бурлинская газета», «Змеиногорский вестник», «Степной маяк», «Восход», «Первомайский вестник», «К новым рубежам».

Отличительной чертой электронных версий районных газет Алтайского края можно назвать периодичность обновления ресурсов, равную двум дням. Таким образом, контент обновляют редакции семи исследуемых изданий: «Заря Приобья», «Каменская народная газета», «Новый путь», «Змеиногорский вестник», «Родная сторона», «Свет октября», «На земле троицкой».

Шесть изданий обновляют ресурс по мере поступления информации. Частота обновлений обычно занимает от нескольких дней до недель: «Наши вести», «Вперёд», «Новости Кулунды», «Новое время», «Сельчанка», «Сельская правда».

Еженедельно обновляют информацию на своих ресурсах редакции шести исследуемых газет: «Ударник», «Дело октября», «Авангард», «Степная новь», «Голос хлебороба», «Восток Алтай».

Три анализируемых издания обновляют контент ежемесячно: «За урожай», «Наше слово», «Слово – дело».

В ходе исследования было установлено, что контент не обновлялся в течение нескольких месяцев на следующих трёх ресурсах: «Ударник труда», «Трибуна хлебороба», «Горные зори».

Как показал анализ посещаемости, больше всего посетителей зафиксировано у электронной версии газеты «Новый путь», чей результат – 139 человек в сутки (по данным счетчика посетителей liveinternet) при периодичности обновления контента, равной двум дням. Исследование показало, что и здесь количество посетителей не зависит от частоты обновления ресурса. Таким образом, при ежедневном обновлении количество суточных посетителей анализируемых сайтов составляет от 15 до 60 человек. Посещаемость не удалось установить на 14 ресурсах в связи с тем, что счётчик посетителей либо не был установлен, либо работал в ограниченном доступе.

Количество электронных версий «районок» **Красноярского края** за два года выросло с 17 до 37 изданий. Согласно последним данным (дата обращения 01.05.14), количество работающих сайтов сократилось до 35. Свою работу приостановили электронные версии газет «Заря Енисея» и «Пригород».

Исследование доменных имён данных ресурсов показало, что три сайта созданы на бесплатной платформе «ucoz»: электронные версии газет «Присянье», «Знамя труда», «Иланские вести». Пять изданий созданы благодаря информационной и технической поддержке ИА «Муниципальная Россия», и в доменном имени содержат окончание «smi/main»: электронные версии газет «Красное знамя», «Новое время», «Авангард», «Сельский труженик», «Маяк Севера».

Как показало исследование частоты обновлений ресурсов, у электронных версий газет «Вперед» и «Голос Тюхтета» невозможно определить периодичность, т. к. даты публикаций не проставлены.

Ежедневно обновляется контент у четырёх электронных версий районных газет Красноярского края: «Новая Причулымка», «Дзержинец», «Власть труда», «Заполярная правда».

Один раз в неделю контент обновляют редакции 13 газет: «Эхо Турана», «Советское Приангарье», «Канские ведомости», «Сибирский хлебороб», «Грани», «Ангарская правда», «Рабочий», «Красное знамя», «Енисейская правда», «Ирбейская правда», «Сельская жизнь», «Сибирский хлебороб», «Манская жизнь».

Ежемесячно контент обновляет только три издания: «Новое время», «Маяк Севера», «Огни Сибири».

7 из 35 исследуемых изданий обновляют контент по мере поступления информации, то есть от нескольких дней до недель: «Ангарский рабочий», «Причулымский вестник», «Огни Енисея», «Емельяновские вести», «Иланские вести», «Авангард», «Сельский труженик».

Редакции шести изданий не обновляют ресурс в течение нескольких месяцев: «Присянье», «Знамя труда», «Земля Боготольская», «Советское Причулымье», «Вместе с вами», «Заря».

Среди исследуемых регионов СФО у электронных версий районных газет **Красноярского края** самые высокие показатели среднесуточной посещаемости. Самая высокая посещаемость у двух изданий: газета «Новая Причулымка» – 242 человека в сутки (по данным счётчика посещений «Яндекс Метрика»), «Сибирский хлебороб» – 206 человек в сутки (по данным счётчика посещений Visitors Counter). Самая низкая посещаемость на ресурсах, которые обновляют контент ежемесячно: это издания «Новое время», «Маяк Севера» и «Огни Сибири». Посещаемость не удалось установить на 13 ресурсах в связи с тем, что счётчик посещений либо не был установлен, либо работал в ограниченном доступе.

Количество электронных версий районных газет **Омской области** за два года выросло с 14 до 21 издания. Сайт газеты «Правда Севера» закрыт на техническое обслуживание (дата обращения 29.04.14). Поэтому на сегодняшний день действующих ресурсов зафиксировано только 20. Сайты районных газет представлены как на платных платформах, так и на бесплатных. К примеру, один из ресурсов – сайт газеты «Знамя труда» – расположен на бесплатной платформе ucoz: <http://znamtrud.ucoz.ru>.

Кроме этого, следует обратить внимание на доменные имена с окончанием smi/main. Среди анализируемых ресурсов такие имена встречаются у пяти изданий: «Ире Цайтунг», «Ваша звезда», «Авангард», «Иртышская правда», «Маяк».

Пять из 20 изданий перестали обновлять свой контент в течение последних нескольких месяцев: «Таврические новости», «Вперед», «К новым рубежам», «Луч», «Целинник-НВ».

Ежедневно ресурс обновляют редакции следующих изданий: «Авангард», «Наша Иртышская правда», «Пламя всегда с вами», «Тюкалинский вестник».

Еженедельно контент обновляют редакции 9 изданий: «Заря», «Знамя труда», «Знамя», «Маяк», «Наша искра», «Сибиряк», «Гарское Прииртышье», «Ваша сельская трибуна», «Ваша звезда».

Два ресурса обновляют контент по мере поступления информации в промежуток от нескольких дней до недель: «Голос целины»; «Ире Цайтунг».

Наибольшее количество посещений наблюдается на сайте газеты «Гарское Прииртышье» – около 300 посетителей в день, у электронной версии газеты «Сибиряк» – в среднем 140 человек в сутки. Чуть меньше, около 100 человек в сутки, посещают сайт газеты «Знамя». Среднесуточная посещаемость сайта газеты «Наша искра» составляет 60 человек. Это самые лучшие показатели среди анализируемых порталов. Посещаемость установлена и на тех ресурсах, которые не обновляли контент больше месяца. Например, среднесуточная посещаемость сайта газеты «Луч» – около 10 человек. Счётчиков посещений нет на 6 ресурсах: «Вперед», «Ваша сельская трибуна», «Заря», «Правда Севера», «Тюкалинский вестник», «Целинник». На сайтах газет «К новым рубежам» и «Наша искра» не удалось определить среднесуточную посещаемость: здесь указано общее количество посещений за всё время.

Согласно данным анализа электронных версий четырёх регионов СФО, издания Омской области медленнее других осваивают интернет-пространство как канал распространения информации. Внушительные показатели у Новосибирской области: за два года количество электронных версий

районных изданий выросло с 5 до 29. На втором месте Алтайский край, в котором количество изданий выросло с 21 до 31. Третье место на сегодняшний день занимает Красноярский край, в котором количество электронных версий «районки» в период с 2012 по 2014 гг. выросло с 17 до 35 изданий. В Омской области количество электронных версий районных газет увеличилось всего на 6 изданий и составило 20 сетевых аналогов.

При анализе доменных имён выяснилось, что 59 % электронных версий районных газет Новосибирской области созданы при поддержке портала NSONEWS. Семь электронных версий районных газет исследуемых регионов были созданы на бесплатной платформе usoz: в Красноярском крае – 3 газеты, в Алтайском крае – 3 газеты и в Омской области – 1 газета. Среди анализируемых изданий 14 были созданы при информационной и технической поддержке ИА «Муниципальная Россия»: в Новосибирской области – 2 издания, в Алтайском крае – 2 издания, в Красноярском крае – 5 изданий и в Омской области – 5 изданий.

Однако в исследовании была предпринята попытка проверить не только количественные показатели, но и функциональность создаваемых ресурсов. Как выяснилось, многие редакции, создав ресурс, перестают его обновлять. Ресурсы, не обновляющие контент более полугода, определены как «временно приостановленные». При желании редакции могут восстановить работу данных ресурсов, но на сегодняшний день они недееспособны.

Самые лучшие показатели по частоте обновления созданных порталов зафиксированы у Омской области: 65 % изданий обновляют электронные версии ежедневно или еженедельно. В Новосибирской области с такой периодичностью новые публикации появляются только в 34,5 % изданий, в Алтайском крае – в 38,7 % изданий и в Красноярском крае – в 48,6 % изданий.

Согласно анализу, большинство ресурсов районных изданий обновляют информацию один раз в неделю, в соответствии с выпуском печатного издания. Однако тенденция такова, что часть ресурсов перестала обновляться с 2013 года. Этому могло способствовать несколько причин: ограниченный бюджет редакции, отсутствие кадров и технических возможностей.

Анализ посещаемости ресурсов показал, что в Новосибирской области посещаемость от 50 человек и выше встречается только у 6,8 % изданий, в Алтайском крае – у 19,4 %, в Красноярском крае – у 25,7 %, в Омской области – у 35 % изданий.

Библиографический список

1. Аникина, М. Е., Баранов В. В. Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов ; под ред. М. В. Шкодина, Л. Л. Реснянской. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 236 с.
2. Григорьев, В. В. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад ФАПиМК. – М., 2012. – 88 с.
3. Давыдов, И. Масс-медиа российского Интернета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации // Русский журнал. – М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (дата обращения: 14.05.14).
4. Лукина, М. М. СМИ Рунета: штрихи к типологическому портрету по результатам мониторинга интернет-СМИ // Медиаскоп, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=46 (дата обращения: 02.04.2014).
5. Лукина, М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета. – М., 2005. – 89 с.
6. Носик, А. СМИ русского интернета: теория и практика // Интернет для журналиста ; под ред. А. Носика, С. Кузнецова. – М. : Галерея, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043177564.html> (дата обращения 15.05.14).
7. Радионцева, Е. С., Сафарова К. И. Электронные версии районных газет Сибирского федерального округа // Диалог поколений. Труды по филологии и медиакоммуникациям : сб. науч. трудов преподавателей и студентов факультета филологии и медиакоммуникаций / под ред. О. С. Иссерс. – Омск : Вариант-Омск, 2012 – С. 202–204.

E. S. Radionseva, Omsk state University. F. M. Dostoevsky

INTEGRATION OF REGIONAL NEWSPAPERS IN THE INTERNET

This publication describes the process of integration of regional Newspapers in the Siberian Federal district with the Internet space, explores the nature of electronic versions of printed publications local level.

Keywords: Modern local newspaper, the electronic version of the local newspaper.

References

1. Anikina M. E., Baranov V. V. Typology periodicheskoy pechati : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / pod redakciey M. V. Skadina, L. L. Resnyansky. – M. : Aspect Press, 2007. – 236 s.
2. Grigoriev V. V. Russian periodicicheskaya pechat. Sostoyaniye, ttndencii I perspektivi razvitiya: otraslevoyy doklad/ – M., 2012. – 88 s.
3. Davydov I. Mass media in the Russian Internet. Osnovnye tendencii razvitiya I analiz tekucey deyatelnosti// Russian zhurnal. – M., 2000. [Electronic resource]. URL: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (data obraceniya 14.05.14).
4. Lukina M. M. Media Runeta: shtrihi k tipologicheskomu portretu po rezultatam monitoringa internet-SMI // Mediastop, 2006. URL: http://www.mediascope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=46 (reference date: 02.04.2014).
5. Lukina M. M., Fomicheva I. D. SMI v prostranstve interneta. – M., 2005. – 89 s.
6. Nosik A. SMI russkogo interneta: theory and practice // Internet dlya zhurnalista / Pod red A. Nosik, S. Kuznetsov. – M. Galerius, 2001. [Electronic resource]. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043177564.html> (accessed 15.05.14).
7. Radionava E. S., K. I. Safarova Electronnaie versii rayonnih gazet Sibirskogo federalnogo okruga // Dialog pokoleniy. Trudi po filologii I mediakommunikaciyam / Sbornik nauchnih tridov prepodavateley I studentov fakulteta filologii I mediakommunikacii / pod red O. S. Issers. – Omsk: Omsk, 2012 – S. 202–204.

© Е. С. Радионцева, 2015

Автор статьи – **Екатерина Сергеевна Радионцева**, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: rakaty@yandex.ru

Рецензенты:

В. И. Хомяков, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Т. В. Шкайдерова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81-116.6

Т. П. Рогожникова,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

РУССКАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ДОМИНАНТА ПРАВДА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ

Объектом исследования является *правда* – одна из важнейших доминант русской культуры и русской ментальности. Актуальность работы состоит в применении к изучению культурно-языкового феномена *правда* диахронического подхода, позволяющего объективно восстановить истоки базовых особенностей русской ментальности. Диахронический подход осуществляется путём сравнительно-исторического концептуального анализа языкового материала – репрезентаций содержательных признаков концепта. Источниками материала являлись тексты разных жанров и времени создания: русские средневековые слова и поучения XI века, публицистика XVI веков, архивные омские судебные документы начала XX века. Впервые в научный оборот вводятся архивные судебные документы, связанные с покушением на Григория Распутина в сибирском селе Покровское. На основании анализа текстов сделаны выводы о содержательной преемственности на этапах концептуализации правды и о последовательной актуализации религиозного – социального – политического смыслов.

Ключевые слова: культурно-языковая доминанта, ментальность, диахронический подход, концептуальный анализ.

Работа выполнена в соответствии с темой гранта РГНФ № 14-34-01023

«Документ начала XX века: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы (на материале региональных архивных источников)».

Правда не случайно попала в поле нашего внимания: слово и его ментальное содержание объективно можно отнести к доминантам русской лингвокультуры. В лингвофилософских работах, посвящённых

изучению истории русской ментальности на материале языка и текста, описательно даны признаки народной самобытности этого феномена: «*правда как основание общества*», «*правду нужно искать*», «*правда является основой естественного и нравственного русского права*», «*вопрос о правде – чисто русский вопрос*», «*правда – прежде всего справедливость*», «*правда всегда соотносится с верой в неё*», «*правда важнее отвлечённой истины, как и вообще душа важнее всего телесного*» [1, с. 260–264]. Подобные культурные доминанты (в концептологии – концепты) представляют свидетельства о коренных особенностях русской ментальности, о прежней идентичности, основанной на внутренней логике собственного развития и потому особенно актуальной для современного мира с его поисками национальной самобытности.

Методологически важным при этом становится понимание особой эвристичности диахронического подхода к изучению культурно-языковых феноменов. Для этого аспекта существенно становление понятийно-образного содержания доминанты, направление и причины этого становления. Отличительной чертой данного подхода является то, что он учитывает лингвистические и экстралингвистические факторы, значимые для развития определённого концепта, анализируемого не в статике, а в динамике, от его возникновения до конечного вида. Данный подход позволяет понять, как воспринималось то или иное явление/реалия в определённый исторический момент, и объяснить, по каким причинам оно воспринимается так, а не иначе на современном этапе. Иными словами, при диахроническом изучении становится возможным не только восстановить исторически отдалённую ментальность, но и прояснить «тёмные места» в современной русской лингвокультуре. Именно поэтому данный подход преобладает в настоящем исследовании, и в этом, на наш взгляд, заключается его актуальность.

Диахронический подход методически логично сочетается в работе со сравнительно-историческим анализом языкового материала, репрезентирующего содержательные признаки концепта. Источниками материала являлись тексты разных жанров и времени создания: русские средневековые слова и поучения XI века (период распространения христианства на Руси и становления государственности), публицистика XVI века (время централизации власти и иерархизации отношений её с церковью), архивные омские судебные документы начала XX века (предреволюционное состояние в политической, социальной и культурной сферах как в центре, так и на периферии).

Научная значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выработать алгоритм лингвокультурологического анализа концепта. В перспективе алгоритм может быть опробован в процессе обучения русскому языку как иностранному (объяснение специфических национальных культурно-языковых феноменов иностранным учащимся).

Предметом исследования являются результаты вербализации концепта *ПРАВДА* в древнерусском и русском языке (слова, выражения, контексты), предъявленные в письменных текстах.

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции смысла древнерусского концепта в рамках лингвистической герменевтики и прослеживание судьбы смысловых компонентов в русском языке. При этом главной задачей видится выявление и изменений значений и смыслов древнерусского концепта *ПРАВДА* на материале текстов различной хронологической, жанровой и локальной принадлежности.

Интерес исследователей к данному концепту очевиден и логичен. Изучению природы *ПРАВДЫ* посвящали свои труды С. Г. Воркачев А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова и др., рассматривавшие, прежде всего, распределение этого понятия между значением слов *истина* и *правда*. Распределение состоит в следующем: понятие «истины» принадлежит к терминологической сфере науки и религии, тогда как «правда» относится к «сфере жизни», к сфере человеческих отношений [2, с. 21].

Следует отметить, что в работах авторов обращение к этимологии, происхождению слова занимает, как правило, достаточно скромное место, а обращение к его семантике на различных этапах складывающейся русской ментальности отсутствует вовсе.

В одной из глав работы «Национальная специфика языковой картины мира» А. Д. Шмелев и Т. В. Булыгина приходят к выводам, отчасти совпадающим с позицией Н. Д. Арутюновой («истина» принадлежит сфере науки и религии, «правда» – сфере повседневной жизни), но с уточнением, что это верно для современного состояния русской ментальности, а в древнерусском тексте это соотношение было полностью инвертированным. В этой же статье авторы затрагивают возможные причины данного явления [3].

Проблематика концепта *ПРАВДА* находит своё место и в исследованиях В. В. Колесова. В его работах уделяется место этимологическим изысканиям и анализу концепта в различных древнерусских текстах. Так, в монографии «Философия русского слова» он говорит как о тесной связи понятий

«правда» и «истина», так и об их разности: «Развитие бытовых этических представлений восточных славян Средневековья на языковом уровне происходило в последовательности образования парных формул типа *стыд-срам, радость, веселье, горе-беда, правда-истина* с последующей нейтрализацией между идеальным и реальным» [4, с. 315].

Позиция автора настоящего исследования состоит в том, что, только обратившись непосредственно к источнику (древнерусским текстам), можно будет понять исходный смысл концепта ПРАВДА и объяснить его содержание в настоящее время. Как наиболее показательное в отношении концептуализации *правды* изучено языковое пространство двух древнерусских произведений: «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) [5] и «Большой челобитной» Ивана Пересветова (XVI в.) [6].

Предварительно проведенный этимологический анализ лексем *правда* и *истина* позволяет сделать выводы о семантике долженствования *правды* в противовес «бытийной» *истине*, возможно, и не соответствующей идеалу, к которому стремился человек Древней Руси, и о примате *правды* над *истиной*: более широкое понятие включает узкое. Но говорить о таком приоритете вне изучения актуализации концептов в тексте считаем преждевременным.

Концептуальный анализ двух средневековых текстов дал следующие результаты. Черты сходства между этими текстами проявляются в том, что они объединены сходным пониманием ПРАВДЫ как трансцендентного, божественного, нормы. В обоих текстах концепт ПРАВДА представлен существенными признаками «справедливость», «праведность». Ещё одной чертой, сближающей два текста, является то, что ПРАВДА преподносится как закон, но закон, прежде всего, религиозно-этического характера.

Содержательное различие концепта ПРАВДА в этих текстах заключается в степени их религиозности, объясняемой постепенным усилением секуляризации русской культуры. «Слово о Законе и Благодати» напрямую увязывает *правду* с религиозными понятиями в библейском тексте, который служит своего рода «фундаментом» для этого произведения. *Правда* воспринимается Иларионом как нечто божественное, трансцендентный феномен, а Истина – её земное и равное воплощение. Истина (равно как и благодать) является своего рода откровением для людей: через истину открывается Божья Правда. Между тем понимание ПРАВДЫ Иваном Пересветовым сводится, скорее, к стандартизации норм государственного устройства. В заключении «Большой челобитной» публицист Пересветов сравнивает *правду* с гармоничным государственным устройством: «*правда Богу сердечная радость, а царю мудрость*». Резюмируя сказанное, можно заключить: сравнение двух текстов наглядно показывает как линию преемственности (концепт ПРАВДА сохраняет свои основные значения), так и те изменения, которые произошли в его содержании с течением времени – с древнерусских времён до зрелого Средневековья.

Следующий этап сравнительно-исторического анализа текстов в связи с проблемой становления и содержания концепта – обращение к тексту регионального типа. Это судебный документ начала XX века из фондов Омского исторического архива – «Переписка о покушении на убийство Григория Распутина» (1914) [7]. Важно подчеркнуть здесь, что обращение к региональным источникам позволяет выяснить, какие «локальные» смысловые компоненты входят в структуру концепта ПРАВДА, а обращение к тексту иного исторического периода (начало XX века, 1914 г.) поможет узнать, какие изменения произошли с концептом ПРАВДА с течением времени: какие новые смыслы были привнесены в структуру концепта и сохранились ли «старые» значения. Это важный этап сравнения основных смыслов концепта в разные исторические периоды (XI–XVI–XX вв.) и подведение предварительных итогов об историко-смысловой эволюции данного концепта.

Поскольку означенный текст впервые вводится в научный оборот, кратко осветим обстоятельства создания судебного документа и его основное содержание. 29 июня (12 июля) 1914 г. на Распутин в селе Покровском было совершено покушение. Его ударила ножом в живот и тяжело ранила Ксения Гусева, приехавшая из Царицына. В показаниях по рассматриваемому делу Григорий Распутин указывал, что подозревает в организации покушения Илиодора, но не смог представить каких-либо доказательств этого. Третьего июля Распутин перевезли на пароходе в Тюмень для лечения. В тюменской больнице Распутин оставался до 17 августа 1914 года. Следствие по данному делу длилось около года. В результате Ксению Гусеву в июле 1915 года объявили душевнобольной и освободили от уголовной ответственности, поместив в психиатрическую лечебницу в Томске.

Ксения Гусева, келейница наставницы Толмачевой в городе Царицыне, родом из села Покровского Тюменского уезда, которая и покусилась на жизнь Распутина. Её показания в этом деле представляются для нас особенно важными, так как в них актуализируются смысловые компоненты

концепта ПРАВДА. Второй фигурант – иеромонах Илиодор, в миру Сергей Труфанов, своего рода глава секты, противник православной веры, вероучитель новой религии, в конечном счёте (как это выяснилось в ходе продолжительного следствия и допросов) – революционер. Являясь в некотором роде бывшим другом Распутина, а затем его «конкурентом», он является лицом, спровоцировавшим Гусеву на совершение данного преступления. Душевное состояние самой Гусевой освещено в деле достаточно запутанно: было проведено несколько медицинских комиссий, в ходе которых её признавали то психически неуравновешенной, то находящейся в нормальном состоянии (в итоге всё-таки признали невменяемой и поместили в соответствующее учреждение). В любом случае практически все лица, имевшие отношение к следствию, признавали Гусеву персоной достаточно экзальтированной, а следовательно, предельно восприимчивой к идеям её «вероучителя» и интерпретировавшей их сообразно с её ментальностью. Наиболее значима для нашего исследования лингвистическая составляющая данного судебного процесса, а именно показания Ксении Гусевой, точнее, та их часть, где она объясняет мотивы совершённого ей преступления.

Первый документ в рассматриваемой «Переписке...» – «Телеграмма от 4.VII.1914», где первоначальный мотив формулируется следующим образом: *«она (т. е. Ксения Гусева – Т. Р.) решила убить Распутина как развратника и лжепророка ревнуя о правде христианской или правде божьей».*

Во втором документе – «Рапорте № 260 от 12 июля 1914» – содержится примечательная характеристика, которую Ксения Гусева даёт своей жертве. По словам Гусевой, *«он (Гришка) хлыст, неисправимый развратник, его нужно удалить из аристократических кругов общества и наказать за то, что будучи развратником, он так нагло считал себя праведником и лез к знатым людям».*

Третий документ – «Протокол Судебного Заседания от 24 февраля 1915 года в Тобольском окружном суде», содержащий ответы Гусевой касательно совершённого ей преступления. Приведём некоторые контексты из этого документа, содержащие актуализации концепта ПРАВДА: *«Поступок этот я не считаю за грех, а считаю святым делом, хотела намеренно убить Распутина, мстя, как патриотка, главным образом, за честь царя; У меня характер спокойный, и меня не считают злой, но если дело касается правды Божьей, то я становлюсь вспыльчивой и под влиянием сильной религиозности, забываю всё и делаюсь злой»; После своего неудавшегося подвига я убедилась, что на свете живёт и властвует одна неправда и поэтому перестала быть религиозной, перестала креститься...»; «Я и теперь почитаю Илиодора, так как он совершенно безвинно пострадал за правду».*

Четвёртый документ – «Протокол распорядительного заседания» – включает показания Ксении Гусевой от 20 июня 1915 года, данные в Томском окружном суде: *«По ея глубокому убеждению, Распутин это лжепророк, антихрист-дьявол в образе человека... сила его велика: всех достойных праведных, а следовательно, неугодных ему, как антихристу, начальников светских и духовных он без труда удалил с их постов и заменял своими приверженцами... вот это всё и навело её на мысль, как патриотку, постоять за Царя, за правду, за угнетенных... и добиться торжества правды и пресечь дальнейшее распространение им греха... в нём воплотились вся неправда, всё зло и все пороки... решила учинить над ним Суд Божий... и совершить великий подвиг... она стала просить дать ей возможность высказать, что она шла в защиту Царя, правды и веры – как христианка».*

На основе приведённых выше выдержек из судебного документа можно заключить, что на момент 1914 года ПРАВДА сохраняет такие смысловые компоненты, как «справедливость» и «праведность» (причём они доминируют не без влияния, разумеется, текста Библии, где эти понятия передаются в подавляющем большинстве случаев лексемой правда). Доминирование их в показаниях Ксении Гусевой вполне закономерно: будучи келейницей и последовательницей учений иеромонаха Илиодора, она в той или иной форме «знала» библейский текст и трактовала окружающую действительность сквозь его призму.

Характерным для этого времени (начало XX века) является тот факт, что изменяется, и весьма существенно (по сравнению со средневековыми текстами), статус ПРАВДЫ – из трансцендентального идеала, достигаемого праведным поведением и делами (как это было в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона и, отчасти, «Большой челобитной» Ивана Пересветова), она становится вещью «попранной» и требующей постоянной защиты («ревнуя о правде», «добиться торжества правды», «защита правды и веры»).

За ПРАВДУ, в её нынешнем («угнетённом») положении, можно пострадать – «безвинно пострадал за правду». В средневековых текстах, напротив, ПРАВДА, как высший божественный закон, защищала человека.

У ПРАВДЫ есть антипод – НЕПРАВДА (тут ничего удивительного – она присутствовала и в древнерусских текстах), но теперь она «одна живёт и царствует на всём свете». НЕПРАВДА воплощается в фигуре антиправедного человека (согласно Гусевой, таковым является Григорий Распутин): «**в нём воплотились вся неправда, все зло и все пороки; будучи развратником, он так нагло считал себя праведником.**

Защита ПРАВДЫ – «святое дело», неразрывно связанное с понятием Божия Суда (но – не только; см. ниже).

И наконец, что представляется наиболее интересным при анализе данного текста, ПРАВДА, помимо религиозной составляющей (по-прежнему актуальной для него), получает и политическую: «пострадать за правду» (т. е. за Бога) становится равным «пострадать за Царя», «совершить подвиг», «постоять за Родину» («**вот это все и навело ее на мысль, как патриотку, постоять за Царя, за правду, за угнетённых; она шла в защиту Царя, правды и веры – как христианка.**»). К базовому религиозному признаку ПРАВДЫ добавляется политический. Последняя мысль отчасти подтверждается определением Томского окружного суда от 20 июня 1915 года: [Гусева] «совершила преступление в состоянии сумасшествия под влиянием аффекта, связанного с возможною у нея с идеей религиозно-политического характера».

Попытаемся теперь связать смысловые компоненты концепта ПРАВДА, полученные в ходе анализа «Переписки о покушении на Григория Распутина», с результатами предыдущих этапов исследования и проследить тем самым смысловую трансформацию ПРАВДЫ в русской ментальности.

Основные смысловые компоненты рассматриваемого концепта в «Слове о законе и благодати»: ПРАВДА – это трансцендентный феномен (метафорически приравниваемый к Солнцу), божественный закон, соблюдающий этот закон именуется *друже правде* (т. е. праведник), и только подобный человек может «*пасти землю правдой*», т. е. творить справедливый, напрямую соотносимый с божественным суд. Для автора «Слова о законе и благодати» правда – это закон, божественное откровение (1), праведность (соблюдение божественного закона) (2) и, наконец, справедливость (соблюдение норм даёт право вершить справедливый суд) (3).

В смысловой структуре «Большой челобитной» Ивана Пересветова понятие ПРАВДЫ является центральным. ПРАВДА приоритетна, она даже выше «веры христианской» (которую, впрочем, автор понимал как обрядность, лишённую смыслового содержания). Это наглядно выражено в тезисе Пересветова: «*Богъ не веру любитъ, а правду*». Если же сравнивать с текстом Илариона, то общими смысловыми компонентами будут «трансцендентный феномен» и «свод правил» (Пересветов и Христа, и оставленное им Евангелие одинаково называет *правдой*). При этом характерным (и в то же время отличным от текста «Слова о законе и благодати») является понимание правды как основы идеального государственного устройства, т. е., прежде всего, как «справедливости» и «справедливого суда», который творят не только Бог или его «представитель» на земле, но, в меру сил и возможностей, все люди. Таким образом, основное различие между двумя текстами заключается в том, что автор «Слова о законе и благодати» увязывает ПРАВДУ с религиозными понятиями в библейском тексте, который служит своего рода «фундаментом» для этого произведения, тогда как понимание ПРАВДЫ Иваном Пересветовым сводится, скорее, к стандартизации норм государственного устройства.

Анализ региональных документов в составе «Переписки о покушении на Григория Распутина» позволяет сделать вывод об актуальности для начала XX века смысловых компонентов «праведность» (оппозиция *праведник-развратник*) и «справедливость». Отличие от средневековых концептуальных признаков заключается в том, что если ранее правда выступала своего рода ориентиром для человека (свод правил), то теперь она воспринимается как нечто, требующее защиты («*добиться торжества правды*»). Другими словами, если идеалом средневековья было «*жить по правде*», то в начале минувшего века правду нужно «*восстановить*». Другим интересным, на наш взгляд, отличием является то, что в рассмотренном судебном документе концепт ПРАВДА получает политическую составляющую («*постоять за Царя, за правду, за угнетённых*»).

В заключение обобщим результаты анализа трёх текстов, представляющих разные этапы концептуализации правды в русской лингвокультуре. Созданные в разное время истории государственности, истории русского литературного языка, в различных историко-культурных условиях, тексты

тем не менее демонстрируют важное свойство – преемственность содержания концепта *ПРАВДА*. В общих чертах эта преемственность заключается в следующем: «Слово о законе и благодати», где упор делается на религиозное понимание правды и центральным является смысловой компонент «праведность»; «Большая челобитная», где акцент с религиозной трактовки *ПРАВДЫ* постепенно смещается на «социальное» прочтение последней (соответственно переход от «праведности» к «справедливости»); «Переписка о покушении на Григория Распутина», в которой сохраняются смыслы данного концепта, но актуализировано политическое понимание *ПРАВДЫ* как «попранной» справедливости, сопровождающееся эмоциональной коннотацией.

Библиографический список

1. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Истина: фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – 204 с.
3. Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
4. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : Юна, 2002. – 448 с.
5. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. – СПб. : Наука, 1997. – С. 46–68.
6. Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 9. – СПб. : Наука, 2000. – С. 148–167.
7. Переписка о покушении на убийство Григория Распутина // Государственный архив Омской области. Дореволюционный фонд № 190, опись 1, дело № 332.

T. P. Rogozhnikova, Omsk F. M. Dostoevsky State University

PRAVDA (THE TRUTH) – A RUSSIAN CULTURAL AND LINGUISTIC DOMINANT IN HISTORICAL STUDY

The «truth» – one of the most important dominants of Russian culture and mentality – is the object of this study. The work's actuality is in the application of diachronic approach to the analysis of *Pravda* as linguistic and cultural phenomenon. This approach allows to fairly reestablish the origins of basic features of Russian mentality. The diachronic approach is realized by comparative and historical conceptual analysis of linguistic material, that is representations of substantial signs of concept. The texts of different genres and time of creation (Russian medieval words and precepts of the XI century, the XVI century publicism, and Omsk region archival court documents of the beginning of the XX century) have become the sources of this study. For the first time in scientific use, the author introduces the archival court documents on attempt at Grigory Rasputin in a Siberian village of Pokrovskoye. On the basis of texts analysis the author draws conclusions of substantial continuity during conceptualization stages of *Pravda* and consistent updating of religious-social-political meanings.

Keywords: cultural and linguistic dominant, mentality, diachronic approach, conceptual analysis.

References

1. Kolesov V.V. *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. Saint-Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2007. 624 p.
2. Arutiunova N. D. Truth: Logical Analysis of Language. *Logicheskiy analis yazyka. Kulturnyje kontsepty*, Moscow, Nauka Publ., 1991. 204 p.
3. Shmeliov A.D., Bulygina T.V. *Yazykovaya contseptualizatsyja mira (na material russkoj grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the Universe (based on materials on Russian grammar)], Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1997. 576 p.
4. Kolesov V.V. *Philosophiya russkogo slova* [Philosophy of a Russian Word], Saint- Petersburg, Yuna Publ., 2002. 448 p.
5. *Slovo o Zakone I Blagodati* [An Address on Law and Grace], *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 1, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997. Pp. 46–68.

6. *Bolshaya Chelobitnaya* [Large *Chelobitnaya*], *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 9, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000. Pp. 148–167.

7. *Perepiska o pokusheniji na ubijistvo Rasputina* [Correspondence on Attempt to Rasputin], State Archive of Omsk region. Pre-Revolution Fund no. 190. List no. 1. Case no. 332.

© Т. П. Рогожникова, 2015

Автор статьи – **Татьяна Павловна Рогожникова**, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: pmtr@mail.ru

Рецензенты:

Е. Г. Мальшева, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Т. В. Симашко, доктор филологических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области.

УДК 82-31

М. К. Согомонян,

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ РОМАН В XIX ВЕКЕ

Становление жанра романа в Латинской Америке играло важную роль, так как стало одним из свидетельств формирования национальной самоидентификации, национального самовыражения и независимости. Именно роман стал самым распространённым жанром в Латинской Америке, вобрав в себя черты произведений европейских писателей и адаптировавшись под местный колорит и традиции, приобретя свои конкретные и своеобразные черты.

Ключевые слова: роман, национальная самоидентификация, нация и современность, европейская традиция, романтизм, история.

В статье «Метод написания истории» Андрес Бельо писал: «Когда история страны существует только в разрозненных и неточных документах, в ничтожном количестве сохранившихся традиций, повествовательный метод просто необходим» [2, с. 431]. Он считал, что история молодой сформировавшейся нации обязана находиться как можно дальше от теоретических обобщений, а должна представлять собой нарратив, конкретное повествование, опирающееся на события латиноамериканской истории и источники доколумбовского периода. Кроме того, была ещё одна причина подобного интереса к нарративному повествованию – это идея национализма. Бельо считал, что для объединения разобщённых стран, столь необходимого в период Войны за независимость (1808–1829 гг.), и Индепенденсии, нужны понятия общей земли, общей природы, какими они были до завоевания Латинской Америки, понятия, которые способны передать художественное повествование.

Бельо обращается к романтизму, одной из тем которого был поиск национальных корней, к традиции английского романиста Вальтера Скотта и французского историка Огюстена Тьери. «Разным периодам жизни общества и нации, а также истории соответствовали свои произведения: эпос у Гомера, рифмованные романы в Средние века... теперь настало время повествовательного романа» [2, с. 433].

События пережитых революций и войн, экономический подъём периода Индепенденсии, становление самостоятельного общества, национальной принадлежности, политического самоопределения, поиски самовыражения требовали не только публицистического или исторического, но в первую очередь художественного освещения.

Прежде всего, роман служил площадкой для споров на наиболее важную тему того времени: взаимоотношение между чувством нации и чувством современности. Большинство писателей стремились объединить эти два понятия в своих произведениях и проследить их взаимное влияние. Среди них Эстебан Эчеверриа, Доминго Фаустино Сармьенто, Хуан Монтальво, Мануэль Гонсалес Прада, Хусто Сьерра Мендес, Хорхе Исаакс, Мануэль Пайно и многие другие.

По мнению латиноамериканских литературоведов, на протяжении первой трети XIX века зрелого жанра романа в Латинской Америке еще не существовало, однако уже к этому времени сформировались нарративные формы, по сути являвшиеся предшественниками романа. К их числу относится «Перикильо Сарньенто» (1815) мексиканца Хосе Хоакина Фернандеса де Лисарди, ставший «отправной романной точкой». Произведение Лисарди, совмещая в себе черты французской философии XVIII века и пикарески XVI–XVII вв., представляет собой своего рода дидактическое повествование, где главный герой, попадая в череду романых перипетий и становясь свидетелем различных событий, является своеобразным критиком социальной рутины и устаревших правил поведения.

Второй важной датой в эволюции романа Латинской Америки стал 1826 год, когда был опубликован первый исторический роман «Хикотенкатль», который следовал традициям классицистической литературы, отчасти заимствуя манеру Вальтера Скотта. Автор романа, Сальвадор Гарсиа Баамонте, помещает действие в Мексику XVI века. Сюжет концентрируется вокруг противостояния траскальтека Хикотенкатля и Эрнана Кортеса. Писатель демонстрирует яркую динамику фабулы, создаёт живописный рассказ о кровопролитных боях, победах и поражениях, смерти молодых индейских вождей, вторжении в Траскалу в 1519 г. Наряду с вымышленными эстремадурским конкистадором и главным героем присутствуют исторические персонажи. Среди них Моктесума, Махискастсин, донья Марина, Диего де Ордас и священник Бартоломе до Ольмедо. Основным источником сюжета стала «История завоевания Мексики» (1684) Антонио де Солиса, повествовавшая об убийстве благородных мексиканцев и Бартоломе де лас Касас в Темпло Майор. Военные схватки в романе переплетаются с бесконечными любовными интригами. Так, красавица Теутила, невеста Хикотенкатля, мучается из-за бесконечных преследований восплававшего к ней страстью Кортеса, от изнасилования её спасает Диего де Ордас, также пылко её любящий. Драма чувств усложняется притягательностью доньи Марины, любовницы конкистадора, влюбленной в Ордаса и являющейся сильным влечением для индейского вождя. Финал романа носит оттенок фатальности: Хикотенкатль умирает на виселице, Теутила гибнет, так и не отомстив за него.

«Хикотенкатль», по мнению Кончи Мелендес [3, с. 92], можно также отнести к так называемому индианистскому роману, который является ещё одной разновидностью этого жанра в Латинской Америке. Появление данного вида романа обусловлено этническими реалиями и такими элементами повествования, как идеализированный макрокосм, национальный хронотоп, атмосфера индейских обычаев, традиций и мифов, любовные отношения между белыми и индейцами или двумя индейцами разных племён. Одним из популярных индианистских романов считается «Нетсула» (1832) мексиканца Хосе Мариа Лафрагуа, последователя Шатобриана. Писатель практически переносит события «Атала» (1801) в мир ацтекской цивилизации. Другими примерами индианистского романа являются «Карамуру» (1848) уругвайца Алехандро Магариньоса Сервантеса и «Куманда» (1871) эквадорца Хуана Леона де Мера.

Помимо исторических на протяжении XIX века в Латинской Америке создавалось огромное количество аболиционистских романов, в которых писатели выступали против деспотизма латифундистов и притеснений рабов. Своеобразной литературной кульминацией этого является роман кубинского автора Сирило Вильяверде «Сесилия Вальдес, или Холм Ангела» (1882) – трагическая история про страстную любовь главной героини к сводному брату и её кровавую месть, столкновение расовых предрассудков, городской и сельской жизни, переплетение реальности и легенд.

На протяжении второй половины XIX века в латиноамериканской литературе появляется целый ряд произведений, получивших определение «сентиментальные романы». Уже в 1832 г. Хосе Мариа Эредиа посвятил вторую часть своего «Эссе о романе» исследованию сентиментального романа, опираясь на анализ романов XVIII века, в том числе «Памелу, или Вознагражденную добродетель» (1740) Сэмюэла Ричардсона, «Юлию, или Новую Элоизу» (1761) Ж.-Ж. Руссо и некоторые другие. Интересно отметить, подчёркивает Эредиа в своём исследовании, что эти романы представляют собой художественные произведения, центральным персонажем которых, как правило, является женщина, и они посвящены определённому кругу читателей, основную массу которых составляла женская аудитория [4, с. 189–190]. Бенито Варела Хакоме пишет, что традиция сентиментального романа зарождалась тогда, когда маркиза дю Деффан, вдохновлённая английским писателем Горацием Уолполом, в своих «Письмах» смешивала любовь и меланхолию. Бернард де Сен-Пьер, автор «Поля и Виржини», внёс в сентиментальный роман элегические и лирические мотивы. А начиная с «Новой Элоизы» Руссо, любовные истории в сентиментальном романе концентрируются вокруг спонтанности эмоций и драматизма страсти.

Игра чувств, психологическая сверхчувствительность, любовные переживания, а также дополняющие настроение героев природные пейзажи, на фоне которых разворачиваются события сюжета, – словом, всё характерное для европейского сентиментального романа, было перенято латиноамериканскими писателями и трансформировано согласно национальному мировоззрению и традициям.

Большинством было признано, что наиболее популярным произведением и лучшим примером латиноамериканского сентиментального романа стала «Мария», созданная в 1867 г. колумбийцем Хорхе Исааксом. Это произведение считают одновременно типичным примером усвоения романтизма на латиноамериканской почве.

Рубен Дарио, восхищаясь творением Исаакса, писал следующее: «Латиноамериканский роман имел не более одной-двух удачных попыток. «Мария» колумбийца Хорхе Исаакса – редкое исключение. Это цветок Кауки, выращенный по методу сентиментального садоводства непередаваемого гения Бернардена. Это «Полю и Виржини» нашего мира. Два поколения южноамериканцев чувствовали, что они наполнены Эфраимами и Мариями» [1, с. 195].

В основе сюжета «Марии» – неудавшаяся несчастная любовь принадлежащих к землевладельческой аристократии Колумбии Эфраима и его троюродной сестры Марии, расцветшая, а позже трагически окончившаяся на фоне идиллического пейзажа полудикой долины Кауки.

Мексиканец Гильермо Прието утверждал: «Мария» не читается, её невозможно анализировать, её можно только прочувствовать и проплакать <...> Я плакал, а потом встал с кресла, чтобы написать вот эти строки и благословить того, кто может и умеет понимать <...> любовь» [5, с. 178].

Роль «Марии» в становлении национальной латиноамериканской литературы значительна: роман был признан одним из шедевров латиноамериканской прозы XIX века, а сюжет о несчастной и обречённой любви вызвал огромное количество подражаний. Среди них стоит упомянуть «Клеменсию» (1869) Альтамирано и «Кармен» (1882) Костеры, являющиеся наглядными примерами развития жанра сентиментального латиноамериканского романа в Мексике во второй половине XIX века.

Последним среди видов латиноамериканских романов выделяем жанр пиратерии (приключенческо-авантюрный роман о морских путешествиях и пиратах), перевернувший укоренившееся однозначно негативное представление о морских разбойниках. Бесконечные перипетии, путешествия, атмосфера неожиданностей и приключений, пропитанных отвагой и неоспоримым знанием морской навигации становятся символами свободы, ощущение которой становится центральным мотивом пиратских романов. Начиная с Висенте Фиделя Лопеса (роман «Невеста забияки», 1854), Хусто Сьерры О'Рейли («Флибустьер», 1851), Кориолано Маркеса Коронеля («Пират, или Семейство графов Осорно», 1852) вплоть до произведений Мануэля Бильбао, Элихио Анконы и Висенте Ривы Паласио, среди которых «Пират из Гайяса» (1865) и роман-фельетон «Пираты Мексиканского залива» (1869), пиратская тема набегов, абордажей, любовных приключений и поиска спрятанных таинственных и проклятых сокровищ полностью покрывает просторы литературного моря Латинской Америки, сохраняя свою популярность до рубежа веков.

В годы Войны за независимость литература стран Латинской Америки вела свою борьбу за освобождение от европейского влияния. В течение первой половины XIX века литература находилась в поиске самостоятельных путей развития и совершенствования.

Литература старых испанских колоний на американском континенте в первой трети XIX века находилась под влиянием политических изменений, это окрашивало стиль повествования и мировоззрение писателей-креолов. Признавая себя наследницей испанской литературы, литература Латинской Америки, с одной стороны, считала себя состоявшейся как самостоятельная национальная литература со всеми её многосторонними разновидностями и тенденциями, а с другой стороны, всё-таки воспринимала себя органичной наследницей испанской литературы и находилась под сильным воздействием европейских литературных течений, в основном романтизма, доминировавшего в произведениях её авторов в течение всего XIX века.

Библиографический список

1. Benito Varela Jácome. Introducción a «María» de Jorge Isaacs // Historia de la literatura hispanoamericana, tomo II. – Madrid: Ediciones Cátedra, S.A., 1999.
2. Historia de la literatura hispanoamericana, tomo I. Del Descubrimiento al Modernismo. – Madrid : GREDOS, 2006.
3. Historia de la literatura hispanoamericana, tomo II. Del neoclasicismo al modernismo. – Madrid : Cátedra, 1999.

4. José María de Heredia. Ensayos sobre la novela // Emilio Carilla. El romanticismo en la América Hispánica. – Madrid, Ed. Gredos, 1908.
5. La novela romántica latinoamericana. – La Habana, Casa de las Américas, 1978.

M. K. Sogomonyan, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

LATIN AMERICAN NOVEL IN XIX CENTURY

The formation of the novel as a literary genre in Latin America had a major significance, being the evidence of commencing national identity and independence. It was the novel that, with its vigorously rapid spreading around countries of the New World, had adopted certain peculiarities of European literature and shaped into distinctive unique pattern, absorbing native features and local customs.

Keywords: novel, national identity, the nation and the present, European tradition, romanticism, history.

References

1. Benito Varela Jácome. Introduction to «María» by Jorge Isaacs // History of Hispanic American literature, vol. II. – Madrid : Ediciones Cátedra, S.A., 1999.
2. History of Hispanic American literature, vol. I. From Discovery to Modernism. – Madrid: GREDOS, 2006.
3. History of Hispanic American literature, vol II. From Neoclassicism to Modernism. – Madrid: Cátedra, 1999.
4. José María de Heredia. Essays on the novel // Emilio Carilla. Romanticism in Hispanic America. – Madrid, Ed. Gredos, 1908,
5. Romance novel of Latin America. – La Habana, Casa de las Américas, 1978.

© М. К. Согомонян, 2015

Автор статьи – Мариам Кероповна Согомонян, кандидат филологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, e-mail: windhut@gmail.com

Рецензенты:

- Е. В. Беликова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81-119

О. Н. Татарникова,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО ИВАН В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

В статье впервые выстроено ономастическое поле имени собственного Иван. Так как антропоним Иван сочетает в себе особенности лингвокультурологического и ономастического полей, являясь именем собственным и обозначая реалии действительности, значимые для русского народа, в ходе построения использовались принципы лингвокультурологического поля, представленного В. В. Воробьевым, и ономастического поля, смоделированного В. И. Супруном. Ядерное положение поля занимает антропоним Иван, околядерное – фитонимы (например, Иван-чай), зоонимы, на периферии находятся топонимы (например, Иваново), дальнюю периферию занимают название праздника и реалии, отсылающие ко времени празднования Ивана Купалы.

Ключевые слова: ономастическое поле, ядро, периферия, околядерное пространство, антропоним, фитоним, зооним, топоним.

Имя собственное является объектом познания различных областей, например, социолингвистики, этнологии, регионоведения, психологии и др., поскольку научное мировосприятие становится всё более антропоцентричным. Изучая действительность, человек обращается в первую очередь к себе,

пропуская всё через свой внутренний мир. Каждый человек отличается от себе подобных в первую очередь наличием личного имени, изучением которого в лингвистике занимается ономастика. «Ономастикон (набор имён собственных) является хотя и относительно переменным, но достаточно определённым и существенным признаком конкретного этноса, поскольку реализует в языке его национальные регистры» [1, с. 9].

До сих пор среди лингвистов-ономастов нет единого мнения по поводу семантического значения имени собственного. Мы солидарны с позицией В. И. Супруна, считающего, что «онимы представляют достаточно полноценные лексические единицы» [1, с. 12].

В. И. Супрун подробно описал ономастическое поле, базирующееся на ономастическом пространстве, которое он понимает как совокупность всех без исключения имён собственных. Мы же выстраивали ономастическое поле одного конкретного онима. В своём исследовании мы обратились к антропониму Иван, являющемуся культурно значимым для русской нации, выстраивая его ономастическое поле. Антропоним Иван рассматривался в фольклорных текстах, изучались его функциональные особенности, в частности текстообразующие функции. В лингвистике имя собственное Иван рассматривалось с точки зрения прецедентности (причём такие его варианты, как Иван-царевич и Иван-дурак) как имя, характерное для русских народных сказок.

Используемый нами полевой метод изучения единиц языка в лингвистике широко используется, потому вполне справедливо при рассмотрении значения онима обратиться к его ономастическому полю. Построение любого поля, будь то ассоциативное, лингвокультурологическое, образное, коммуникативно-тематическое, рассматриваемое нами ономастическое и т. д., базируется на лексико-семантическом. Так, рассматривая семантические и смысловые поля, Л. М. Босова констатирует, что «в современной лингвистике предметом в теории поля являются лексические единицы, объединённые на основе общности выражаемого значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип)» [2, с. 31].

В рамках своей работы мы опирались также на лингвокультурологическое поле, описанное В. В. Воробьевым, поскольку, как нам видится, ономастическое и лингвокультурологическое поля тесно связаны, хотя объект рассмотрения у каждого свой (онимы и лингвокультураемы соответственно), а антропоним Иван является лингвокультуремой.

Разные виды полей имеют одинаковую структуру построения (наличие ядра, центра и периферии), отличаются же они друг от друга наполнением, каждое из них обладает своими отличительными особенностями. Так, лингвокультурологическое поле, кроме понятийного описания (языкового), включает и внеязыковой план, так как описывает реалии культуры.

Лингвокультурологическое поле составляют элементы, принадлежащие не только языку, но и культуре, то есть обладающие как языковыми, так и внеязыковыми (экстралингвистическими) свойствами, а также в состав поля непременно входят ментальные характеристики. Так, В. В. Воробьев даёт следующее определение: «лингвокультурологическое поле – иерархическая система единиц, лингвокультурем, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры».

Ономастическое поле представляет собой иерархическую совокупность имён собственных, которые вступают в системно-структурные отношения и имеют определённые связи. В. И. Супрун утверждает, что «ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей такими единичными для всей совокупности входящих в него единиц характеристиками, как: наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова (наличие/отсутствие дифференциальных и потенциальных сем), частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» [1, с. 11].

В. И. Супрун включает в ономастическое поле все разряды онимов, помещая в центре поля антропонимы (так как «личное имя человека содержит в себе все семантические, стилистические, деривационные, дистрибутивно-сочетаемостные возможности и реализации» [1]). Далее располагаются «имена собственные неядерных разрядов... в их соотносительности с конститuentами антропонимного ряда. Все онимы, обладающие сходными чертами, располагаются в околоядерной сфере, а отличающиеся в той или иной степени от антропонимов имена единичных объектов составляют зонально организованную ономастическую периферию» [1]. Топонимам исследователь определяет промежуточное положение, для них важна в большей степени не номинативная функция имени собственного, а то, где находится месторасположение субъекта в реальном либо нереальном пространстве.

Каждый из ономастических разрядов, как справедливо полагает В. И. Супрун, имеет свою полевую структуру, в основе которой пирамидальный характер: «единичность конститuentов ядра и значительное по количеству число периферийных единиц, лежащих в основании» [1]. При этом поле имеет открытую структуру с возможностью свободного перемещения единиц между зонами и внутри них.

Анализируя имя собственное Иван, мы взяли в качестве материала исследования тексты русских народных сказок, пословиц и поговорок русского народа, а также статьи различных словарей, в которых встречается антропоним Иван в различных его вариантах (тексты выбирались методом сплошной выборки). Тексты фольклорных жанров являются, с одной стороны, хранителем народной культуры, отражают народное представление об окружающей действительности, а с другой – они сами представляют часть культуры этноса. В них в языковой форме отражаются народное миропонимание, восприятие окружающей действительности, складываются языковые стереотипы.

Ядерное положение ономастического поля занимает антропоним *Иван*, являющийся самым частотным по количеству употреблений. Его активность мы анализировали исходя из текстов русских народных сказок и пословиц и поговорок.

Выстраивая субполе антропонима, В. И. Супрун ядерно-периферийные отношения распределяет следующим образом: ядро как самые частотные занимают личные (крестные, полные) имена и их гипокористические (краткие, домашние) формы; далее околядерное положение отводится уменьшительно-ласкательным и увеличительно-уничижительным формам, отчествам и фамилиям в разной степени направленности от ядра к периферии; прозвища и псевдонимы находятся на антропонимической периферии.

Самый частотный вариант имени собственного – полная его форма Иван: «*Прошло несколько времени – родила она сына; дали ему имя Иван Горох, и растёт он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и всё прибывает в нём силы, так что лет в десять стал могуч богатырь*» [3, с. 283]; «*Иванов, как грибов поганых*»; «*Иван в дуду играет, а Марья с голоду помирает*» [4].

Околядерное пространство. Результаты анализа свидетельствуют, что по частотности употребления околядерное пространство занимают варианты имени, отнесённые В. И. Супруном к периферии (например, Иван – Месяцев сын, Иван – кухаркин сын, Иван-царевич, Иван-дурак).

Иван-царевич: «*В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич – и красивый, и умный, и славный; об нём песни пели, об нём сказки сказывали; он красным деушкам во сне снился*» [5, с. 138].

Иван-дурак: «*Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался*» [5, с. 220].

Периферию занимают имена с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами.

Иванушка: «*Жили в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка. С малых лет любил он на дудочке играть. И так-то он хорошо играл, что все слушали – наслушаться не могли. Заиграет Иванушка грустную песню – все пригорюнятся, у всех слёзы катятся. Заиграет плясовую – все в пляс идут, удержаться не могут*» [3, с. 511].

Ивашка: «*Щеголь Ивашка: что ни год, то рубашка*» [4, с. 67].

Ванька: «*Берегись! – говорит, – стой на молитве всю ночь, спать не можешь! Ванька-вор на тебя похваляется*» [6, с. 77]; «*По заслугам Ваньку Каина пожаловали (двумя столбами с перекладиной)*» [4, с. 182].

Имена, занимающие в структуре поля периферию, вступают в бинарные отношения: Ванька (как нелюбимый сын, вор, обманщик, то есть несущий отрицательную характеристику) и Иванушка (как любимый ребёнок, то есть несущий положительную характеристику); Иван-царевич и Иван-дурак (как правило, крестьянский сын).

Дальнюю периферию субполя антропонима занимают отчества и фамилии, встречающиеся в текстах сказок крайне редко, для характеристики социального статуса героя. Хотя в пословицах отчества встречаются чаще, но выполняют они ту же функцию, что и в сказках.

В бытовых русских народных сказках анализируемый нами антропоним Иван представлен отчеством мужского рода Иванович. Оно употребляется только с зоонимом Кутафей, называющим домашнего животного, причём в разговорной форме – Иваныч. Здесь лиса обращается по отчеству к коту, чтобы расположить его к себе: «*Ба-ба-ба! Кутафей Иваныч! Пойдём ко мне, може, не будешь мне голову рубить*» [6, с. 247]. Дифференцирующая функция (выделяющая субъекта из ряда ему подобных), характерная для таких антропонимических компонентов, как отчество, в сказках о животных отсутствует, отчество используется лишь с целью возвысить его обладателя, не обращаясь к его роду. «*Не всяк Иван Иванович, а кому бог даст (дразнят калмыков)*» [4, с. 39].

В текстах сказок внешний вид и характер Ивана не выражены, с этой стороны его характеризуют пословицы: «*Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник*» [4].

Русский народ значимые для себя реалии, которые выполняют жизненно важные функции, персонифицирует, называя значимыми именами.

В ономастическом поле имени собственного Иван околядерное пространство занимают фитонимы, что неслучайно, так как в жизни русского народа они играли главенствующую роль, являясь средством существования.

Так, широко известен фитоним *Иван-да-марья*, использующийся для названия травянистых растений с двойной окраской, как правило, сине-жёлтой. Новейший энциклопедический словарь даёт следующее толкование: «марьянник дубравный, однолетнее полупаразитное травянистое растение рода марьянник. Синяя или фиолетовая окраска прицветников контрастирует с жёлтым венчиком цветков. Распространен в Европе, в лиственных лесах, на сырых торфянистых лугах. Семена ядовиты» [7, с. 456]. По народной легенде, не зная о том, что они являются братом и сестрой, парень и девушка полюбили друг друга и, будучи в неведении, поженились. Затем, чтобы никогда не расставаться, узнав о своём греховном поступке, они превратились в цветок. Два цвета символизируют два начала – мужское и женское.

Иван-чай, многолетнее травянистое растение рода кипрей. В высоту достигает 1,2 м, имеет длинные соцветия красного или пурпурного цвета. Растёт в светлых сухих местах, по опушкам лесов, на горячих, образуя сплошные заросли. Богат витамином С, микроэлементами. Молодые листья Иван-чая издавна служили заменителем настоящего чая и готовились для этой цели в селе Копорье (Петербургская губерния), откуда и название «копорский чай». Используется в народной медицине. Один из лучших медоносов [7, с. 457]. Его также называли «русский чай», чай, собранный в России, со временем он стал очень популярен и заменял китайский и индийский, экспортируемый для высокопоставленных особ.

Самый популярный в России чай получил самое популярное мужское имя – *Иван*. Иностранцы незнакомых людей русской национальности называли Иванами. Этот антропоним отчасти является этнонимом, потому что обозначал целую общность народа, принадлежащего к единой этнической группе. Фитоним *Иван-чай* по своей прагматической направленности (дифференциальной функции, выделяет и обозначает объект, наделяет его отличительной характеристикой) приравнивается к такому понятию, как «русский Иван», то есть в принципе актуализирует значение русскости.

Также антропоним Иван присутствует в названии одного из сортов картофеля (Ивановка); ранней ржи (Ивановка); в названии лабазника (Иван Кочкин), краснокоренника дикого (Иван на болоте); некоторых видов грибов (Иванушко, Иванчик); раннего сорта яблок – ивановские, или райские яблоки [8].

Небольшой ряд по сравнению с фитонимами составляют зоонимы, имеющие в своём названии, как правило, переносном, народном, компонент Иван: синица (Иванок), божья коровка (Иванчик), птица-рыболов (Иванчик).

Далее периферию составляет разряд топонимов.

Один из способов называния населённых пунктов – с помощью имён собственных, часто в честь основателей. Так, Иван входит в состав прецедентного топонима *Иваново*. Иваново (до 1932 г. Иваново-Вознесенск), город в России, центр Ивановской области, в 318 км к северо-востоку от Москвы. Расположен в междуречье Волги и Клязьмы, на берегах р. Уводь. Около 472 тыс. жителей (1996). Образован в 1871 г. из села Иваново (известно с 1561 г.) и Вознесенского Посада (возник в 1853 г.) [7, с. 457].

Для русского народа, которому соответствует русская языковая картина мира, этот топоним является культурно маркированным, так как в его значении присутствует такая дифференцирующая сема, как «город невест», делающая его узнаваемым для русского человека. Дополнительное значение обусловлено спецификой жизнедеятельности города, так как основную часть населения составляют женщины, работающие в текстильной промышленности, являющейся ведущей в городе. Таким образом он получил с помощью метафоризации своё значение «город невест».

Ивановская область, в Российской Федерации. Центр – г. Иваново.

Ивано-Франковск (до 1962 г. Станислав), город, областной центр Украины. Расположен в предгорьях Карпат. Переименован в честь украинского писателя Ивана Франко [7, с. 457].

Далее мы выделили названия с компонентом Иван, отсылающие к народному празднику Иван Купала, в их значении присутствует указание на время, соответствующее концу июня, а также непосредственно название самого праздника.

Иван Купала (Иванов день), древний праздник летнего солнцестояния (24 июня/7 июля) у восточных славян. «И. К. – народное название праздника Рождества святого Иоанна Предтечи. В дохристианской древности в этот день совершались языческие купания. Купание рассматривалось как волшебное, магическое действие. Люди окунались в реки и озёра, умывались собираемой поутру росой, обливали друг друга водой. По реке пускали венки с зажжёнными свечами. Праздник завершался общим застольем, во время которого обязательно ели белого петуха и пели “купальские” песни. Начиная с кануна И. К. собирали лечебные травы. Считалось, что именно растения, сорванные в ночь на И. К., обладают особыми целебными свойствами» [7, с. 456].

Ивановский борщ – «Борщевник, собранный в ночь накануне Ивана Купалы»; *ивановские венчики* – «Растение сем. гвоздичных; горичвет, кукушкин цвет»; *ивановская копна* – «Копна из травы, накошенной в ночь с 23 на 24 июня (в Иванову ночь)»; *ивановский веник* – «Веник, связанный из веток берёзы, наломанных в день Ивана Купалы»; *ивановская роса* – «роса на траве в ночь на Иванов день – 23 (?) июня – обладает целебными свойствами»; *ивановский дождь* – «Дождь около дня Ивана Купалы, в день Ивана Купалы» [9].

Дальняя периферия представлена следующим образом:

Иванецъ м. «ряз. вулай, пивцо, корчажное пиво и бражка» [10, с. 5].

Ивановщина. «То же, что вершина; округа, открытое, свободное (небесное, водное, земное) пространство, воля; мироколица, мир, белый свет; небо, небеса».

Ивановка. «Вид сохи. Сев.-вост. Ср. Урала, 1964. Ивановка была по два рогаля. Форма така, как полесянка, только не на колесах. Турин. Свердлов.»

Иванчик – последний сноп со жнивья; кукла [8].

Следующий фрагмент действительности, в названии которого присутствует антропоним Иван, – хорошо знакомый нам с детства *Ванька-встанька*. Это реалема своего времени – советского периода, распространена она была в основном на территории СССР. Со сменой эпохи ушла в забвение и эта реалема.

Современный толковый словарь русского языка обозначает Ванькой-встанькой детскую игрушку-неваляшку, а С. И. Ожегов даёт следующее определение: «куколка в виде круглой или овальной фигурки, которая из-за находящейся в нижней её части тяжести всегда встаёт, как бы её ни положили» [11, с. 65].

Самое распространённое имя собственное в России дали самой популярной игрушке. Антропоним образован с помощью суффикса -к, который говорит о характере его носителя как о простом человеке, отчасти простофиле. Также форма имени соответствует народно-разговорному стилю, что подтверждает принадлежность его носителя к народной стихии, культуре этноса.

Ванька м. «птрб. мскв. зимній легковој извощикъ на крестьянской лошадець и съ плохой упряжкой, который не стоить на биржь, а стережеть ъздоковъ по улицамъ» [12, с. 164].

Антропоним Иван составляет полное ономастическое поле, представленное разными классами онимов.

Ядро ономастического поля Иван составляет одноимённое субполе антропонима. Исходя из проведённого анализа, мы выстроили лингвокультурологическое поле антропонима, которое дополнили другими классами (фитонимы, зоонимы, топонимы и т. п.) на основе различных словарей.

Таким образом, антропоним Иван сочетает в себе особенности лингвокультурологического и ономастического полей, являясь именем собственным и представляя, обозначая реалии действительности, значимые для русского народа. В целом ономастическое поле Иван составляют реалемы, отражённые в языке сквозь призму культуры, национальных ценностей. Исходя из всего вышеизложенного, мы можем утверждать о уникальном семантическом наполнении антропонима Иван.

Мы полагаем, что по рассмотренной нами модели можно выстроить ономастическое поле любого антропонима, околядерное пространство и периферия которого могут варьироваться в зависимости от экстралингвистических факторов.

Библиографический список

1. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
2. Босова, Л. М. Проблемы соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных (на материале русского и английского языков) : монография / Л. М. Босова. – Барнаул, 1997. – 184 с.
3. Русские народные сказки. Т. 1 / состав., авт. вступ. статьи и коммент. О. Б. Алексеева. – М. : Современник, 1987. – 509 с.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. ; т. 1 / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 с., ил.
5. В тридевятом царстве: сказки для детей и взрослых. – Барнаул : Изд-во «ИНИС», 1994. – 496 с.
6. Русские народные сказки. Т. 2 / состав., авт. вступ. статьи и коммент. О. Б. Алексеева. – М. : Современник, 1987. – 333 с.
7. Новейший энциклопедический словарь : 20000 статей. – М. : Астрель: Хранитель, 2007. – 1424 с.: ил.
8. Материалы к словарю исконного русского языка. – URL: <http://andrej102.ru/estest/nat/natW/natWgr214.htm> (дата обращения: 05.10.2015).
9. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/russaying/Ivan-23151.html>
10. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. ; т. 2 : И-О / В. Даль. – М. : ТЕРРА, 1994. – 784 с.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
12. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. ; т. 1 : А-З / В. Даль. – М. : ТЕРРА, 1994. – 800 с.
13. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : монография / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.

O. N. Tatarnikova, Altai State University, Barnaul

ONOMASTIC FIELD OF PERSONAL NAME IVAN IN THE NATIONAL MIND

This article was first built onomastic field of personal name Ivan. The author used linguistic and cultural principles of the field represented by Vladimir Vorobiev and onomastic field modeled V. I. Suprun as the anthroponym Ivan combines linguistic and cultural features and onomastic fields, being the proper name and showing the realias of reality that are important for Russian people. The field's core takes the anthroponym Ivan, a related position – phytonyms (e.g., firetop), zoonyms, on the periphery are toponyms (e.g., Ivanovo), far periphery is the name of holiday and realias, referring to the time of celebration of Ivan Kupala. This method can be used when learning a language view of the world of the ethnos, in the preparation of various linguistic, onomastic, encyclopedic and other dictionaries, describing the realias of reality.

Keywords: onomastic field, core, periphery, nuclear space, anthroponym, plant, speech both, toponym.

References

1. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-ehsteticheskij potencial: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000. 76 s.
2. Bosova L. M. Problemy sootnosheniya semanticheskikh i smyslovyh polej kachestvennyh prilagatel'nyh (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): monografiya. Barnaul, 1997. 184 s.
3. Russkie narodnye skazki. T. 1 / sostav., avt. vstup. stat'i i komment. O. B. Alekseeva. M.: Sovremennik, 1987. 509 s.
4. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda: sbornik: v 2 t.; t. 1. M.: Hudozh. lit., 1984. 383 s., il.
5. V tridevyatom carstve: skazki dlya detej i vzroslyh. Barnaul: Izd-vo «INIS», 1994. 496 s.
6. Russkie narodnye skazki. T. 2 / sostav., avt. vstup. stat'i i komment. O. B. Alekseeva. M.: Sovremennik, 1987. 333 s.
7. Novejshij ehnciklopedicheskij slovar': 20000 statej. M.: Astrel': Hranitel', 2007. 1424 s.: il.
8. URL: <http://worklib.ru/dic>.
9. URL: <http://enc-dic.com/russaying/Ivan-23151.html>.
10. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.; t. 2: I-O. M.: TERRA, 1994. 784 s.
11. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov / S. I. Ozhegov; pod red. N. YU. SHvedovoj. 19-e izd., ispr. M.: Rus. yaz., 1987. 750 s.
12. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.; t. 1: A-Z. M. : TERRA, 1994. 800 s.
13. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya: monografiya. M.: RUDN, 2008. 336 s.

© О. Н. Татарникова, 2015

Автор статьи – **Оксана Николаевна Татарникова**, аспирантка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, e-mail: tatoksana@yandex.ru

Рецензенты:

Л. М. Дмитриева, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет.
Н. А. Христова, кандидат филологических наук, Барнаульский юридический институт МВД России.

Т. В. Устинова,

Омский государственный педагогический университет

**РОЛЬ КОНТЕКСТА В НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ:
СЛУЧАЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ КРЕАТЕМ ПОЭТА**

В статье рассматривается проблема контекстной обусловленности значения нестандартно употреблённых или намеренно преобразованных поэтом языковых единиц. Контекстное влияние на динамический процесс конструирования значения читателем анализируется с позиций лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного подходов. Особое внимание уделяется описанию возможности использования гипотезы градуированной отмеченности в анализе процесса конструирования неконвенционального значения. На примере окказиональной лексико-семантической сочетаемости в стихотворении А. Драгомощенко разбирается читательская реинтерпретация наиболее отмеченного значения слова в интенсифицирующем контексте авангардного стихотворения.

Ключевые слова: лингвокреативность, конструирование значения, контекстное влияние, отмеченное значение

Различные аспекты словотворчества писателей и читательской рецепции поэтических языковых экспериментов находятся в фокусе внимания специалистов в области лингвопоэтики, лингвостилистики, семиотики, когнитивной поэтики. Лингвокреативная деятельность языковой личности, в том числе в художественной коммуникации, является основным объектом исследования активно развивающейся лингвистики креатива [1].

Всевозможные проявления авторской языковой нестандартности могут быть определены как «креатемы» (термин В. П. Григорьева [2, с. 77]) – преднамеренно отобранные и осознанно реализованные (1) изобретенные или (2) преобразованные языковые единицы, обладающие обязательной эстетической функцией [3, с. 140]. Читательская рецепция креатем поэта (случаев окказионального словообразования, нарушений лексико-семантической сочетаемости, грамматических девиаций и т. п.) может быть описана как речевая «трансформа» восприятия знака (термин Т. А. Гридиной [4, с. 63]) – специфическая «переработка» конвенциональных формальных и смысловых аспектов языковых единиц. Мы рассматриваем читательскую рецепцию языковой нестандартности поэта и «приписывание» значения авторским креатемам как случай неконвенционального смыслообразования. По нашему мнению, сложный феномен конструирования неконвенционального значения в процессе чтения текстов с намеренной заданной смысловой неоднозначностью требует всестороннего анализа с позиций семасиологического, лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Для начала дадим терминологические пояснения, необходимые для анализа феномена неконвенционального смыслообразования. В самом широком понимании, любое смыслообразование в реальных дискурсивных условиях можно описать как «неконвенциональное» в противопоставлении к смыслообразовательной конвенциональности языка как системы. Как отмечает Р. Лангакер, «языковая конвенция не в состоянии обеспечить фиксированный, унитарный способ выражения для каждой мыслимой ситуации, которую говорящий желает описать» [5, с. 278]. Говорящие постоянно вынуждены разрешать проблемную ситуацию языковой неопределённости (подробнее о лингвокогнитивном понимании языковой неопределённости см. [6]), демонстрируя чрезвычайную гибкость в использовании широчайшего диапазона сочетаний и модификаций «готовых», конвенциональных схем конструирования значения, заложенных в единицах системы языка. По выражению В. Эванса, «пользователи языка обычно задействуют конвенциональный репертуар языковых единиц неконвенциональными способами» [7, с. 603]. В таком широком понимании неконвенциональность смыслообразования представляется, скорее, как лингвистическая продуктивность человеческого сознания в процессе дискурсивного использования языка для объективации концептуальных структур.

Узкое понимание термина «неконвенциональное смыслообразование» предполагает рассмотрение процесса конструирования значения с позиций неординарного языкового самовыражения личности как «проявления тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» [4, с. 12]. В данном случае акцент научной интерпретации смещается с языковой продуктивности любой дискурсивной деятельности на акцентированную языковую нестандартность

производства значения в определённых дискурсивных условиях. Если рассматривать производство значения как интерпретативную деятельность [8], то следует отметить, что семантизация креативом поэта – это случай сложной интерпретации. Один из интересных аспектов научного анализа процесса конструирования значения, по нашему мнению, заключается в определении степени влияния контекста на процедуры и стратегии интерпретативной деятельности рецептора поэтического текста.

В лингвистике и философии языка существуют две противоположные точки зрения на проблему контекстной обусловленности значения слова и множество теорий, занимающих промежуточное положение между ними:

1. Слова лишены собственных, самостоятельных значений. Лексическое значение слова полностью определяется контекстом его употребления: «Так называемые лексические значения есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ» [9, с. 303].

2. Контекст есть реализация потенциально заложенного системой языка значения слова. Контекст обусловлен имманентными (системными) лексическими значениями составляющих его единиц: «<...> обычное же слово, встречающееся в тысячах контекстов, не столь податливо к требованиям данного единичного контекста – и не только подчиняется ему, варьируя своё значение, но и само создаёт в словосочетании контекст для других слов» [10, с. 72].

Решение проблемы «смысловой самостоятельности слова» предлагается исследователями в зависимости от глубинных философско-методологических оснований того направления языкознания, которое они представляют. Так, например, теория порождающей функции контекста получила наибольшее распространение в работах структуралистов (Л. Блумфильда, А. Гардинера, Л. Ельмслева). В лингвопрагматике проблема контекстной обусловленности значения слова является одной из центральных. Как отмечает И. Кечкеш, современные теории прагматики (например, теория уместности, неограйсовская теория) постулируют порождающую силу контекста [11, с. 7]. Однако в данной отрасли лингвистики сегодня не наблюдается абсолютизации роли контекстного влияния на конструирование значения. В прагматике и других отраслях науки о языке (лингвистической семантике, лингвостилистике, когнитивной лингвистике) широкое распространение получил тезис о важности исследования метаязыковой активности субъекта речезыковой деятельности и видов языковых стратегий, обеспечивающих знание значения слова и его осознание в контексте.

Исследование проблемы контекстной обусловленности значения слова осложняется необходимостью задействовать в анализе два уровня научной абстракции, рассматривающих слово как единицу языка и контекст как явление речи. Совершенно справедливо, на наш взгляд, замечание Ю. В. Фоменко: «Причины семантических изменений не в самом языке и не в речи (тексте), а в экстралингвистической действительности, в абстрагирующей, творческой работе человеческого мышления» [12, с. 167]. Современная лингвистика чётко определяет психокогнитивный статус языкового значения: «Значение – факт сознания. Оно замкнуто в сознании и, так сказать, никогда не покидает головы. При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: <...> знаки не несут и не передают значения от одного человека к другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» [13, с. 15].

Методология исследования контекста как факта сознания концептуализатора обосновывается в такой отрасли языкознания, как когнитивная лингвистика. Здесь производство и восприятие высказывания рассматривается как динамический процесс образования и модификации когнитивных конструкций. Например, в теории Дж. Лакоффа эти конструкты – идеализированные когнитивные модели [14], важную роль в структурировании которых играют имидж-схемы [14]; в представлении Ж. Фоконье – ментальные пространства [15], которые структурируются фреймами [16] и в зависимости от дискурсивных условий наделяются конкретными свойствами и объединяются в сети [17]. Образование концептуальной сети, обеспечивающей конструирование значения, в некоторой степени задано самостоятельным, конвенциональным, стереотипизированным значением единиц (coded meaning), но в основном определяется прагматическими факторами – дискурсивным контекстом употребления этих единиц, пресуппозициями и интенциями коммуникантов. В отечественной когнитивно-коммуникативной научной традиции также акцентируется «операционалистский подход» к пониманию динамического процесса смыслообразования. Как отмечает Л. О. Бутакова, при таком подходе «значение понимается как феномен, имеющий психологическую структуру (а не формально-логический семный набор, пусть даже расширенный за счёт прагматической коннотативной части), что позволяет квалифицировать процессы речевой деятельности как многофункциональные познавательные процессы» [18, с. 56–57].

Процессы порождения и восприятия речи имеют свои психолингвистические и прагмалингвистические особенности. Как известно, существует два плана реализации речевой деятельности в процессе коммуникации – сторона отправителя сообщения (адресанта), порождающего высказывание, и сторона получателя сообщения (рецептора), воспринимающего и интерпретирующего высказывание. Несовпадение имплицатур адресанта и инференций адресата приводит к возникновению речевого конфликта. В случае рецепции авторских поэтических креативов имеет место непрямая художественная коммуникация между поэтом и читателем. Категория непрямого общения подробно описана в [19]. Как отмечает В. В. Дементьев, «существует необозримое множество смыслов, передаваемых имплицитным образом речевыми единицами самых разных уровней» [19, с. 7]. К частным способам выражения непрямого общения относят и имплицатуры языковых единиц [19]: принципиально важным при анализе речевого материала в непрямого общения является «представление об осложнённой интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом» [19; 14].

И. Кечкеш предлагает динамическую модель значения [11; 20], учитывающую взаимоотношения планов адресанта и адресата в процессе коммуникации. Данная модель, охватывающая лексический и концептуальный уровни порождения и восприятия высказывания, включает такие взаимодействующие параметры, как личный контекст говорящего, личный контекст слушающего, актуальный ситуационный контекст и выводимое из него актуальное ситуационное значение высказывания [11]. Описывая особенности создания актуального коммуникативного значения, И. Кечкеш отмечает, что оно «возникает в результате столкновения личного контекста говорящего и личного контекста слушающего в актуальном ситуационном контексте. <...> Актуальное коммуникативное значение возникает в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуационного контекста, в котором данное высказывание употребляется» [11; 10]. При этом, актуальное значение производится адресантом и адресатом по-разному: если адресант движется от закодированного в словах контекста к контексту актуальному, то адресат – от актуального контекста к лексическому [11].

Читая стихотворение и семантизируя авторские креативы, читатель создаёт свой собственный текст (текст как продукт понимания), реагируя на материальный стимул – текст как продукт порождения. По сути, интенция авангардного поэта-экспериментатора состоит в исследовании смысловых потенциалов языка, «освобождении слова» и преодолении стереотипности языкового употребления. Соответственно, отправитель поэтического сообщения намеренно создаёт условия, в которых возможности использования конвенциональных схем конструирования значения будут минимальными. Эксплицируя смысл авторских креативов различных типов, рецептор будет в разной степени ориентироваться на смысловую самостоятельность слова и на контекстную чувствительность слова. По нашему мнению, сталкиваясь с необходимостью снятия намеренной многосмысленности поэтического высказывания, рецептор неизбежно принимает во внимание как обобщённое, системно заданное «значение-компетенцию» знака (термин И. А. Стернина [21, с. 106]), так и его ситуативную прагматическую конкретизацию в определённом контексте.

Гипотеза градуированной выделенности (отмеченности) [22; 23] гласит, что влияние контекста в процессе смыслообразования лимитировано степенью дискурсивной и когнитивной отмеченности лексико-семантических вариантов слова: в процессе интерпретации, независимо от контекста, наиболее отмеченное значение единицы в сознании рецептора будет автоматически активироваться в первую очередь [22]. Наиболее отмеченное значение, в понимании Р. Гиора, это далеко не всегда буквальное значение: высокая степень отмеченности определяется высокой частотностью употребления единицы, конвенциональностью (распространённостью в узусе) этого значения, широкой известностью лично для данного говорящего/слушающего, прототипичностью значения и многократностью употребления единицы в этом значении в данном дискурсивном отрезке [23]. Как отмечает И. Кечкеш, в начальной стадии интерпретации доминирует самое отмеченное для слушающего значение высказывания [11], а контекстные факторы оказывают влияние позже в случае необходимости коррекции интерпретации при смысловом конфликте. Даже если интенция говорящего состоит в актуализации наименее отмеченных значений, наиболее отмеченные значения не будут игнорироваться: «On such occasions, salient meanings would not be bypassed; rather, they would be activated first, rejected as the intended meaning and reinterpreted in consistency with the Principle of Relevance» [22, с. 85]. Гипотеза градуированной отмеченности подтверждается многочисленными экспериментально-эмпирическими

данными о биоэлектрической активности мозга и скорости читательской реакции испытуемых в процессе восприятия случаев вербальной и ситуативной иронии и метафор, эксплуатирующих столкновение прямых и переносных значений слов и словосочетаний [24]. Идеи Рейчел Гиора о контекстной независимости наиболее отмеченного значения вызвали оживлённую дискуссию и получили дальнейшее развитие в исследованиях проблемы восприятия и употребления прямых и переносных значений слов.

В отечественной лексической семантике и психолингвистике широкое распространение получили концепции «психолингвистического (психологически реального) значения» [25] и «субъективного значения» [26], которые обосновывают специфику функционирования значения слова в языковом сознании индивида. Исследуя содержание слова как единицы индивидуального лексикона с точки зрения полевого признакового и аспектуального подходов, специалисты выявили несовпадения субъективного и социумного (конвенционального) значений по всей шкале семантических признаков – родовых, видовых, периферийных [27, с. 97]. В структуре субъективного значения существует ядро с набором «неситуативных», более устойчивых признаков [27, с. 98]. И. А. Бубнова, проведя исследование зависимости между количественными показателями психометрического интеллекта и особенностями организации структуры индивидуального значения, отмечает: «В сознании носителей языка с высокими показателями интеллекта субъективное значение представлено гиперогипонимической структурой, где ядро структуры, т. е. основное значение, формируется в ходе операции подведения под категорию и определяет тип связей – гиперогипонимический – между всеми остальными значениями внутри структуры» [26, с. 29]. Вероятно, именно это основное, ядерное субъективное значение в определённых дискурсивных условиях становится наиболее отмеченным для данного индивида и выступает базой семантической ре-интерпретации.

Важность гипотезы градуированной отмеченности для понимания природы неконвенционального смыслообразования состоит в следующем. Если в канонической коммуникативной ситуации рецептор конструирует значение высказывания, распознавая коммуникативную интенцию отправителя сообщения, предлагающего более или менее чёткие лексические и прагматические ориентиры для такого распознавания, то в случае авангардного стихотворения авторская интенция состоит в намеренном затруднении выбора однозначной интерпретации высказывания («сгущении» неоднозначности). Соответственно, в таком интенсифицирующем, не снимающем неоднозначность контексте именно наиболее отмеченные значения слова, активизируемые в первую очередь, будут служить значимым ориентиром в процессе читательской смысловой интерпретации. Даже пытаясь скорректировать свою интерпретативную стратегию и учесть контекстное влияние, воспринимающее сознание читателя поэтического текста не может игнорировать уже активированное отмеченное значение слова.

Возьмём, например, одну замечательную фразу из стихотворения Аркадия Драгомощенко «По многим причинам» [28]: «<...> мир настолько просторно сквозит, что в нём нет ни места, ни смерти». В данном случае креатема автора состоит в окказиональной лексико-семантической сочетаемости в предложении «мир <...> просторно сквозит». Наиболее отмеченное значение глагола «сквозить» лично для автора данной статьи – «дуть, продувать сквозь отверстия». Данный лексико-семантический вариант явно вступает в конфликт с контекстным окружением «мир сквозит» и «просторно сквозит». Соответственно, актуальный смысл [21, с. 77] слова «сквозит» в данном высказывании конструируется рецептором путём варьирования ядерных, дифференциальных и периферийных сем. Архисема «движение» будет актуализирована одновременно с дифференциальным компонентом «движение через среду, навывлет» и периферийным компонентом «пропускать свет, позволяя видеть насквозь»: ≈ «мир свободно движется»; «мир просвечивает»; «мир позволяет ясно видеть сквозь себя» («обнажает свою сущность»?). У читателя, хорошо знающего философские основания творчества А. Драгомощенко, «грамматику» и «политику» его поэзии, в которой онтология «разрыва» занимает одно из центральных мест [29; 30], может также возникнуть потребность в актуализации разговорного значения глагола «сквозить» – «быть в дырах, щелях». При этом, будучи неотъемлемой частью сложного целого, семантически варьируются единицы «мир» и «просторно» и далее (если затрагивать более высокий уровень семантико-синтаксических отношений) единицы «место» и «смерть». Например, объект, номинированный единицей «мир», получает дополнительные окказиональные признаки «воздушность», «поток», «лёгкость» и метафорически переосмысливается как «мир есть ветер», «мир есть свет». Актуальный смысл наречия «просторно» формируется путём актуализации сем «свободно» и «неплотно», что в сочетании «просторно сквозит» приводит к экспликации признака «без преграды». При этом, как нам представляется, именно отмеченное значение

«сквозить = дуть» выступает основой подобных интерпретативных переосмыслений значений слов, составляющих высказывание. Таким образом, в процессе сложной рецептивной деятельности читателя наиболее отмеченное значение слова действительно не может игнорироваться в условиях недостаточности сигналов, позволяющих однозначно эксплицитировать интенцию адресанта.

Анализ данного примера показывает, что контекстные допущения также находятся в динамическом «развертывании», корректируясь в процессе интерпретации. Контекст динамически создаётся, как и эксплицитное содержание и имплицитур [22, с. 86]. В отечественной семасиологии эта мысль имеет давнее обоснование: «контекст активно влияя на семантическую реализацию единицы, сам при этом выступает как своеобразная семантическая единица» [21, с. 81]. Ю. М. Лотман высказал идею о том, что акт художественной коммуникации есть акт трансформации всех компонентов этой коммуникации – кода сообщения (языка), самого сообщения, контекста, составляющего это сообщение и даже самих адресанта и адресата [31]. Развивая эту идею применительно к случаю неконвенционального словообразования, отметим, что контекстное влияние на значение слова в стихотворной речи может быть исключительно взаимным: наиболее отмеченные субъективные значения слов задают траектории направления конструирования контекстных взаимосвязей в сознании читателя, при этом контекстные взаимосвязи могут по-новому актуализировать отдельные семантические признаки, выступая основой читательской ре-интерпретации значения слова.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Неконвенциональное смыслообразование (в узком смысле понятия) есть динамический процесс конструирования значения в ситуации нестандартной, творческой ре-интерпретации формы, функции и содержания языковых единиц языковой личностью. Семантизация индивидуально-авторских креативов в процессе чтения поэтического текста является частным случаем неконвенционального смыслообразования.

2. Современную лингвистику отличает «взвешенная» позиция в анализе контекстной обусловленности значения слова: понимание смыслообразования как динамического процесса требует учёта как регулярных факторов семантического влияния (наличия в сознании носителя языка устойчивых, закреплённых за данной языковой формой содержательных признаков), так и вариативно-ситуативных факторов.

3. Контекст авангардного экспериментального стихотворения, в котором реализуется авторская установка на множественность прочтений, является интенсифицирующим. Находясь в ситуации сложной интерпретации, эксплицитируя значение авторской креативы в интенсифицирующем контексте, читатель стихотворения не может игнорировать наиболее отмеченные лично для него/неё значения слов.

4. В процессе читательской рецепции поэтический контекст находится в постоянной трансформации: читатель переосмысливает варианты семантической комбинаторики контекстуальных элементов, что ведёт к модификации смысла всего контекста как сложного целого.

Библиографический список

1. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2013. – 254 с.
2. Григорьев, В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – М., 1979. – 343 с.
3. Купина, Н. А. Креативная стилистика и практическая филология / Н. А. Купина // Стилистика сегодня и завтра : материалы конференции. Часть I. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 140–144.
4. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.
5. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford University Press, 1987. – 540 p.
6. Radden, G., Köpcke, K.-M., Berg, T. and Siemund, P. The construction of meaning in language / G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund // Aspects of Meaning Construction. Eds. G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2007. – pp. 1–15.
7. Evans, Vyv. Figurative Language Understanding in LCCM theory / Vyv. Evans // Cognitive Linguistics. – 2010. – № 21–4. – pp. 601–662.
8. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994 – № 4. – С. 17–33.
9. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. Т. 1. – М., 1960. – С. 264–389.

10. Панов, М. В. О слове как единице языка / М. В. Панов // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 51–87.
11. Кечкеш, И. Слово, контекст и коммуникативное значение / И. Кечкеш // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 1. – С. 7–19.
12. Фоменко, Ю. В. Человек, слово и контекст / Ю. В. Фоменко // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. – Новосибирск, 2001. – С. 164–168.
13. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М: Высшая школа, 1988. – 168 с.
14. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1 (1). – pp. 39–74.
15. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge, MA: MIT Press, 1985. – 190 p.
16. Fillmore, Ch. Frames and the Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985. – N. 6. – pp. 222–254.
17. Turner, M., Fauconnier, G. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10 (3). – pp. 183–203.
18. Бутакова, Л. О. Слово человека: психолингвистическое моделирование значения как достояние индивида / Л. О. Бутакова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Том, 11, выпуск 9. – С. 56–65.
19. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
20. Kecskes, I. Situation-bound utterances in L1 and L2. Studies on Language Acquisition / I. Kecskes. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2003. – 232 p.
21. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1985. – 170 с.
22. Giora, R. When is Relevance? On the Role of Salience in Utterance Interpretation / R. Giora // Revista Alicantina de Estudios Ingleses – 1998. – N 11. – pp. 85–94.
23. Giora, R. On Our Mind: Salience, Context and Figurative Language / R. Giora. – New York Oxford University Press, 2003. – 272 p.
24. Giora, R., Fein, O. Irony: Context and Salience / R. Giora, O. Fein // Metaphor and Symbol. – 1999. – № 14 (4). – pp. 241–257.
25. Стернин, И. А., Рудакова, А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
26. Бубнова, И. А. Субъективное значение слова: структура и ее особенности / И. А. Бубнова // Вопросы филологии. – 2007. – № 2 (26). – С. 30–36.
27. Кульгавова, Л. В. Из истории изучения индивидуального значения слова / Л. В. Кульгавова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 4 (22). Ч. 1. – С. 95–99.
28. Драгомощенко, А. На берегах исключенной реки. М. : ОГИ, 2005. [Электронный ресурс] / А. Драгомощенко. – Режим доступа: www.vavilon.ru/texts/dragomot5-1.html
29. Драгомощенко, А. Ответы // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 121. [Электронный ресурс] / А. Драгомощенко. – Режим доступа: nlobooks.ru/node/3583
30. Ямпольский, М. Смерть и память (Опыт неэстетической поэзии Аркадия Драгомощенко) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 121. [Электронный ресурс] / М. Ямпольский. – Режим доступа: nlobooks.ru/node/3575
31. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132.

T. V. Ustinova, Omsk State Pedagogical University

THE ROLE OF CONTEXT IN NON-CONVENTIONAL MEANING CONSTRUCTION: THE CASE OF THE READER'S RECEPTION OF THE POET'S LINGUISTIC NOVELTIES

The contextual dependence of non-conventionally used linguistic forms in the poetic text is analyzed in the light of pragmatic and cognitive approaches. The paper highlights the implementation of the graded salience hypothesis in the non-conventional meaning construction analysis. The reader's reinterpretation of the most graded meaning is shown on the example of lexical compositionality violation in the poem by Arkadii Dragomoshchenko.

Keywords: linguistic creativity, meaning construction, contextual influence, salient meaning

References

1. Gridina, T. A. *Jazykovaja igra v hudozhestvennom tekste* [Language play in the literary text]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. ped. un-ta, 2013, 254 p.
2. Grigor'ev, V. P. *Pojetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, 1979, 343 p.
3. Kupina, N. A. *Kreativnaja stilistika i praktičeskaja filologija* [Creative linguistics and practical philology]. *Stilistika segodnja i zavtra: materialy konferencii*. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2014, pp. 140–144.
4. Gridina, T. A. *Jazykovaja igra: stereotip i tvorčestvo* [Language play: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. ped. un-ta, 1996, 214 p.
5. Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical prerequisites*, Stanford University Press, 1987, 540 p.
6. Radden, G., Köpcke, K.-M., Berg, T. and Siemund, P. *The construction of meaning in language*. Aspects of Meaning Construction. Eds. G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund, Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2007, pp. 1–15.
7. Evans, Vyv. *Figurative Language Understanding in LCCM theory*. *Cognitive Linguistics*, 2010, no 21-4, pp. 601–662.
8. Dem'jankov, V. Z. *Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda* [Cognitive linguistics as the interpretative approach]. *Voprosy jazykoznanija*, 1994, no 4, pp. 17–33.
9. Elmslev, L. *Prolegomeny k teorii jazyka* [Introduction to the language theory]. *Novoe v lingvistike*, Moscow, 1960, pp. 264–389.
10. Panov, M. V. *O slove kak edinice jazyka* [On the word as a linguistic unit]. *Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku*, Moscow, 2004, pp. 51–87.
11. Kechkesh, I. *Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie* [The word, the context and the communicative meaning]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Lingvistika»*, 2014, no 1, pp. 7–19.
12. Fomenko, Ju. V. *Chelovek, slovo i kontekst* [A human being, a word and context]. *Koncepcija cheloveka v sovremennoj filosofskoj i psihologičeskoj mysli*, Novosibirsk, 2001, pp. 164 – 168.
13. Nikitin, M. V. *Osnovy lingvističeskoj teorii znachenija* [Foundations of the lexical semantics]. Moscow, Vysshaja shkola, 1988, 168 p.
14. Lakoff, G. *The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata?* *Cognitive Linguistics*, 1990, no 1 (1), pp. 39–74.
15. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language* Cambridge, MA: MIT Press, 1985, 190 p.
16. Fillmore, Ch. *Frames and the Semantics of Understanding*. *Quaderni di Semantica*, 1985, no. 6, pp. 222–254.
17. Turner, M., Fauconnier, G. *Conceptual Integration and Formal Expression*. *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*, 1995, Vol. 10 (3), pp. 183–203.
18. Butakova, L. O. *Slovo cheloveka: psiholingvističeskoe modelirovanie znachenija kak dostojanie individua* [The human being's word: psycholinguistic modeling of meaning as the human property]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*, 2012, Vol. 11, no 9, pp. 56–65.
19. Dement'ev, V. V. *Nepriamaja komunikacija* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis, 2006, 376 p.
20. Kecskes, I. *Situation-bound utterances in L1 and L2*. *Studies on Language Acquisition*, Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2003, 232 p.
21. Sternin, I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [The lexical meaning of the word in speech]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1985, 170 p.
22. Giora, R. *When is Relevance? On the Role of Saliency in Utterance Interpretation*. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 1998, no 11, pp. 85–94.
23. Giora, R. *On Our Mind: Saliency, Context and Figurative Language*. New York Oxford University Press, 2003, 272 p.
24. Giora, R., Fein, O. *Irony: Context and Saliency*. *Metaphor and Symbol*, 1999, no. 14 (4), pp. 241–257.
25. Sternin, I. A., Rudakova, A. V. *Psiholingvističeskoe znachenie slova i ego opisanie* [The psycholinguistic meaning of the word and its description]. Staarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011, 192 p.
26. Bubnova, I. A. *Sub'ektivnoe znachenie slova: struktura i ee osobennosti* [The subjective meaning of the word: its structure and specificity]. *Voprosy filologii*, 2007, no 2 (26), pp. 30–36.
27. Kul'gavova, L. V. *Iz istorii izuchenija individual'nogo znachenija slova* [From history of individual word-meaning study]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2013, no. № 4 (22), pp. 95–99.
28. Dragomoshhenko, A. *Na beregah isključennoj reki* [On the banks of an excluded river]. URL: www.vavilon.ru/texts/dragomot5-1.html
29. Dragomoshhenko, A. *Otvety* [The Answers]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no № 121. URL: nlobooks.ru/node/3583
30. Jampol'skij, M. *Smert' i pamjat'* [Death and memory]. URL: nlobooks.ru/node/3575

31. Lotman, Ju. M. *Semiotika kul'tury i ponjatie teksta* [Cultural semiotics and text understanding]. Izbrannye stat'i, Tallinn: Aleksandra, 1992, pp. 129–132.

© Т. В. Устинова, 2015

Автор статьи – **Татьяна Викторовна Устинова**, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: utanja@mail.ru

Рецензенты:

Л. О. Бутакова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Ю. Ю. Литвиненко, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

УДК 81+159.9

Л. Н. Юровицкая, В. В. Доброва,
Самарский государственный технический университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Статья посвящена анализу, выявлению сходств, различий и взаимосвязей некоторых эпистемических состояний и характеристике концептуального поля «Эпистемические состояния». В работе применяется методика когнитивного моделирования, разработанная профессором В. М. Савицким. Выявляется признаковый состав (содержание), денотативная область (объём) и структурная соотнесённость рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: концептуальное поле, эпистемические состояния, когнитивная позиция, ментальная модель, логический оператор.

На рубеже веков была сформирована гуманистическая парадигма лингвистических изысканий, в рамках которой феномены ментальности, культуры и языка стали изучаться в комплексе единой системы инструментальных категорий семиотики и когнитивной науки. В эту область исследований входит концептология, которая применяет обширный методологический аппарат с целью исследования механизмов отражения категорий сознания и культуры в семантике языковых знаков и в моделях построения речевых единиц. Одним из наиболее сложных, но в тоже время интересных объектов когнитивных исследований являются эпистемические состояния, с которыми связана интеллектуально-познавательная деятельность человека, направленная на осмысление фрагментов действительности и формирование определенного отношения к ним. Изучая мир вокруг себя и себя в нём, размышляя на тему собственного познания, человек переходит на метауровень философской рефлексии. На этом пути важным шагом является моделирование собственных ментальных процессов в их связи с семантикой стоящих за этим языковых знаков.

В трудах по логической и лингвистической семантике принято использовать систему категорий, служащих для описания объектной области когнитивного моделирования. Исходной категорией когнитивного моделирования эпистемических состояний выступает «положение дел», которое, по определению О. Н. Селиверстовой, характеризуется, как «то, что может иметь место в каком-либо мире» [1, с. 8]. Эта категория описывает максимально широкий охват реальности. С её помощью можно охарактеризовать всё сущее не только в материальном, но и в духовном мире (коллективной и индивидуальной ментальности). Положение дел «подразумевает существование предмета, наличие у него того или иного бытийного признака, какое-либо отношение между предметами, положение предметов в пространстве и времени, явление, факт, действие, процесс, событие, ситуацию и т. п.» [2, с. 21]. Элементарные положения дел условно можно разделить на два вида: *события* и *факты* [3]. Событие – это то, что протекает во времени, в отличие от факта, который рассматривается безотносительно временного интервала. Разновидностью события является *состояние*, т. е. некий модус существования объекта, который характеризуется определённым набором параметров.

События, которые происходят в когнитивном мире, Р. Акофф и Ф. Эмери определяют как *когнитивные события* [3, с. 69]. К их числу относятся интенциональные, перцептивные, эмотивные и эпистемические события (мыслительные акты, осознание и узнавание чего-либо, акты воображения, воспоминания, понимания и т. п.). В качестве разновидности эпистемических событий выступают эпистемические состояния, то есть такие события данного вида, которые не попадают под определение ментальных действий (операций), так как они не являются актами обработки информации, а представляют её результаты. Например, если суммирование чисел в уме есть ментальная операция (арифметическое действие), то получаемое в результате знание суммы есть эпистемическое состояние. Аналогичным образом попытка понять труднодоступный смысл чьего-либо высказывания представляется ментальной операцией, а её результат – понимание смысла – это эпистемическое состояние.

К числу эпистемических состояний относятся знание, осведомлённость, мнение, вера, полагание, убеждение, уверенность, допущение, экспектация (ожидание), предвидение (прогноз), сомнение, понимание (в вышеупомянутом смысле), предположение, воспоминание (как результат воспоминания). Следует отметить, что эпистемические состояния зачастую сопровождаются соответствующими эмоциональными состояниями. Эта связь отражена в таких устойчивых речениях, как *страстная вера, горькое понимание, радостное ожидание, мучительное сомнение, счастливое воспоминание* и т. п. [4, с. 264].

Рассмотрим когнитивное содержание эпистемических состояний. Оно является когнитивной моделью какого-либо фрагмента действительности, его ментальным отражением, результатом обработки данных сенсорного восприятия, что совмещает в той или иной пропорции рационально-мыслительный и чувственно-образный компоненты. В качестве необходимого условия эпистемического состояния выступает располагание некоторой порцией сведений, активированной в сознании и существующей в кодовой (вербальной, схематической, сенсорной) форме. Специфика каждого эпистемического состояния, в числе прочего, определяется характером когнитивного отношения субъекта к этим сведениям, а именно тем, какая логическая или эпистемическая модальность им приписывается; эти модальности выражены в логике операторами «истинно», «ложно», «вероятно», «возможно», «невозможно», «невероятно», «маловероятно», «достоверно», «недостоверно» и др. Приписывание той или иной модальности, в свою очередь, определяется степенью надёжности источника сведений (по оценке субъекта), а также психологическими и культурологическими факторами.

Следует оговориться, что, при рассмотрении эпистемических состояний с логической точки зрения, мы оперируем их *логическими понятиями*, которые носят интернациональный научный характер и лишены этнокультурной и этноязыковой специфики [5, с. 87]. В качестве исходного понятия нами принято широкое по объёму понятие «когнитивная позиция». Так, занимать когнитивную позицию в отношении положения дел Р – значит, в общем случае, приписывать ему ту или иную эпистемическую, деонтическую, логическую, аксиологическую, временную либо онтологическую модальность.

В нашей модели когнитивная позиция представляет собой единицу иного порядка, в отличие от остальных эпистемических понятий, т. к. она относится не непосредственно к Р, а к модальности Р (достоверности, вероятности, возможности Р и т. д.). Собственно говоря, когнитивная позиция выступает как *суждение*, но не в форме внешнего вербального высказывания, а в форме ментального состояния, это так называемая эпистемическая оценка сведений. В принципе, подобное *суждение* следовало бы обозначить глаголом *судить* (о чем-либо), но по стилистическим соображениям мы, вслед за Ю. Д. Апресяном [6], обозначим его глаголом *считать* в значении «судить, занимать когнитивную позицию».

Понятие *знание* довольно обширно исследовано в философской, логической и лингвистической литературе [6–11] и др. Знание в общем случае нельзя определить как истинное полагание (в формализованной записи можно представить: (x ПОЛАГАЕТ Р) И (Р)). На наш взгляд, знать – значит, полагать, что некоторые сведения абсолютно стопроцентно достоверны, поскольку получены из общепризнанного источника, который мыслится как совершенно надёжный. Однако следует заметить, что не существует полной гарантии того, что все эти источники действительно и объективно совершенно надёжны. Знание, в свою очередь, не следует отождествлять с осведомлённостью, то есть обладанием информацией, поскольку это еще не есть суждение субъекта. Информация как таковая, т.е. сама по себе, не имеет эпистемической модальности. Так, если субъект не судит о степени достоверности какой-либо информации, то он обычно делает ссылки на её источник («Говорят, что...»), «Мне сказали...», «Я услышал, что...», «Я читал, что...» и т.п.), перекладывая на него ответственность за соответствие действительности («За что купил, за то и продал»).

Убеждённость отличается от знания. Она хоть и основывается на высокодостоверных, но всё же косвенных подтверждениях и доказательствах, не относящихся к списку тех, на которых

базируется знание. Убежденность может возникать в результате почти полной, но всё-таки не совсем полной индукции. Убежденность не объективна, поскольку её высокая степень не всегда находится в прямой зависимости от объективной достоверности или вероятности истинности имеющихся сведений. На основе малой выборки так называемая популярная индукция зачастую приводит к недостаточно обоснованной убежденности, что обусловлено не логическими, а скорее психологическими причинами. В этом аспекте убежденность близка к вере.

Помимо индукции, убежденность может базироваться на умозаключении на основе аналогии. Так, выражение «х убеждён, что Р», означает буквально следующее: субъект считает, что Р истинно (или, по крайней мере, наверняка истинно), поскольку этому есть достаточное количество (по мнению субъекта) редутивных подтверждений и доказательств.

Вера основывается не на доказательствах (или, по крайней мере, они в ней не главное), а на высоком идейном авторитете источника в понимании субъекта, или в некоторых случаях также на таком психологическом явлении, как «принятие желаемого за действительное». В строгом смысле слова, вера в определенной мере иррациональна, поскольку доказательства для неё нерелевантны или малорелевантны. Логика при этом не так важна и отходит на задний план. Достаточно вспомнить знаменитый парадокс *Credo quia absurdum* – «Верую, ибо нелепо». Идейная (социально-политическая, религиозная или иная) вера обладает большим аксиологическим зарядом. Она представляет высокую ценность для субъекта несмотря на её зачастую шаткие онтологические основания. Выражение «х верит, что Р» означает буквально следующее: субъект считает, что Р истинно, несмотря на нехватку или даже полное отсутствие рационалистических подтверждений. При этом в отличие от убеждения, которое основано на популярной индукции, вера, как уже упоминалось, зиждется, в первую очередь, на авторитете и ценности. Однако подобные эпистемические состояния иногда могут сближаться: вспомним, к примеру, евангельского Фому, поверившего в божественность Иисуса только после того, как получил этому реальное подтверждение. В данном случае вера комбинирована с рациональной убежденностью на фактологических основаниях. Говоря в целом, эпистемические состояния часто сближаются, пересекаются, переходят друг в друга; это объясняет, почему их наименования в той или иной мере амбивалентны и в некоторых контекстах взаимозаменяемы.

Обратимся теперь к понятию *полагание*. Теоретически оно подразумевает неопределённую степень вероятности положения дел Р, однако практически эта степень обычно выше среднего, но ниже, чем у уверенности. Выражение «х полагает, что Р» означает буквально следующее: субъект считает, что положение дел Р имеет позитивную вероятность (на практике обычно выше среднего), к примеру: «Я полагаю (= думаю), что на улице сегодня прохладно». Содержание полагания зачастую представляет собой вывод из редутивных рассуждений на основе фактов. (Вряд ли правильно было бы сказать: «Я полагаю, что на Земле живут люди», поскольку это совершенно очевидный, а не выводной факт.) *Предполагание* весьма близко к понятию *полагания*, но, в отличие от первого, имеет, пожалуй, большую степень рассудочности и меньшую степень интуитивности; кроме того, приставка *пред-* подчеркивает *исходность*, предварительность предположения (ср. лат. *positio* букв. «положение» и *propositio*/*praepositio* (букв. «пред-положение»; греч. *thesis* букв. «положение» и *hypothesis* букв. «положение под (чем-либо)», т. е. «основа»).

Прогноз, ожидание, воспоминание характеризуются в качестве основного признака временным параметром. Так, прогноз представляет собой некую ментальную модель положения дел в будущем, которая построена путём переноса данных о динамике происхождения событий прошлого и настоящего в будущее. Прогноз представляет собой временную экстраполяцию тенденций. Независимо от степени субъективной уверенности автора прогноза, его объективная вероятность будет всегда ниже ста процентов, поскольку практически невозможно учесть все факторы, релевантные для моделирования будущего положения дел. Будущее поливариантно. Так, вероятность того или иного варианта развития будущего меняется по мере учёта всё новых и новых факторов и тенденций развития. Поэтому прогноз – это не есть провидение, а всего лишь вероятностное *полагание* о будущем положении дел Р, это своеобразный рационалистический конструкт, основанный на данных прошлого и настоящего опыта, в определённой мере отличный от того будущего, которое наступает впоследствии и становится настоящим.

Ожидание (экспектацию) можно определить как сочетание прогноза с интенцией субъекта, обычно сопровождаемое эмоциональным отношением к прогнозируемому им событию. Желанное событие зачастую ожидают с надеждой, а нежеланное – со страхом. Прогнозируемое событие при этом ожидается в той мере, в какой оно значимо для субъекта. Если субъект к нему безразличен,

равнодушен, он вряд ли пребывает в состоянии ожидания. Например, все знают, что ясной ночью взойдёт луна, но путник её ожидает (она осветит ему путь), а домосед – нет (ему всё равно).

По методике В. М. Савицкого [3], ожидание можно в общем случае описать формулой « x ожидает $P = (x \text{ хочет/не хочет } P) \text{ И } (x \text{ прогнозирует } P)$ ». Эмотивное событие «надежда» описывается формулой « x надеется, что $P = x \text{ переживает}^+ (x \text{ ожидает } P)$. Страх противоположен надежде: « x боится, что $P = x \text{ переживает}^- (x \text{ ожидает } P)$ ».

В обыденной речи высказывание «Я этого не ожидал» фактически подразумевает не то, что говорящему безразлично P , а то, что он не прогнозировал P , и не допускал, что P произойдет. Однако по стилистическим и психологическим причинам так обычно не говорят. «Не ожидал» здесь логически не совсем точно, но, впрочем, вполне понятно и допустимо.

Если расчётная погрешность прогноза пренебрежимо мала, то на практике его условно приравнивают к *знанию* будущего положения дел: « x знает ($P \in t_2$) $\in t_1$. В этом случае, ожидая событие, субъект переживает не просто надежду, а *предвкушение*: « $x \text{ переживает}^+ (x \text{ хочет } P) \text{ и } (x \text{ знает } (P \in t_2)) \in t_1$ », и не просто страх, а *огорчение, гнев, отчаяние* и т. п.: « $x \text{ переживает}^- (x \text{ хочет не } P) \text{ И } (x \text{ знает } (P \in t_2)) \in t_1$ ». Рассматривая условно-детерминированное ожидание с точки зрения субъекта, оператор *знает* в этих формулах следует заменить на *убеждён*.

Человек устроен так, что, с одной стороны, он вечно ожидает от жизни «подвоха» (всякое верное дело может сорваться), а с другой стороны, даже в безнадежной ситуации он склонен уповать на благополучный исход. Человек в целом не твердокаменный фаталист: живя в вероятностном мире, он интуитивно ощущает ненадежность любого (позитивного и негативного) прогноза. Предвкушение у него обычно перемежается с опасением, а отчаяние – с надеждой. Такова психологическая сторона эмотивно-эпистемических состояний.

Воспоминание есть активация в сознании субъекта фрагмента сведений, хранящихся в его памяти (или, используя психоаналитический термин, в его предсознании). В житейском смысле слово *воспоминание* относится в основном к личному прошлому чувственному опыту (к тому, что человек сам видел и в чём, возможно, участвовал), но в логическом смысле оно обозначает эпистемическое состояние, содержанием которого является любой поступивший из памяти в сознание информационный блок. В терминах компьютерной метафоры воспоминание можно назвать «раскрытием файла» человеческой памяти, а воспоминание, извлечённое с помощью мнемотехнического ключа – «разархивированием файла».

Если ввести оператор *осознаёт* (= активирует в сознании), то воспоминание можно формально описать так: « x вспоминает $P = (x \text{ осознаёт } (x \text{ располагает сведениями } (P \in t_1))) \in t_2$. Порядок следования временных индексов здесь обратен тому, который имеет место в формуле прогноза. Прогноз – рационалистическая модель будущего; воспоминание – мнемическая модель прошлого.

Понятие «*сомнение*», как уже отмечалось, трактуется Ю. Д. Апресяном как когнитивная позиция по отношению к положению дел P , состоящая в том, что «скорее не P » [6, с. 627]. При такой трактовке сомнение противоположно полаганию (когнитивной позиции, согласно которой «скорее P »). Тогда достоверность сведений, подвергаемых сомнению, ниже 50 % (в случае с полаганием она выше 50 %). По В. М. Савицкому, x СОМНЕВАЕТСЯ, ЧТО $P = x$ ПОЛАГАЕТ (ВОЗМОЖНО (НЕ P)) [3, с. 35]. Если принять, что уверенность подразумевает вероятность $P > 50\%$, а сомнение – $P < 50\%$, то получится, что данное высказывание означает: «Он считает, что вероятность P больше и меньше 50%», что является нарушением логического закона непротиворечия, или, в формализованном виде, $\sim [P \wedge \sim P]$ («Неверно [P и не- P]»). Значит, это высказывание аналитически ложно.

Формула «ВОЗМОЖНО (НЕ P)», как было показано выше, есть всего лишь *допущение* возможности не- P , то есть, что вероятность P выше нуля (и не более того). Но оно характерно не только для сомнения, но и для уверенности, и для веры. Таким образом, эта дефиниция слишком широка для сомнения.

Трактовка сомнения в P как убеждённости в не- P противоречива: убеждённость по определению отменяет всякое сомнение. Убеждённость и сомнение принципиально несовместимы, так как первая носит детерминированный, а второе – вероятностный характер. Убеждённость в не- P не допускает вероятности P выше нуля, а сомнение в P её допускает. Поэтому сомнение в P не может быть определено как убеждённость в не- P . Мы предлагаем следующую этимологическую версию для слова *сомнение*. Значение префикса *с(о)-*, на наш взгляд, здесь имеет общую сему со значением префикса *от-* (ср.: *сойти/отойти, сдвинуть/отодвинуть, слететь/отлететь* и т. п.) и префикса *у-* (ср.: *сбежать/убежать, стащить/утащить, съехать/ухать* и т. п.). Это сема движения в сторону, удаление, отклонения. «Со-мнение» буквально (по своей внутренней форме) означает отклонение

от мнения, то есть от позитивной когнитивной позиции в отношении Р. Это ключ к содержанию данного понятия. В общем случае сомнение отличается от мнения не суждением о степени вероятности Р (ниже/выше 50 %), а негативным характером когнитивной позиции, при том, что как мнение, так и сомнение имеют вероятностную модальность, степень которой, вообще говоря, неопределенна, но в частных случаях, действительно, может быть, соответственно, выше и ниже 50 %. При полагании (содержанием которого является мнение) в фокус внимания выдвигается истинность Р (какова бы ни была её вероятность), а при сомнении – неистинность Р (какова бы ни была её вероятность). Полагание (уверенность, вера) и сомнение дополняют друг друга: на вероятностной шкале на долю сомнения остаётся та её часть, которая не занята полаганием (уверенностью, верой). Полагание (уверенность, вера), в отличие от убеждённости, автоматически подразумевает (имплицитно) определённую долю сомнения, но в этих эпистемических состояниях сомнение не выводится в фокус внимания. Аналогичным образом сомнение имплицитно полагание (уверенность, веру), но в этом эпистемическом состоянии внимание на них не заостряется. Подчеркнём ещё раз, что полагание, уверенность, вера, убеждённость в Р – это *позитивные когнитивные позиции*, в то время как сомнение и неуверенность в Р, а также убеждённость в не-Р – это *негативные когнитивные позиции*.

В этом, на наш взгляд, состоит основное различие между перечисленными эпистемическими состояниями, а преобладание вероятности Р («скорее Р, чем не-Р») или вероятности не-Р («скорее не-Р, чем Р») – это не содержание эпистемических состояний, а их фактологическая и логическая мотивация, которая не обязательно детерминирует возникновение того или иного эпистемического состояния, так как существует ещё и психологическая, и культурная мотивации. В частности, наличие или отсутствие веры обычно не связаны с фактами и логикой. Человек может быть упорен в вере или неверии несмотря на достоверные и сильные логические контраргументы. Вот почему формула «х считает, что скорее не-Р» не всегда означает, что х сомневается в Р.

Итак, вероятностные эпистемические состояния взаимодополнительны и делятся на позитивные и негативные. Качественная определённость того или иного из них обусловлена, в первую очередь, тем, «плюс» или «минус» выводится в фокус внимания, и лишь во вторую очередь – тем, в какой пропорции находится вероятность Р и вероятность не-Р.

Как уже отмечалось ранее, мы живём в вероятностном мире. Незыблемость постулатов математики и дедуктивной логики искусственна. При их приложении к живой жизни возникают погрешности, свидетельствующие о стохастическом характере всего сущего, включая даже фундаментальные законы природы, не говоря уже о законах общественного развития. Человек интуитивно ощущает это; поэтому на практике (а не в логической теории) даже в твёрдые убеждения время от времени вкрадывается некоторая доля сомнения, вызванного такими фактами, которые не согласуются с убеждениями. Вновь поступающие факты то подтверждают, то противоречат некоторой когнитивной позиции в отношении Р. В диахронии происходит чередование позитивного и негативного эпистемического суждения о Р, которое обычно называют *колебанием (гезитацией)*. Гезитацию иногда отождествляют с сомнением, но, строго говоря, гезитация – это не сомнение, а перемежение полагания (уверенности, веры) сомнением (неуверенностью), т. е. многократная смена когнитивных знаков «плюс» и «минус», попеременное выведение «плюса» и «минуса» в фокус внимания на основе учёта сменяющихся аргументов «за» и «против» истинности Р.

Рассмотрим далее понятие «понимание», толкуемое не как ментальное действие (процесс раскрытия сущности или смысла явления), а как эпистемическое состояние (результат упомянутого процесса). Представляется возможным рассматривать понимание как наличие в когнитивном мире субъекта добытого аналитикосинтетическим путём смысла объекта (онтологического, прагматического, семиотического). В общем случае попытка понять явление действительности есть стремление к истине об этом явлении, то есть постижение его глубинного, сущностного смысла.

Понимание в рамках двузначной логики может оказаться ложным, поэтому ему нельзя в общем случае приписать двузначно-логическую модальность истинности. Однако рассматриваемая с позиций теории познания, в которой используется и многозначная логика, истина всегда относительна, и всякое понимание есть частичное установление истины. С одной стороны, абсолютная истина недостижима, а с другой, абсолютная неверность суждения о сущности объекта не может быть названа пониманием; наоборот, это есть непонимание сущности объекта. Таким образом, понимание располагается между абсолютной истиной и полным непониманием, и ему, на наш взгляд, можно приписать эпистемическую (гносеологическую, а не двузначно-логическую) модальность частичной истинности. В каждом отдельном случае её степень («глубина понимания») различна. Речь идёт о степени соответствия ментальной модели оригиналу.

Понимание подразумевает наличие позитивной когнитивной позиции и в этом аспекте противостоит сомнению. В диахронии оно может чередоваться с сомнением, что было определено выше как хезитация.

Вера и понимание отличаются друг от друга рационалистическим характером, а понимание от уверенности, убеждённости, полагания отличается тем, что оно в целом не подразумевает какой-либо оценки достоверности Р. Возможны комбинации понимания с названными эпистемическими состояниями: субъект может быть убеждён, или уверен, или, по крайней мере, полагать, что его собственное понимание смысла Р соответствует действительности, однако следует отметить, что по психологическим причинам людям свойственно завышать адекватность своего понимания мира и вещей.

Понимание, помимо адекватности, градуально по такому параметру, как чёткость когнитивной картины мира и объекта (оно бывает совершенно ясным, более или менее отчётливым, смутным), а также по параметру степени охвата сущностных закономерностей (оно бывает очень глубоким, более или менее глубоким, поверхностным). Рассмотренные выше понятия относятся к числу размытых, это означает, что их признаковый состав (содержание) и денотативная область (объём) не вполне чётко определены. Кроме того, не все они рядоположены; некоторые из них находятся «в разных плоскостях» когнитивного пространства, поскольку составляющие их признаки сами бывают разнородными. В силу этого они частично взаимопересекаются, но отдельные их модификации могут перетекать друг в друга. К примеру, отчетливое воспоминание о событии, которое произошло с субъектом или на его глазах, приравнивается к *знанию* субъекта о том, что данное событие действительно имело место: «Я это отлично знаю (= помню), потому что сам был тому участником/свидетелем». Как уже отмечалось, неверие в Р может быть приравнено к *убеждённости* в не-Р или к недопущению возможности Р. *Прогноз* есть разновидность *полагания* (с временной модальностью будущего). *Понимание* тоже представляет собой вид *полагания* (*уверенности, убеждённости*) касательно смысла Р. Вера, с её нехваткой эмпирической аргументации, в случае появления такой аргументации перерастает в *уверенность*. В отличие от формальной логики Аристотеля, в диалектической логике Гегеля «текучесть» понятий принята за основу теоретических построений (хотя бывают и «жёсткие», ригидные понятия). Эта «текучесть» понятий, входящих в рассматриваемое нами поле эпистемических состояний, не позволяет разработать их строгое исчисление.

Библиографический список

1. Селиверстова, О. Н. Семантические типы предикатов / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1982. – 365 с.
2. Савицкий, В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования / В. М. Савицкий. – Самара : изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
3. Ишмуратов, А. Т. Логический анализ практических рассуждений. – Киев : Наукова думка, 1987. – 137 с.
4. Юровицкая, Л. Н. Интерпретационное поле и аксиологический статус концепта «сомнение» // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. – СПб, ЛГУ, 2008. – С. 263–267.
5. Огнев, А. Н. Некоторые теоретические аспекты проблемы сомнения и перспективы ее лингвистической экспозиции / А. Н. Огнев, Л. Н. Юровицкая // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2004. – С. 84–87.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды в 2-х томах. – Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1995. – 767 с.
7. Вендлер, З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык : сб. науч. тр. – М. : Прогресс, 1987. – С. 293–317.
8. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 79–128.
9. Searle J. R. Speech Acts: An essay in the philosophy of language. – N. Y. ; L. : Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
10. Ziff P. Epistemic Analysis. A Coherence Theory of Knowledge. – Dordrecht: 1983. – 198 p.
11. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. – N.Y., Oxford: 1992. – 346 p.

L. N. Yurovitskaya, V. V. Dobrova, Samara State Technical University

COGNITIVE MODELLING OF EPISTEMIC MENTAL STATE

The article concentrates on exploring similarities, differences and correlation of some elements of epistemic mental state. It focuses on characterization of the whole conceptual field “Epistemic mental state”. Methodologically the investigation relies upon the theory of logical cognitive modeling, introduced by prof. Vladimir Savitsky. The essential features, denotation and the co-reference of the target notions are defined in the article.

Keywords: conceptual field, epistemic mental state, cognitive position, mental model, logical operator.

References

1. Seliverstova O.N. Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]. M., Nauka Publ., 1982. 365 p. (in Russian).
2. Savitsky V.M. Angliyskaya frazeologiya: problemy modelirovaniya [English phraseology: problems of modeling]. Samara, Samarskiy Universitet Publ., 1993, 172 p. (in Russian).
3. Ishmuratov A.T. Logicheskiy analiz prakticheskikh rassuzhdeniy [Logical analysis of practical speech]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1987. 137 p. (in Russian).
4. Yurovitskaya L.N. Interpretacionnoye pole I aksiologicheskiy status koncepta “somneniye” [Interpretation field and axiological status of concept “doubt”]. *Aktualniye problem teorii I metodologii nauki o yazyke [Actual problems of theory and methodology of language study]*, Saint Petersburg, LSU, 2008, Pp. 263-267. (in Russian).
5. Ognev A.N. Yurovitskaya L.N. Nekotorye teoreticheskie aspekty problem somneniya I perspektivy eie lingvisticheskoy ekspozitsii [Some theoretical aspects of problems of doubt and perspectives of it linguistic exposition]. *Izvestiys Samarskogo Nauchnogo centra RAN [Issues of Samara Scientific Center of RAS]*, Samara, 2004, Pp.84-87. (in Russian).
6. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy v 2 tomah. Tom 2. Integralnoye opisaniye yazyka I sistemnaya leksikografiya [Selected works in 2 volumes. Volume 2. Integral language description and system lexicography]. M., Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 1995. 767 p. (in Russian).
7. Vendler Z. Fakty v yazyke [Facts in language]. *Filosofiya. Logika. Yazyk. [Philosophy.Logics. Language.]* M., Progress Publ., 1987. Pp. 293-317. (in Russian).
8. Vitgenshtein L. Filosofskiye issledovaniya [Philosophical research]. *New in foreign linguistics: Issue XVI. Linguistic pragmatics.* M., Progress Publ., 1984. Pp. 79-128. (in Russian).
9. Searle J.R. Speech Acts: An essay in the philosophy of language. N.Y.; L., Cambridge Univ. Press, 1969. 203 p.
10. Ziff P. Epistemic Analysis. A Coherence Theory of Knowledge. Dordrecht, 1983, 198 p.
11. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. N.Y., Oxford, 1992, 346 p.

© Л. Н. Юровицкая, В. В. Доброва, 2015

Авторы статьи – Лариса Николаевна Юровицкая, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, e-mail: yuro-lari@mail.ru

Виктория Вадимовна Доброва, кандидат психологических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, e-mail: victoria_dob@mail.ru

Рецензенты:

Н. В. Прядильникова, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный аэрокосмический университет.

М. А. Кулинич, кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

РАЗДЕЛ 2 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 2 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.147

В. А. Богданов, Л. М. Мануйлова,
Омский государственный педагогический университет

ФОРМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Проанализированы виды взаимодействия высших учебных заведений с учреждениями сфер образования и социальной защиты населения, рассмотрены изменения действующего законодательства об основах социального обслуживания населения на примере территориальных профильных комплексных центров. Авторами выявлена и обоснована необходимость сохранения и дальнейшего укрепления связей этих учреждений в целях комплексной подготовки будущих специалистов к деятельности в указанных сферах.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, профессиональные компетенции, социально-педагогические проекты, социальное партнерство, социокультурная сфера.

Распад СССР и формирование нового российского государства напрямую отразились на социальных процессах, происходящих в обществе, не только с позиций предоставления населению льгот и других видов поддержки, но и на системе функционирования учреждений социокультурной сферы в целом. Необходимость эффективной работы этой системы обусловлена тем, что она является системообразующим фактором нравственного и патриотического воспитания граждан. Сама же социокультурная сфера имеет в своём основании такие базовые социальные явления, как культура, нравственные ценности, общественные отношения и др.

Многообразие существующих определений культуры требует более чёткой конкретизации этого понятия. Так, В. В. Грицианова определяет категорию «культура» как систему «... исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех её основных проявлениях» [9]. В трактовке Г. П. Выжлецова культура выступает практической реализацией общечеловеческих и духовных ценностей [5]. Общим научным подходом является представление о культуре как об основном элементе формирования человеческого общества, определяющем уровень его развития, деятельности и норм поведения. Вместе с тем, уровень развития культуры общества определяет и присущие этому обществу ценности. Наличие нравственных ценностей регулирует отношения между цивилизованными индивидами, глубоко проникнув в социальные традиции. Они поддерживаются привычкой и обычаем, выполняют функции закона, основываясь на практической этической мудрости [10].

Вместе с тем, соблюдение общечеловеческих нравственных ценностей формируют социум, развивая относительно независимые от природы социальные отношения, что, в конечном итоге, способствует постепенному переходу на более высокий уровень развития общества.

Именно этим определяется значимость функционирования социокультурной сферы в современных условиях. Задействованные в ней учреждения, действуя в сотрудничестве с образовательными, медицинскими, культурными, спортивными и другими организациями, обладают широкими возможностями в работе с разными категориями населения, в том числе с детьми и лицами, нуждающимися в социальном обслуживании. Основными направлениями этой деятельности являются:

- информационная, организационная, социальная, педагогическая и психологическая помощь семье и детям;

- повышение психологической устойчивости и формирование психологической культуры граждан, в первую очередь, в сферах межличностного, семейного и родительского общения;

- работа с детьми и подростками, направленная на формирование общей культуры, адаптации к жизни в обществе;

- содействие гражданам в преодолении конфликтных ситуаций и иных нарушений супружеских и семейных отношений;

- психологическая адаптация граждан к изменяющимся социально-экономическим условиям жизни;

- психокоррекционная работа с детьми и подростками, а также консультирование родителей по вопросам семейного воспитания и развития личности детей;

- содействие оздоровлению детей из малоимущих и многодетных семей и семей, находящихся в социально опасном положении;

- пропаганда среди детей и подростков здорового образа жизни;

- разработка и реализация развивающих, профилактических программ, а также индивидуальных и групповых программ социальной реабилитации лиц, нуждающихся в социальном обслуживании;

- участие в реализации плановых мероприятий, программ, благотворительных акций, проводимых субъектами социокультурной сферы местного и регионального уровня;

- привлечение государственных, муниципальных, общественных организаций и учреждений, религиозных объединений, а также частных лиц к решению вопросов оказания социальной поддержки семьям по профилактике сиротства, правонарушений и безнадзорности детей и подростков;

- внедрение в практику новых технологий и форм работы с населением местного сообщества.

Данная работа осуществляется на основе принципов:

- адресности, когда оказание социальных услуг происходит по принципу нуждаемости конкретного лица;

- добровольности, т. е. услуги не могут оказываться вопреки воле гражданина, за исключением случаев, когда речь идёт об угрозе его жизни и здоровью;

- гуманности – заботливым и внимательным отношением к лицам, нуждающимся в социальных услугах;

- конфиденциальности – неразглашении тайны, уважении прав и личной жизни граждан, бережном отношении к их чувствам;

- профилактической направленности работы, т. е. оказании помощи до попадания граждан в критическую ситуацию.

Объединение усилий в данной деятельности вызвано, в первую очередь, недостаточным финансированием, материально-техническим, методическим и кадровым обеспечением функционирования учреждений социокультурной сферы, поэтому только совместные усилия позволяют отдельным организациям успешно участвовать в реализации крупных социально значимых инициатив. Эффективным инструментом улучшения этой ситуации видится развитие социального партнёрства с образовательными организациями, осуществляющими подготовку специалистов социального профиля, а также представителями малого и среднего бизнеса. Привлечение сторонних организаций разной формы собственности к участию в субсидиарных и грантовых программах позволяет снизить остроту финансовых, материально-технических и кадровых затруднений, увеличивает узнаваемость учреждений в общественных кругах, способствует укреплению статуса органов социальной защиты.

Если взаимодействие с представителями бизнес-сообщества помогает лишь в некоторой степени решить проблему внебюджетного поступления средств, то сотрудничество с вузами позволяет осуществлять достаточно масштабные социально значимые мероприятия, упростить процесс предоставления необходимых помещений, получать доступ к дополнительным источникам финансирования, а самое

главное – решить кадровую проблему на взаимовыгодных условиях, поскольку кафедры социально-гуманитарной направленности функционируют как в профильных, так и в непрофильных университетах. При этом организовать такую кадровую поддержку можно по-разному: на официальных началах она может проходить в форме педагогической (производственной) практики, на регулярной основе целесообразно привлечение к деятельности учреждений студентов-волонтеров, и, наконец, для осуществления крупных проектов допустимо участие созданных при вузах общественных организаций.

В настоящее время взаимодействие высших учебных заведений с учреждениями сфер образования и социальной защиты населения г. Омска осуществляется в следующих видах:

- организация учебной и производственной практики студентов соответствующих образовательных профилей;
- предоставление баз для написания выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций;
- рецензирование научными работниками программ социальной направленности, разработанных сотрудниками учреждений;
- участие сотрудников учреждений в работе научно-практических семинаров и конференций профильной направленности, проводимых вузами;
- привлечение студентов к организации и проведению отдельных мероприятий учреждений;
- реализация совместных социально значимых проектов.

Наиболее востребованными при этом традиционно являются первые три вида совместной работы, поскольку отвечают прямым интересам сторон. Эта деятельность осуществляется вузами и учреждениями социальной защиты на договорной основе и носит регулярный характер. Оставшиеся формы взаимодействия используются в гораздо меньших объемах, хотя именно они несут основной потенциал партнёрства учреждений социально-образовательной сферы. В первую очередь это касается осуществления проектной деятельности – формы взаимодействия, способствующей формированию профессиональных компетенций будущих специалистов.

Использование проектного метода в социокультурной сфере после почти векового забвения набирает популярность, так как его возможности, благодаря современным технологиям и богатому педагогическому наследию, существенно увеличились. В настоящее время прикладным социально-педагогическим проектированием могут заниматься не только опытные педагоги, но и студенты организаций высшего образования I–II курсов обучения, добиваясь запланированных результатов.

Современные учёные определяют метод проектов как средство приобщения детей дошкольного возраста к миру информационных технологий [12], как технологию формирования информационной компетентности [15], как мотивацию к познанию [8], как важную сферу познавательной деятельности [3].

С точки зрения М. Крупениной, метод проектов комплексно реализует такие педагогические принципы, как самостоятельность, сотрудничество детей и взрослых, учёт возрастных, индивидуальных особенностей детей, деятельностный подход, актуализация субъективной позиции ребёнка в педагогическом процессе, взаимосвязи педагогического процесса с окружающей средой [7].

З. С. Шабалина, И. Н. Воскобойник, Т. И. Петренчук, О. А. Михайлова, Л. А. Князева определяют особую педагогическую значимость проекта в практической целенаправленности действий, в возможности формирования собственного жизненного опыта ребёнка, основанного на его интересах. Проект позволяет интегрировать сведения из разных областей знаний для решения проблемы и применять их на практике [4].

Сегодня это весьма актуально, поскольку с переходом на подготовку бакалавров по федеральным государственным образовательным стандартам активно ведётся разработка вопросов, связанных с формированием компетенций будущих социальных педагогов в процессе профессиональной подготовки [11]. Профессиональные компетенции, с точки зрения О. В. Баркуновой, представляют собой комплекс приёмов и действий (умений), направленных на выполнение профессиональных функций [1]. Н. А. Гальмук формирование профессиональной компетентности личности понимает как процесс овладения средствами и моделями решения профессиональных задач [6]. Эти определения характеризуют сложившееся представление о ведущей роли практической деятельности в формировании профессиональных навыков будущего специалиста.

Те же позиции отражены и в требованиях федерального государственного образовательного стандарта по профилю «Психология и социальная педагогика», закрепляющих необходимость формирования у бакалавров следующих профессиональных компетенций в области социально-педагогической

деятельности: владение методами социально-педагогической диагностики; готовность к выявлению интересов, трудностей, проблем, конфликтных ситуаций и отклонений в поведении обучающихся; готовность к организации мероприятий по развитию и социальной защите обучающихся; участию в разработке и реализации социально значимой деятельности обучающихся, социальных проектов, развитии социальных инициатив [14]. Овладев заявленными профессиональными компетенциями, по окончании учёбы выпускник окажется не только обладателем диплома о высшем образовании, но и опытным педагогом-практиком. При этом овладение разносторонним опытом социального воспитания позволит молодым специалистам быть востребованными в различных учреждениях социокультурной сферы в силу своей способности налаживать и осуществлять эффективное взаимодействие с широким кругом социальных партнёров независимо от организационной формы и направлений их деятельности [2]. Кроме того, активное участие в разработке и реализации общественно полезных инициатив помогает волонтерам выгодно показать себя перед потенциальными работодателями, а тем, в свою очередь, частично решить кадровые проблемы [2].

Использование метода социально-педагогического проектирования способствует практическому решению вышеназванных задач. Так, студенты-участники волонтерского отряда факультета психологии и педагогики Омского государственного педагогического университета за несколько лет реализации социально-педагогического проекта по формированию навыков безопасного поведения у школьников из социально уязвимых семей получили значительный опыт разработки, подготовки и осуществления проектных мероприятий с детьми различного возраста. Находясь в разных рабочих условиях (детском доме, школе-интернате гендерного типа, комплексных центрах социального обслуживания населения), будущие социальные педагоги получили наглядное представление о специфике работы указанных учреждений и их сотрудников.

В результате волонтерский социально-педагогический проект «Основы безопасного поведения», разработчиками и исполнителями которого выступили представители Омского государственного педагогического университета, отдела ГИБДД г. Омска, территориального центра медицины катастроф, доказал свою эффективность: за три года работы практическим навыкам оказания первой доврачебной помощи обучено свыше двухсот человек, и сегодня наблюдаются перспективы развития.

Таким образом, реализация проектных мероприятий способствует формированию профессиональных компетенций будущих социальных педагогов независимо от того, в каких учреждениях социокультурной сферы им предстоит работать в дальнейшем. С другой стороны, благодаря использованию данного метода подтверждается заинтересованность субъектов социально-образовательной сферы в волонтерах, имеющих значительный опыт практической работы. Это доказывает многофункциональность, комплексность и эффективность метода проектов как в вопросе профессиональной подготовки студентов, так и в частичном решении проблемы кадрового обеспечения организаций – участников проектной деятельности.

Особенную значимость это приобретает в связи с изменениями законодательной базы, регулирующей деятельность учреждений социальной сферы [16]. Из-за возросшего контроля со стороны государственного аппарата, родителей и общественности у данных работников, прежде всего социальных педагогов, значительно увеличилась нагрузка по ведению документооборота вкупе с необоснованным, с практической точки зрения, дроблением по основаниям предоставления социальных услуг, нарушающим принцип «одного окна». Такое положение дел может не только негативно отразиться на психологическом состоянии граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, и ухудшить имидж КЦСОН (Комплексный центр социального обслуживания населения) в их глазах, но и ставит субъектов социально-образовательного процесса во всё более жёсткие рамки.

В первую очередь, это касается педагогических работников КЦСОН, целью деятельности которых было оказание помощи инвалидам, гражданам пожилого возраста, многодетным и малоимущим семьям, детям, склонным к совершению правонарушений. Эта работа осуществлялась в формах социального патронажа, проведения культурно-досуговых, спортивно-развивающих и медико-оздоровительных мероприятий, психологического, социально-педагогического, юридического консультирования и сопровождения [13].

Введение нового закона о социальной защите населения требует от них больших организаторских усилий и грамотных управленческих ходов, тех профессиональных навыков, которые осваиваются педагогами-практиками уже в процессе самостоятельной деятельности, поэтому использование метода проектной социально значимой деятельности может существенно увеличить результативность данной работы. Это ещё раз подтверждает важность объединения усилий вузов и учреждений

социокультурной сферы в вопросе формирования профессиональных компетенций студентов за счёт их участия в практической деятельности в течение всего периода обучения в вузе, а не только в рамках установленной учебным планом педагогической практики.

Сегодня студенты, начавшие эту работу, передают опыт новому поколению, повышая свой личностно-социальный статус и уровень профессиональной компетентности. Это даёт возможность опытным волонтерам расширять круг социальных связей и полезных знакомств в целях дальнейшего развития проводимой общественно полезной работы. Вместе с тем, за счёт той социальной среды, в которой осуществляется волонтерская деятельность, происходит расширение и обогащение образовательной среды вуза, обеспечивающей возможности для личностно-профессионального саморазвития будущего социального педагога. Волонтерская деятельность образует поле освоения разнообразных реальных и доступных для студента способов взаимодействия с социальной действительностью, овладения субъектной позицией во взаимодействии. Следовательно, волонтерская деятельность, являясь одним из средств придания образовательному процессу практико-ориентированного характера, выступает важным условием актуализации и развития творческой и профессиональной индивидуальности студента. Главным механизмом саморазвития как целенаправленного воздействия человека на самого себя в данном случае является разрешение противоречий, решение будущим специалистом постоянно усложняющихся творческих задач, лежащих в реальной социальной сфере.

Всё это в конечном итоге способствует последующему трудоустройству будущих социальных педагогов и значительно сокращает время вхождения в профессиональную деятельность независимо от того, в каких учреждениях социокультурной сферы будет трудиться сотрудник. Вместе с тем, привлечение студентов-волонтеров позволяет учреждениям не только сократить кадровый дефицит, но и развивать на этой основе социальные связи путём привлечения новых партнёров для решения задач социально-экономической направленности, стоящих перед местным сообществом.

Библиографический список

1. Баркунова, О. В. Формирование профессиональной компетентности будущего социального педагога в процессе педагогической практики : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. В. Баркунова. – Шуя, 2010. – 21 с.
2. Богданов, В. А. Участие в волонтерской проектной деятельности как направление формирования профессиональных компетенций студентов педагогических вузов / В. А. Богданов // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты : материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Красноярск, 2014. – С. 212–213.
3. Веракса, Н. Е. Проектная деятельность дошкольников : пособие для педагогов дошкольных учреждений / Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса. – М. : Мозаика-Синтез, 2008. – 112 с.
4. Вода и жизнь: экологические проекты / З. С. Шабалина, И. Н. Воскобойник, Т. И. Петриченко, О. А. Михайлова, Л. А. Князева. – Ярославль, 2005. – 70 с.
5. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – СПб. : СПбГУ, 1996. – 348 с.
6. Гальмук, Н. А. Педагогические условия личностно-профессионального становления специалиста социальной сферы в колледже : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. А. Гальмук. – Воронеж, 2004. – 24 с.
7. Дьяченко, О. М. Чего на свете не бывает / О. М. Дьяченко, Н. Е. Веракса. – М. : Знание, 1994. – С. 86–89.
8. Евдокимова, Е. С. Проект как мотивация к познанию / Е. С. Евдокимова // Дошкольное воспитание. – 2003. – № 3. – С. 20–24.
9. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов ; науч. ред. М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. – Минск : Книжный дом, 2007. – 816 с.
10. Куртц, П. Запретный плод / П. Куртц ; пер. с англ. И. В. Кувакин. – М. : Наука, 2005. – 306 с.
11. Мануйлова, Л. М. Формирование профессиональных компетенций будущего социального педагога на начальном этапе профессиональной подготовки / Л. М. Мануйлова // Интеграция теории и практики в решении социальных проблем : материалы V-й междунар. заоч. науч.-практич. конф. – Орёл, 2013. – С. 18–21.
12. Смыковская, Т. К. Метод проектов как средство приобщения дошкольников к миру информационных технологий / Т. К. Смыковская // Детский сад от А до Я. – № 2. – 2010. – С. 109–116.
13. Устав бюджетного учреждения Омской области «Комплексный центр социального обслуживания населения «Любава» Советского административного округа». – Омск, 2011.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование». – М. : МГППУ, 2011. – 34 с.
15. Ховякова, А. Л. Метод проектов как технология формирования информационной компетентности ребенка дошкольного возраста / А. Л. Ховякова // Детский сад от А до Я. – № 2. – 2010. – С. 144–150.
16. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон № 442 от 28 декабря 2013 года // Российская газета. Федеральный выпуск № 6271. 30.12.2013 г.

V. A. Bogdanov, L. M. Manuylova, Omsk state pedagogical University

THE FORM OF THE RELATIONSHIP INSTITUTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL SPHERES AND EDUCATION IN PROBLEM SOLVING TRAINING

This article analyzes the interactions of higher education institutions with institutions of education and social welfare, discussed changes of the current legislation on the foundations of social services as an example of territorial specialized integrated centers. The authors identified and justified the need to maintain and further strengthen the links between these institutions to comprehensive training of future professionals to work in these areas.

Keywords: volunteer activities, professional competence, social and educational projects, social partnership, social and cultural spheres.

References

1. Barkunova O. V. *Formation of professional competence of the future social teacher during teaching practice* / O. V. Barkunova. - Shuya, 2010. – 21 p.
2. Bogdanov V. A. *Participation in volunteer project activity as the direction of formation of professional competence of students of pedagogical universities* / V. A. Bogdanov / Topical issues of the organization of volunteer activities in preparation for the 2019 Universiade: lingvoperevodchesky, psycho-pedagogical, organizational, managerial and social aspects: materials Intern. Scientific-Practical. Conf. - Krasnoyarsk, 2014. - Pp. 212-213.
3. Veraksa N. E., Veraksa A.N. *Project activities preschoolers. A Handbook for teachers of preschool institutions*. – M.: Mosaic-Synthesis, 2008 - 112p.
4. *Water and life: environmental projects* / Shabalina Z. S., Voskoboynik I. N., Petrichenko T. I., Mikhailova O. A., Knyazeva L. A. – Yaroslavl: 2005 – 70 p.
5. Vyzhletsov G. P. *Axiology culture* / G.P Vyzhletsov. - SPb.: St. Petersburg State University, 1996. – 348 p.
6. Galmuk N. A. *Pedagogical conditions of personal and professional development of the specialist social sphere in college* / N.A. Galmuk. – Voronezh, 2004. – 24 p.
7. Diachenko O. M., Veraksa N. E. *What in the world does not happen*. - M.: Knowledge, 1994. – pp. 86-89.
8. Evdokimova E. S. *Project as motivation to cognition* // early childhood education, No. 3, 2003, pp. 20-24.
9. *Newest Philosophical Dictionary* / comp. A.A. Gritsanov; scientific. ed. M. A. Mozheyko, T.G. Rummyantsev. - Minsk: Book House, 2007. – 816 p.
10. Kurtz P. *Forbidden Fruit* / P. Kurtz; per. from engl. I.V. Kuvakin. - M.: Nauka, 2005 – 306 p.
11. Manuylova L.M. *Formation of professional competence of the future social teacher at the initial stage of training* / L. M. Manuylova / Integration of theory and practice in solving social problems: proceedings of V Intern. zaoch. Scientific-Practical. Conf. - Orel, 2013. - Pp. 18-21.
12. Smykowski T.K. *Because the project Method as a means of introducing preschoolers to the world of information technology* // Kindergarten from A to I, No. 2, 2010, pp. 109-116.
13. *Charter budgetary institution of the Omsk region «Complex social services center «Lyubava» Soviet administrative district»*. - Omsk, 2011.
14. *Federal State Educational Standard of Higher Professional Education in the direction of preparation «Psycho-pedagogical education»*. - M.: MGPPU, 2011. - 34 p.
15. Novakova A. L. *Project Method as a technology of formation of information competence of preschool children*. // Kindergarten A to z No. 2, 2010, from 144 to 150.
16. *On the basis of social services to citizens in the Russian Federation*. Federal Law № 442 of December 28, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue № 6271. 30.12.2013.

© В. А. Богданов, Л. М. Мануйлова, 2015

Авторы статьи – Вячеслав Александрович Богданов, ассистент кафедры социальной педагогики и социальной работы, Омский государственный педагогический университет, e-mail: slavutich78@bk.ru

Лидия Михайловна Мануйлова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: manuylova_lm@mail.ru

Рецензенты:

С. А. Маврин, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

А. Ю. Асриев, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Е. Н. Володина,
Тюменский государственный университет

ПРЕДМЕТНАЯ СПЕЦИФИКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлена концепция развития языковой личности в метаязыковом образовательном пространстве, апробированная в экспериментальной деятельности школ Тюменской области. Предметная специфика является важнейшим фактором развития языковой личности школьника, учёт которого позволяет реализовать интегративные стратегии в образовательном процессе, актуализировать смылосозидающие ресурсы гуманитарной и естественно-научной парадигм. Предложены алгоритмы организации работы с межпредметными понятиями, общекультурными концептами на уроках и во внеурочной деятельности, методические рекомендации по использованию наиболее эффективных видов и форм работы, а также продуктивных технологий и методик развития языкового сознания, вербально-логического, понятийного и дискурсивного мышления школьников.

Ключевые слова: развитие языковой личности, метаязыковое образовательное пространство, гуманитарная и естественно-научная парадигмы, межпредметные понятия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, регистрационный номер НИОКР 114071440036

Современные нормативные документы общего образования закрепляют стратегическую направленность школы на развитие личности. В соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта к личностным, метапредметным и предметным результатам образования всё более актуальной задачей становится формирование гуманитарной культуры, гуманитарного мышления школьника как части общей культуры личности посредством языка как знаково-культурного феномена (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия). Языковое развитие является системообразующим компонентом гуманитарной парадигмы, поскольку интегрирует – благодаря развивающим ресурсам языка как генератора культуры, смыслообразующего конструкта и универсального инструмента духовного самостроительства – характеристики и способы реализации личности. Владение языком, уровень развития вербально-логического мышления, когнитивных и ментальных структур интеллекта определяют и эффективность учебной деятельности обучающегося, его готовность к качественному, продуктивному усвоению предметного и метапредметного содержания, и полноту реализации личностного потенциала, успешность самоактуализации, самосозидания и социализации школьника.

Однако сегодня языковое развитие детей осуществляется в школах нередко фрагментарно, обрывочно, бессистемно и преимущественно лишь на предметах гуманитарного цикла, без соблюдения принципа преемственности на всех ступенях обучения, консолидации усилий всех педагогов и родителей, тогда как языковое сознание охватывает через универсальный механизм понимания и опосредующую роль языка – все предметные области, «пронизывает» и объединяет все сферы знаний. Вербально-логическое мышление, посредством которого «человек, опираясь на коды языка, оказывается в состоянии выходить за пределы непосредственного чувственного восприятия внешнего мира, отражать сложные связи и отношения, формировать понятия, делать выводы и решать сложные теоретические задачи» [1, с. 247], – необходимое условие любого познания, а языковые системы функционируют в когнитивных процессах, протекающих в рамках разных образовательных парадигм, главными из которых являются естественно-научная и гуманитарная. Языковое развитие личности – это целостный социально-педагогический процесс в системе общего образования, который не может сводиться исключительно к механическому запоминанию орфографических и пунктуационных правил, к овладению языковыми нормами и развитию речи учащихся на уроках русского языка и литературы, что как тенденция до сих пор весьма распространено. Поскольку это процесс, он не должен быть искусственно изолирован, разворачиваться только в поле отдельных предметов и не может быть эффективен без учёта содержательных ресурсов и смыслообразующего потенциала не только гуманитарного, но и естественно-научного образования.

В основе сложившейся традиционной образовательной системы лежат предметный принцип обучения, логика предметного структурирования знаний в рамках естественно-научной или гуманитарной парадигм, которые чаще всего заявляются как противоположные, оппозиционные. Действительно, для каждой из них характерны свой определённый способ понимания целей, задач, организации учебного материала, свои ценностные ориентации: первая использует возможности естественных наук в открытии и познании действительности человеком, вторая осваивает человека, его духовное бытие в мире. Если предметы естественно-научного цикла формируют у обучающихся представления о научной картине мира как совокупности фундаментальных знаний, закономерностей и понятий, направлены прежде всего на развитие интеллекта, логического и эвристического мышления, способности к абстрагированию и обобщению и тяготеют в основе своей к парадигме объяснения, то гуманитарные дисциплины в рамках парадигмы понимания осваивают культуру, базовые национальные и общечеловеческие ценности. Естественно-научные и гуманитарные предметы «задают» и осваивают разные типы дискурса (научный/социокультурный), различаются ведущим, доминирующим типом познания (рациональное / эмоционально-чувственное), но при этом осваиваются с помощью одного инструментария – семиотических систем, языковых ресурсов, слова и знака как медиаторов культуры. Знаковые модели, функционирующие в этих образовательных системах, казалось бы, тоже разные: объектные/вещественные, информационные, схемы, таблицы, диаграммы – в естественно-научной и произведения искусства, художественные тексты – в гуманитарной, но, однако, функционируют и общие (например, карты: исторические, географические, дивергентные, карты понятий); у них одна природа – семиотическая, они активизируют вербально-логическое мышление, механизмы декодирования и оформления содержания в мыслительных конструкциях, речевых высказываниях, текстах. Главные, первичные знаковые системы в естественно-научной образовательной парадигме – числовые, графические, а вторичными, «подчиненными» им, но при этом не менее значимыми в процессах понимания естественно-научного знания, являются вербальные, текстовые, которые, «оформляют» (наряду с образно-символьными) и гуманитарное знание. Естественное понимание (по В. П. Зинченко) оперирует предметными и операциональными значениями, культурное – знаками, вербальными значениями и понятиями, однако и для естественно-научного, и для гуманитарного познания свойственно в определённой мере понимание творческое, цементирующее процессы смыслообразования и смыслостроительства, продуцирующее новые смыслы.

Значения, понятия, смыслы являются элементами сознания, а их постижение, интериоризация, интерпретация относятся к функциям сознания, и активизация когнитивных структур интеллекта, семантическая память одинаково нужны в любой умственной и познавательной деятельности школьника, при освоении предметов как естественно-научного, так и гуманитарного циклов, которые сосуществуют и взаимодействуют в метаязыковом образовательном пространстве – пространстве пересечения разных семиотических полей, когнитивной и языковой, предметных (физической, химической, математической и т. д.) и метапредметной картин мира, взаимодействия речевых практик и разнонаправленных языков: континуальных и дискретных (Ю. М. Лотман), «предметных» и метаязыка, когнитивного, метакогнитивного и ментального видов опыта растущего человека [2]. Гуманитарное и естественно-научное образование «притягиваются» и пересекаются, дополняя друг друга, в процессах опосредованной передачи культурных и личностных смыслов. Более того, именно в плоскости практической реализации путей интеграции, взаимообогащения их смыслообразующих ресурсов кроется, на наш взгляд, потенциал всестороннего и гармоничного развития личности. Неслучайно при освоении разных отраслей знаний востребованы, в сущности, одни теоретические методы-операции, связанные с мыслительными процессами: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизация, обобщение, индукция, дедукция и др. [3]. Принято считать, что естественно-научные предметы осваивают материю, и потому апеллируют к эмпирическим методам-операциям (наблюдение, учебные опыты и эксперименты), к практическим методам обучения, тогда как при изучении гуманитарных дисциплин практикуются литературные, исторические и документальные источники, сочинения, изложения и другие разновидности языкового творчества, однако в процессе обучения педагоги используют и общие, универсальные методы: учебное конструирование, упражнение, метод примера, конспектирование, реферирование, подготовка докладов и сообщений, монологические и диалогические устные методы. Учителя разных предметов используют в когнитивном процессе одни информационные методы: словесные (рассказ, беседа, инструктаж); наглядные (иллюстрации, демонстрации, показ действий); информационные и коммуникационные, диалоговые технологии, исследовательский и проектный методы.

Общий методический инструментарий, качественные и количественные, гуманитарные и естественно-научные методы, которые впервые системно представлены в учебном пособии академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета [4], позволяют осваивать не только специфическое предметное, но и метапредметное (универсальные учебные действия), культурологическое содержание образования, основу которого составляют формирование и развитие гуманитарной культуры школьника, гуманитарного типа сознания. Этим обусловлен поиск путей гуманитаризации образования, системы принципов, методов, приемов, направленных на приоритетное развитие общекультурных составляющих образования, «прирост качеств человека» (Н. А. Алексеев, Е. В. Бондаревская, З. Е. Гельман, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.).

В условиях личностной и гуманитарной ориентаций образования предметный принцип обучения вытесняется интегративным, метапредметным подходом, стратегической направленностью на освоение общекультурного содержания, постигаемого с помощью семиотических систем и языковых механизмов. Неслучайно в утверждённой в 2015 году Примерной основной образовательной программе основного общего образования в качестве метапредметного результата образования называется, например, смысловое чтение как одно из познавательных универсальных учебных действий, которое формируется на всех учебных предметах и освоение которым поможет школьникам находить в тексте требуемую информацию, понимать целостный смысл текста; резюмировать главную идею; устанавливать взаимосвязь событий, явлений, процессов; структурировать, интерпретировать, преобразовывать текст, «переводя» его в другую модальность; критически оценивать содержание и форму текста [5]. Показательно, что в Концепции развития математического образования заявлено: «математическая компетентность должна стать одним из основных показателей интеллектуального уровня человека, неотъемлемым элементом культуры и воспитанности, естественно интегрироваться в общегуманитарную культуру» [6]. А это предполагает включение в математическое и в целом в естественно-научное образование, начиная с начальной его ступени, более широкого круга задач и стратегий по развитию школьников, в том числе – и языкового, традиционно относившихся к «зоне ответственности» учителей-гуманитариев: овладение языком как семиотической системой, методическая организация процессов кодирования и декодирования информации, анализа и интерпретация текстов – линейных и нелинейных, освоение герменевтических процедур понимания как процесса осмысления, т. е. выявления и реконструкции смысла, интериоризации культурных и личностных смыслов.

Проблемам гуманитаризации естественно-научного образования посвящены работы Л. Г. Бурлакова, В. И. Данильчука, Ю. Д. Зарубина, А. Н. Нысынбаева и А. Г. Косиченко и др. Но особый интерес в контексте рассматриваемой проблематики представляют методические разработки, в которых актуализирован гуманитарный потенциал обучения негуманитарным предметам посредством развивающих ресурсов языка. В частности, рождённый на основе синтеза языкознания и математики метод лингвистических задач (В. М. Алпатов, А. Д. Вентцель, Б. Ю. Городецкий, А. Н. Журинский, А. А. Зализняк, А. Е. Кибрик, А. К. Поливанова) способствует деавтоматизации мышления и позволяет включить механизмы мыследеятельности на ассоциативном, интуитивном уровнях. Как доказала С.С. Мальцева [7], при обучении гуманитарным дисциплинам в профильных классах негуманитарной направленности для развития эвристических способностей и эмоционально-образной сферы обучающихся (творческого воображения, интуиции, антиципации) эффективно использование интегративных семиотических практик (методы «музыкальной ассоциации», «от образа к образу», «мир как текст», метод творческих этюдов), приёмы техники выразительности (приёмы монтажа, «раскадровки», «афиша»), текстов различного семиотического оформления, театральной деятельности и др., которые раскрывают новые возможности в самоактуализации и самореализации личности.

Предложенный В. В. Сериковым «контекстный подход» в решении проблемных задач по математике и физике с гуманитарным содержанием также имеет семиотическую основу и является «одним из эффективных средств развития гуманитарного сознания, личностного опыта учащихся, видения ими места изучаемой науки в общей системе человеческого бытия» [8, с. 85]. При этом гуманитарный вектор развития языковой личности связан, в нашем восприятии, также и с самим актом смыслообразования и смыслоосознания в процессе чтения и понимания содержания задачи (её предмета, условия и требований) посредством языкового инструментария, вербализации средств решения. В аспекте действия языковых механизмов решение задачи как «свернутой схемы

человеческой деятельности» (В. В. Краевский) предполагает процесс декодирования – выявления значения, извлечения смысла условий задачи, стадию вербализации и личностной интерпретации смысла. Условием успешного решения учебной задачи является семиотическая грамотность школьника, перевод содержания задачи на язык той или иной теории, концепции, модели, например, на язык алгоритма, опорных сигнальных конспектов (В. Ф. Шаталова) и т. д. Для этого обучающийся должен владеть, с одной стороны, единицами предметного языка, терминами и понятиями, символами и кодами, присущими осваиваемой сфере научных знаний, а с другой стороны – межпредметными понятиями [5], которые составляют ядро языка, знаково «оформляющего» и «обслуживающего» универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), этот языковой пласт мы определяем как метаязык [8]. Владение предметным языком (понимание содержания языковых компонентов, логических связей, точность при вербализации мыслительных действий и их результатов) повышает уровень и качество владения естественным языком, влияет на формирование и развитие вербально-логического мышления, информационной базы знаний (Р. Глезер) школьника. И это взаимодействие и взаимовлияние – двустороннее, объективные связи между естественным и предметными языками глубинны, предопределены психологическими механизмами, устройством когнитивных и ментальных, смысловых структур личности, и сам факт существования межпредметных понятий – ещё одно доказательство этого.

Овладение межпредметными понятиями является одним из способов интеграции гуманитарного и естественно-научного образования, недостаточно освоенным на сегодняшний день в российском образовании (о чём свидетельствуют и результаты международного исследования PISA, и внутренние контрольные срезы). Это связано с низким уровнем понятийного мышления школьников, его поверхностным характером, несформированностью навыков научного обобщения и категоризации, что предопределено целым комплексом причин. С одной стороны, неусвоение понятий можно объяснить трудностями процесса вербализации смысла, спецификой психологии восприятия, которое зависит от перцептивных особенностей личности, индивидуального характера смысловых процессов и способов их протекания, поскольку, по словам Д. А. Леонтьева, «смысловые структуры, определяющие содержание и динамику «внутреннего мира», являются наиболее глубинными, интимными структурами человеческого сознания» [9, с. 375]. С другой стороны, есть и методические проблемы – к ним мы относим, во-первых, дидактическую уязвимость методического аппарата учебников (вывод был сделан на основе анализа разных УМК по всем учебным предметам), когда в учебной статье понятия даются в «застывшем», готовом виде, как фрейм («Функция – это...»), а не самостоятельно выводятся обучающимися на основе организованной педагогом аналитической деятельности (поиск ответа на проблемный вопрос, решение задач, познавательного противоречия, анализ предметного материала и т. д.), или же когда педагогу предлагается «закрепить» с обучающимися изучаемое понятие в заданиях после учебной статьи лишь на репродуктивном уровне («Найди определение функции в тексте»). Во-вторых, работа с понятиями, терминологизация, классификация, систематизация как познавательное универсальное учебное действие [5] ведётся в школе часто фрагментарно, бессистемно и не всеми педагогами, вследствие чего обучающиеся не усваивают механизм определения понятия. Этот механизм включает следующие мыслительные операции: 1) определить в структуре понятия ключевое слово – ядро; 2) подобрать слова, соподчинённые ключевому слову, определяющие его признаки и свойства; 3) выстроить логическую цепочку, состоящую из ключевого слова и соподчинённых ему слов; 4) установить смысловые связи между словами, которые составляют понятийное поле, характер и закономерности внутривидовых отношений.

В рамках заявленных концептуальных положений разработаны методические подходы к развитию языковой личности в учебно-воспитательном процессе. Попробуем ответить на вопрос: в каких видах образовательной деятельности целесообразно осваивать межпредметные понятия и как методически грамотно организовать с этой целью взаимодействие учителей-предметников в метаязыковом образовательном пространстве? В Примерной основной образовательной программе основного общего образования в качестве условий формирования межпредметных понятий определены следующие: «Овладение обучающимися основами читательской компетенции, приобретение навыков работы с информацией, участие в проектной деятельности» [5]. Обозначенные приоритетные направления предполагают именно деятельность самих обучающихся – текстовую, речемыслительную, проектную, социокультурную, организация которой консолидирует усилия всех педагогов, интегрирует содержательный потенциал гуманитарной и естественно-научной парадигм, ресурсы

урочной и внеурочной деятельности в метаязыковом образовательном пространстве. Поскольку «перечень ключевых межпредметных понятий определяется в ходе разработки основной образовательной программы основного общего образования образовательной организации в зависимости от материально-технического оснащения, кадрового потенциала, используемых методов работы и образовательных технологий» [5], важным педагогическим условием эффективной работы с межпредметными понятиями является грамотный, неформальный отбор – на междисциплинарном методобъединении педагогов, в работе творческих групп – одного или нескольких межпредметных понятий, актуальных для данной параллели (например, 5 или 8 классов), с учётом программного обеспечения и УМК, осваиваемого предметного содержания, методического опыта учителей, работающих на данной параллели («горизонтальная» линия профессионального сотрудничества). С этой целью нами выделены возможные тематические группы межпредметных понятий: классификация, сравнение, конспектирование, понимание и т. д. (виды когнитивной деятельности); текст, диалог, интерпретация, отзыв, рецензия и т. д. (текстовая деятельность); человек, природа, пространство, время и т. д. (лингвокультурные концепты); смысл, образ, символ, знак, фигура, явление, функция (семиотические концепты) и др. Предложена методика работы с межпредметными понятиями, которая апробировалась в рамках областного сетевого проекта «Языковое развитие личности в системе общего образования в условиях реализации ФГОС» [10]. Стратегию работы с межпредметными понятиями в образовательном учреждении, процессуально-технологическое обеспечение этого процесса можно представить в виде следующего примерного алгоритма: 1) проанализировать уровень сформированности понятийного мышления обучающихся одной параллели на основе результатов ЕГЭ, ОГЭ, РСОКО и психологических методик (например: методика исследования словесно-логического мышления Э. Ф. Замбацянвичене; ШТУР; тест структуры интеллекта Амтхауэра; тесты «Исключение лишнего», «Обобщения» и др.), выделить проблемные зоны; 2) выбрать одно или несколько тематически связанных межпредметных понятий, освоение которых необходимо в данной параллели; 3) спланировать на межпредметном методобъединении/в творческих группах систему работу на уроках и во внеурочной деятельности; 4) отразить план работы с межпредметными понятиями в основной образовательной программе, рабочих программах по предметам, в программах по внеурочной деятельности, в Системе внутренней оценки качества образования (ВШК) и/или разработать межпредметную программу по работе с межпредметными понятиями.

Последовательность действий в рамках предлагаемого алгоритма относительно фиксированная и отражает организационно-процессуальные компоненты деятельности педагога, предопределена логикой проектирования педагогического процесса; возможная вариативность связана, на наш взгляд, с вариативностью программ и учебников, со спецификой и типом ОУ, особенностями социального капитала, кадрового и методического ресурсов. Отбор содержания, технологий, методов и форм работы педагогов схематично отражён в таблице 1.

Таблица 1

Организация работы с межпредметным понятием
на уроках и во внеурочной деятельности на параллели

_____класс

Понятие	Учебные предметы/ внеурочные мероприятия	Темы/ тематические разделы	Технологии, методы, приёмы	Типы упраж- нений/заданий	Формы контроля
система					

Данный алгоритм действий, как можно заметить, включает этапы прогнозирования, моделирования, педагогического проектирования и конструирования процесса освоения межпредметных понятий, актуализирует умение учителей планировать, методически грамотно организовывать и реализовывать собственную деятельность и деятельность обучающихся, осуществлять контроль и рефлексию, что является требованиями ФГОС и Профессионального стандарта педагога. Это предполагает стратегическое мышление учителя, целостное, панорамное видение процесса развития школьника как языковой личности на разных ступенях обучения, понимание роли изучаемой дисциплины в развитии личности с учётом предметной специфики.

В функции межпредметного понятия может выступать концепт как «слово-концентратор культурных значений» (Д. С. Лихачёв): например, пространство, время, человек, душа, Родина, природа, дом, честь, совесть и др. В отличие от других понятий, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [11, с. 319], он «выражает со-значения «национального колорита», т. е. все принципиально возможные значения в символическо-смысловой функции языка» [12, с. 157]. Концепт имеет не только понятийный компонент, он представляет собой «ментальное образование, в составе которого выделяются понятийное, образное и ценностное измерения» [13, с. 94]. Поэтому для формирования целостного, «неразорванного» представления обучающихся о концепте как единице ментального лексикона, связанной с разными типами дискурса и национально-культурным контекстом, целесообразно использовать, на наш взгляд, следующий алгоритм работы: 1) на межпредметном методобъединении/в рабочих или творческих группах определить понятийные, образные и ценностные составляющие концепта; 2) очертить круг учебных предметов, внеурочных мероприятий, содержание которых помогает осваивать данный концепт; определить уровень/ступени образования, классы; 3) вычленив темы/ тематические разделы, раскрывающие понятийное, образное, ценностное содержание концепта; 4) отобрать прецедентные тексты как дидактический материал для знакомства учеников с данным концептом, организации его ценностно-смыслового открытия и личностного постижения; 5) определить наиболее продуктивные технологии, методы, приёмы освоения концепта. Схематично это представлено в таблице 2.

Таблица 2

Освоение общекультурных концептов средствами всех учебных предметов

Понятийные, образные и ценностные составляющие концепта	Учебные предметы/внеурочные мероприятия	Уровень/ступени образования, классы	Темы/тематические разделы	Прецедентные тексты	Технологии, методы, приёмы

В результате обобщения и осмысления экспериментального и личного педагогического опыта нами отобраны наиболее продуктивные технологии и методики развития языкового сознания, вербально-логического, понятийного и дискурсивного мышления школьников: модульно-блоковая система, система освоения «укрупнённых дидактических единиц», педагогическая система В. Ф. Шаталова, технологии обучения, основанные на концепции поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин), концепции «содержательной абстракции» (В. В. Давыдов), «обогащающая модель» обучения (Э. Г. Гельфман, М. А. Холодная, Л. Н. Демидова и др.). Одним из путей формирования рефлексивного сознания и расширения смысловой сферы личности является стратегический подход к обучению смысловому чтению Н. Н. Сметанниковой. Выделенные ею стратегии предтекстовой, текстовой и послетекстовой деятельности, работы с объёмными текстами, компрессии текста, общеучебные стратегии, стратегии развития словаря помогают учителю организовать процесс восприятия текстовой информации, её понимание и переработку в личностно-смысловые установки и ценности [14]. Наиболее распространёнными и эффективными видами и формами работы с межпредметными понятиями на уроках и во внеурочной деятельности, как доказывает экспериментальная практика, являются системная словарная работа и ведение терминологического словаря; работа с учебными научными и научно-популярными текстами как образцами речемыслительной деятельности, со словарями и справочниками, в том числе и электронными; изучение учебного и справочного материала, который раскрывает различные значения одного и того же термина, знакомит с этимологией, историей развития понятия и связанной с ним терминологии; выявление ассоциативных и логических связей между словами одного понятийного поля; задания на разграничение значений понятий; составление дивергентных карт, интеллект-карт, карт понятий; включение слова в контекст (составить предложение, мини-текст), в процесс сопоставления (через сравнение его с синонимами, выстраивание ряда однокоренных слов, сопоставление с переводом на другой язык и т. д.); терминологические и лингвистические игры и т. п. Целесообразно для освоения понятия и его практического закрепления использовать разнообразные приёмы установления смысловых связей,

перевода осваиваемой вербальной информации в образы или другие знаковые системы – графики, схемы, таблицы, актуализировать ресурсы логической и образной (зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной и вкусовой) видов памяти, отказавшись от практики «эксплуатирования» лишь памяти механической, рождающей эффект запоминания без осмысления. Для организации контрольной деятельности по усвоению межпредметных понятий продуктивны с учётом программ и УМК следующие типы заданий: сравнение разных словесно-символических форм представления объектов и явлений, выделение и классификация свойств предметов, дифференциация главных и второстепенных признаков, перевод информации из одной знаково-символической системы в другую и т. д.

Межпредметные понятия являются тем когнитивно-языковым инструментом, который позволяет школьнику овладевать научными представлениями о предметном мире, отражающими объективные связи, отношения, законы и закономерности. Этот мир, как доказал А. Н. Леонтьев, имеет не только привычные четыре измерения, но и пятое – «квазиизмерение», которым учёный называет смысловое поле, систему значений [15]. Рассматривая психологию восприятия как процесса, посредством которого строится образ многомерного мира, А. Н. Леонтьев утверждает: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ, активно «вычерпывая» его <...> из объективной реальности» [15, с. 257]. И, следовательно, целостное представление о предметах реального мира, которое должно сложиться у обучающегося при знакомстве с основами наук в школе, – это своего рода объективированная модель индивидуального, личностного, и потому неповторимого образа мира, субъективного в своей основе. Иной, художественный образ мира рождается в сознании школьника, когда он читает литературное произведение: этот мир автор моделирует по другим, эстетическим законам и иными – образными, метафорическими – средствами языка. А. Ф. Закирова, рассматривая потенциал метафоры как средство концептуализации знания, доказывает, что она способна «вскрыть внутреннюю природу постигаемого, обнаружить дополнительные потенциальные ассоциации, тогда как термин «консервирует» представление о понимаемом явлении, что приводит к его объективации и отчуждению» [16, с. 22]. Образно-метафорическое видение и определение предметов и явлений на основе ассоциативных связей «диалогизирует» воспринимающее сознание, расширяет контекст восприятия и горизонты рационального познания, рождает неожиданный когнитивный и смыслообразующий эффект, воссоздавая объёмное и панорамное, яркое полотно действительности. Этим обусловлен педагогический поиск механизмов взаимодействия рационального и чувственного познания, мышления и воображения, логического и эмоционального аспектов речемыслительной деятельности, инструментов развития и обогащающего влияния интеллектуальной и эмоциональной сфер личности, одним из которых является язык во всём богатстве и разнообразии его развивающих резервов. Как отмечает А. Ф. Закирова: «Если предметом интерпретации как рационального познания являются точные понятия – объективные значения знания, а предметом творческого понимания – образы культуры или образы, жизненно значимые для субъекта интерпретации, то предметом объясняющего понимания является момент связи значения и смысла, единичного и всеобщего, единство образа и понятия, то есть образ, обогащённый мыслью» [17, с. 134]. Герменевтические методы предполагают «подключение» механизмов вчувствования, «вживания» в предмет исследования, его образное представление и моделирование, движение мысли учителя-исследователя по «герменевтическому кругу» к новым горизонтам осмысления и обобщения педагогических явлений. Разные парадигмы познания педагогическая герменевтика (А. Ф. Закирова) «соединяет» в точке пересечения единых механизмов смыслообразования, интерпретации текстов и смыслов, наложения гносеологического и онтологического планов понимания, синтеза интуитивного постижения и рационального объяснения.

Таким образом, предметная специфика является важным фактором развития языковой личности школьника, учёт которого позволяет реализовать интегративные стратегии в образовательном процессе, обеспечить синтез когнитивной и ценностно-смысловой парадигм, гуманитарного и естественно-научного векторов в системе общего образования. Теоретико-понятийный каркас научного знания и образно-метафорический слой языка имеют свои обучающие и развивающие возможности в процессах оформления и развития индивидуального смыслового контекста (А. Л. Никифоров), становления универсальной картины мира, рождения личностной и языковой вселенной растущего человека.

Библиографический список

1. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2012. – 320 с.
2. Володина, Е. Н. Метаязык как педагогический феномен и его роль в языковом развитии личности в школе / Е. Н. Володина // Образование и наука. – 2015. – № 4 (123). – Екатеринбург. – С. 114–130.
3. Новиков, А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий / А. М. Новиков. – М. : ИЭТ, 2013. – 268 с.
4. Качественные и количественные методы психологических и педагогических исследований: учебник / В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Р. Атаханов [и др.] ; общ. ред. В. И. Загвязинского. – М. : Академия, 2013. – 240 с.
5. Примерная основная образовательная программа основного общего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fgosreestr.ru/>, свободный.
6. Концепция развития математического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/3894>, свободный.
7. Мальцева, С. С. Специфика обучения гуманитарным дисциплинам в профильных классах негуманитарной направленности : автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Мальцева Светлана Сергеевна. – Тюмень, 2009. – 19 с.
8. Сериков, В. В. Личностно-ориентированное образование: поиск новой парадигмы : монография / В. В. Сериков. – М., 1998. – 182 с.
9. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е, изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 488 с.
10. Володина, Е. Н. Языковое развитие личности в системе общего образования: проблемы и некоторые пути их решения / Е.Н. Володина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 9. – Тюмень: ТюмГУ. – С. 101–113.
11. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
12. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб. : СПбГУП, 2006.
13. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
14. Сметанникова, Н. Н. Обучение стратегиям чтения в 5–9 классах: как реализовать ФГОС : пособие для учителя / Н. Н. Сметанникова. – М. : Баласс, 2011. – 128 с.
15. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. – М. : Педагогика, 1983. – С. 251–261.
16. Закирова, А. Ф. Когнитивные метафоры как средство концептуализации педагогического знания / А. Ф. Закирова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 9. – Тюмень : ТюмГУ. – С. 17–24.
17. Закирова, А. Ф. Резервы читательской деятельности в развитии педагогического творчества будущего учителя / А. Ф. Закирова // Подготовка педагога новой формации в системе университетского образования: проблемы, практический опыт и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2015. – С. 130–141.

E. N. Volodina, Tyumen state University

SUBJECT SPECIFICITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A LANGUAGE PERSONALITY IN THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION

The article presents the concept of linguistic personality development in metalinguistic educational space is described in the experimental schools of the Tyumen region. Subject specificity is a critical factor in the development of language personality of a pupil, which allows to implement integrative strategies in the educational process, to update the sense-forming resources of humanitarian and natural-science paradigms. The algorithms of work with interdisciplinary concepts, cultural concepts in the classroom and in extracurricular activities, methodological recommendations on the use of the most effective types and forms of work and productive technologies and techniques in the development of linguistic consciousness, verbal-logical, conceptual and discursive thinking of students.

Keywords: the development of the linguistic personality, linguistic educational environment, humanitarian and scientific paradigm of interdisciplinary concepts.

References

1. Lurija A.R. *Lekcii po obshei psihologii* [Lectures on General psychology]. Spb., 2012, 320 p.
2. Volodina E.N. The meta-language as a pedagogical phenomenon and its role in the linguistic development of an individual in the school. *Obrazovanie i nauka*, 2015, no. 4 (123), Ekaterinburg, pp. 114-130.
3. Novikov A.M. *Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponjatii* [Pedagogy: dictionary of basic concepts]. Moscow, 2013, 268 p.
4. *Kachestvennye i kolichestvennye metody psichologicheskikh i pedagogicheskikh issledovanii: uchebnik* [Qualitative and quantitative methods of psychological and educational research: a textbook] / V.I. Zagvjazinskii, A. F. Zakirova, R. Atahanov i dr. ; obsh. red. V.I.Zagvjazinskogo. Moscow, 2013, 240 p.
5. Primernaja osnovnaja obrazovatel'naja programma osnovnogo obshego obrazovanija [Yelettronnyi resurs] - Rezhim dostupa: <http://fgosreestr.ru/>, svobodnyi.
6. *Koncepcija razvitiya matematicheskogo obrazovanija v Rossijskoi Federacii* [The concept of development of mathematical education in the Russian Federation] [Yelettronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://minobrnauki.rf/3894>, svobodnyi.
7. Mal'ceva, S.S. Specifika obuchenija gumanitarnym disciplinam v profil'nykh klassah negumanitarnoj napravlenosti. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.01: Mal'ceva Svetlana Sergeevna. – Tyumen', 2009. 19 p.
8. Serikov V.V. *Lichnostno-orientirovannoe obrazovanie: poisk novoi paradigmy: monografija* [Personally oriented education: the search for a new paradigm: monograph]. Moscow, 1998, 182 p.
9. Leont'ev D.A. *Psichologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology sense: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2-e, izd., ispr. Moscow, 2003, 488 p.
10. Volodina E.N. Jazykovoje razvitie lichnosti v sisteme obshego obrazovanija: problemy i nekotorye puti ih reshenija. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 9, Tyumen', pp.101-113.
11. Kolesov V.V. «Zhizn' proishodit ot slova...» [«Life comes from the word...»]. Spb., 1999, 368 p.
12. Lihachev D.S. *Konceptosfera russkogo jazyka* [Conceptosphere of the Russian language]. Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture [Selected works on Russian and world culture]. Spb., 2006.
13. Karasik V.I. *Jazykovoii krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004, 390 p.
14. Smetannikova N.N. Obuchenie strategijam chtenija v 5–9 klassah: kak realizovat' FGOS: posobie dlja uchitelja [Teaching reading strategies in grades 5 to 9: how to implement the GEF: a guide for teachers]. Moscow, 2011, 128 p.
15. Leont'ev A.N. *Obraz mira* [The image of the world]. Izbrannye psichologicheskie proizvedenija [Selected psychological works]. Moscow, 1983, pp. 251-261.
16. Zakirova A.F. Kognitivnye metafory kak sredstvo konceptualizacii pedagogicheskogo znanija. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 9, Tyumen', pp.17–24.
17. Zakirova A.F. Rezervy chitatel'skoi dejatel'nosti v razviii pedagogicheskogo tvorcestva budushego uchitelja [The library Reserves activity in the development of pedagogical creativity of future teachers]. Podgotovka pedagoga novoi formacii v sisteme universitetskogo obrazovanija: problemy, prakticheskii opyt i perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Training of the teacher of the new formation in the system of University education: problems, experience and prospects: materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Tyumen', 2015, pp. 130–141.

© Е. Н. Володина, 2015

Автор статьи – Елена Николаевна Володина, кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, e-mail: elena_mayak_@mail.ru

Рецензенты:

Т. В. Обласова, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент, Тюменский областной государственный институт развития регионального образования.

Н. А. Аксарина, кандидат филологических наук, доцент, Тюменский областной государственный институт развития регионального образования.

ВИРТУАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ «РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ» КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ФГБОУ ВПО «СИБАДИ»

Представлена концепция и структура виртуальной мастерской, созданной и размещённой на странице кафедры инженерной педагогики официального сайта ФГБОУ ВПО «СИБАДИ». В исследовании представлены этапы проектирования и результаты апробации виртуальной мастерской в учебно-воспитательном процессе образовательной организации – на примере психолого-педагогических дисциплин. Показано, что виртуальная мастерская способствует совершенствованию педагогического сопровождения проектной деятельности студентов и выступает одним из условий развития их субъектности и самостоятельности в образовании. В качестве одной из перспектив развития виртуальной мастерской рассматривается проект создания онлайн-конструктора студенческих проектов.

Ключевые слова: виртуальная мастерская, сайт, педагогическое сопровождение, проект, онлайн-конструктор, обучение, воспитание, развитие, субъектность.

Проектная технология является одной из инновационных педагогических технологий, активно применяемых на всех уровнях системы образования. В частности, метод проектов может достаточно широко использоваться педагогами технического вуза в процессе преподавания гуманитарных дисциплин и организации воспитательной работы в вузе. Выполняя интересные и актуальные работы, студенты учатся применять полученные знания на практике, работать с разнообразными источниками информации. Таким образом, обеспечивается высокий уровень активизации студентов. В проектной деятельности развиваются учебно-познавательные и профессиональные компетентности, а также решается главная проблема обучения в техническом вузе – «формирования у обучаемых системного инженерного мышления», проектной культуры, что особо существенно для подготовки молодого специалиста в современном мире [9, 12].

При использовании проектной технологии в образовательном процессе педагогу необходимо помнить об определённых аспектах руководства проектной деятельностью студентов как таковой, а именно: 1) длительность подготовительной и разъяснительной работы при первичной организации проектной деятельности студентов; 2) большая трудоёмкость и временные затраты со стороны педагога, организующего проектную деятельность, для осуществления систематического контроля за работой студентов, что даёт определённую гарантию эффективности и завершения проекта; 3) необходимость осуществления методического, дидактического, организационного и информационного сопровождения со стороны преподавателя требует высокой педагогической, методической и психологической квалификации [7, с. 127].

Стоит отметить, что существующее многообразие проектов (социальные, научно-исследовательские и др.) в педагогической практике требует от всех субъектов образования (и от педагогов, и от студентов) высокой проектной культуры, а также навыков проектного менеджмента, которому, как правило, следует обучаться [10].

Как отмечают современные исследователи, существуют определённые нюансы, с которыми сталкивается руководитель (педагог), осуществляя психолого-педагогическое сопровождение формирования профессиональной компетентности студентов в социальной проектной деятельности [см. 7]. В частности, одним из решений вышеуказанных проблем, по мнению авторов, может стать проектируемая и внедрённая в дальнейшем в образовательный процесс вуза виртуальная мастерская «Разработка и реализация студенческих проектов». Основной целью работы (по замыслу проектировщиков) является способствование успешной проектной деятельности студентов, а также эффективности психолого-педагогического сопровождения педагогами проектной деятельности студентов СибАДИ (имеется в виду профессорско-преподавательский состав кафедры инженерной педагогики и других кафедр и подразделений вуза, готовых оказать консультационную помощь студентам при разработке и реализации проектов). Отметим, что данная мастерская преимущественно ориентирована

на поддержку социального проектирования студентов, а также их творческих и учебных проектов. Учебное сотрудничество может быть рассмотрено с позиции социального партнёрства студента и преподавателя в процессе реализации социально-значимых проектов. На основе отношений сотрудничества в учебно-воспитательном процессе вуза может быть выстроена «система внешне задаваемой деятельности, способствующая возможности проявления студентами интеллектуальной и социальной активности» [8, с. 32].

По замыслу виртуальная мастерская должна предоставить возможность студентам самостоятельно обучаться методу проектов; получать консультационную поддержку педагогов; принимать участие в актуальных проектах; знакомиться с наиболее успешными реализованными проектами студентов.

В результате обзора существующих виртуальных мастерских в интернет-пространстве было выявлено, что для разработки и реализации проекта ресурсов недостаточно. Более того, многие из них созданы преимущественно для профессиональных сообществ (как правило, это сообщества педагогов). Что касается методической поддержки проектной деятельности студентов в интернет-пространстве, то здесь наблюдается следующая картина: существуют определённые сайты, где есть форумы, курсы, конкурсы проектов, но как такового сопровождения разработки и реализации перечисленные онлайн-ресурсы не предполагают (как правило, это возможно лишь при личном обращении к организаторам, администраторам подобных форумов и конкурсов). Соответственно, возникает противоречие: с одной стороны, от студентов ожидается самостоятельное, инициативное поведение (в том числе и в проектной деятельности), а с другой стороны, практически весь методический инструментарий, необходимый для разработки, реализации и оценки проекта как такового, остаётся в компетенции исключительно педагогического сообщества. В качестве примеров виртуальных мастерских, доступных интернет-пользователям, можно указать следующие: «Виртуальная мастерская», сетевое сообщество педагогов-новаторов г. Москвы (руководитель Анна Петровна Суходимцева, соруководители Михаил Михайлович Гордон, Лариса Борисовна Пашолок); виртуальная мастерская «Разработка компетентностного урока биологии» (расположена на сайте виртуального объединения учителей биологии Куединского района); виртуальная мастерская «Life hacking, или Виртуальное электронное обучение» (создана на базе ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования» для педагогических работников образовательных учреждений, участников эксперимента по внедрению электронного обучения с целью формирования готовности педагогов к применению в образовательном процессе современных технологий и приёмов активизации познавательной деятельности учащихся с использованием ЭОР и сервисов web2.0 в условиях реализации ФГОС) [см. 1–3].

Таким образом, изучив концепцию и структуру виртуальных мастерских, представленных в интернет-пространстве (речь идёт, в первую очередь, о тех, целью которых является преимущественно образование и обучение пользователей с помощью ресурсов мастерской), стоит отметить, что инициаторами подобных мастерских выступают в большинстве случаев педагоги, взрослые, а не студенты или учащиеся. Учитывая, что одной из приоритетных целей образования современной молодёжи является развитие их субъектности и социальной активности, способности к самоорганизации (что и предполагает разработка и реализация проекта), можно констатировать противоречие: с одной стороны, от современной молодёжи ожидается проявление самостоятельности и активности, с другой стороны, все рычаги такого управления (механизмы организации деятельности) находятся в руках взрослых, исключительно в компетенции педагогов. Стоит оговориться, что автор данной работы отнюдь не призывает педагогов отказаться от управляющей и организующей функций в образовании. Речь скорее идёт о том, что студенты недостаточно привлечены к выполнению роли организатора собственного образовательного маршрута. Проблема, на взгляд автора, лежит отчасти в недостаточном и не всегда доступном для обучающихся учебно-методическом обеспечении проектной деятельности. Метод проектов применяется в процессе изучения самых разных дисциплин, а также используется в воспитательной работе [см. 12]. На сегодняшний день существуют различные форумы и клубы в интернет-пространстве, проводятся различные ежегодные конкурсы студенческих проектов («Моя инициатива в образовании», «РИТМ» и др.) [см. 11]. Если же представить, что студент или творческая группа студентов проявят инициативу и решат разработать и реализовать социально-значимый проект, то возникает вопрос: какими доступными ресурсами, какой мастерской им следует воспользоваться? В интернет-пространстве, как правило, представлена информация о проведении конкурсов проектов, встречаются разрозненные сведения о том, с чего необходимо

начинать разработку проекта, как его оценивать по завершению и т. п. При этом практически не встречаются мастерские (или лаборатории) по разработке и реализации студенческих проектов, где педагоги выступали бы со студентами равноценными инициаторами и модераторами. Соответственно, возникает необходимость заняться проектированием подобной виртуальной мастерской. Автором была предпринята попытка (совместно с группой студентов, выступающих инициаторами социально-значимых проектов) разработать, разместить и внедрить в учебно-воспитательный процесс образовательной организации (ФГБОУ ВПО «СибАДИ») виртуальную мастерскую «Разработка и реализация студенческих проектов» [см. 4].

Составляющими проектируемой виртуальной мастерской «Разработка и реализация студенческих проектов» выступают следующие разделы:

- обучающий раздел (мультимедийные презентации, учебные фильмы, перечень актуальной научной и учебной литературы и др.);
- консультирование (в роли консультантов выступают педагоги кафедры и опытные студенты-проектировщики);
- актуальные проекты;
- реализованные проекты;
- кадровый резерв студентов-проектировщиков;
- идеи для проектов;
- отзывы, пожелания, замечания;
- новости.

С целью внедрения виртуальной мастерской в учебно-воспитательный процесс СибАДИ автором со студентами-разработчиками мастерской были предприняты следующие действия (в рамках долгосрочного проектирования) [см. 5]:

1. Опрос профессорско-преподавательского состава кафедры инженерной педагогики, студентов СибАДИ на предмет места и роли, функциональности виртуальной мастерской в образовательном процессе вуза.

2. Обзор существующих в интернете виртуальных мастерских, требований, предъявляемых к подобным мастерским.

3. Определение концепции и структуры мастерской, этапов её моделирования, определение её функций, миссии, предназначения.

4. Определение необходимого содержания разделов мастерской.

5. Подготовка необходимого информационного контента для разделов мастерской, обработка материала, согласование с заинтересованными сторонами: педагогами, студентами.

6. Утверждение кадрового резерва студентов-проектировщиков (проведение соответствующего опроса студентов).

7. Проведение коррекции изначально предоставленного методического материала по проблемам проектирования (после предварительной презентации мастерской педагогическому сообществу).

8. Представление материала сотрудникам информационно-вычислительного центра вуза (размещение на сайте).

9. Оповещение студентов и педагогов о появлении мастерской на сайте вуза (размещение рекламы в новостях на главной странице сайта СибАДИ, а также рассылка информационных писем всем заведующим кафедрами вуза).

10. Согласование с педагогами и студентами, кто будет пополнять актуальной информацией мастерскую (определение ответственных, у которых будет доступ к мастерской). В дальнейшем предполагается создание «прикреплённой к мастерской» страницы в социальных сетях группы виртуальной мастерской, где можно будет оперативно размещать информацию (обсуждать рабочие моменты и т. п.).

11. Апробация и внедрение методических ресурсов виртуальной мастерской в учебный процесс в рамках психолого-педагогических дисциплин, закреплённых за кафедрой инженерной педагогики (апробация созданной виртуальной мастерской) была проведена в мае 2015 года в процессе изучения дисциплин «Психология и педагогика» и «Введение в профессионально-педагогическую специальность») [5].

Благодаря усилиям творческой команды, состоящей из педагогов кафедры инженерной педагогики и студентов ФГБОУ ВПО «СибАДИ», принявших активное участие в разработке виртуальной мастерской «Разработка и реализация студенческих проектов» в течение 2014/15 учебного года (полный перечень авторов-разработчиков мастерской доступен непосредственно на странице

виртуальной мастерской [4]), на сегодняшний день методические ресурсы мастерской доступны для применения в учебно-воспитательном процессе [5]. Так, на данный момент виртуальная мастерская состоит из двенадцати разделов, наполненных информационным контентом: методическими материалами, представленными в форме мультимедийных презентаций. Виртуальная мастерская размещена непосредственно на сайте СибАДИ в разделе «Инженерная педагогика» [4]. Ресурсы виртуальной мастерской успешно апробированы и используются в учебном процессе для изучения таких дисциплин, как «Психология и педагогика» (все специальности и направления подготовки), «Методика воспитательной работы», «Введение в профессионально-педагогическую специальность» (направление 44.03.04 «Профессиональное обучение»). Перечень направлений для разработки социально-значимых проектов представлен непосредственно в рабочих программах и фондах оценочных средств вышеуказанных дисциплин. Например, по дисциплине «Психология и педагогика» в качестве потенциальных направлений (и тем) для разработки проектов выступают следующие блоки курса: раздел «Психология личности и психология общения» (предполагаемая тема для разработки проекта: личностное и профессиональное самоопределение. Студентам предлагается разработать проект, связанный с выбором профессии (конструирование средств, способствующих личностному и профессиональному самоопределению (методические разработки, фильмы, проведение специальных занятий, носящих профориентационный характер)); раздел «Семейное воспитание» (предполагаемая тема для разработки проекта: проблемы современной семьи. Студентам предлагается разработать проект, связанный с жизнью студенческой семьи, оказанием ей поддержки (информационной, организационной и т. п.)).

Стоит отметить, работа над совершенствованием виртуальной мастерской продолжается (руководитель проекта А. В. Горина, канд. филос. наук, доцент кафедры инженерной педагогики). На 2015/16 учебный год кураторами мастерской среди студентов выступают обучающиеся 3 курса направления 44.03.04 «Профессиональное обучение» ФГБОУ ВПО «СибАДИ».

В качестве одной из перспектив развития мастерской можно рассматривать проектирование онлайн-конструктора студенческих проектов, который, по замыслу авторов-разработчиков, позволит следовать принципам педагогического дизайна в проектной деятельности, а именно выстроить самостоятельную учебную деятельность студентов (с применением метода проектов) по алгоритму, инструкции – до творческого преобразования исходного материала (идеи, замысла проекта, имеющихся ресурсов). Разработать для виртуальной мастерской онлайн-конструктор проектов необходимо, на наш взгляд, с целью «автоматизированного» описания проекта с учётом имеющихся ресурсов, целевой аудитории и т. п. Подобная методическая разработка во многом бы облегчила процесс самостоятельного проектирования студентами, позволила бы конструировать желаемый облик собственного проекта: выбирать направление для реализации проекта, сроки, целевую аудиторию и т. п. Работа с онлайн-конструктором чем-то напоминала бы ситуацию заказа авиабилета через интернет. Процедура самого выбора схожа в обоих случаях: различие здесь лишь в информации, которой оперируют пользователи. Более того, в условиях реализации компетентностного подхода в образовании студенты оказываются в ситуации, когда они несут персональную ответственность за сформированность или несформированность необходимых компетенций. В связи с этим, следует отметить, что специально разрабатываемый онлайн-конструктор проектов может быть рассмотрен в комплексе с каталогом мероприятий, прилагаемым к индивидуальной карте студентов: для удобства и более корректного выбора студентами того или иного мероприятия, реализуемого в рамках вуза, следует разработать «каталог мероприятий вуза», где к каждому мероприятию будут «прикреплены» кодировки тех компетенций, которые формируются у студента, принимающего участие в данном мероприятии. Предполагается, что подобный каталог мероприятий (с «присвоенными» компетенциями) поможет студенту адаптироваться к обучению в вузе и самостоятельно ориентироваться в проектировании самообразования, самосовершенствования и саморазвития [6, 13].

Подобный «каталог мероприятий вуза» с необходимыми пометками (куда обратиться студенту, в каком мероприятии следует принять участие, чтобы повысить собственный уровень сформированности компетенций) несомненно должен быть доступен как для преподавателей, так и для студентов. Включение ИКС и рассматриваемого каталога мероприятий в методическое сопровождение учебно-воспитательного процесса в вузе, на наш взгляд, облегчит взаимопонимание субъектов образования – студентов и педагогических работников – в отношении целей образования и путей их достижения в рамках компетентностного подхода. Наличие же свободного и осознанного выбора студентом конкретных путей формирования и оценки собственной компетентности (в рамках

мероприятий вуза, доступных для участия) позволит говорить о воспитании у студента более ответственного отношения к формированию компетенций в процессе обучения [см. 6].

На наш взгляд, онлайн-конструктор студенческих проектов наряду с методическими ресурсами виртуальной мастерской при внедрении в образовательный процесс вуза будет способствовать предупреждению и снятию определённых выявленных современными педагогами-исследователями рисков проектной деятельности [см. 7, с. 128–130], а также более активному и эффективному включению студентов в социальную проектную деятельность. При этом нижеприведённые методические приёмы (психолого-педагогического сопровождения проектной деятельности студентов), по мнению автора, станут более востребованными у педагогов (за счёт специально разработанной информационной составляющей мастерской эти приёмы станет проще реализовать на практике):

– во-первых, в проект по возможности всегда следует включать несколько студентов на лидирующие позиции, для успешного окончания работы всегда должен быть «запасной» проектировщик, который сможет вовремя «подхватить» проект и завершить его реализацию (при наличии кадрового резерва студентов-проектировщиков в виртуальной мастерской это легче реализовать);

– во-вторых, всем студентам, погружённым в проектную деятельность, должна быть очевидна их «польза» и «выгода» от участия в проекте (в виртуальной мастерской предполагается разместить «мотивирующую» мультимедийную презентацию о всевозможных конкурсах студенческих проектов, а также будут предоставлены некоторые «заготовки» (разработки) проектов: для тех, кому сложно определиться с идеей и замыслом, но кто готов к реализации проекта на практике);

– в-третьих, зная и понимая, насколько трудоёмкой является проектная технология на практике, педагог на этапе мотивирования студентов участвовать в разработке и реализации социально-значимых проектов должен тем не менее убедить участников, что «социальный проект – это не так уж сложно». Иными словами, важно не «напугать» студента проектной технологией, а погрузить его в проектную деятельность так, чтобы для него это было естественно и не вызывало чувства дискомфорта, страха и боязни (в виртуальной мастерской будут представлены отзывы, интервью, фотографии и видеоролики тех студентов, которые уже разработали, реализовали и успешно презентовали свои проекты ранее);

– в-четвёртых, перед тем как «погрузить» студента в проект, стоит его обучить проектированию как таковому (в виртуальной мастерской будут представлены материалы обучающего характера для всех желающих освоить основы проектной деятельности: мультимедийные презентации, перечень актуальной периодической литературы, учебные фильмы и т. п. Также будет предоставлена возможность обращаться за консультацией и помощью при разработке и реализации проекта к педагогам-консультантам);

– в-пятых, педагогу следует проявлять больше гибкости и своевременно корректировать проект, перераспределять зоны ответственности для всех участников проекта (за счёт того, что в виртуальной мастерской будут представлены разные направления, идеи для проектной деятельности студентов, у обучающихся всегда будет выбор: «остаться» в рамках реализуемого проекта или «перейти» в состав другой проектной команды);

– в-шестых, педагогу следует общаться со студентами скорее в демократическом стиле, нежели в авторитарном (предполагается, что к виртуальной мастерской будет «прикреплена» специально созданная страница в одной из социальных сетей – для оперативного обсуждения рабочих моментов, связанных с процессом проектирования. Как правило, общение в интернет-среде непроизвольно настраивает участников общения (педагогов и студентов) на большую открытость);

– в-седьмых, педагогу следует тщательно продумывать «будущее» всех проектов, иными словами, нужно ясно представлять, каковы перспективы того или иного проекта (уже реализованного). Некоторые студенты включаются в социальную проектную деятельность, исходя, в первую очередь, из тех перспектив, которые открываются после реализации планируемого проекта (в случае с виртуальной мастерской стоит отметить, что педагогу легче оказывать «постпроектное» психолого-педагогическое сопровождение студентов т. е. морально поддерживать, консультировать и т. п.), когда есть единая «информационная платформа», объединяющая всех студентов-проектировщиков и педагогов-консультантов. Виртуальная мастерская позволяет представить все этапы процесса проектирования наглядно: в том числе за счёт гиперссылок, отсылающих к той или иной публикации по теме проекта или к тому или иному готовому продукту, о котором появилась информация в СМИ. Студент получает возможность проследить всю эволюционную цепочку своего проектного замысла: от идеи до реализации, а также обсудить перспективы своего проекта с другими проектировщиками);

– в-восьмых, следует всячески способствовать созданию положительного имиджа в молодёжной среде тех студентов, кому удалось успешно реализовать социальный проект. Фактически педагог должен уделять особое внимание (время и силы), чтобы активно «пиарить» образцовых студентов-проектировщиков (виртуальная мастерская предполагает «рекламу» наиболее успешных реализованных проектов (размещение видеоматериалов, фотографий, статей, отчётов о реализации проектов, аннотаций проектов) с целью мотивации студентов к проектной деятельности).

Иными словами, включение виртуальной мастерской «Разработка и реализация студенческих проектов» в учебно-воспитательный процесс образовательной организации позволяет педагогам донести до студенчества, что «социальное проектирование – это не только удел избранных, но и удел по силам». С помощью проектируемой мастерской педагоги смогут оказывать более эффективное психолого-педагогическое сопровождение формирования компетентности студентов на всех этапах проектного цикла, а студенты смогут более осознанно включаться в проектную деятельность, развивая при этом субъектность, самостоятельность, инициативность и интерес к решению социально-значимых проблем современности.

Библиографический список

1. Виртуальная мастерская, сетевое сообщество педагогов-новаторов г. Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vmdar.ru/moodle/> (дата обращения: 05.09.2015).
2. Виртуальная мастерская «Life hacking, или виртуальное электронное обучение» [Электронный ресурс]. – URL: <http://intel.68edu.ru/виртуальная-мастерская-life-hacking-или-вирту/> (дата обращения: 05.09.2015).
3. Виртуальная мастерская «Разработка компетентностного урока биологии» [Электронный ресурс]. – URL: <http://biologiyavo.narod.ru/p12aa1.html> (дата обращения: 05.09.2015).
4. Виртуальная мастерская «Разработка и реализация студенческих проектов» на сайте ФГБОУ ВПО «СибАДИ» [Электронный ресурс] // кафедра инженерная педагогика. – URL: <http://www.sibadi.org/about/departament/70/14728/> (дата обращения: 05.09.2015).
5. Горина, А. В. Проектирование виртуальной мастерской «Разработка и реализация студенческих проектов» на сайте ФГБОУ ВПО «СибАДИ» / А. В. Горина, А. А. Тихонов // Теоретические знания – в практические дела : сб. научных статей XVI Межд. научно-инновационной конф. аспирантов, студентов и молодых учёных с элементами научной школы «Теоретические знания – в практические дела» (7–10 апр. 2015 г.). В 2 ч. Ч. 2. – Омск : Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)», 2015. – С. 130–135.
6. Горина, А. В. Воспитание ответственного отношения студентов к формированию компетенций в процессе обучения: к постановке проблемы / А. В. Горина // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки : материалы Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. Омск : СибАДИ, 2014. – Кн. 3. – Режим доступа: <http://bek.sibadi.org/fulltext/EPD994.pdf>, свободный после авторизации. – С. 166–168.
7. Горина, А. В. Психолого-педагогическое сопровождение формирования профессиональной компетентности студентов в социальной проектной деятельности / А. В. Горина, П. И. Фролова // Вестник СибАДИ. – 2014. – № 5 (39). – С. 125–132.
8. Даль, Л. В. Социально-педагогический потенциал волонтерской деятельности студентов в реализации социально значимых проектов / Л. В. Даль // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 32–35.
9. Кустова, С. А. Проектная деятельность как одно из условий формирования общих и профессиональных компетенций студентов [Электронный ресурс]. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/633155/> (дата обращения: 01.10.2015).
10. Малкова, И. Ю. Метод проектов : методические материалы / И. Ю. Малкова. – Томск : ТГУ. – 2006. – 180 с.
11. Проектный клуб [Электронный ресурс] // Идея. Проект. Реализация. – URL: <http://vk.com/proektnyklub> (дата обращения: 05.09.2015).
12. Фролова, П. И. Проектная деятельность как средство развития компетентности студентов технического вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин / П. И. Фролова // Межвуз. сб. тр. молодых учёных, аспирантов и студентов. – Омск : СибАДИ, 2008. – Вып. 5, ч. 2. – С. 274–279.
13. Якубенко, О. В. Педагогическое сопровождение здоровьесбережения студентов как фактор успешной адаптации студентов к вузу / О. В. Якубенко, А. П. Жигadlo // Вестник СибАДИ. – 2012. – Вып. 6 (28). – С. 165–171.

THE VIRTUAL WORKSHOP «DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF STUDENTS PROJECTS» AS A MEANS OF INSTRUCTION AND UPBRINGING FSEI OF HPE «SibADI» STUDENTS

The article presents the concept and structure of a virtual workshop, created and placed on the page of the department «Engineering Pedagogic» of the official website of FSEI of HPE «SibADI». In the study presented stages of design and results of testing a virtual workshop in the educational process of educational organization - on the example of psycho-pedagogical disciplines. It is proved that the virtual workshop contributes to the improvement of pedagogical support project activities of students and is one of the conditions for the development of their subjectivity and autonomy in education. As one of the prospects for the development of a virtual workshop is regarded the project of creating «online constructor of student projects».

Keywords: virtual workshop, site of educational institution, training and methodological support, pedagogical support, project, project activity, project technology, the online constructor of student projects, education, education, development, subjectness, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «SibADI», department «Engineering Pedagogic».

References

1. «Virtual'naja masterskaja», setevoe soobshhestvo pedagogov-novatorov g. Moskvy. [«The virtual a workshop», an online community of educators and innovators of Moscow]. [Electronic resource]. Available at <http://www.vmdar.ru/moodle/> (date of the application: 05.09.2015).
2. Virtual'naja masterskaja «Life hacking, ili virtual'noe jelektronnoe obuchenie». [Virtual workshop «Life hacking, or a virtual e-learning»]. [Electronic resource]. Available at <http://intel.68edu.ru/виртуальная-мастерская-life-hacking-или-вирту/> (date of the application: 05.09.2015).
3. Virtual'naja masterskaja «Razrabotka kompetentnostnogo uroka biologii». [The virtual workshop «Developing a competency biology class»]. [Electronic resource]. Available at <http://biologiyavo.narod.ru/p12aa1.html> (date of the application: 05.09.2015).
4. Virtual'naja masterskaja «Razrabotka i realizacija studencheskih proektov» na sajte FGBOU VPO «SibADI» [The virtual workshop "Development and realization student projects" on the site of FSEI of HPE «SibADI»]. [Electronic resource]. Department «Engineering Pedagogic». Available at <http://www.sibadi.org/about/departmen/70/14728/> (date of the application: 05.09.2015).
5. Gorina A.V., Tikhonov A.A. Designing of the virtual workshop "Development and realization student projects" on the site of FSEI of HPE «SibADI». *Teoreticheskie znaniya – v prakticheskie dela: Sb. nauchnyh statej XVI Mezhd. nauchno-innovacionnoj konf. aspirantov, studentov i molodyh uchenyh s jelementami nauchnoj shkoly «Teoreticheskie znaniya – v prakticheskie dela» (07-10 apr. 2015). In 2 p. P. 2., Omsk: Siberian Cossack Institute of Technology and Management (Branch) FSEI of HE «MGUTU named after K.G. Razumovsky (PKU)» 2015. P. 130–135.*
6. Gorina A.V. Education of student's responsible attitude to competencies formation during learning: statement of the problem. *Razvitie dorozhno-transportnogo i stroitel'nogo kompleksov i osvoenie strategicheski vazhnyh territorij Sibiri i Arktiki: vklad nauki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Electronic resource]. Omsk: SibADI, 2014. B.3. Available at <http://bek.sibadi.org/fulltext/EPD994.pdf>, free after authorization. P.166–168.
7. Gorina A. V., Frolova P. I. Psychological and pedagogical support of student's professional competence formation at social project activities. *Vestnik SibADI*, 2014. no.5 (39). pp. 125–133.
8. Dal' L.V. Social and pedagogical potential of students volunteering in the implementation of socially significant projects. *Social'no-pedagogicheskij potencial volonterskoj dejatel'nosti studentov v realizacii social'no znachimyh proektov*. World of science, culture, education. 2012. №2 (33). P. 32–35.
9. Koustova, S.A. Project activity as one of the conditions for the formation of general and professional competencies of students. *Proektnaja dejatel'nost' kak odno iz uslovij formirovanija obshnih i professional'nyh kompetencij studentov*. [Electronic resource]. Available at <http://festival.1september.ru/articles/633155/> (date of treatment: 01.10.2015).
10. Malkova I. Y. *Metod proektov: metodicheskie materialy* [Method of projects: methodological materials] Tomsk: TSU, 2006, 180p.
11. *Proektnyj klub*. [The project club]. [Electronic resource]. Idea. Project. Realization. Available at <http://vk.com/proektnyklub> (date of the application: 05.09.2015).
12. Frolova P. I. Project activity as means of competence development of technical university students in a humanitarian disciplines study. *Mezhvuz. sb. tr. molodyh uchenyh, aspirantov i student*. Omsk: SibADI, 2008. Iss. 5. Part 2. P. 274–279.

13. Jakubenko, O. V., Zhigadlo, A. P. Student's health-saving pedagogical support as the factor of successful adaptation to high school. Vestnik SIBADI. 2012. Iss. 6 (28). P. 165 – 171.

© А. В. Горина, 2015

Автор статьи – Анна Владимировна Горина, кандидат философских наук, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: Anna2012gorina@gmail.com

Рецензенты:

Н. Н. Рыбакова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

А. П. Жигаadlo, доктор педагогических наук, кандидат технических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия.

УДК 378.1

Ю. Б. Дроботенко,

Омский государственный педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современные социокультурные и социоэкономические условия обусловили изменения понятий «педагогическая профессия» и «профессионализм педагога». В статье рассматривается динамика развития понятия «педагогическая профессия» с позиций различных подходов. Рассмотренные подходы характеризуются преемственностью основных идей, а основные их положения находятся в определённой взаимосвязи. Автор отмечает, что на современном этапе развития понятия педагогической профессии наблюдается очевидный сдвиг в сторону усиления значимости личностно-ценностных ориентаций педагогов при осуществлении профессиональной деятельности. Личностно-ценностные ориентации педагогов являются определяющими при выборе соответствующих стратегий поведения в различных ситуациях профессиональной деятельности. В заключение автор подчёркивает значимость этоса педагогической профессии на современном этапе развития общества, который служит скрепляющим «ядром» в условиях размывания границ профессии и трансформации традиционных ценностей педагогической профессии.

Ключевые слова: педагогическая профессия, профессионализм, профессиональная деятельность, изменения, этос педагогической профессии.

Статья подготовлена в рамках НИР по заданию Минобрнауки РФ «Изменения в деятельности учителя в условиях реализации “Профессионального стандарта педагога” и разработка моделей профессионального экзамена на должность учителя (обзор зарубежной практики)» – проект № 3162.

В результате интенсивных социальных перемен, связанных, в первую очередь, с информационной и коммуникационной революцией, трансформируются понятия профессии, профессионализма и профессиональной деятельности человека в современном мире. Пришло время всерьёз посмотреть на то, каковы сегодня реальные практики профессий и каковы правила, которыми, как предполагается, руководствуются профессионалы, осуществляя ту или иную профессиональную деятельность в современных условиях.

На сегодняшний день в социологической литературе встречаются разные названия современного общества и общества ближайшего будущего – «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», «обучающееся общество», общество «высокой» современности. П. Джарвис даёт такие характеристики современному обществу, как «футуристическое», «планирующее», «рефлексивное» и «рыночное» [17]. Очевидно, что особенности современного общества, которые выделяют исследователи, отражаются и на характере деятельности человека в рамках той или иной профессии.

Трансформация понятия профессии, в том числе и педагогической, связана с усложнением структуры труда, а также развитием идей о социальной структуре общества, социальной стратификации и социальной мобильности. Трансформация идёт от понимания профессии как единицы

конкретной деятельности внутри производства (К. Маркс) к пониманию профессий как социального института (Г. Спенсер), далее к профессии как профессиональной группе (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм). Основой такого взгляда на профессию выступает понятие социальной структуры в широком смысле (как дифференциации социальной деятельности). С точки зрения поведения индивида, его жизненного мира и системы ценностей, профессия – это призвание (М. Вебер). Эта позиция соотносит профессиональную занятость, прежде всего, с потребностями индивида в обеспечении средств к существованию и только во вторую очередь – с потребностями общества [1].

Педагогическая профессия (Е. А. Климов, В. Г. Онушкин, В. Д. Брагина и др.) характеризуется как область приложения сил, деятельность и область проявления личности педагога, исторически развивающаяся система, творчески формируемая реальность. Наиболее разработанным аспектом является представление о педагогической профессии как виде специализированной деятельности в рамках анализа её содержания, технологий, уровней педагогического образования [5].

Говоря о педагогической профессии на современном этапе развития, Э. В. Балакирева определяет её как целостное развивающееся явление в историческом и социально-экономическом аспектах, характеризующееся изменениями, которые произошли в сфере (отрасли) педагогического труда, в видах профессиональной педагогической деятельности, в институте профессии или профессиональных сообществах педагогов [3].

В работах Э. В. Балакиревой, посвящённых педагогической *профессиологии* (научная теория о профессиональной деятельности и профессионализме Л. А. Балановской), представлена структура педагогической профессии, а именно её общая характеристика, социально-экономическая значимость, условия труда, характер и содержание педагогической деятельности, требования к уровню образованности и профессиональной квалификации педагога, психофизиологические особенности профессии и др.

По классификации, предложенной Е. А. Климовым, профессия педагога относится к типу «человек–человек». Но из ряда других она выделяется, прежде всего, *по образу мыслей её представителей, повышенному чувству долга и ответственности*. Главное отличие от других профессий этой группы заключается в том, что она относится как к классу *преобразующих*, так и к классу *управляющих* профессий одновременно [3].

Интенсивные процессы *дифференциации и специализации* трудовой деятельности на видовом и внутривидовом уровне привели к чрезмерной подвижности границ между профессиями и специальностями внутри профессий; появлению так называемых профессиональных полей (групп родственных профессий). Профессиональные поля образуют определённые социальные структуры, объединяющие большие группы людей, занятых общим родом трудовой деятельности. Для её носителей профессия является не только источником дохода, но также определяет культурные (образ и стиль жизни) и социальные (одобряемое поведение) стандарты. Таким образом, педагогическая профессия – это ещё и определённый образ жизни, стиль построения взаимоотношений с другими людьми и окружающим миром [15].

На основе анализа отечественных и зарубежных исследований можно выделить несколько подходов к пониманию сущности профессии, в том числе и педагогической.

Функциональный подход (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, С. Г. Струмилин и др.). С позиций данного подхода в основе профессии лежит функциональное содержание труда, освоенное субъектом. В педагогической профессии в рамках функционального подхода (О. А. Абдуллина, А. И. Щербаков, Н. А. Половникова, Н. В. Кузьмина, Е. В. Пискунова и др.) деятельность педагога рассматривается в виде системы функций или функциональных характеристик. Разные исследователи предлагают свои классификации функций деятельности педагога. В целом, можно выделить следующий ряд функций: информационную, развивающую, ориентационную, мобилизационную, конструктивную, коммуникативную, организаторскую, исследовательскую. В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов и другие считают, что за педагогической профессией исторически закрепились две социальные функции – адаптивная и гуманистическая (человекообразующая). Адаптивная функция связана с приспособлением обучающегося к конкретным требованиям современной социокультурной ситуации, а гуманистическая – с развитием его личности, творческой индивидуальности [10].

Функциональный подход можно интерпретировать как описательный, поскольку функциональное содержание труда в рамках той или иной профессии всегда *исторически изменчиво*. Основной акцент сделан здесь не на месте и роли профессии в целостной системе социальных связей, а на проблеме пригодности индивида к выполнению тех или иных профессиональных функций, его подготовки к труду. Вследствие этого из теоретического понятия профессия превращается в прикладное.

Квалификационный подход (В. Г. Подмарков, В. Н. Шубкин, В. И. Паниотто, Г. А. Черденченко и др.). В. Г. Подмарков, развивая идеи функционального подхода, различает трудовую функцию (объективные условия труда, содержание труда, совокупность объективно заданных операций) и профессию как характеристику подготовленности работника к выполнению этих функций. Исходя из этого, исследователь определяет степень годности к какому-либо виду труда, уровень подготовленности как *квалификацию*. Таким образом, профессия выступает как «усвоенный самой личностью способ её включения в трудовой процесс, аккумуляция качеств», необходимых для выполнения профессиональной деятельности [1].

Представители квалификационного подхода, характеризуя сущность профессии, говорят, что в процессе профессиональной деятельности происходит соединение работника с условиями производства и условиями его собственного развития. Исходя из этого, профессия предстаёт с двух сторон – объективной и субъективной. Причём, по их мнению, собственно понятие профессии отражает второй аспект, а именно, квалификационный.

Особое значение понятие квалификации приобрело в 1960-х гг. с развитием теории человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Минсер и др.). Высокий уровень квалификации, выражающийся в качественном образовании, профессиональных знаниях, опыте и т. п., становится определяющим фактором развития общества и экономики.

Квалификацию специалиста можно рассматривать как владение *комплексом компетенций*, связанных с деятельностью работника по реализации полученного обучения по профилю и как *описание соответствующей профессиональной деятельности*, включая объективные *характеристики труда и устойчивые индивидуальные личностные качества*, которые являются для данной деятельности профессионально важными, обеспечивающими её успешность. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 2 закрепил определение квалификации как «уровня знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующего подготовленность к выполнению определённого рода профессиональной деятельности».

В Профессиональном стандарте [11] квалификация педагога отражает уровень профессиональной подготовки учителя и его готовность к труду в сфере образования, она складывается из профессиональных компетенций педагога. Педагогическая квалификация рассматривается исследователями (Э. В. Балакирева, А. П. Беляева, О. Н. Олейникова, В. А. Сластенин и др.) как профессиональная подготовленность педагога, позволяющая ему выполнять трудовые функции определённого уровня и сложности в конкретном виде деятельности; определённый уровень образования, выражающийся в знаниях, умениях и навыках, необходимых для выполнения конкретной работы.

Квалификационные категории предполагают, прежде всего, дифференциацию уровня сложности и качества решения профессиональных задач, стоящих перед педагогом. Они носят иерархический характер. Соответствие занимаемой должности означает, что педагог способен решать основные профессиональные задачи по своей должности на достаточном уровне [6].

Сегодня принципиально новым является интерес к разработке комплексных рамочных структур, интегрирующих квалификации, которые представляют собой результаты обучения в учебном заведении, на рабочем месте, результаты неформального и спонтанного обучения. Такие комплексные рамочные структуры или национальные рамки квалификаций представляют национальный подход к квалификациям и их уровням, принятый в конкретной стране (О. Н. Олейникова, А. А. Муравьева, Ю. Н. Коновалова, М. Коулз и др.) [9].

Компетентностный подход. Всеобщий вектор экономического развития XXI века – «интеллектуализация» труда – привёл к преобразованию понятия квалификации, т. к. оно является недостаточно исчерпывающим и адекватным для отражения сущности современного характера труда. Квалификационный подход увязывал уровень подготовленности специалиста с объектом (предметом) труда, соотносил с их характеристиками, но не акцентировал внимание на том, какие способности, знания и отношения связаны с общей эффективной жизнедеятельностью человека в разных контекстах. Структура же компетенции включает все эти составляющие и тем самым больше соответствует современным требованиям «плавающих» профессиональных границ, динамике профессий, их глобализации. Таким образом, в рамках компетентностного подхода профессия понимается как «портфель компетенций» (Георгес Т. Роос), «кластер компетенций», представляющий собой совокупность способностей человека к решению профессиональных задач и проблем, которые позволяют ему поддерживать свою конкурентоспособность на рынке труда [18].

Основатель швейцарского института исследования будущего и знаменитый в Европе эксперт в области социологии труда Георгес Т. Роос отмечает: «В ускоряющейся экономике работодатели остерегаются создавать рабочие места, на которых работают в течение жизни. Слишком быстро устаревают know-how работников. Растёт ненадёжность рабочих мест, поскольку всё больше сотрудников связаны с гибкими, краткосрочными проектами и коллективами, которые необязательно принадлежат одной фирме (outsourcing). Требуется наличие компетенций. Для того, кто ищет сегодня работу, это означает, что он должен стать универсальным работником (работником, обладающим «портфелем компетенций» – Portfolio-Worker): он должен обладать разносторонними способностями, которые основываются на собственных талантах и пронизаны оригинальной комбинацией практического опыта. Вместо выполнения задания требуется способность решать проблемы» (инициативность, самостоятельность, ответственность).

Сегодня не всякая трудовая деятельность, даже высококвалифицированная, относится к профессии. Наличие квалификации и специальной подготовки полагается обязательным и всеобщим признаком современных профессий. Но, кроме этого, должно быть что-то ещё – то, что делает профессию формой реализации жизненного призвания человека. Объёмная структура компетенций включает и профессиональные знания, и способность человека выполнять требуемые трудовые функции, и ресурсы, используемые человеком для осуществления определённой деятельности. В. Байденко отмечает, что квалификация переходит в качестве одной из ключевых групп в структуру компетенции. Наличие квалификации означает преобладание рамочной деятельности в устойчивых профессиональных полях и алгоритмах [2]. В условиях же «размытости» профессиональных границ, появления новых ролей, несвойственных данной профессиональной сфере, специалисту требуются уникальные наборы компетенций, которые позволяют принимать нестандартные решения, искать новые алгоритмы выполнения той или иной работы, осваивать новые роли.

Таким образом, компетентностный подход к пониманию профессии выдвигает на первый план совокупность специальных качеств личности, уникальность компетенций, которыми обладает специалист, и которые помогают ему достичь нужных результатов в профессиональной деятельности, решить определённые задачи.

Идеи компетентностного подхода к педагогической профессии активно развиваются в работах А. К. Марковой, И. А. Зимней, В. И. Байденко, Н. Ф. Родионовой, А. П. Тряпицыной и др. Педагогическая профессия с компетентностно-ориентированной позиции выступает как деятельность, которая сегодня обусловлена множеством социокультурных контекстов и требует от педагогов наличия не только профессиональных компетенций, но и общекультурных, которые способствуют формированию целостного понимания своей педагогической деятельности.

Аксиологический и антропологические подходы. Процесс «субъективизации» профессии привёл к тому, что особое значение сегодня уделяется рефлексивному содержанию профессиональной деятельности (удовлетворенность работой, профессиональное самочувствие, профессиональный выбор, профессиональные ценности и т. п.). Л. Д. Демина уточняет, что такого рода рефлексия позволяет управлять личностными ценностями профессиональной деятельности, а именно не только осознать свои профессиональные действия, поступки, отношения, но и при необходимости переосмысливать их, находить новые для этого основания [7]. В рамках аксиологического подхода к пониманию профессии компетенции, которыми обладает специалист, связаны не только с требованиями общества и социума, принципами выстраивания отношений между людьми (нормы, стандарты поведения), но и с системой ценностей (личности, общества), сформированность которой позволяет человеку самостоятельно выбирать стратегии поведения в той или иной профессиональной сфере (Дж. Равен). Ценности профессиональной группы, разделяемые всеми её представителями, выступают основой профессиональной деятельности специалиста. Исходя из антропологического подхода к профессии, рефлексия собственной профессиональной деятельности становится механизмом трансформации личностных смыслов, ценностей и способов поведения.

Ряду профессий исторически свойственна профессиональная этика, то есть соблюдение определённых норм и правил, внутрипрофессиональных ценностей, которые выполняют нормативную, регуляторную функцию. Педагогическая профессия относится к таким профессиям (Э. Дюркгейм). Ценности, в том числе и профессионально-педагогические, динамичны по своей природе, исторически изменчивы, отражают «установку той или иной исторической эпохи» (М. Вебер, П. Штомпка и др.) [4, 8, 16].

Основные положения аксиологического подхода (А. В. Кирьякова, В. Д. Повзун, Л. В. Мосиенко, Т. А. Ольхова, Т. А. Носова и др.) и антропологического подхода (А. А. Макареня, Е. В. Андреева, Б. М. Бим-Бад, О. В. Вакуленко, Е. В. Боровская и др.) к педагогической профессии связаны с идеями гуманистической, «человекотворческой» основы педагогической деятельности, с формированием ценностной основы профессиональной идентичности педагогов, с «человеческим измерением» выбора стратегий поведения педагога в различных ситуациях профессиональной деятельности, с целостным видением развития человека в процессе обучения и воспитания.

Рассмотренные подходы (функциональный, квалификационный, компетентностный, аксиологический и антропологический) характеризуются преемственностью основных идей, основные положения находятся в определённой взаимосвязи и в целом отражают *динамику развития* понятия педагогической профессии. Исходя из обозначенной динамики, можно отметить очевидный *сдвиг* в сторону усиления значимости личностно-ценностных ориентаций педагогов при осуществлении профессиональной деятельности. Личностно-ценностные ориентации – это аксиологическое «Я» педагога, которое отражает цели, мотивы, идеалы, установки и другие мировоззренческие характеристики его личности, позволяет *выбирать соответствующие этим личностно-ценностным ориентациям стратегии поведения* в различных ситуациях профессиональной деятельности.

Пристальное внимание к ценностно-смысловому аспекту педагогической профессии связано с процессом *деидеологизации* российского общества, утратой ценностных ориентиров советского времени и переходом к плюралистической системе ценностей, что поставило вопрос о моральных ориентирах, этических нормах, ценностных установках современных педагогов. В сложной ситуации, когда оказались разрушены не только старые идеологемы, привычные ориентиры и ценности, но зачастую заодно с ними и универсальные критерии добра и зла, дозволенного и запрещённого, на педагогов легла *дополнительная* социальная ответственность *выбора приоритетов* в обучении и воспитании подрастающего поколения.

Именно в этой ситуации неопределённости, всеобщего кризиса, быстро меняющегося общества устойчивые представления педагогов о профессии, её роли в жизни общества, профессиональные ценности педагогов и всё то, что определяет *этос профессии*, помогло пережить нелёгкие времена.

По словам Ю. Хабермаса, представители той или иной профессии являются носителями определённой *идеи* и воплощают эту идею в жизнь посредством своей профессиональной деятельности [14]. Под идеей в данном случае подразумеваются ценностные ориентации, профессиональные интересы, образцы и нормы поведения. Следует отметить, что как бы ни менялись общество, условия труда, но именно эти составляющие профессии являются достаточно *устойчивыми*.

Таким образом, в последнее время всё чаще стали говорить об **этическом подходе** к педагогической профессии. Усиление значимости этоса педагогической профессии связано, как отмечается в исследованиях философов, социологов, психологов, педагогов (В. И. Бакштановский, М. В. Богданова, Н. А. Мартыанова, Е. З. Мирская, О. С. Ситникова, Ю. В. Согомонов и др.) [12, 13], с её институализацией, расширением влияния отдельных профессиональных сообществ на протекание процессов в обществе, наличием ценностно скрепляющего «ядра» в условиях «размывания» традиционных ценностей и др.

Этос педагогической профессии достаточно устойчив к изменениям, происходящим в обществе, это своего рода «прививка», когда состав вакцины меняется, становится более совершенным, но её суть и назначение остаются всегда одинаковыми. С другой стороны, этос формирует ценности, нормы и принципы избирательного восприятия педагогической реальности, которые способны не только подтвердить или укрепить эту реальность, но и трансформировать её.

Библиографический список

1. Александрова, Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/917/148/1217/002.ALEXANDROVA.pdf>
2. Байденко, В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – № 11. – 2004. – С. 3–13.
3. Балакирева, Э. В. Профессиологический подход к педагогическому образованию : монография / Э. В. Балакирева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 255 с.
4. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

5. Введенский, В. Н. Основные аспекты рассмотрения педагогической профессии // Учёные записки ЗабГГПУ: Серия : Педагогика и психология. – № 5. – 2012. – С. 23–32.
6. Письмо Министерства образования и науки РФ от 29 ноября 2010 г. № 03-339 «О методике оценки уровня квалификации педагогических работников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070066/#ixzz3sZLgJgc2>
7. Демина, Л. Д. Рефлексивно-личностная обусловленность проектирования становления профессионализма работников в сфере «Человек – Человек» / Л. Д. Демина, И. А. Ральникова // Вестник НГУ. Серия: Психология. – Том 4, выпуск 2. – С. 116–123.
8. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Серия «Социологическое наследие». – М., 1991. – 576 с.
9. Коулз, М. Национальная система квалификаций. Обеспечение спроса и предложения квалификаций на рынке труда / М. Коулз, О. Н. Олейникова, А. А. Муравьева. – М. : РИО ТК им. А. Н. Коняева, 2009. – 115 с.
10. Педагогика : учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М. : Школа-Пресс, 1997. – 512 с.
11. Профессиональный стандарт педагога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://минобрнауки.рф/документы/3071>
12. Согомонов, А. Ю. Назад в университет! / А. Ю. Согомонов // Отечественные записки. – 2002. – № 2 (3). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2002/2/nazad-v-universitet#_ftnref1
13. Тощенко, Ж. Т. Социология труда / Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 487 с.
14. Хабермас, Ю. Идея университета. Процессы образования ; сокр. пер. с нем. А. Ярина // Alma mater (Вестник высшей школы). – № 4. – 1994. – С. 9–17.
15. Шакурова, А. В. Профессиональная идентичность учителей как субъектов трудового поведения / А. В. Шакурова. – Н. Новгород : НИСОЦ, 2014.
16. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
17. Jarvis, P. Globalization, the Learning Society and Comparative Education // Comparative Education. – 2000. Vol. 36. – № 3. – P. 346.
18. Roos, T. G. Die Arbeitswelt im Jahre 2020: Was bedeutet sie für die Bildung (Leicht geändert für Thurgauer Zeitung, 18 Juni 2002).

Yu. B. Drobotenko, Omsk State Pedagogical University

THE CHANGING NOTION OF TEACHING PROFESSION IN MODERN SOCIETY

Modern sociocultural and socioeconomic conditions have determined the changes in the notions of teaching profession and teacher's professionalism. The article shows the development of the notion of teaching profession from the viewpoints of different approaches (functional approach, qualification-based approach, competence-based approach, axiological and anthropological approaches). The given approaches are characterized by the succession of their main ideas and by the interconnection of their theoretical propositions. The author underlines that today there is an obvious shift in interpreting the notion of teaching profession towards maximizing the importance of teacher's personal values that teachers follow in their professional activity. Teacher's personal values serve as a basis for choosing this or that strategy of behaviour in different situations of their professional activity. In conclusion, the author emphasizes the significance of the ethos of teaching profession that serves as a 'binding knot' in the modern conditions of blurring borders of teaching profession and transforming traditional values of teaching profession.

Keywords: teaching profession, professionalism, teachers' professional activity, changes, ethos of teaching profession.

References

1. Aleksandrova, T. L. Metodologicheskie problemy sociologii professij – <http://ecsocman.hse.ru/data/917/148/1217/002.ALEXANDROVA.pdf>
2. Bajdenko, V.I. Kompetencii v professional'nom obrazovanii (k osvoeniju kompetentnostnogo pod-hoda) // Vysshee obrazovanie v Rossii. – № 11. – 2004. – S. 3–13.
3. Balakireva, Je. V. Professiiologicheskij podhod k pedagogicheskomu obrazovaniju: monogr. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I.Gercena, 2008. – 255s.
4. Veber, M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija // M. Veber. Izbrannye proizvedenija: per. s nem. M.: Progress, 1990. – 808 s.
5. Vvedenskij, V.N. Razvitie pedagogicheskoy professii kak social'nogo instituta: dis...dok-ra ped. nauk: 13.00.01: Sankt-Peterburg, 2005.

6. GARANT.RU: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070066/#ixzz3nNrvC510>
7. Demina L. D., Ral'nikova I. A. Refleksivno-lichnostnaja obuslovlennost' proektirovanija stanov-lenija professionalizma rabotnikov v sfere «Chelovek – Chelovek» // Vestnik NGU. Serija: Psihologija. – Tom 4, vypusk 2. – S. 116–123.
8. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii. Serija «Sociologicheskoe na-sledie». M., 1991. - 576 c.
9. Koulz, M., Olejnikova O.N., Murav'eva A.A. Nacional'naja sistema kvalifikacij. Obespechenie sprosa i predlozhenija kvalifikacij na rynke truda. – M.: RIO TK im. A.N. Konjaeva, 2009 – 115 s.
10. Pedagogika: Uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, A.I. Mishhenko, E.N. Shijanov. – M. : Shkola-Press, 1997. – 512 s.
11. Professional'nyj standart pedagoga – <http://minobrnauki.rf/dokumenty/3071>
12. Sogomonov, A.Ju. Nazad v universitet! // Otechestvennye zapiski. 2002. № 2 (3). http://www.strana-oz.ru/2002/2/nazad-v-universitet#_ftnref1
13. Toshhenko, Zh.T. Sociologija truda / Zh.T. Toshhenko. – M. : JuNITI-DANA, 2008. – 487 s.
14. Habermas Ju. Ideja universiteta. Processy obrazovanija / sokr. per. s nem. A. Jarina // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). – № 4. – 1994. – S. 9–17.
15. Shakurova, A.V. Professional'naja identichnost' uchitelej kak sub#ektov trudovoj dejatel'nosti: dis... dok-ra sociol. nauk: 22.00.04: Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo. - Nizhnij Novgorod, 2014. – 321 s.
16. Shtompka, P. Sociologija social'nyh izmenenij / per. s angl. pod red. V.A. Jadova. -M.: Aspekt Press, 1996. - 416 s.
17. Jarvis, P. Globalization, the Learning Society and Comparative Education // Comparative Education. 2000. Vol. 36. N3. P. 346.
18. Roos, T.G. Die Arbeitswelt im Jahre 2020: Was bedeutet sie für die Bildung (Leicht geändert für Thurgauer Zeitung, 18 Juni 2002).

© Ю. Б. Дроботенко, 2015

Автор статьи – **Юлия Борисовна Дроботенко**, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: jbd2004@yandex.ru

Рецензенты:

С. Н. Голерова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Н. В. Чекалева, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 330:372.83

О. В. Комарчук,

Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗУЧЕНИЯ РАЗДЕЛА «ЭКОНОМИКА» В КУРСЕ «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ» С 5 ПО 9 КЛАСС НА ОСНОВЕ УЧЕБНИКОВ, РЕКОМЕНДУЕМЫХ МИНИСТЕРСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

В статье рассматриваются особенности изучения раздела «Экономика» в курсе «Обществознание» на основе учебников, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ к использованию в образовательном процессе на 2015/16 гг. Проведение сравнительного анализа программ позволяет выявить уровень комплексности рассмотрения раздела «Экономика», экономических тем и категорий, охватывающих период обучения с 5 по 9 классы. Анализируется разница в количестве часов и распределении тем, абсолютное и относительное значение, определены основные изучаемые разделы: макроэкономика, микроэкономика, мировая экономика, специфические темы для каждой изучаемой программы.

Ключевые слова: учебная программа, обществознание, экономика, экономические понятия, экономическое образование.

В последнее время в связи с внесёнными изменениями в образовательный стандарт старшей школы, который вступит в силу с 2020 г., в профессиональном сообществе развернулась очередная

дискуссия по поводу места и роли отдельных разделов курса обществознания в средней школе. Несмотря на принятый новый образовательный стандарт в настоящее время подготовка школьников осуществляется на основании действующего стандарта [1].

В современном российском обществе происходят существенные изменения системы взглядов и менталитета, что определяет необходимость раннего приобщения детей к экономике. Значение экономического образования в России как важнейшего фактора формирования личности школьника, его социализации увеличивается вместе с развитием рыночных механизмов экономической системы общества [2].

Предмет «Экономика» был введён в учебные планы школьного курса в 1991 г. Но уже в 2004 году был утверждён федеральный базисный учебный план для общеобразовательных учреждений России, согласно которому в основной школе экономика стала изучаться в рамках предмета «Обществознание». Преподавание экономики как самостоятельного предмета допускалось только в 10–11 классах. Многие директора школ заменили обязательный предмет по изучению основ экономики факультативом или предметом по выбору [3].

«Обществознание» – учебный предмет в основной школе, фундаментом которого являются научные знания о человеке и обществе, о влиянии социальных факторов на жизнь каждого человека. Образовательно-воспитательные цели учебного предмета могут быть достигнуты с использованием различных моделей построения содержания курса для основной школы.

Федеральный образовательный стандарт рекомендует начинать изучение содержания программы по обществознанию как самостоятельного учебного предмета с понятий «семья», «друзья», «социальное лицо подростка» и т. д.

Следующая логическая ступень – формирование у учащихся пока первичных представлений об обществе как динамически развивающейся целостности. Это задачи курса 6 класса. Центральной темой в содержании курса по обществознанию в 7 классе выступают моральные и правовые нормы как регуляторы общественной жизни. В 8–9 классах осуществляется более детальное изучение основных сторон жизни общества: экономики, политики, социальных отношений, культуры.

Проанализируем изучение раздела «Экономика» с 5 по 9 класс в курсе обществознания на основе утверждённого федерального перечня учебников, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ к использованию при реализации образовательных программ основного общего образования на 2015/16 гг. (табл. 1).

Из таблицы 1 видим, что раздел «Экономика» – авторы Н. Ф. Виноградова, Н. И. Городецкая, Л. Ф. Иванова и др. / под ред. Л. Н. Боголюбова, Л. Ф. Ивановой рассматривают в 7 и 8 классе, причём выделяемое на изучение количество часов – 25, общее количество часов на изучение курса обществознания с 5 по 9 класс – 169.

Комплект учебников под ред. Л. Н. Боголюбова последовательно раскрывает обществоведческий курс, обеспечивая преемственность с курсом «Окружающий мир» начальной школы. Учебники включают сведения из социологии, социальной психологии, экологии, политологии, этики, права и экономики. Курс создаёт необходимые условия для воспитания гражданственности и патриотизма, правовой культуры, демократических убеждений и толерантности.

Программа авторов Е. С. Корольковой, Т. В. Коваль, Г. Э. Королёвой выделяет на изучение раздела «Экономика» в 8 классе 21 ч., общее количество часов на изучение курса обществознания с 5 по 9 класс – 170. [4].

Программа авторов А. Ф. Никитина и Т. И. Никитиной рассматривает раздел «Экономика» только в 9 классе, количество выделяемого времени – 11 ч., общее количество часов на изучение курса обществознания с 5 по 9 класс – 175. В основу программы положены педагогические и дидактические принципы вариативного развивающего образования: личностно-ориентированные принципы, культурно-ориентированные принципы, деятельностно-ориентированные принципы. Общая логика распределения учебного материала – линейно-концентрическая. Принцип, объединяющий большинство разделов курса, – антропоцентрический. Одни темы служат введением к раскрытию родственных тем в последующих классах, другие являются оригинальными. Темы раздела «Экономика» относятся к оригинальным.

Таблица 1

Анализ изучения раздела «Экономика» в курсе обществознания с 5 по 9 класс на основе Приказа № 253 от 31.03.2014 г. Минобрнауки России «Об утверждении федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального, общего, основного общего, среднего общего образования»

Ф. И. О. авторов		Н. Ф. Виноградова, Н. И. Городецкая, Л. Ф. Иванова и др. / под ред. Л. Н. Боголюбова, Л. Ф. Ивановой	Е. С. Королькова, Т. В. Коваль, Г. Э. Королёва	А. Ф. Никитин, Т. И. Никитина	О. Б. Соболева, И. П. Насонова, О. В. Иванов, В. В. Барабанов, Р. П. Корсун / под ред. Г. А. Бордовского	
Класс	5	Кол-во часов всего	34	34	35	34
		Кол-во часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика»	-	-	-	-
	6	Кол-во часов всего	34	34	35	34
		Кол-во часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика»	-	-	-	-
	7	Кол-во часов всего	34	34	35	34
		Кол-во часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика»	12	-	-	-
	8	Кол-во часов всего	34	34	35	34
		Кол-во часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика»	13	21	-	-
	9	Кол-во часов всего	34	34	35	34
		Кол-во часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика»	-	-	11	34
	Итого часов, выделяемое на изучение раздела «Экономика» 5–9 кл.		25	21	11	34
	Общее кол-во часов, выделяемое на изучение предмета «Обществознание» 5–9 кл.		169	170	175	170

Программа авторов О. Б. Соболевой, И. П. Насоновой, О. В. Ивановой, В. В. Барабанова, Р. П. Корсун / под ред. Г. А. Бордовского предлагает на изучение раздела «Экономика» наибольшее количество времени – 34 ч. В 9 классе авторы рассматривают основные экономические темы. «Обществознание. Экономика вокруг нас», общее количество часов на изучение курса обществознания с 5 по 9 класс – 170.

Из диаграммы видно, что О. Б. Соболева предлагает на изучение раздела «Экономика» наибольшее количество времени – 34 ч. – среди авторов анализируемых программ. В абсолютном значении разница в часах между наименьшим и наибольшим составляет почти 3 раза, что существенно влияет на усвоение экономических тем. О. Б. Соболева основные разделы предмета «Обществознание» предлагает к изучению, распределив их по классам:

- 5 класс – Обществознание. Введение в обществознание;
- 6 класс – Обществознание. Мир человека;
- 7 класс – Обществознание. Человек в обществе;
- 8 класс – Обществознание. Право в жизни человека, общества и государства;
- 9 класс – Обществознание. Экономика вокруг нас.

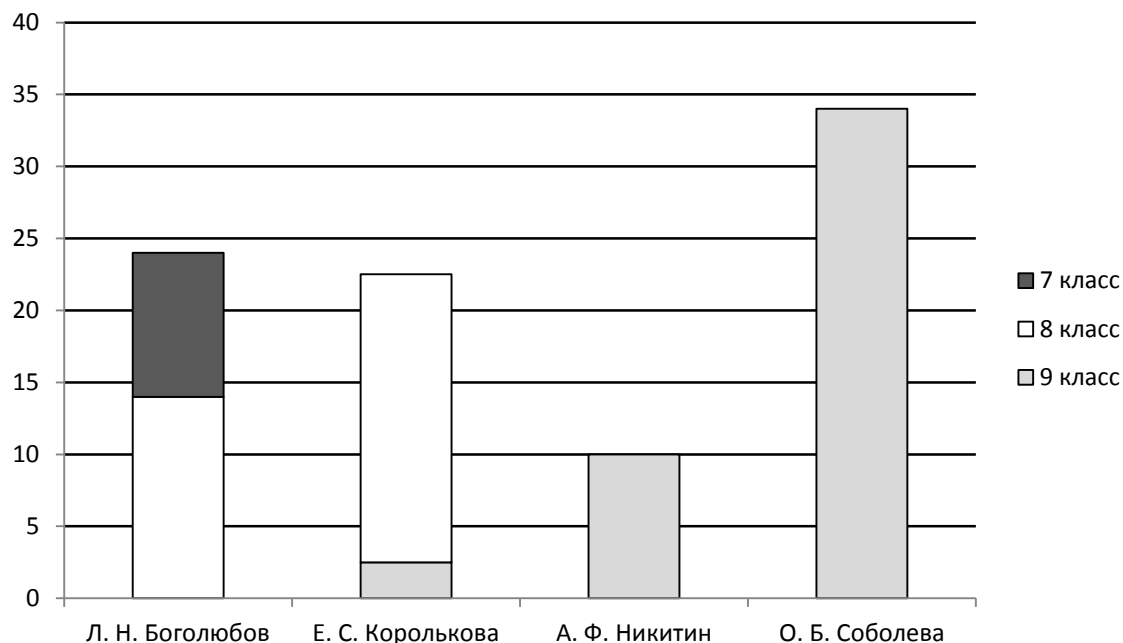

Рис. 1. Количество времени на изучение раздела «Экономика» в курсе обществознания по классам на основе утверждённого федерального перечня учебников, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ к использованию в образовательном процессе на 2015/16 гг.

Авторы Л. Н. Боголюбов, Е. С. Королькова, А. Ф. Никитин изучение основных разделов обществознания, за исключением раздела «Экономика», предлагают в каждом классе, реализуя принцип построения от простого к сложному.

Представим общее количество времени, выделяемое на изучение раздела «Экономика» в курсе обществознания с 5 по 9 класс анализируемыми авторами (рис. 2).

Рис. 2. Общее количество времени, выделяемое на изучение раздела «Экономика» в курсе обществознания с 5 по 9 класс (на основе анализируемых программ)

Выявим соотношение общего количества часов, выделяемого авторами на изучение курса «Обществознания» с 5 по 9 класс, и количества часов на изучение раздела «Экономика» (рис. 3).

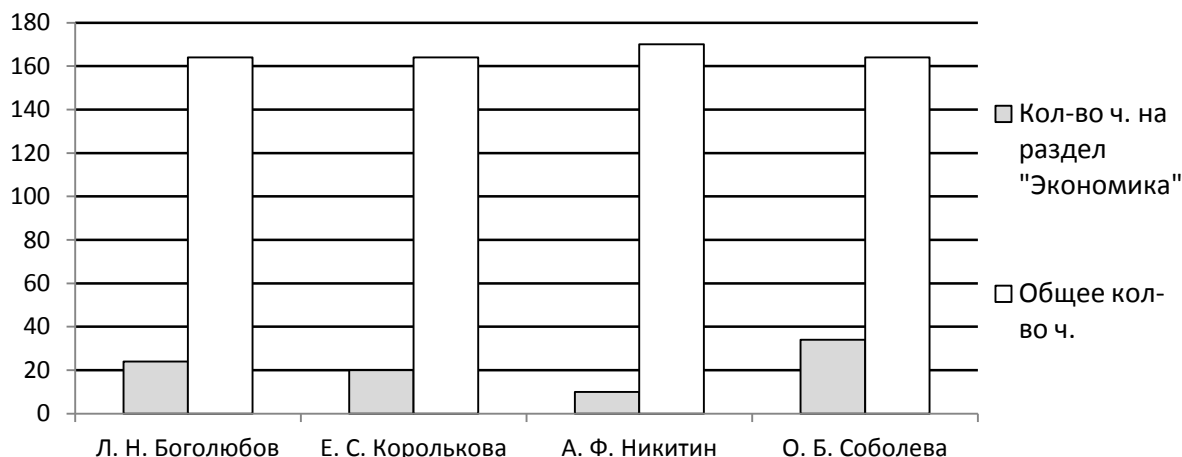

Рис. 3. Соотношение времени, выделяемого на изучение курса «Обществознания» и раздела «Экономика» с 5 по 9 класс (на основе анализируемых программ)

Проанализируем наиболее подробно экономическую тематику, предложенную вышеперечисленными авторами.

Авторы программ предлагают к изучению первую вводную тему «Экономика. Основные участники. Роль в жизни общества». Тему «Производство» Л. Н. Боголюбов рассматривает в 7 и 8 классе. О. Б. Соболева предлагает к изучению в 9 классе тему «Факторы производства». Темы «Предпринимательство и формы бизнеса», «Безработица, занятость, рынок труда», «Деньги и их функции» рассматривает каждый из анализируемых авторов. Тему «Экономика семьи» включают в содержание программ 3 автора из 4: Л. Н. Боголюбов, А. Ф. Никитин, О. Ю. Соболева, причём у Л. Н. Боголюбова эта тема является завершающей в разделе «Экономика» в 7 классе, а у О. Ф. Никитина второй темой после вводной. Тему «Типы экономических систем» предлагают к изучению 2 автора из 4: А. Ф. Никитин, О. Б. Соболева. Вопросы государства в экономике, банковской системы затрагивают 3 автора из 4: Л. Н. Боголюбов, Е. С. Королькова, О. Б. Соболева. Тему «Мировая экономика» анализируют 2 автора из 4: Л. Н. Боголюбов, А. Ф. Никитин.

Основные разделы, предлагаемые к изучению вышеперечисленными авторами: микроэкономика, макроэкономика, мировая экономика, прикладная экономика.

В программе автора Л. Н. Боголюбова в 7 классе в разделе «Человек и экономика» раскрываются такие понятия, как экономика, производство, торговля, обмен, экономика семьи, деньги, бизнес, реклама, зарплата. Понятия относятся к прикладной экономике, что для данной возрастной категории является наиболее приемлемым. В 8 классе структура раздела «Экономика» включает изучение макроэкономических понятий: экономика, собственность, производство, государство и экономика, доход и потребление, инфляция, безработица, а также затрагивает понятия мировой экономики: мировое хозяйство, международная торговля.

В программе Е. С. Корольковой в разделе «Экономика» автор затрагивает ключевые понятия каждой сферы экономики: собственность, деньги, рыночная экономика, предпринимательская деятельность, спрос, предложение, предприятие, налоги, бюджет, потребитель, занятость.

В программе автора А. Ф. Никитина раздел «Человек и экономика» даёт обобщённое представление об основных экономических проявлениях (производство, обмен, потребление) через раскрытие ключевых экономических понятий. Изучаются понятия относительно высокой степени обобщённости, охватывающие широкий спектр разнообразных явлений экономической жизни (экономическая система, рынок, собственность, ограниченность ресурсов). Преимущество отдано рассмотрению вопросов микроэкономики – экономическим отношениям между отдельными хозяйствующими субъектами (потребители, производители, фирмы). Не менее важным является рассмотрение вопросов макроэкономики.

Сравнительный анализ изучаемых разделов экономики и категорий в программах по обществознанию с 5 по 9 класс, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ на 2015/16 гг.

Разделы/категории	Л. Н. Боголюбов	Е. С. Королькова	А. Ф. Никитин	О. Б. Соболева
микроэкономика	производительность труда; заработная плата; выручка; прибыль; затраты; бизнес; предпринимательство; виды бизнеса; формы бизнеса; стоимость; формы собственности; производство; распределение; обмен; потребление; производитель; потребитель; рынок; экономический выбор; альтернативная стоимость; эффективность; конкуренция; спрос; предложение; равновесная цена; факторы производства	предпринимательская деятельность; труд; спрос; предложение; равновесная цена; рынок	собственность; формы собственности; прибыль; предпринимательство; формы предпринимательства; труд; заработная плата	
макроэкономика	деньги и их функции; экономическая система; типы экономических систем; государство в экономике; налоги; государственный бюджет; прожиточный минимум; потребительская корзина; доходы граждан; инфляция; сбережения и их формы; банк; кредит; безработица; занятость	экономика; собственность; деньги и их функции; рыночная экономика; налоги; занятость; бюджет государства	экономика; потребности; экономическая система; типы экономических систем; рынок; конкуренция; государство в экономике; деньги и их функции; банки; инфляция; государственный долг; финансовый кризис; налоги; виды налогов; занятость; МРОТ; безработица	экономические блага; рынок; рыночный механизм; конкуренция; субъекты рыночной экономики; деньги, их функции; инфляция; банки; рынок труда; занятость; безработица; государство в экономике; экономический рост; ВВП; ВНП; социальное партнёрство; дефицит; профицит
мировая экономика	мировое хозяйство; ВТО; внешняя торговля; международное разделение труда; внешнеторговая политика; протекционизм; фритрейдерство; обменные курсы валют		глобализация, её характеристика; транснациональные корпорации (ТНК); международный валютный фонд (МВФ); всемирный банк (ВБ); всемирная торговая организация (ВТО); глобальная экономика; международная интеграция	
специфические темы для программы	реклама; торговля; ассортимент; экономика семьи; ресурсы семьи; семейный бюджет; потребности; свободные и экономические блага		экономика семьи; семейный бюджет; семейные доходы и расходы; семейное потребление	страхование; виды страхования; механизм страхования; государство на охране окружающей среды; экологическая проблема

В программе О. Б. Соболевой задачей раздела «Экономика» в 9 классе является познакомить учащихся с основными понятиями экономики, развивать умения соотносить экономические понятия с реальными явлениями жизни подростков, дать представление о структуре экономики и сущности основных экономических процессов; подчеркнуть первостепенные экономические интересы, как личные, так и общественные. При изучении материала используется принцип от частного к общему: через конкретные экономические ситуации, с которыми сталкивается ученик в своей жизни, осуществляется выход не только на проблемы рационального экономического поведения, но и на этическую сторону разрешения материальных потребностей человека.

Проведём сравнительный анализ изучаемых экономических тем и категорий в программах по обществознанию, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ (табл. 2).

Анализируя таблицу 2, можно сделать вывод, что есть общие понятия, которые затрагивает каждый из авторов. Например, в разделе «Микроэкономика» авторы программ Л. Н. Боголюбов, Е. С. Королькова, А. Ф. Никитин рассматривают следующие термины: предпринимательская деятельность, бизнес, формы бизнеса, спрос, предложение, равновесная цена, потребитель, конкуренция, заработная плата. Есть такие понятия, которые предлагает к изучению лишь один из авторов: например, Л. Н. Боголюбов рассматривает категории: экономический выбор, альтернативная стоимость.

Обращаясь к разделу «Макроэкономика» можно выделить общие понятия, характерные для каждой анализируемой программы: деньги и их функции, государство в экономике, экономическая система, типы экономических систем, налоги, занятость, безработица, инфляция. Понятия «потребительская корзина» и «прожиточный минимум» рассматривает только Л. Н. Боголюбов; понятия «ВВП», «ВНП», «экономический рост» – О. Д. Соболева.

В разделе «Мировая экономика» у авторов программ Л. Н. Боголюбова, А. Ф. Никитина есть схожие понятия: мировое хозяйство, мировая торговля, ВТО; а также отражены отличительные термины в каждой из программ. Л. Н. Боголюбов наиболее подробно предлагает изучать следующие: международное разделение труда, протекционизм, фритрейдерство, обменные курсы валют. Программа А. Ф. Никитина наиболее широко и подробно рассматривает следующие понятия: глобализация, ТНК, МВФ, МБ, международная интеграция.

Каждый из анализируемых авторов, кроме Е. С. Корольковой, обращается к специфическим темам. Наиболее распространённой является тема «Экономика семьи» и её подтемы: «Бюджет семьи», «Доход семьи», «Расход семьи», «Семейный бюджет». Некоторые термины рассматриваются лишь одним из авторов: Л. Н. Боголюбов – реклама, ассортимент; О. Д. Соболева – страхование, экологическая проблема.

В целом, рекомендуемые Министерством образования и науки РФ программы дисциплины «Обществознание» для учащихся 5–9 классов средней школы имеют большое количество общих тем и изучаемых категорий, существенно различаясь при этом как в количестве часов, так и в выборе специфических тем.

Вопросы финансовой грамотности являются актуальными и обсуждаются на федеральном уровне РФ. В перспективе планируется разработка Центральным банком России совместно с Минфином сделать стратегию по продвижению финансовой грамотности. Недостаточно людям рассказывать, как работает финансовый рынок, какие риски связаны с теми или иными продуктами, нужно им объяснить, что самое главное на финансовом рынке – это самодисциплина. Как считает первый зампред Центробанка Сергей Швецов: «Вводить уроки финансовой грамотности нужно, прежде всего, в 9 классе, потому что не все идут в 10 и 11, и только массовая обработка школьников, которые более восприимчивы к новым знаниям, нежели их родители, является наиболее эффективным способом обучения финансовой грамотности» [5].

Актуальность внедрения экономического образования в школе определяется, с одной стороны, недостаточным уровнем потребительской культуры и финансовой грамотности, а с другой – необходимостью формирования у школьников экономических компетенций и воспитания ответственности при принятии решений, повышения социальной и экономической активности.

Библиографический список

1. Тихонов, А. Н. О роли вопросов по экономике в школьном курсе обществознания / А. Н. Тихонов // Новые образовательные программы МГУ и школьное образование : материалы второй научно-методической конференции, Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова (17 ноября 2012 года). – М., 2012.
2. Будахина, Н. Л. Актуальные проблемы современного школьного экономического образования / Н. Л. Будахина // Международный научно-исследовательский журнал «Педагогические науки», сентябрь 2015.
3. Тихонов, А. Н. Размышления о значимости экономических вопросов в школьном курсе «Обществознание» / А. Н. Тихонов // Преподавание истории и обществознания в школе. – № 2. – 2013.
4. Королева, Г. Э. Экономическое образование в школе: какой формат лучше? / Г. Э. Королева // Преподавание истории и обществознания в школе. – № 1. – 2015.
5. Newsland. В школах хотят ввести уроки финансовой грамотности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1550974/>

O. V. Komarchuk, Kubansky State University branch in Slavyansk-on-Kuban

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDYING «ECONOMICS» IN THE COURSE «SOCIAL SCIENCE» ON AVERAGE LINK ON THE BASIS OF THE TEXTBOOKS RECOMMENDED BY THE DEPARTMENT OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the features of study of section are examined «Economics» in a course «Social science» on the basis of textbooks, recommended by Department of education and Science of Russian Federation to the use in an educational process on 2015/16 year. The lead through of comparative analysis of the programs allows to expose the level of complexity of consideration of section «Economy», economic that and categories, wrap-round a teaching period from 5 to 9 classes.

A difference is analyzed in an amount of hours and distributing that, absolute and relative value, the basic studied sections are certain: macroeconomics, microeconomics, world economy, specific themes for every studied program.

Keywords: educational package, social science, economics, economical conceptions, economical education.

References

1. Tihonov A. N. *O roli voprosov po jekonomike v shkol'nom kurse obshhestvoznaniya* // Novye obrazovatel'nye programmy MGU i shkol'noe obrazovanie Materialy vtoroj nach-no-metodicheskoy konferencii Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, 17 nojabrja 2012 goda
2. Budahina N. L. *Aktual'nye problemy sovremennogo shkol'nogo jekonomicheskogo ob-razovanija* // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Pedagogicheskie nauki, sentjabr' 2015.
3. Tihonov A. N. *Razmyshlenija o znachimosti jekonomicheskikh voprosov v shkol'nom kur-se «Obshhestvoznanie»* // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole № 2, 2013
4. Koroleva G. Je. *Jekonomicheskoe obrazovanie v shkole: kakoj format luchshe?* // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole № 1, 2015
5. Newsland *V shkolah hotjat vvesti uroki finansovoj gramotnosti* [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa <http://newsland.com/news/detail/id/1550974/>

© О. В. Комарчук, 2015

Автор статьи – Оксана Владимировна Комарчук, старший преподаватель, Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, e-mail: oxana.gil2014@yandex.ru

Рецензенты:

Р. А. Лахин, кандидат педагогических наук, доцент, Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани.

О. Д. Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет.

УДК 379.81

И. И. Новикова, Омская гуманитарная академия,
Новосибирский НИИ гигиены Роспотребнадзора,
Ю. В. Ерофеев, Новосибирский НИИ гигиены Роспотребнадзора,
Д. А. Гришков, ООО «Альпийский», Омская гуманитарная академия,
О. Г. Торсунов, Лечебно-оздоровительный центр «Амрита»,
О. В. Толкунова, Международный детский центр «Артек»,
О. А. Савченко, Омский автобронетанковый инженерный институт

АКТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ ПРОРАБОТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В СТАЦИОНАРНЫХ ЗАГОРОДНЫХ ЛАГЕРЯХ

Организация отдыха и оздоровления детей в стационарных загородных лагерях должна быть эффективной мерой сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения. Вместе с тем, до настоящего времени вопросы организации педагогического процесса, форм и методов работы остаются недостаточно изученными в плане прогнозируемого эффекта изменений физического и психического здоровья. Действующая система оценки эффективности оздоровления базируется исключительно на изменениях антропометрических и физиометрических показателей. Эффективность реализуемых педагогических программ не имеет своей оценочной системы.

Ключевые слова: здоровье детей и подростков, факторы риска здоровья, патологии риска.

На протяжении длительного времени отмечается динамическое ухудшение показателей здоровья детей, увеличиваются учебные нагрузки, снижается двигательная активность у большинства школьников [1, 3, 9–12]. Также современная действительность характеризуется нестабильной экономической обстановкой и стабильным ростом подростковой преступности в каникулярный период. Это свидетельствует об остроте решения проблемы детской трудовой и досуговой занятости в каникулярный период, необходимости развития доступных форм организации отдыха и оздоровления детей, разработки и реализации действенных педагогических программ, способных за период оздоровительной смены привить навыки здорового образа жизни и здорового питания, а также выработать положительную мотивацию к ним.

Летний период – уникальная возможность использования естественных оздоровительных факторов, для чего необходимо создать минимальные дополнительные условия, прежде всего, организационного характера, усиливая роль сферы каникулярного отдыха и оздоровления детей в процессе социализации детей и подростков, реабилитации и адаптации к жизни ребёнка в обществе.

Систему оздоровительных мероприятий в период летних каникул следует рассматривать как важнейший этап сохранения и укрепления здоровья ребёнка в течение года. По данным многих авторов, к концу учебного года состояние здоровья детей ухудшается, что проявляется в сокращении адаптационных возможностей и резервов организма, в снижении сопротивляемости к возбудителям инфекционных заболеваний, физической выносливости и толерантности к учебным нагрузкам [2, 4, 8, 10].

Большой исследовательский интерес представляет изучение влияния на здоровье детей педагогических программ, форм и методов работы с детьми по привитию потребности здорового образа жизни, высокой двигательной активности, навыков формирования здорового рациона питания, значимости закаливания [2, 4–7]. Работы, посвящённые оценке изменений функциональных возможностей организма, реактивности вегетативной нервной системы, изменению адаптационных резервов, свидетельствуют о том, что за относительно короткий промежуток времени, соответствующий продолжительности оздоровительной смены, возможна как положительная, так и отрицательная динамика показателей. И задача исследователя заключается в научном обосновании факторов риска и факторов здоровьесбережения, методик риска здоровья и методик здоровьесбережения, рискованных форм организации досуга и отдыха и форм воздействия, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья. В данном аспекте большое значение приобретает выявление индикаторных показателей, определяющих эффективность оздоровительной смены в плане реализации факторов здоровьесбережения и профилактики воздействия факторов риска.

Система детских оздоровительных лагерей осуществляет свою деятельность согласно законам Российской Федерации об образовании, организации детского отдыха и оздоровления детей. Основой функционирования детских оздоровительных лагерей выступает оздоровительно-образовательная деятельность, а её специфика должна выражаться в направленности на содержательное наполнение

свободного времени детей, восстановление адаптационных возможностей, профессиональное самоопределение, творческую самореализацию, нравственное, гражданское, патриотическое, экологическое воспитание детей, их физическое и духовное развитие. Оздоровительная деятельность при этом определяется как комплекс условий и мероприятий, обеспечивающих охрану и укрепление здоровья детей. Образовательная деятельность предусматривает реализацию дополнительных образовательных программ, способствующих творческому развитию детей и их самовыражению в учебной (кружковой, клубной, студийной, секционной) и воспитательной работе оздоровительно-образовательного учреждения в соответствии с законом «Об образовании в Российской Федерации».

Эффективность оздоровления детей в условиях стационарного загородного учреждения отдыха и оздоровления, наряду с общепринятыми факторами средового воздействия, во многом определяется режимными моментами и организацией педагогического процесса. До настоящего времени вопросы организации педагогического процесса, форм и методов работы остаются недостаточно изученными в плане прогнозируемого эффекта изменений физического и психического здоровья.

Организация летнего отдыха и оздоровления – это действенная форма повышения внутренних резервов организма. Однако в современных условиях дать комплексную оценку эффективности оздоровления в методологическом плане представляется затруднительным по причине отсутствия методологических основ планирования эффективности оздоровления, научно обоснованных стандартов среды оздоровительного учреждения, определяющих возможные вариации эффективности оздоровления, а также оценки эффективности с учётом отсроченных эффектов.

Действующая в настоящее время система оценки эффективности оздоровления основана на динамике показателей роста, массы тела, жизненной ёмкости лёгких и показателей динамометрии. Данная методика не предусматривает учёта предоставляемых оздоровительным учреждением условий отдыха, форм и методов оздоровления, социальных особенностей оздоравливаемых контингентов, исходных возможностей детей. В результате, по нашим данным, у спортсменов, имеющих исходно высокие показатели функциональных возможностей, стабильно регистрируются низкие показатели эффективности оздоровления. Аналогичная ситуация отмечается по группам детей, имеющим одно или несколько хронических заболеваний, отдыхающих в учреждениях санаторного типа и санаториях. Причина, на наш взгляд, в том, что регистрируемые официальной методикой процессы более статичны. Следовательно, показатели, формально отражающие эффективность оздоровления, таковыми признаны быть не могут и выполняют только функцию констатации конечного результата, результата изменения физического развития и функциональных возможностей, при этом психическая сфера, мотивационные изменения лежат за пределами оценочных процедур.

Соответственно, в научном плане моделирование системы оценки эффективности оздоровления детей и подростков в современных условиях, на наш взгляд, должно строиться на основании теории методов оптимального управления. Это требует формулировки рабочей гипотезы, обоснования целевых показателей эффективности отдыха и оздоровления, а также определения индикативных показателей, определяющих в комплексе целевые показатели на основании значений факторов. Методологическим инструментом разработки научно обоснованных мероприятий по достижению планируемых уровней целевых и индикативных показателей является решение проблемы стандартизации конечного результата, поэтому в моделируемой системе оценки эффективности оздоровления должен определяться исходный диапазон допустимых значений управляемых факторов с применением математических методов на основании заданного уровня. Расчёт значений управляемых показателей в данном случае должен начинаться с ожидаемых итоговых целевых показателей.

Показатели эффективности наряду с объективными составляющими должны учитывать и субъективные элементы. Так, по данным социологических опросов населения, основная причина, по которой родители хотели бы отправить детей в оздоровительный лагерь, это выработка коммуникативных способностей в общении со сверстниками (34 % респондентов), далее по популярности следуют выработка самостоятельности и психологической устойчивости ребёнка (30 %) и пребывание на свежем воздухе (29 %).

Таким образом, проблема проведения исследований, направленных на установление наиболее эффективных форм и методов организации досуга и оздоровления детей и подростков в плане формирования знаний о здоровом образе жизни, выработки навыков и мотиваций, ориентированных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья, является актуальной и требует изучения науками как медицинского, так и педагогического профилей. Результаты данных исследований должны дополнить Национальный стандарт Российской Федерации «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления» (Services to children in establishments of rest and rehabilitation of health).

Библиографический список

1. Бережной, В. Г. Организация профилактической работы с населением сельской местности (на примере крупного агропромышленного региона Сибири) / В. Г. Бережной, И. И. Новикова, Ю. В. Ерофеев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – № 16. – 2014. – С. 56–62.
2. Ерофеев, Ю. В. Концептуальная модель региональной системы социально-гигиенического мониторинга для управления здоровьем сельского населения : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Ю. В. Ерофеев. – Омск, 2006. – 430 с.
3. Ищенко, А. И. Детерминанты системы воспитания и обучения, определяющие здоровье дошкольников в современных условиях / А. И. Ищенко, П. А. Вейних, Л. В. Щучинов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – № 4 (14). – 2013. – С. 65–72.
4. Кучма, В. Р. Информативность оценки физического развития детей и подростков при популяционных исследованиях / В. Р. Кучма, Н. А. Скоблина // Вопр. совр. педиатр. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 26–28.
5. Крига, А. С. Здоровый образ жизни: приоритеты здравоохранения / А. С. Крига, Ю. В. Ерофеев, И. И. Новикова // Санитарный врач. – 2012. – № 8. – С. 58–61.
6. Лисицин, Ю. П. Образ жизни и здоровье / Ю. П. Лисицин. – М., 2009. – С. 192.
7. Ляпин, В. А. Гигиеническая оценка взаимосвязи загрязнения окружающей среды и заболеваемости детского населения крупного промышленного города / В. А. Ляпин, Ю. В. Ерофеев, Н. В. Дедюлина, Т. А. Нешкин // Здоровье населения и среда обитания. – 2006. – № 1. – С. 12–15.
8. Ляпин, В. А. Совершенствование модели комплексной и интегральной оценки здоровья населения на территории : учебно-метод. пособие / В. А. Ляпин, О. Н. Прудникова. – Омск : М-во здравоохран. Омск. обл., 2007. – 110 с.
9. Ляпин, В. А. Медико-социальные и гигиенические аспекты формирования здоровья населения в крупном промышленном центре Западной Сибири : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / В. А. Ляпин. – Омск, 2006. – 26 с.
10. Новикова, И. И. Гигиеническая оценка закономерностей формирования здоровья школьников крупного промышленного центра : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – Омск, 2006. – 40 с.
11. Новикова, И. И. Закономерности формирования популяционного здоровья детей и подростков крупного промышленного центра Сибири / И. И. Новикова // Экология человека. – 2006. – № 1. – С. 17–20.
12. Новикова, И. И. Гигиеническая оценка влияния среды обитания крупного промышленного города на здоровье детей и подростков / И. И. Новикова // Здоровье населения и среда обитания. – 2005. – № 10. – С. 38.

*I. I. Novikova, Omsk humanitarian academy,
 Novosibirsk scientific research institute of hygiene of the Rospotrabsnadzor,
 Yu. V. Erofejev, Novosibirsk scientific research institute of hygiene of the Rospotrabsnadzor,
 D. A. Grishkov, Omsk humanitarian academy,
 O. G. Torsunov, Medical and improving center «Amrita»
 O. V. Tolkunova, International children's center «Artek»,
 O. A. Savchenko, Omsk autoarmoured engineering institute*

RELEVANCE OF SCIENTIFIC STUDY OF THE ORGANIZATION OF EFFECTIVE IMPROVEMENT IN CHILDREN'S CAMPS

The organizations of rest and improvement of children in stationary country camps has to be an effective measure of preservation and promotion of health of younger generation. At the same time, so far questions of the organization of pedagogical process, forms and methods of work remain insufficiently studied in respect of the predicted effect of changes of physical and mental health. The operating system of an assessment of efficiency of improvement is based only on changes anthropometrical and physiometric indicators. Efficiency of the realized pedagogical programs has no the digitized system of an assessment.

Keywords: health of children and teenagers, risk factors to health, risk pathology.

References

1. Berezhnoy, V. G. Organization of scheduled maintenance with the population of rural areas (on the example of the large agro-industrial region of Siberia) / V. G. Berezhnaya, I. I. Novikov, Yu. V. Erofejev//Science about the person: humanitarian researches – No. 16, June. – 2014. – Page 56–62.
2. Erofejev, Yu. V. Conceptual model of regional system of social and hygienic monitoring for management of health of country people: автореф. yew. Dr.s of medical sciences / Yu. V. Erofejev. – Omsk, 2006. – 430 pages.
3. Ishchenko, A. I. The determinants of an educational system and training determining health of preschool children in modern conditions / by Ishchenko A.I., Veynikh P. A., Shchuchinov L. V.//Science about the person: humanitarian researches. No. 4 (14), December – 2013. – Page 65–72.

4. Kuchma V. R., Skoblina N. A. Informativnost of an assessment of physical development of children and teenagers at population researches // Vopr. совр. pediatrician. 2008. Т. 7. No. 1. Page 26-28.
5. Kriga, A.S. Healthy lifestyle: health care / A.S Kriga, Yu.V. Erofejev, I.I. Novikova // Health officer. – 2012. no 8. Page 58–61.
6. Lisitsin Yu.P. Way of life and health / М., 2009. Page 192.
7. Lyapin V.A., Erofejev Yu.V., Dedyulina N. V., Neskin T.A. Gigiyenicheskaya assessment of interrelation of environmental pollution and incidence of the children's population of the large industrial city//Health of the population and habitat. 2006. No. 1. Page 12-15.
8. Lyapin V.A. Improvement of model of a complex and integrated assessment of health of the population in the territory: a method. grant / V. A. Lyapin, O. N. Prudnikova. - Omsk: M-in zdravoohc. Omsk. Region, 2007. – 110 pages.
9. Lyapin, VA. Medico-social and hygienic aspects of formation of health of the population in the large industrial center of Western Siberia: Avtoref. yew.... Dr.s of medical sciences/VA. Lyapin. Omsk, 2006. 26 pages.
10. Novikova I.I. Gigiyenicheskaya assessment of regularities of formation of health of school students of the large industrial center: avtoref. yew.... докт. medical sciences. Omsk, 2006. 40 pages.
11. Novikova I. I. Regularities of formation of population health of children and teenagers of the large industrial center of Siberia. I. Novikova//Ecology of the person. 2006. no 1. Page 17–20.
12. Novikova I.I. Gigiyenicheskaya assessment of influence of habitat of the large industrial city on health of children and teenagers / I.I. Novikova//Health of the population and habitat. 2005. No. 10. Page 38.

© И. И. Новикова, Ю. В. Ерофеев, Д. А. Гришков, О. Г. Торсунов, О. В. Толкунова, О. А. Савченко, 2015

Авторы статьи – Ирина Игоревна Новикова, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены», Омская гуманитарная академия, e-mail: novik_ir70@rambler.ru

Юрий Владимирович Ерофеев, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены».

Денис Александрович Гришков, руководитель ООО «Альпийский», Омская гуманитарная академия.

Олег Геннадьевич Торсунов, кандидат медицинских наук, Лечебно-оздоровительный центр «Амрита».

Оксана Вячеславовна Толкунова, начальник сан.-эпид. отдела МДЦ «Артек».

Олег Андреевич Савченко, кандидат биологических наук, Омский автобронетанковый инженерный институт, e-mail: Savchenkoolga 78@rambler.ru

УДК 376.1

И. М. Новикова,
Инжиниринговый центр политехнической
межотраслевой подготовки, г. Долгопрудный

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье на основе анализа научной литературы раскрыты сущность здоровьесберегающего пространства и его организация на уровнях целеполагания, реализации и личностно-ценностного смысла. Представлена структура инновационного здоровьесберегающего пространства, разработанного в ходе эксперимента по формированию у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья представлений о здоровом образе жизни при сетевом взаимодействии образовательных организаций и использовании информационных, культурных, образовательных, развивающих и природоохранных ресурсов мегаполиса.

Ключевые слова: берегающее здоровье пространство, дошкольники, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Характерная для современного мирового сообщества ситуация неопределённости, которая сопровождается появлением различных проблем под влиянием неожиданных обстоятельств, требует уточнения качественных показателей успешности социальной адаптации и социализации дошкольников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Одним из таких показателей, по нашему мнению, являются представления детей о здоровом образе жизни (ЗОЖ), которые наиболее полно

и всесторонне характеризуют ориентировку дошкольников с ОВЗ в окружающем мире, их обобщённые знания, семейные традиции, сформированность мыслительных операций, понимание смысла и ценности происходящего, умение прогнозировать последствия различных событий для здоровья, практические навыки поддержания своего здоровья [1].

Формирование когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого компонентов представлений о ЗОЖ мы рассматриваем как развёрнутый во времени процесс, успешность которого зависит от организации берегающего здоровье пространства. Осознать сущность этого пространства и выделить его в образовательной среде нам помогли следующие положения:

– **Об образовательной среде.** Определяя отношения среды обитания человека и образовательной среды как внешнего окружения субъекта воспитательно-образовательного процесса, Ю. С. Мануйлов [2] отмечает, что любое пространство существует независимо от человека и среда может быть выделена субъектом только при наличии личностных смыслов и ценностей. На субъективное определение границ среды указывает В. А. Ясвин [3] и рассматривает образовательную среду как особый результат образования, имеющий «модальность образования».

В соответствии со средовым подходом А. В. Хуторской [4] раскрывает среду как социокультурное окружение, наделённое информационными и коммуникационными свойствами и создающее условия для продуктивной деятельности ребёнка. Включение в образовательную среду совокупности актов деятельности и коммуникации, а также взаимоотношений между сверстниками, детьми и взрослыми как условий формирования личности и возможностей для развития позволило И. А. Бaeвой и В. В. Семикину [5] выделить психологическую сущность образовательной среды.

При профессионально-деятельностном подходе к образовательной среде В. И. Слободчиков [6] указывает на невозможность её предварительного задания и рассматривает как продукт проектирования и строительства субъектами образовательного процесса. Среда как систему материальных объектов и средств ближайшего окружения, которая обеспечивает нравственное и личностное развитие ребёнка, формирование его представлений о мире, рассматривает О. Р. Радионова [7].

– **О взаимоотношениях человека и среды.** Выделяя социальную ситуацию развития ребёнка, Л. С. Выготский [8] отмечал, что формирование новых свойств личности определено взаимодействием ребёнка со средой, при этом влияние среды зависит от понимания и осознания им происходящих событий. На взаимосвязь восприятия человеком среды и выполняемых в ней действий указывает И. А. Баева [9]; автором выделены информационная составляющая среды, влияющая на выбор способов действия при осведомлённости об их последствиях, и необходимое для непосредственной деятельности человека в соответствии со структурой среды пространство. Восприятие среды человеком раскрыто как активный процесс, все действия его при этом обусловлены характером среды.

Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования предусмотрена организация образовательного пространства, обеспечивающего и поддерживающего различные грани активность ребёнка в игре, познании, при экспериментировании и проявлении творческих способностей, в двигательной деятельности. Таким образом, среда должна быть направлена навстречу ребёнку и способствовать освоению мира [10].

– **О структуре среды.** В окружающей среде М. Черноушек [11] выделяет следующие компоненты: семейную среду как организацию пространства жилища и взаимоотношений между членами семьи; среду образовательной организации; эмоциональную среду развития ребёнка; непосредственно окружающую среду – этническую, культурную, информационную.

В структуре среды образовательного учреждения С. В. Тарасов [12] раскрывает пространственно-семантический, содержательно-методический, коммуникационно-организационный компоненты, а также отмечает условность и вариативность образовательной среды.

– **О дифференциации понятий «образовательная среда» – «образовательное пространство».** Указывая на разное толкование понятий «образовательная среда» и «образовательное пространство», Л. Н. Волошина, С. В. Кривых, М. С. Якушкина [13, 14, 15] и др. учёные выделяют среду как объективно существующую данность и пространство – как освоенную среду. Образовательное пространство Ю. П. Сокольников [16] рассматривает как результат проектирования и «выращивания» специалистами образовательной организации; к его характеристикам автор относит образовательный потенциал, степень развития воспитательного пространства, управляемость воспитательным процессом.

– **О здоровьесберегающей среде и здоровьесберегающем пространстве.** Здоровьесберегающую среду Ж. В. Шарафуллина и С. А. Уланова [17] раскрывают как уклад деятельности образовательной

организации, который поддерживает ЗОЖ её субъектов и способствует их саморазвитию при осознании ценности здоровья; в структуре здоровьесберегающей среды авторами выделены предметно-пространственный, организационно-стратегический и коммуникативно-технологический компоненты. Здоровьесберегающее пространство И. П. Золотухина [18] рассматривает как освоенную среду, объединяющую педагогические события, способствующие укреплению физического, психического и нравственного здоровья и формированию культуры ЗОЖ.

В. В. Сериков и Л. Н. Волошина [19, 13] указывают, что сущность здоровьесберегающего образовательного пространства характеризуют его формируемость, полицентричность, концентричность, открытость, управляемость, вариативность, структурность.

– **Об особенностях здоровьесберегающей среды коррекционного образовательного учреждения.**

Здоровьесберегающую среду коррекционного образовательного учреждения Н. А. Бабушкина [20] характеризует как совокупность обеспечивающих здоровье детей санитарных и гигиенических условий; выделенных в связи с необходимостью согласованного психолого-педагогического сопровождения детей командой специалистов организационных условий; а также реабилитационных и коррекционных условий, обеспечивающих не только социальную адаптацию и социализацию детей, но и поддержание их здоровья.

Выделенные положения позволяют рассматривать здоровьесберегающее пространство детского сада как организуемое в результате целеполагания и планирования психолого-педагогической работы по формированию у дошкольников с ОВЗ представлений о ЗОЖ и обеспечивающее:

– использование материальных ресурсов образовательной организации, необходимых для поддержания здоровья дошкольников с ОВЗ средствами лечебной физкультуры, занятий в бассейне, массажа, физиопроцедур и др.;

– организацию режима дня, прогулок, сна, проветривания и уборки помещений детского сада;

– физическое развитие дошкольников;

– психологическую безопасность и комфортность пребывания детей в детском саду;

– создание в образовательной организации условий для формирования у дошкольников с ОВЗ когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого компонентов представлений о ЗОЖ.

Воспитательную сущность здоровьесберегающего пространства определяют способствующие решению указанных задач взаимосвязанные педагогические события при участии в них дошкольников с ОВЗ, их родителей, педагогов, обслуживающего образовательную организацию медицинского персонала. Развивающий характер здоровьесберегающего пространства обусловлен его положительной эмоциональной насыщенностью и субъектным опытом заботы о здоровье в предметной, игровой, образовательной, коммуникативной средах образовательной организации.

Возможность формировать и вариативно изменять здоровьесберегающее пространство способствует его адаптации с учётом состояния здоровья дошкольников с ОВЗ и их потребности в поддержании здоровья. При акцентировании проблемы сохранения здоровья дошкольников в различных образовательных областях полицентричность здоровьесберегающего пространства расширяет возможности использования среды для формирования представлений о ЗОЖ у детей с нарушением слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата (ОДА), общим недоразвитием речи (ОНР), задержкой психического развития (ЗПР) при участии учителей-дефектологов, педагогов-психологов, воспитателей, инструкторов по физическому воспитанию, педагогов по музыкальному воспитанию и др. В этом случае проявляется и концентричность единого здоровьесберегающего пространства детского сада, т. к. его образует процесс воспитания и образования дошкольников с ОВЗ.

Мы выделяем три уровня организации здоровьесберегающего пространства, взаимосвязь между которыми представлена на рисунке.

Уровни организации здоровьесберегающего пространства

Организация здоровьесберегающего пространства детского сада предполагает **на уровне целеполагания:**

- выделение в содержании программ воспитания и обучения дошкольников в детском саду и в программе развития образовательной организации направлений здоровьесбережения детей с ОВЗ в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования;
- формулирование целей и задач формирования представлений о ЗОЖ у детей с ОВЗ, а также конечного результата психолого-педагогической работы в этом направлении;
- разработку критериев включённости педагогического коллектива в целом и каждого педагога образовательной организации в отдельности в психолого-педагогическую работу по формированию представлений о ЗОЖ у дошкольников с ОВЗ;
- проектирование здоровьесберегающего пространства – выделение локальных пространств, ресурсов которых будут способствовать здоровьесбережению детей, и определение условий их использования.

На содержательно-технологическом уровне:

- организацию на уровне детского сада команды, объединяющей педагогов, медицинский персонал и родителей, для обеспечения формирования у дошкольников с ОВЗ целостных представлений о ЗОЖ;
- планирование формирования когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого компонентов представлений о ЗОЖ у детей старшего дошкольного возраста с ОВЗ и разработку с учётом этого планирования содержания воспитательной, образовательной и коррекционно-педагогической работы с дошкольниками на уровне образовательной организации и группы, а также индивидуальной работы с детьми;
- материальное оснащение здоровьесберегающего пространства детского сада;
- формирование здоровьесберегающего пространства каждой группы детского сада и образовательной организации в целом, расширение последнего при сетевом взаимодействии детского сада с образовательными, медицинскими и др. организациями города;
- формирование у дошкольников с ОВЗ представлений о ЗОЖ при внедрении в воспитательно-образовательный процесс образовательной организации технологий и методик здоровьесбережения с учётом состояния здоровья и образовательных потребностей детей при использовании ресурсов здоровьесберегающего пространства.

На уровне личностно-ценностного смысла:

- осознание педагогами, родителями и дошкольниками с ОВЗ ценности здоровья и значимости ЗОЖ;
- осмысление условий поддержания и укрепления своего здоровья;
- рефлексивное использование этих условий здоровьесбережения.

Представленный теоретический аспект разработки проблемы здоровьесберегающего пространства при формировании у дошкольников с ОВЗ представлений о ЗОЖ способствовал организации инновационного здоровьесберегающего пространства в ходе экспериментальной работы по формированию представлений о ЗОЖ у детей старшего дошкольного возраста с нарушением слуха, зрения, ОДА, с ОНР, ЗПР в период с 2001 по 2015 г. при нашем непосредственном участии и научном руководстве на базе детских садов № 154, 2403, 185, 435, 1521, 1245, 1278 комбинированного вида и детских садов № 624, 2664, 908 компенсирующего вида г. Москвы. В исследовании приняли участие 620 детей с ОВЗ, 156 работающих с ними педагогов и 490 родителей.

В структуре этого здоровьесберегающего пространства мы выделяем следующие компоненты.

На индивидуальном уровне – это локальные здоровьесберегающие пространства, обеспечивающие сохранение здоровья каждого ребёнка на основе индивидуальных медицинских рекомендаций с учётом состояния его здоровья. Например, для дошкольников с нарушением зрения важны соблюдение режима зрительных нагрузок, использование средств оптической коррекции зрения, зрительная гимнастика, адаптация наглядного материала и др.; для ребёнка с нарушением ОДА – занятия лечебной физкультурой, физиопроцедуры, в некоторых случаях ношение ортопедической обуви и др.; для ребёнка с нарушением слуха необходимо использование звукоусиливающей аппаратуры, после кохлеарной имплантации – проведение «минут тишины» и др. Однако при некоторых заболеваниях органа зрения необходимо увеличение времени тепловой адаптации при выходе на прогулку и при возвращении с неё, ограничение физической нагрузки. В то же время ограничение физической нагрузки может быть рекомендовано и при дискинезии желчевыводящих путей, возможны рекомендации по замене некоторых продуктов питания при пищевой аллергии и др.

На уровне группы детского сада – это здоровьесберегающее пространство, способствующее сохранению здоровья детей на основе соблюдения санитарных правил и норм (СанПиН), созданию условий для благоприятной адаптации вновь поступающих дошкольников, а также формированию у детей с ОВЗ представлений о ЗОЖ средствами игровой, проектной и продуктивной деятельности. Например, в сюжет игры «Семья» были введены ситуации ограничения времени просмотра телевизионных передач и компьютерных игр, выполнения закаляющих мероприятий, влажной уборки и проветривания помещения; в сюжет игры «Путешествие» – ситуации встреч с незнакомой собакой и ежом, отдыха у водоёма, попадания под ливень, знакомства с лекарственными растениями. Долгосрочные детские проекты «Хочу быть здоровым!», «Здоровый образ жизни» и др., при реализации которых были использованы беседы, наблюдения, занятия, игры, экскурсии, знакомство с произведениями детской художественной литературы, театрализованная деятельность, поиск решения в проблемных ситуациях, рисование и плоскостное конструирование, помогли раскрыть детям значимость для здоровья режима дня, гигиены тела, полезного питания, поддержания чистоты в доме, прогулок, своевременного отдыха, подвижных игр, занятий физкультурой, психологического комфорта. Детско-взрослые проекты «Выходной день», «Народные традиции заботы о здоровье», «Физкультура в детском саду и дома» и др. способствовали привлечению внимания родителей к проблеме ЗОЖ и поддержания здоровья своих детей.

На уровне детского сада – это здоровьесберегающее пространство, обеспечивающее:

- подготовку педагогов к формированию у дошкольников с ОВЗ когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого компонентов представлений о ЗОЖ, к приобщению дошкольников к ЗОЖ. Для этого были проведены *консультации* «Забота о здоровье и социализация дошкольников с нарушением зрения (слуха, ОДА, с ОНР, с ЗПР)», «Представления детей о здоровье и здоровом образе жизни», «Здоровьесберегающее пространство детского сада», «Сотрудничество педагогов при формировании у дошкольников представлений о здоровом образе жизни», «Психологический комфорт в детском саду и дома»; *обмен опытом* «Организация подвижности детей на прогулке», «О здоровом образе жизни в содержании сюжетно-ролевых игр», «Режимные моменты и здоровый образ жизни», «Дидактические игры в формировании представлений детей о ЗОЖ»; проблемный семинар «Телевизор, компьютер и ребёнок».

- повышение компетентности родителей в вопросах ЗОЖ и сохранения здоровья детей с учётом особенностей их развития. Для этого были организованы *консультации* «Окружающая среда и здоровье детей», «Охранительный режим в детском саду», «Интеграция и здоровье школьника с ОВЗ», «Психологический климат семьи и здоровье ребёнка», «Телевизор и компьютер – друзья или враги», «Медицинские и социальные проблемы сохранения здоровья детей»; *цикл мастер-классов* «Организация единого подхода к питанию детей в условиях детского сада и семьи»; *выпуск журнала* для родителей «Витаминка» (2 раза в месяц); *занятия* в детско-родительском клубе «Здоровье»; *привлечение родителей* к разработке содержания проблемных ситуаций по проблеме ЗОЖ;

- мониторинг промежуточных результатов формирования у дошкольников представлений о ЗОЖ – тематические выставки детских рисунков и аппликаций, выполненных вместе со взрослыми плакатов; презентации результатов проектной деятельности.

На уровне микрорайона – это здоровьесберегающее пространство, способствующее формированию у детей с ОВЗ представлений о ЗОЖ при использовании информационных, культурных, образовательных, развивающих и природоохранных ресурсов мегаполиса, территориально близко расположенных к образовательной организации. Сотрудничество в рамках договорной деятельности с детскими районными библиотеками № 43 и 112, Петровско-Разумовским заказником, детско-юношеским кинотеатром «Искра», тремя аптеками сети «Самсон-Фарма», детским оздоровительно-образовательным центром «Северный», региональной общественной организацией инвалидов «Мир», ГОУ СОШ № 668 «Школа Здоровья» способствовало формированию интереса детей к заботе о своём здоровье и когнитивных и эмоционально-ценностных представлений о ЗОЖ, а также позволило расширить арсенал средств педагогического воздействия для приобщения дошкольников с ОВЗ к ЗОЖ.

Например, педагогами детского сада № 624 совместно с сотрудниками библиотеки № 43 разработан и проведён с детьми с нарушением ОДА годовой цикл досугов по проблеме ЗОЖ, задача досугов – подведение дошкольников к осознанию значимости ЗОЖ для здоровья. В структуре каждого из них – знакомство с произведениями детской художественной литературы, занимательные викторины, игры малой и средней подвижности, просмотр фрагментов мультипликационных

фильмов, совместная продуктивная деятельность (плоскостное конструирование или коллективная аппликация), сюрпризный момент – игра с литературным персонажем. Все походы в библиотеку проведены при непосредственной помощи родителей, это важно, потому что дошкольники с нарушением ОДА передвигаются по улице с разной скоростью, некоторые дети – в инвалидных колясках. Совместное пребывание дошкольников с разной внешней выраженностью нарушений ОДА в группах этого детского сада является примером безболезненной и успешной интеграции детей с ОВЗ в среду сверстников. Любой выход в город дошкольников с нарушениями ОДА не только знакомит их с социальной действительностью, но и готовит к принятию решений в проблемных ситуациях, мотивирует к сотрудничеству со взрослыми и сверстниками, является ступенькой к социальной адаптации. По нашему предложению участие в досугах стали принимать и дети из массового детского сада № 388, библиотека стала настоящей территорией толерантности.

На уровне города – это здоровьесберегающее пространство, обуславливающее профессиональный рост педагогов, готовых работать с детьми с ОВЗ в условиях интеграции, и повышение их компетентности в вопросах здоровьесбережения дошкольников с ОВЗ, приобщения детей к ЗОЖ. Этому способствовал мониторинг опыта работы нашей экспериментальной площадки на методических объединениях и городских научно-практических конференциях, а также взаимопомощь педагогов в рамках сетевого взаимодействия образовательных организаций. Например, в одном из детских садов для детей с нарушением ОДА нашей сети было выявлено более десяти дошкольников с сопутствующими нарушениями зрения – косоглазием и амблиопией. Эти дети не были под постоянным наблюдением врача-окулиста в соответствии с профилем детского сада; с ними не проводили лечебные мероприятия, потому что, по словам родителей, в детскую поликлинику по вопросу состояния зрения ребенка они обращались редко и нерегулярно. Педагоги также не владели информацией о возможной помощи этим дошкольникам в детском саду для детей с нарушением ОДА, но в ходе обсуждения наблюдаемой ситуации они выразили желание овладеть знаниями и навыками, которые помогут в сбережении зрения дошкольников. Учитывая большую вероятность повторения ситуации в условиях интеграции в любой образовательной организации, была рассмотрена возможность обучения педагогов всех детских садов – участников экспериментальной площадки. В течение двух месяцев проблема была решена: лекции для педагогов по курсу «Тифлопсихология» были прочитаны нами, практические занятия под нашим руководством организовали и провели тифлопедагоги детского сада № 2403, здоровьесберегающее пространство каждого сада было подготовлено к поддержанию зрения дошкольников.

Таким образом, под здоровьесберегающим пространством образовательной организации мы понимаем совокупность осознанных ресурсов, необходимых для поддержания здоровья детей с ОВЗ и достаточных для формирования у них сберегающего здоровье поведения при личной заинтересованности в ЗОЖ. На каждом уровне своей структуры представленное здоровьесберегающее пространство может быть дополнено новыми компонентами в соответствии с потребностями педагогического сообщества и родителей в организации условий формирования у дошкольников с ОВЗ представлений о ЗОЖ; все компоненты структуры являются самоценными, но любой из них может быть выделен под влиянием внешних условий. Всё это даёт нам основания рассматривать представленное здоровьесберегающее пространство как фактор, оказывающий значимое влияние на формирование у детей с ОВЗ представлений о ЗОЖ.

Библиографический список

1. Новикова, И. М. Готовность старших дошкольников с ограниченными возможностями здоровья к социальной адаптации и интеграции / И. М. Новикова. – Методические материалы. Приложение к журналу «Дошкольник. Младший школьник», 2011 – № 3. – С. 21–28.
2. Мануйлов, В. С. Средовый подход в воспитании / Ю. С. Мануйлов. – М., Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы. – 2002. – 157 с.
3. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл. – 2001. – 336 с.
4. Хуторской, А. В. Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении // Эйдос: интернет-журн., 2005. [Электронный ресурс]. – URL <http://eidos.ru/Эйдос/2005/0901.htm>
5. Баева, И. А. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников / И. А. Баева, В. В. Семикин. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – № 12. Т. 5. – С. 7–19.

6. Слободчиков, В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования / В. И. Слободчиков. – М. : Экопсицентр РОСС, 2000. – 230 с.
7. Радионова, О. Р. Педагогические условия организации развивающей предметной среды в дошкольном образовательном учреждении : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. Р. Радионова. – М., 2000. – 24 с.
8. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 4. Детская психология. Педология подростка. – М., 1984. – С.258–259.
9. Безопасность образовательной среды: психологическая оценка и сопровождение : сборник научных статей / под ред. И. А. Басовой, О. В. Вихристюк, Л. А. Гаязовой. – М. : МГППУ, 2013. – 304 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г.; приказ зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 14 ноября 2013 г.; № 30384).
11. Черноушек, М. Психология жизненной среды / пер. с чеш. И. И. Попа. – М. : Мысль, 1989. – 174.
12. Тарасов, С. В. Образовательная среда: понятие, структура, типология / С. В. Тарасов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – № 3. – Т. 3. – 2011. – С. 133–138.
13. Волошина, Л. Н. Развитие здоровьесберегающего образовательного пространства дошкольных учреждений (методология, теория, практика) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Л. Н. Волошина. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т. – 2006. – 46 с.
14. Кривых, С. В. Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах / С. В. Кривых. – Мир науки, культуры, образования. – № 2 (27). – 2011. – С. 106–111.
15. Якушкина, М. С. Образовательная среда и образовательное пространство как понятия современной педагогической науки / М. С. Якушкина. – Человек и образование. – № 2 (35). – 2013. – С. 66–69.
16. Сокольников, Ю. П. Теория воспитательных пространств / Ю. П. Сокольников // рец.: Е. В. Тонков, И. П. Прокопьев, В. Л. Холод ; АПСН, Отд. методологии и теории воспитательно-образовательных систем, Ассоциация «Воспитание», БелГУ. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1998. – 42 с.
17. Шарифуллина, Ж. В. Средовой подход к здоровьесбережению школьников / Ж. В. Шарифуллина, С. А. Уланова. – Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – С. 32–37.
18. Золотухина, И. П. К вопросу о педагогическом моделировании здоровьесберегающего пространства образовательного учреждения / Международный журнал экспериментального образования. – № 10. – 2012. – С. 57–58.
19. Сериков, В. В. Образование и личность: теория и практика проектирования образовательных систем / В. В. Сериков. – М. : Издательская корпорация «Логос», 1999. – 272 с.
20. Бабушкина, Н. А. Проектирование здоровьесберегающей среды как функция управления коррекционным общеобразовательным учреждением: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. А. Бабушкина. – Тула : [Б. и.], 2005. – 22 с.

I. M. Novikova, Profit organization of additional vocational training «Engineering Center Polytechnic interdisciplinary training», Dolgoprudny

SAVES HEALTH SPACE AS A FACTOR FORMATION OF REPRESENTATIONS ABOUT A HEALTHY LIFESTYLE IN PRESCHOOLERS WITH DISABILITIES

On the basis of analysis of scientific literature revealed the essence of space and its health-based organizations goal-setting, implementation and student-valuable sense. The structure of innovative health-space, developed in the course of the experiment on formation at preschool children with disabilities representations about a healthy lifestyle in the networking of educational institutions, and use of information, cultural, educational, developmental and environmental resources of the metropolis.

Keywords: Health-saving space, preschoolers, children with disabilities

References

1. Novikova I.M. Ready senior preschool children with disabilities to social adaptation and integration. *Metodicheskie materialy. Prilozhenie k zhurnalu «Doshkolshnik. Mladshiy shkolnik»*, 2011, no. 3, pp. 21–28.
2. Manuylov V.S. *Sredovyy podkhod v vospitanii* [Environmental approach in education]. Moskva, N.Novgorod, 2002, 157 p.
3. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Education Week: from modeling to design] Moskva, 2001, 336 p.
4. Khutorskoy A.V. Model of the educational environment in remote heuristic learning. *Eydos: internet-zhurn*, 2005. URL <http://eidodos.ru/Eydos/2005/0901.htm>

5. Baeva I.A., Semikin V.V. Safety of the educational environment, psychological culture and mental health of schoolchildren. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2005, vol. 5, no.12, pp.7–19.
6. Slobodchikov V.I. *O ponyatii obrazovatel'noy sredy v kontseptsii razvivayushchego obrazovaniya* [On the concept of the educational environment in the concept of developing education]. Moskva, 2000, 230 p.
7. Radionova O.R. *Pedagogicheskie usloviya organizatsii razvivayushchey predmetnoy sredy v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Pedagogical conditions of the organization developing subject environment in educational institution doshkol'nom]. Avtoref. dis. kand. ped. Nauk. Moskva, 2000, 24 p.
8. Vygotskiy L.S. *Detskaya psikhologiya. Pedologiya podrostka* [Child Psychology. pedology teenager]. Moskva, 1984, vol. 6, no. 4, pp. 258–259.
9. Baeva I.A., Vikhristyuk O.V., Gayazova L.A. *Bezopasnost obrazovatel'noy sredy: psikhologicheskaya otsenka i soprovozhdenie* [Safety of the educational environment: psychological assessment and support]. Moskva, 2013, 304 p.
10. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart doshkol'nogo obrazovaniya (utverzhen prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 17 oktyabrya 2013 g.; prikaz zaregistririvan v Ministerstve yusticii Rossijskoj Federacii 14 noyabrya 2013 g.; N 30384).
11. Chernoushek M. *Psikhologiya zhiznennoy sredy* [Psychology of the living environment]. Moskva, 1989, 174 p.
12. Tarasov S.V. Educational environment: concept, structure, typology. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2011, vol.3, no.3, pp.133–138.
13. Voloshina L.N. *Razvitie zdorovesberegayushchego obrazovatel'nogo prostranstva doshkol'nykh uchrezhdeniy (metodologiya, teoriya, praktika)* [The development of health-educational space of preschool institutions (methodology, theory, practice)]. Avtoref. dis. doct. ped. nauk, Yekaterinburg, 2006, 46 p.
14. Krivykh S.V. Relationship between concepts «environment» and «space» in the social, cultural and educational aspects. *Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya*, 2011, no. 2 (27), pp. 106–111.
15. Yakushkina M.S. Educational environment and educational space as the concepts of modern pedagogy. *Chelovek i obrazovanie*, 2013, no. 2 (35), pp. 66–69.
16. Sokolnikov Yu.P. *Teoriya vospitatel'nykh prostranstv* [The theory of educational spaces]. Belgorod, 1998, 42 p.
17. Sharifullina Zh.V., Ulanova S.A. Environmental approach to school health preservation. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, 2013, vol. 2, no.1, pp. 32–37.
18. Zolotukhina I. P. On the issue of health-pedagogical modeling of the space educational institution. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2012, no. 10, pp. 57–58.
19. Serikov V. V. *Obrazovanie i lichnost: teoriya i praktika proektirovaniya obrazovatel'nykh sistem* [Education and personality theory and practice of designing educational systems]. Moskva, 1999, 272 p.
20. Babushkina N. A. *Proektirovanie zdorovesberegayushchey sredy kak funktsiya upravleniya korrektsionnym obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniem*. Avtoref.dis.kand. ped.nauk [Designing health-protection as a function of correctional management of educational institutions]. Tula, 2005, 22 p.

© И. М. Новикова, 2015

Автор статьи – **Ирина Маратовна Новикова**, кандидат педагогических наук, Инжиниринговый центр политехнической межотраслевой подготовки, г. Долгопрудный, e-mail: irmano@yandex.ru

Рецензенты:

И. В. Евтушенко, доктор педагогических наук, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова.

Г. А. Бутко, кандидат педагогических наук, Государственное автономное общеобразовательное учреждение г. Москвы Школа ШИК 16.

УДК 355.233, 37.047

И. А. Подворный,

Омский автобронетанковый инженерный институт

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена актуальной проблеме современной военной педагогики – состоянию военно-профессиональной ориентации учащейся молодёжи. Автор раскрывает факторы, определяющие необходимое сегодня состояние военно-профессиональной ориентации учащейся молодёжи. Данные факторы автор определяет на общественно-государственном уровне (изменения во взаимодействии и интеграция армии и других социальных институтов; восстановление престижа военной службы и др.); на институциональном уровне (процессы инновационного развития института образования и Вооружённых сил); на вузовском уровне (трансформация современного военного вуза в отраслевой научно-технологический центр, в котором происходит создание новых технологий военно-профессиональной деятельности и подготовка специалистов, способных применять их на практике). Автором выделяется ряд принципиальных требований к военно-профессиональной ориентации как педагогической системе, которые необходимо учитывать в современных условиях при её построении.

Ключевые слова: военно-профессиональная ориентация, факторы влияния на военно-профессиональную ориентацию, проблемы военно-профессиональной ориентации, педагогическая система.

Военно-профессиональная деятельность является одной из самых сложных человеческих практик, ядром которой, наряду со средствами и способами, выступает человек, военнослужащий. Отношение военнослужащего к воинскому труду, мотивы и смыслы, которыми он руководствуется, ценности которые он разделяет, удовлетворенность им своей профессией образуют особое проблемное поле военной педагогики, не теряющее своей актуальности. В отношении офицера военная теория и практика исходит из того, что обоснованный профессиональный выбор, призвание офицера к военной службе есть главное условие его успешной самореализации в профессии [1].

Обращаясь к вопросам взаимосвязи офицера и профессии, следует учесть постоянное изменение требований, которые предъявляет к нему военно-профессиональная деятельность. Военная служба не является профессией в полном смысле этого слова, т. к. одного этого определения не достаточно, чтобы локализовать область приложения активности военного человека. Скорее это комплекс профессий и специальностей, каждая из которых предъявляет свои собственные запросы к способностям и задаткам военнослужащего, к качествам его личности, причём требования профессий, как пишут А. Г. Караяни и Ю. Г. Сулимов [2], могут быть диаметрально противоположными. Обоснованный профессиональный выбор, таким образом, следует рассматривать, как минимум, в двух плоскостях: в плоскости отношения человека к военной службе, а также в плоскости его соответствия требованиям выбранной военной профессии и специальности. В современных условиях он не может быть сделан стихийно и требует специальной системы ориентирования, отбора и подготовки кандидатов в офицеры.

Проблема военно-профессиональной ориентации учащейся молодёжи находится в поле зрения военных исследователей достаточно давно. История её решения отражает развитие отношения к военно-профессиональной ориентации молодёжи как к важному фактору стабильного функционирования армии и государства.

В истории проблемы военно-профессиональной ориентации молодёжи установилась прямая связь с процессом развития профессионального военного образования, качественное состояние которого на каждом из этапов развития определяет подходы и решения в этой области. Актуальность проблемы в её современной постановке также связана с глубоким реформированием как системы профессионального военного образования, так и военного строительства в целом, где в рамках сокращения численности Вооружённых сил стоит задача повышения качественных характеристик личного состава, в первую очередь, офицерского корпуса, вследствие чего повышается роль военно-профессиональной ориентации молодёжи.

Факторы, определяющие необходимое сегодня состояние военно-профессиональной ориентации молодёжи, можно условно отнести к трём уровням.

На общественно-государственном уровне существенное влияние оказывают изменения во взаимодействии армии и других социальных институтов, определяющие её роль в формирующемся гражданском обществе России. В первую очередь, здесь следует отметить трансформацию армии как социального института. С точки зрения А. И. Смирнова [3], её следствием является изменение организационной структуры, принципов комплектования Вооружённых сил и, прежде всего, офицерского корпуса, возвращение Вооружённым силам роли института воспитания и статуса канала социальной мобильности молодых людей [4]. Возникает необходимость в формировании новых практик социального взаимодействия, инновационного развития ранее сложившихся практик, в том числе и военно-профессиональной ориентации молодёжи. В современных условиях она не может рассматриваться только как система воспроизводства военных кадров, но является частью целенаправленной поддержки социализации молодых людей [5].

Далее выделим тенденцию интеграции армии с другими социальными институтами, при которой многие вопросы военного строительства вновь, как в советское время, перестают быть исключительно ведомственными задачами. Характерными являются успешные попытки совместной деятельности органов государственного управления, общественных и государственных организаций, системы общего и профессионального образования в подготовке граждан к военной службе, описанные в работах М. А. Кирпичева, С. П. Полякова, Ю. А. Танюхина, Ю. В. Трубина и других авторов. Анализируя опыт, полученный перечисленными авторами, можно предположить, что военно-профессиональное ориентирование молодёжи будет эффективным также только в формате совместной деятельности Вооружённых сил и других социальных институтов и, прежде всего, системы образования.

Наконец, в современном гражданском обществе России постепенно восстанавливается престиж военной службы, формируется оборонное сознание людей и осознание социальной значимости военного строительства. Это, несомненно, благоприятные факторы, образующие определённый потенциал в решении проблемы военно-профессиональной ориентации молодёжи, который должен быть использован.

Кроме того, отметим как потенциально благоприятный фактор появление ряда смежных задач, признанных государственными и приоритетными; например, задачи подготовки граждан к военной службе, патриотического и военно-патриотического воспитания, формирования здорового образа жизни молодёжи. Решение приоритетных государственных задач сегодня обеспечено необходимым ресурсом, опирается на прочную нормативную и программную базу, имеет позитивную социальную оценку. Эффективные системы военно-профессиональной ориентации, как мы считаем, не могут быть не связаны с данными задачами и хотя бы косвенно не способствовать их решению.

На институциональном уровне ключевыми можно назвать процессы инновационного развития двух институтов: института образования и самих Вооружённых сил. Инновационность современной системы образования обеспечена ведущей личностно-ориентированной образовательной парадигмой, согласно которой образование рассматривается, прежде всего, как среда и способ самореализации каждой личности, раскрытия её способностей, удовлетворения интересов и потребностей [6]. Личностно-ориентированная образовательная парадигма создаёт платформу включения военно-профессиональной ориентации непосредственно в образовательные системы, но только при условии, что изменяются глубинные смыслы и философия военно-профессиональной ориентации, которую следует приводить в соответствие личностно-ориентированной образовательной парадигме, ориентировать на совпадающие интересы личности, общества и государства. Инновационное развитие образования следует за приоритетными интересами и потребностями детей и молодёжи, ведущими информационно-коммуникационными механизмами, востребованными способами взаимодействия, социально-педагогическими характеристиками поколения [7]. Следуя за ребёнком, меняется сама образовательная деятельность.

Система военно-профессиональной ориентации молодёжи, безусловно, должна использовать всё многообразие появляющихся форм и методов, средств и технологий обучения и воспитания детей и молодёжи, сочетать оптимальным способом традиции и инновации в этой области. При этом следует также заметить, что современная система образования слабо защищена сама и практически не защищает ребёнка в информационно-образовательном пространстве. Формируя системы военно-профессиональной ориентации, необходимо быть готовым к противодействию, деструкциям и целенаправленному сопротивлению контрагентов в работе с ключевой аудиторией.

К институциональному уровню следует отнести процессы военного реформирования. Здесь, прежде всего, необходимо выделить новые подходы к облику офицера Вооружённых Сил Российской Федерации, которые, безусловно, определяют параметры военно-профессиональной ориентации молодёжи. Современный офицер в замысле военной реформы – это профессионал, готовый к выполнению целого комплекса функций, среди которых главными можно считать:

– функцию специалиста в определённой области военно-профессиональной деятельности. Выполнение этой функции в числе остальных факторов зависит от того, насколько качества личности соответствуют профилю воинской специальности;

– воспитателя, заключающуюся в организации процесса воспитания профессионально важных качеств личности подчинённых и управлении им. Реализация функции воспитателя предполагает наличие педагогической направленности личности, профессионально-педагогических качеств личности;

– преподавателя, предполагающую обучение подчинённого личного состава по целому ряду учебных дисциплин. Данная функция обеспечивается профессионально важными качествами педагога, способностями и склонностями к педагогической деятельности, мотивацией к педагогической деятельности и т. д.;

– социального педагога, выполнение которой связано с пониманием процессов социализации военнослужащих, готовностью и способностью осуществлять их поддержку и сопровождение;

– управленца, понимающего и чувствующего процессы, происходящие внутри организационных систем, способного к прогнозированию, генерации идей, проектированию и программному мышлению [8].

Исследования в области военной профессиографии, выполненные А. Г. Караяни и Ю. Г. Сулимовым, фиксируют постоянное усложнение требований военно-профессиональной деятельности к своему субъекту, обоснованное изменением характера вооружённого противостояния, технологий войны, вооружения и военной техники. К традиционным личностным требованиям кандидата в современных профессиограммах добавляются высокая психологическая устойчивость, абстрактно-логическое мышление, креативность, техническая культура и общий кругозор [2, с. 34]. В облике современного офицера сочетаются стремление к непрерывному профессиональному образованию и владение широким спектром образовательных технологий. Современная философия войны предъявляет высокие требования к духовно-нравственной сфере личности, развитие которой происходит преимущественно до прихода в военный вуз. Обществу далеко не всё равно, в чьих руках находится военная сила [9].

Привлекательность самой военно-профессиональной деятельности состоит в том, что она, во-первых, представляет возможности профессиональной и личностной самореализации человека, удовлетворения широкого диапазона познавательных потребностей, развития способностей и склонностей. Во-вторых, субъект военно-профессиональной деятельности является наиболее защищённым в социальном плане и обеспеченным материально гражданином. Однако эти факторы действуют в системе военно-профессиональной ориентации только при условии глубокого информирования всех участников профессионального выбора: самих молодых людей, их родителей, педагогов и пр. [10].

Анализ материалов исследований П. Ф. Агинова, А. Н. Давыдова, Н. И. Евсюковой показывает, что в современной России, напротив, проявляется тенденция сокращения контингента молодых людей, которые по своим качествам могут поступать в военные вузы. При стабильно высоком конкурсе профессиональный отбор, особенно по медицинским и психологическим показателям, проходят далеко не все кандидаты. Очевидно, что современная система военно-профессиональной ориентации молодёжи должна основываться не столько на конкурсном отборе, сколько на системной пролонгированной педагогической деятельности по подготовке кандидатов, воспитании необходимых офицеру качеств с раннего возраста, развитии военно-профессиональной направленности личности.

На нынешнем этапе военного строительства происходят масштабные изменения в вузах, отражающие инновационные тенденции развития профессионального образования и Вооружённых сил. Эти изменения группируют факторы, влияющие на военно-профессиональную ориентацию на *вузовском уровне*. Поскольку этот уровень представляется нам особенно важным, остановимся на нём подробнее.

Современный военный вуз трансформируется из профессионального училища с преимущественно прикладным обучением специалистов в отраслевой научно-технологический центр, в котором одновременно происходит создание новых технологий военно-профессиональной деятельности и подготовка специалистов, способных применять их на практике. В процессе оптимизации и укрупнения вузов фактически каждый из них стал представлять один из видов Вооружённых сил. Можно считать, что перспективы развития субъекта военно-профессиональной деятельности наиболее различимы непосредственно в военных вузах. Научная инфраструктура современного военного вуза

позволяет вести исследования любой сложности, в том числе и профессиографические, формировать и реализовывать через правила приёма и образовательные стандарты облик офицера, необходимого Вооружённым силам в ближайшей перспективе.

В отличие от воинских частей и военных организаций, действующих, как правило, автономно, военные вузы постепенно интегрируются в социальные системы, что особенно заметно на региональном уровне [11]. Актуальной тенденцией становится трансформация военного вуза в военно-социальный центр, представительство Вооружённых сил, через которые и на базе которых в решении вопросов военного строительства взаимодействуют государственные и общественные институты. В процессе такого взаимодействия в вузах аккумулируется кадровый, научно-методический, административный, управленческий, материальный, информационный и другие ресурсы, позволяющие организовывать военно-профессиональную ориентацию молодежи на региональном уровне, управлять этой системой, осуществляя пропаганду военной службы, подготовку к ней, военно-патриотическое, гражданское, физическое и другие виды воспитания.

Наконец, фактором инновационного развития систем военно-профессиональной ориентации являются военно-педагогические исследования, посвящённые данной проблеме, к которым мы уже обращались выше, а также практический опыт, накопленный в данной области. Только за последние пять лет различным аспектам военно-профессиональной ориентации посвящено около 20 диссертационных исследований, выполненных преподавателями военных вузов. В этих исследованиях психолого-педагогические закономерности профессионального самоопределения, условия эффективной профессиональной ориентации раскрыты с учётом специфики военной сферы. Отметим как значимые работы в области военно-профессиональной ориентации учащейся молодёжи также и монографии О. Г. Морева, А. Т. Ростунова, Л. А. Кандыбовича и Г. В. Бляха, В. Е. Петрова и С. А. Яковцова. Монографии содержат описание практического опыта организации военно-профессиональной ориентации в советское и постсоветское время, методические материалы, обеспечивающие его воспроизводство сегодня.

Таким образом, под влиянием этих и целого ряда других факторов система военно-профессиональной ориентации значительно изменяется как в отношении содержания, форм и методов, так и в отношении базовых идей и замысла. Обобщая факторы и проблемы, активно действующие на общественно-государственном, институциональном и вузовском уровне, можно выделить ряд принципиальных требований к военно-профессиональной ориентации как к педагогической системе, которые необходимо учитывать в современных условиях при её построении и создании эффективной модели военно-профессиональной ориентации:

- построение с позиции современной психологии труда, на основе деятельностного подхода и в русле лично-ориентированной образовательной парадигмы;
- подход к выбору военной профессии как к этапу непрерывного процесса военно-профессионального самоопределения будущего офицера, целенаправленное развитие военно-профессиональной направленности личности;
- интеграция военно-профессиональной ориентации учащейся молодёжи в систему общего и профессионального образования;
- использование широкого спектра форм и методов военно-профессиональной ориентации, современных педагогических инноваций при сохранении традиционного национального подхода к её сущности и смыслам;
- формирование специальных педагогических систем с центрами в военных вузах, способных аккумулировать необходимый для этого ресурс, самостоятельно обеспечивать себя абитуриентами, совершившими обоснованный профессиональный выбор.

Библиографический список

1. Волкогонов, Д. А. Война и армия. Философско-социологический очерк / Д. А. Волкогонов, С. А. Тюшкевич. – М. : Воениздат, 1977. – 416 с.
2. Караяни, А. Г. Военная профессиология / А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимов. – М. : Воен. ун-т, 2004. – 276 с.
3. Смирнов, А. И. Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России : автореф. дис. ... д-ра социолог. наук : 22.00.04 / Смирнов Александр Ильич. – М., 2010. – 42 с.
4. Вагин, С. Н. Социальный институт армии в системе институциональных взаимодействий современного российского общества : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / Вагин Сергей Николаевич. – Новочеркасск, 2009. – 26 с.

5. Митюрникова, Л. А. Комплексная система профессиональной ориентации молодежи как социальный институт общества : моногр. / Л. А. Митюрникова ; под ред. П. Д. Павленка. – М. : МГУС, 2007. – 163 с.
6. Якиманская, И. С. Технология личностно-ориентированного образования / И. С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 2000. – 176 с.
7. Маврин, С. А. Тенденции и направления развития профессионального образования России / С. А. Маврин // Национальные приоритеты России : спец. вып. Инновационные технологии, системы вооружения и военной техники, наука и образование. Броня – Омск 2014 : материалы VII межрегион. практ. конф., 9 октября 2014 г. – Омск : ОАБИИ, 2014. – С. 9–11.
8. Бушков, А. В. Образ Вооруженных Сил РФ как фактор профессионального пути офицера : автореф. дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.03 / Бушков Алексей Вячеславович. – М., 2012. – 25 с.
9. Гужва, Е. Г. Воспитание нравственных ценностей у офицеров воинской части : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Гужва Евгений Геннадьевич. – М., 2009. – 24 с.
10. Нагаев, И. Б. Педагогическая технология развития военно-профессиональной направленности молодежи на этапе выбора военной профессии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Нагаев Игорь Борисович. – Омск, 2004. – 22 с.
11. Трубин, Ю. В. Педагогическая система подготовки молодежи к военной службе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Трубин Юрий Васильевич. – Омск, 2015. – 24 с.

I. A. Podvorny, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute

FACTORS THAT DEFINE THE STATE OF THE STUDENTS` MILITARY-VOCATIONAL COUNSELLING IN THE MODERN CONDITIONS

The article considers the development of a model of the military-vocational counselling that is actual for modern military pedagogics. The author reveals the factors and the problems that define the present state of the students` military-vocational counselling. At the social – state level, such factors are changes in cooperation and integration of army and of other social institutions, re-establishment of the military service prestige, recognition the citizens` preparation to the military service as one of the key objectives at the state level, the military training and the patriotic upbringing, formation of the youth` healthy lifestyle. At the institutional level, the innovative development of the educational institution and the Armed Forces. At the academic level, transformation of a modern military high school in the department alacademic and technological center in which there is the development of new technologies of the military-professional work and the preparation of the specialists that can put the technologies into practice. In addition, the author allocates a number of basic requirements to the military-vocational counselling as to the pedagogical system that are necessary to consider in the process of its development.

Keywords: military-vocational counselling, factors that define the state of the students` military-vocational counselling, problems of the military-vocational counselling, requirements to the military-vocational counselling as to the pedagogical system.

References

1. Volkogonov A.A., Tyushkevich S.A. *Voyna I armiya. Filosofsko-sotsiologicheskiyocherk* [War and army. Philosopho-sociological essay]. Moscow, Voenizdat, 1977, 416 p.
2. Karayani A.G., Sulimov Yu. G. *Voennaya professiologiya* [Military professiology]. Moscow, Voenniy Universitet, 2004, 276 p.
3. Smirnov A.I. *Vzaimodeystvie obschestva i armii kak sotsial`nogo instituta v sovremennoy Rossii*. Avtoref. dis. dokt. sotsiolog. nauk [Interaction of society and army as a social institution in modern Russia]. Moscow, 2010, 42 p.
4. Vagin S.N. *Sotsial`ny institut armii v sisteme institutsial`nyh vzaimodeystviy sovremennogo rossiyskogo obschestva*. Avtoref. dis. kand. sotsiolog. Nauk [Social institution of the army in the system of institutional interactions of the modern Russian society]. Novocheboksarsk, 2009, 26 p.
5. Mityurnikova L. A. *Kompleksnaya sistema professional`noy orientatsii molodezhi kak sotsial`ny institute obschestva*. Monografiya [Complex system of vocational counselling of youth as a social institution of the society]. Moscow, MGUS, 2007, 163 p.
6. Yakimanskaya I.S. *Tehnologiya lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya* [Technology of the person-oriented education]. Moscow, 2000, 176 p.
7. Mavrin S. A. Tendencies and directions of development of professional education of Russia. *Nacional`nye prioritety Rossii, spec vypusk. Bronya, Omsk*, 2014, pp. 10-12.
8. Bushkov A.V. *Obraz Vooruzhennyh sil RF kak faktor professional`nogo puti ofitsera*. Aftoref. dis. kand. psiholog. nauk [Image of the Armed forces of the Russian Federation as a factor of a professional way of a military officer]. Moscow, 2012, 25 p.

9. Guzhva E.G. *Vospitanie npravstvennyh tsennostey u ofitserov voinskoy chasti*. Aftoref. dis. kand. ped. nauk [Bringing up the moral values inmilitary officers]. Moscow, 2009, 24 p.

10. Nagaev I.B. *Pedagogicheskaya tehnologiya razvitiya voenno-professional'noy napravlennosti molodezhi na etape vybora voennoy professii*. Aftoref. dis. kand. ped. nauk [Pedagogical technology of the development the military-vocational orientationin youth at the stage of choosing vocation of arms]. Omsk, 2004, 22 p.

11. Trubin Yu.V. *Pedagogicheskaya sistema podgotovki molodezhi k voennoy sluzhbe*. Aftoref. dis.kand. ped. nauk [System of preparationof youth for the military service], Omsk, 2015, 24 p.

© И. А. Подворный, 2015

Автор статьи – Иван Александрович Подворный, преподаватель, Омский автобронетанковый инженерный институт, e-mail: ivan78_30@mail.ru

Рецензенты:

С. А. Маврин, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

А. Ф. Иоаниди, кандидат педагогических наук, доцент, Омский автобронетанковый инженерный институт.

УДК 37.01

Т. В. Соснина,

Институт управления образованием Российской академии образования, г. Москва

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНСАЛТИНГА В МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются виды образовательного консалтинга в период модернизации современной школы. Рассмотрен в сравнении внутренний и внешний консалтинг.

Ключевые слова: образовательный консалтинг, консультант, внешний консультант, внутренний консультант, индивидуальный консалтинг, групповой консалтинг.

Круг проблем, решаемых консалтингом, весьма широк. Каждый профессионал, работающий в этой области, вкладывает в понятие «консалтинг» собственный смысл, придавая тем самым ему индивидуальный оттенок. Большой экономический словарь определяет консалтинг как «деятельность специальных компаний по консультированию производителей, продавцов, покупателей в области экспертной, технической и экономической деятельности» [2].

Консалтинг в образовании как отдельный вид консалтинговой помощи не был выделен. Это связано с тем, что указанный вид консалтинговой помощи в педагогике и образовании находится в стадии оформления в самостоятельное направление, а потому в литературе пока ещё не существует достаточно разработанного контекста современного образовательного консалтинга. Также в настоящий момент не существует какого-либо общепринятого определения образовательного консалтинга. Более того, в педагогических словарях термин «консалтинг» вообще отсутствует. Хотя хотелось бы отметить, что введение профессионального образования потребовало консультаций психологов и педагогов по вопросам профориентационного характера. Однако широкой практики образовательный консалтинг в образовательной инфраструктуре не приобрёл.

Сегодня образовательные организации развиваются и всё чаще нуждаются в профессиональной поддержке консультантов различных направлений, которые осуществляют организационную, педагогическую, обучающую, управленческую и другие виды поддержки. Активация всех направлений модернизации российского образования в логике концепции «Российское образование – 2020» породила востребованность консультационных услуг как внутри образовательной сферы на всех уровнях, так и в руководстве субъектов Российской Федерации, в муниципальных образованиях. Интенсивные преобразования в сфере образования создали потребность в услугах консультантов и на социальном уровне: родители хотят понять, какую школу или дошкольное учреждение выбрать для обучения детей; какие изменения в школьной жизни несёт закон «Об образовании в РФ» и т. д. [10].

В конце прошлого века датированы определённые документы ЮНЕСКО, в которых представлены исследования наших зарубежных коллег по новым подходам к профессиональному развитию

специалистов. Целесообразно серьёзно подумать о когнитивном менеджменте, о реализации посттехнократической модели, о формах и каналах распространения новых знаний.

Кто такой консультант? Консультант – это человек, дающий советы специалистам, оказывающий дополнительную помощь... [4].

Слово «консультант» происходит от латинского (consultation, consultare – «совещаться, советовать») – «советующий». Под этим понимается специалист определённой области, дающий советы по вопросам своей специальности [9].

Исходя их внешних и внутренних сторон консалтингового процесса, различают внутренних и внешних консультантов.

Внешние консультанты – независимые или индивидуальные консультанты, оказывающие услуги клиенту на основе заключённого договора.

Внутренние консультанты – штатные сотрудники образовательной организации, предоставляющие консалтинговые услуги.

Внутренние консультанты – это работники образовательной организации, которые являются продвинутыми профессионалами и которым поручается курирование того или иного процесса инновационных преобразований в организации (школе, ДООУ). Внутренние консультанты постоянно отслеживают образовательную политику в порученном им направлении на государственном, региональном и муниципальном уровнях, консультируются в соответствующих органах управления образованием в случае возникновения проблемных ситуаций и организуют необходимую работу в своей школе (ДООУ и т. д.). Именно внутренние консультанты, зная свой коллектив, его сильные и слабые стороны, могут реализовать консультационные процессы и достижение требуемых результатов в коллективе.

В образовательной организации, например, в школе, потребителями внутреннего консалтинга выступают и школьники. Особенно ярко это выражено в подготовке перед олимпиадами, ГИА-9 или ЕГЭ. Консультация для школьников может проходить по следующим формам обучения: консультация, семинары, лекции, открытые уроки.

Потребителями консалтинговых услуг внутренних консультантов могут быть родители учащихся, преподаватели образовательной организации, управленцы.

Так, например, при подготовке к лицензированию, аттестации, при анализе государственного заказа и т. п., администрация школы часто нуждается в услугах внутреннего консультанта. Также немаловажным моментом является разъяснение основных целей территориальной образовательной политики; обеспечение доверия к реализуемой стратегии развития образования; профессиональная ориентация родителей, педагогов, а также учащихся с учётом и перспективных потребностей территориального рынка труда.

Как внешнее, так и внутреннее консультирование имеют свои плюсы и минусы (табл.).

Преимущества и недостатки внешнего и внутреннего консультанта

Преимущества внешнего консультанта	Преимущества внутреннего консультанта
<ul style="list-style-type: none"> • Владеет передовыми навыками и знаниями. Ориентируется на широкое изучение и перенос опыта других организаций. • Обладает независимостью. • Воспринимается коллективом образовательной организации в качестве эксперта. • Получает гонорар за конкретный проект 	<ul style="list-style-type: none"> • Является штатной единицей образовательной организации, включён в её структуру, иерархию, технологию, отношения между людьми. • Хорошо знает свою организацию, не тратит время на ознакомление с деталями решаемой проблемы. • Интенсивно работает в период длительного времени. • Может взять на себя инициативу в формулировании целей и выработке стратегии
Недостатки внешнего консультанта	Недостатки внутреннего консультанта
<ul style="list-style-type: none"> • Недостаточное количество информации о консультируемой организации. • Требуется время для установления личного контакта с клиентом и определения проблемы. • Отсутствие гарантий качества оказываемых услуг. • Ограниченность во времени. • Может поставить клиента в определённую зависимость от оказываемых услуг 	<ul style="list-style-type: none"> • Постоянная оплата заработной платы, трата денег на обучение и повышение квалификации. • Нет возможности накапливать и обобщать практический опыт в других организациях и отраслях. • Находится в зависимой позиции. Обязан действовать в соответствии с предписаниями, не может давать советы, если они касаются не его профессиональных задач и компетенции

Безусловно, каждый нуждающийся в помощи выбирает в зависимости от сложившейся возможной проблемной ситуации ту форму поддержки, которую считает более эффективной. Возможно, идеальным будет вариант наличия внутренних консультантов в организации по ряду постоянно возникающих вопросов. А вот в проблемах «глобального» уровня (для каждого руководителя это свой уровень) стоит и воспользоваться помощью внешнего консультанта.

Также при выборе консультантов целесообразно учесть дифференциацию консультантов по видам: процессный (проектный), экспертный и обучающий консалтинг.

Процессный (проектный) вид консалтинга заключается в совместной работе консультанта с персоналом и руководством компании-заказчика. Данное взаимодействие сводится к разработке и внедрению решений по оптимизации процессов в компании, необходимых для достижения конкретных целей. **Экспертный вид консалтинга** – вид консультационных услуг, который подразумевает разработку решений и рекомендаций по их внедрению после проведения диагностики в компании заказчика. Роль заказчика при этом типе сводится только к обеспечению консультанта необходимой информацией (доступе к ней) для оценки ситуации. Основным недостатком данного метода заключается в распределении функций: проблему определяет заказчик, схему реализации предлагает консультант, а осуществление рекомендаций предоставлено самому заказчику. **Обучающий вид консалтинга** – роль консультанта сводится к предоставлению заказчику необходимой теоретической или (и) практической информации в форме семинаров, лекций, тренингов, методических пособий.

По данным исследований Всероссийской академии внешней торговли (кафедра менеджмента и маркетинга), в России наибольшей популярностью пользуется именно обучающее, или экспертно-обучающее консультирование, тогда как в западных странах на первые позиции выходит процессное и процессно-экспертное [3].

Интенсивность инновационных процессов в образовании привела к широкому обсуждению инноваций в социальных сетях, что способствовало стихийному появлению «сетевых консультантов» среди учителей-предметников, руководителей образовательных организаций.

На наш взгляд, «сетевые консультанты» должны обладать как базовыми, так и специальными компетенциями, хорошо разбираться как в государственной, так и в региональной политике, в области развития образования, а также должны владеть технологиями самого консалтингового процесса.

При выборе консультантов целесообразно учесть дифференциацию консультантов по видам (экспертный, процессный и обучающий консалтинг).

Продуктом консалтинговой деятельности является услуга, оказываемая клиенту. Педагогический консалтинг осуществляется в двух формах: индивидуальной и групповой.

Индивидуальный консалтинг отличается особой степенью доверительности.

В основе индивидуального консалтинга лежит категория индивидуальности, понимаемая как неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека. В самом общем плане индивидуальность в качестве особенного, характеризующего данную единичность в её качественных отличиях, противопоставляется типичному как общему, присущему всем элементам данного класса или значительной части их [5]. При данной форме консалтинга консультанту необходимо знать основные подходы к индивидуальности клиента, разработанные в современной науке.

Для Б. Г. Ананьева индивидуальность – высший уровень развития личности: «Если личность – «вершина» всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это глубина личности и субъекта деятельности» [1].

Таким образом, индивидуальный консалтинг предполагает учёт в консалтинговой практике типологических характеристик личности клиента, уровня социальной компетентности, особенностей его коммуникационной культуры, мотивационную готовность к получению консалтинговой или иной поддержки, статусно-ролевых позиций в детском или педагогическом коллективе, способность самостоятельно преодолевать трудности.

Групповой консалтинг – любая форма работы консалтинговой помощи в условиях взаимодействия с группой.

При групповой форме консалтинга к консультанту предъявляются определённые требования, такие как: ораторские способности, навыки работы с группой, поддержка интересов слушателей, умение донести информацию, чувствовать настроение аудитории.

Наиболее важным элементом группового консалтинга является работа с командой. Команда – это малая группа лиц, чьи способности взаимно дополняют друг друга, их объединяют общее дело, совместные цели, общий подход к организации и разделению труда и взаимная ответственность [5].

Рассмотрим более подробно групповой консалтинг в ситуациях профессионального затруднения педагогов.

Одной из востребованных деятельностей консультанта является консультация молодых педагогов. Именно в этот период у молодых специалистов наиболее остро ощущаются затруднения в профессиональной деятельности, снятие которых требует квалифицированной помощи со стороны более опытного специалиста, способного оказать консалтинговые услуги как педагогического, так и управленческого характера.

В состав группы педагогов входят люди, находящиеся в профессиональном, а нередко в личностном взаимодействии, что может носить различный характер – от дружеского до конфликтного. Это должно учитываться консультантом, т. к. данный факт может оказать как позитивное, так и негативное влияние на различные составляющие группового процесса, например, межличностное взаимодействие, сплочённость группы, готовность к профессиональному и личностному раскрытию участников и др.

Трудно переоценить роль консультанта в подготовке групповых решений, связанных с профессиональной деятельностью не одного педагога, а целого педагогического коллектива или группы профессионалов. В таком преломлении групповой консалтинг становится надёжным средством решения управленческих задач. Не каждое решение, которое принимается в группе, можно считать групповым.

По мнению А. В. Карпова, исследовавшего психологию групповых решений, «процессы принятия групповых решений наиболее полно, рельефно и явно представлены в паритетных группах, т. е. в группах, не имеющих иерархической организации» [6, с. 26]. Паритетность группы обеспечивает включение в процесс принятия группового решения всей совокупности межличностных взаимодействий в группе и всей системы групповых факторов и особенностей.

Консультант, работая с паритетной группой, должен почувствовать и вникнуть в систему существующих межличностных отношений, выявить наиболее авторитетных участников, способных оказать влияние, а иногда и прямое давление на своих коллег. Дабы избежать субъективного мнения в принятии группового решения, консультанту необходимо сбалансировать ролевые позиции участников и соотнести субъективные суждения с объективно существующими проблемами, которые требуют решения.

Можно выделить два подхода принятия группового решения:

Подход первый: движение «снизу вверх» – консультант подходит к формированию группового решения посредством агрегации (синтеза) индивидуальных позиций и выборов. В таком варианте задачей консультанта является выявление широкого спектра мнений и позиций участников группы, их визуализация, вербализация и систематизация с помощью техник модерирования; затем – определение индивидуальных предпочтений, которые и будут положены в основу группового решения. При этом консультант рассчитывает на достижение синергетического эффекта, когда общий результат (в данном случае – групповое решение) будет более весомым, чем сумма индивидуальных вкладов [5, с. 210].

Таким образом, подход «снизу вверх» достаточно понятен и относительно легко осуществим.

Подход второй: движение «сверху вниз». Групповые решения не могут рассматриваться как простая производная от индивидуальных. Они не являются продуктом агрегации последних, и поэтому не выводимы из них и к ним не сводимы, т. е. обладают относительной автономностью от индивидуальных решений, приобретают в известной степени самостоятельный статус [5, с. 210].

Более подробно рассмотрим суть второго подхода в исследовании А. В. Карпова. По его мнению, групповые решения «нельзя трактовать как продукт и результат агрегации, синтезирования «низшего в высшем», т. е. индивидуальных решений в групповые. Наоборот, они должны быть поняты как продукт и аспект функционирования некоторой более общей по отношению к ним целостности. Они структурируются не «снизу вверх», а скорее «сверху вниз» – ни путём интеграции в групповые решения индивидуализированных, а путём дифференциации общих межличностных взаимодействий в группе на те или иные процессы, в том числе и на процессы совместных решений. Тем самым на них переносится и всё качественное своеобразие процессов межличностной динамики и функционирования, что придает им специфичность, несводимость к агрегативной сумме индивидуальных решений» [6].

Основное отличие индивидуального консалтинга от группового заключается в воздействии группы на участников. Их мнение становится главным инструментом консультанта при разрешении проблем клиента. Но это не означает, что мнение консультанта при групповом консалтинге не играет никакой роли. Напротив, квалифицированный консультант, работающий в группе, является важным фактором, оказывающим существенное влияние на поведение и установки её участников. Как отмечает Р. Кочюнас, для воздействия на личность в группе используются как навыки консультанта, так и потенциал отдельных участников и группы в целом [7].

Если индивидуальный консалтинг, базирующийся на диаде «клиент-консультант», создаёт специфическую для консультируемого ситуацию, в которую он должен «войти», освоив новые для него условия и обстановку, то групповой консалтинг в определённом смысле воссоздает ту социальную и профессиональную среду, которая является привычной, «своей» для клиента. В этой связи группу называют «микрокосмосом или обществом в миниатюре, отражающим в себе весь внешний мир и придающим реалистичность искусственно создаваемым отношениям» [8, с. 15].

На наш взгляд, консультант должен использовать в своей работе как индивидуальную, так и групповую формы работы, поскольку каждая из этих форм имеет свои преимущества. Выбор формы консультации должен зависеть, в конечном счёте, от конкретной ситуации профессионального затруднения, предполагающей вмешательство консультанта.

Какова цель консультантов по вопросам развития системы образования?

В проекте доклада «Развитие сферы образования и социализация в среднесрочный период» («Стратегия 2020») фиксируется современное состояние российского образования, определены векторы развития, выделены вызовы и риски.

Основные проблемы образования сегодня – недостаточный охват дошкольным образованием; высокая доля школьников, не достигающих удовлетворительного уровня функциональной грамотности; значительное отставание наименее успешных групп учащихся от наиболее успешных; недостаточное развитие социальной компетентности и позитивных социальных установок у выпускников школ.

По доступности среднего полного образования Россия входит в число лидеров. Уровень знаний и умений наших школьников по ряду предметов выше уровня учащихся многих развитых стран, достаточно высок уровень теоретической подготовки учителей, началось обновление инфраструктуры общего образования.

Причины обостряющихся проблем – неразвитость системы поддержки раннего развития детей, ограниченное предложение услуг дошкольного образования, ухудшение качества педагогического корпуса, рост межрегиональных и межшкольных различий в качестве образования, стагнация системы дополнительного образования и воспитания. Образование перестало выполнять функцию социального лифта, оно начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию. Сеть образовательных организаций не соответствует особенностям расселения, а содержание и формы образования – изменившимся запросам населения. При этом механизм единовременного обновления содержания образования через введение новых стандартов не работает.

Не завершены институциональные реформы. Содержание и объём социальных обязательств государства в сфере образования недостаточно конкретизированы. Система образования «устала» от постоянных изменений и новых инициатив, усиливается имитация реформ. Ограничены автономия и возможность принятия эффективных решений на региональном, муниципальном и школьном уровнях. Соответственно, отсутствуют механизмы обратной связи и самокоррекции, которые позволили бы системе оперативно адаптироваться к особенностям внешней среды.

Проблемы с ЕГЭ, который должен был стать частью национальной системы оценки качества образования (СОКО), являются последствиями и примером частичного решения задач. Необходимо создание полноценной национальной СОКО, включающей разнообразные механизмы оценки качества образования и индивидуальных образовательных достижений.

Глобальные вызовы образованию завтрашнего дня: школа утратила монополию на образование и социализацию детей и не умеет опираться на изменившиеся механизмы взросления и семейного воспитания. Система образования не успевает обновляться, чтобы отвечать на технологические, культурные и социальные изменения, на новые потребности семей и детей.

Целями нового этапа развития образования должны стать: обеспечение позитивной социализации и учебной успешности каждого ребёнка, усиление вклада образования в инновационное развитие России, ответ на вызовы изменившейся культурной, социальной и технологической среды.

Чтобы решить острые проблемы сегодняшнего образования и ответить на вызовы завтрашнего дня, необходимо завершить начатые институциональные преобразования и не запускать новые. В среднесрочной перспективе развития системы образования акцент должен быть перенесён с реформы институтов и укрепления инфраструктуры на достижение нового качества образовательных результатов.

На период до 2020 года приоритетными образовательными результатами должны стать: способность эффективно применять теоретические знания, высокий уровень развития технологических компетенций, формирование позитивных социальных установок. При этом необходимо обеспечить базовую

успешность каждого школьника, не допуская выхода из школ молодых людей без основ грамотности в области естественных и гуманитарных наук, без базовых социальных компетентностей.

Предметом образовательной политики следует считать не столько систему школ и дошкольных образовательных учреждений, сколько всю сферу образования и социализации молодого поколения.

Таким образом, наиболее реалистичным сценарием для развития сферы образования является модернизация современной школы, направленная на расширение её социально-культурных функций, обновление содержания образования, улучшение преподавания в соответствии с новыми вызовами цивилизации.

Библиографический список

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб., 1968.
2. Азрилияна, А. Н. // Большой экономический словарь. – 4-е изд. – М. : 1998. – 1472 с.
3. Всероссийская академия внешней торговли. Консалтинговые услуги в России и за рубежом [Электронный ресурс] / Всероссийская академия внешней торговли. – Режим доступа: <http://www.coolreferat.com/>
4. Прохоров, А. М. // Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., М: 1997. – 1456 с.
5. Педагогическое консультирование : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостенина, И. А. Колесниковой. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.
6. Карпов, А. В. Психология групповых решений. – М., 2000.
7. Кочюнас, Р. Психотерапевтические группы: теория и практика : пер. с лит. – М., 2000.
8. Рудестам, К. Групповая психотерапия. – СПб., 1998.
9. Словарь иностранных слов. – М. : «Русский язык», 1989. – 254 с.
10. Чечель, И. Д. Роль консалтинга в модернизации общего образования / И. Д. Чечель // Инновации в образовании. – № 6. – 2012. – с. 80–94.

T. V. Sosnina, Institute of Management in Education of RAE, Moscow

THE ROLE OF THE EDUCATIONAL CONSULTING IN THE MODERNIZATION OF THE MODERN SCHOOL

The article describes the types of educational consulting during the modernization of the modern school. Considered compared internal and external consultants.

Keywords: educational consulting, consultant, an outside consultant, internal consultant, individual consulting, group consulting.

References

1. Ananiev B.G. Man as an object of knowledge. SPb., 1968.
2. Azriliyana A.N. Great dictionary of economics. Moscow, 1998, 1472 p.
3. Russian Foreign Trade Academy. Consulting services in Russia and abroad <http://www.coolreferat.com/>.
4. Prokhorov A.M. Great encyclopedic dictionary. Moscow, 1997, 1456 p.
5. Slastenin I.A.. Kolesnikova I.A. Educational counseling. *The publishing center «Academy»*, Moscow, 2006, 320 p.
6. Karpov A.V. Psychology group decisions. Moscow, 2000.
7. Kochyunas R. Therapeutic groups: theory and practice. Moscow, 2000.
8. Rudestam K. Group therapy. SPb., 1998.
9. Dictionary of Foreign Words. *Russian language*, Moscow, 1989, 254 p.
10. Chechel I. D. Consulting role in the modernization of education. *Innovation in Education*, 2012, no. 6, pp. 80–94.

© Т. В. Соснина, 2015

Автор статьи – Татьяна Владимировна Соснина, аспирантка, Институт управления образованием Российской академии образования, г. Москва, e-mail: Tatiana-0108@yandex.ru

Рецензенты:

И. Д. Чечель, доктор педагогических наук, профессор, Институт управления образованием Российской академии образования.

И. А. Петухова, кандидат философских наук, Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.

РАЗДЕЛ 3 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 3 ECONOMIC SCIENCES

УДК 336.01.5+338.24

В. И. Ахмеева,
Самарский институт (филиал)
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

РЕФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Представлен анализ сформировавшейся модели местного самоуправления в РФ. На основе анализа местного самоуправления как экономической категории и теории бюджетного федерализма выявлены основные проблемы модели «выравнивания» местного самоуправления. Определены подходы формирования финансовой самостоятельности местного самоуправления в моделях бюджетного федерализма.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальная организация местного самоуправления, модель «выравнивания» местного самоуправления, модели бюджетного федерализма.

В мае 2014 г. принят закон о реформе местного самоуправления [1]. Основная цель новой реформы – приближение местной власти к населению за счёт введения нового типа муниципального образования – город с районным делением. Как следствие – изменение структуры органов местного самоуправления, ликвидация выборных глав местного самоуправления на уровне городов и районов, в том числе в столицах субъектов Федерации, которые имеют районное деление территорий. Целью статьи является раскрытие экономических условий реальной возможности местной власти выразить интересы населения на основе понимания местного самоуправления как экономической категории, а также теории федерализма, которая рассматривает распределение финансовых ресурсов между уровнями управления в соответствии с предпочтениями экономических субъектов.

В политическом контексте и с точки зрения политической системы общества, местное самоуправление – форма осуществления публичной власти, которая, с одной стороны, является необходимым элементом в общей системе государственного управления, с другой – социальное образование, социальная общность людей определённой территории, осуществляющая ведение дел местного сообщества в рамках самоуправления. В экономическом контексте это территориальные границы обособления ресурсов отдельного муниципального образования на основе рыночного принципа эффективной аллокации (размещения) ресурсов государственного сектора с позиции реальной способности органов местного самоуправления выразить интересы населения.

Теория федерализма рассматривает распределение ресурсов и компетенций между уровнями государственного сектора как возможность наиболее эффективного предоставления общественных благ с разным «радиусом использования». Один из основоположников в области теории фискального федерализма Ричард Масгейв связывает максимально эффективное предоставление общественных благ «разного радиуса действия» с существованием локальных финансовых сообществ (общин). Вкратце его аргументация такова. Во-первых, предоставление общественных благ ограничено территориально. Соответственно, можно говорить об общественных благах различного радиуса предоставления – большого (например, государственная оборона) и малого (например, детское дошкольное образование). Во-вторых, издержки отдельных потребителей общественных благ тем ниже, чем выше платёжеспособный спрос со стороны остальных потребителей, т. е. можно говорить о стремлении к пространственному объединению потребителей, обладающих сравнимыми потребностями. В результате «каждый потребитель становится, таким образом, членом определённого финансового сообщества, задачей которого является предоставление ему определённых общественных благ» [2], соответственно адекватность расселения населения является ключевым фактором эффективности местного самоуправления.

Российская (национальная) модель местного самоуправления сформировалась в результате реализации Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», принятого 6 октября 2003 года. Концепция Федерального закона была направлена на создание единой системы местного самоуправления во всех субъектах Российской Федерации на базе принципа унификации правовых, организационных и финансовых основ функционирования местного самоуправления, поэтому содержание этой модели можно определить как модель выравнивания социально-экономических условий функционирования местного самоуправления. Федеральный закон чётко разделил муниципальные образования на несколько типов: городские или сельские поселения, муниципальные районы и городские округа с разными объёмами полномочий и своими источниками доходов. Такое разделение являлось крупным шагом в системе территориальной организации местного самоуправления в России, общее количество муниципальных образований возросло вдвое: с 13,5 до 24,7 тысяч. Более 80 % от их общего числа составили сельские поселения [1].

Модель выравнивания социально-экономических условий функционирования местного самоуправления базировалась на двухуровневой системе. На её «первом уровне» – в городских и сельских поселениях – реализовывался социально-хозяйственный потенциал территориальных сообществ и была создана приближенная к населению местная власть, то есть в основу был положен географический принцип (пешеходная, транспортная доступность, текущие и перспективные границы населённых пунктов). На «втором уровне» – в муниципальных районах и городских округах – предполагалось решать социальные и инфраструктурные задачи. В бюджетной системе этот подход реализуется в принципе субсидиарности, который даёт большие возможности для обеспечения участия местных и региональных властей в определении объёма их полномочий. Для обеспечения эффективной работы многоуровневой структуры, построенной на принципе субсидиарности, в систему должны быть включены определённые гарантии относительно соблюдения справедливого баланса между делегированными и собственными полномочиями, делегированными полномочиями и ресурсами, необходимыми для их осуществления [3].

Этот принцип в теории федерализма обосновывается следующими причинами:

– при наличии большого числа муниципальных образований бюджетная централизация создаёт предпосылки для адекватного выявления предпочтений, касающихся муниципальных общественных благ, и наиболее полной реализации этих предпочтений. Без вмешательства федеральных и региональных властей возможна сильная мотивация для формирования муниципальных образований из индивидуумов со сходными уровнями доходов при прямом или косвенном исключении других;

– принцип справедливости требует обеспечить населению страны некоторый минимум потребления муниципальных общественных благ. Ресурсные возможности муниципальных образований неодинаковы в силу географических, экономических и социальных причин, что обуславливает различия в доступности этих благ для населения;

– выгоды от общественных благ, предоставление которых осуществляет местное самоуправление, обычно не совпадают с административными границами муниципальных образований (например, обязательное среднее образование), т. е. имеют место позитивные внешние эффекты. Поэтому для оптимального размещения государственных финансов требуется, чтобы территория, за счёт бюджета которой осуществляется их предоставление, получила компенсацию за экстерналии;

– при предоставлении смешанно-общественных благ (образование, здравоохранение, культура и др.) компетенция органов местного самоуправления расширяется путём наделения их «отдельными государственными полномочиями». Местное самоуправление получает от федеральных и региональных органов власти мандат и финансовые ресурсы на исполнение соответствующих функций, становясь при этом агентом государства. Полномочия органов местного самоуправления, которые имеют важное значение не только для отдельных муниципальных образований, но и для государства в целом, финансируются из федерального и регионального бюджетов в виде компенсационных трансфертов.

Таким образом, принцип субсидиарности соответствует основному постулату теории федерализма, который утверждает, что децентрализация государственной власти является предпосылкой соблюдения рыночного требования аллокации (оптимального размещения) ресурсов. В федеральном государстве необходимо взаимодействие всех уровней власти, обладающих финансовой ответственностью, с целью максимально эффективного предоставления «общественных благ» разного радиуса действия [4].

Принцип субсидиарности не исключает автономии местного самоуправления в сфере компетенций в пределах, установленных законом, право на обладание собственными финансовыми ресурсами и свободное распоряжение ими при осуществлении своих полномочий. Принцип субсидиарности для местного самоуправления заключается в целесообразности сохранения полномочия у вышестоящего уровня власти только тогда, когда их выполнение более эффективно осуществлять именно на этом уровне; полномочия должны осуществляться на уровне, который находится ближе всего к населению.

Практическая реализация территориальной реформы местного самоуправления выявила ряд сложных проблем. В значительной степени они связаны с очень большой дифференциацией экономического потенциала муниципальных образований. В частности, многие сельские поселения оказались фактически нежизнеспособными в силу отсутствия собственной доходной базы, неразвитости инфраструктуры и объёмов расходных полномочий по вопросам местного значения. Поэтому в ряде субъектов Российской Федерации начался процесс внесения изменений в систему муниципальных образований, её трансформация на укрупнение муниципальных образований. В результате общее количество муниципальных образований в России сократилось за последние несколько лет более чем на 1700 и в начале 2013 года стало меньше 23 тысяч [5].

Дифференциация экономического потенциала муниципальных образований обусловила дифференциацию местных бюджетов по доходам. Поэтому общие нормативы выравнивания местных бюджетов по доходам определили значительную централизацию на уровне субъектов Российской Федерации, а также на федеральном уровне. Это позволило создать систему финансового обеспечения местного самоуправления, но не финансовую самостоятельность местного самоуправления. Доля собственных финансовых ресурсов в доходах местных бюджетов является общепризнанным показателем финансовой самостоятельности органов местного самоуправления. В мировой практике к ним относят средства, которые органы местного самоуправления получают в результате принятия самостоятельных решений или которыми они могут распоряжаться по своему усмотрению. Данное понятие объединяет налоговые и неналоговые доходы.

Удельный вес собственных доходов местных бюджетов (налоговых, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений) в ВВП в 2013 г. составил 3,7 %. Для сравнения: доля собственных доходов местных бюджетов в ВВП РФ в 1996 г. составляла 10,2 %, в 2000 г. – 6,8 % [7]. Доля собственных доходов местных бюджетов в ВВП заметно уменьшилась к 2000 г., и дальнейшие колебания по сравнению с этим уменьшением были значительно меньшими по масштабу (табл. 1).

Данная тенденция отражает процесс централизации финансовых ресурсов с последующим перераспределением их на уровень местного самоуправления через дотации, субвенции, субсидии по госпрограммам и т. д. (табл. 2).

Процесс выравнивания доходов местных бюджетов отразился на распределении их расходов в соответствии с приоритетами, определяемыми федеральным центром и субъектами РФ. В последние годы около двух третей трансфертов, поступающих в местные бюджеты, носят целевой характер. Условием получения трансфертов является софинансирование за счёт средств местных бюджетов. В данную категорию попадает подавляющая часть средств, направляемых на цели развития, то есть расходов, носящих инвестиционный характер.

Таблица 1

Доходы и расходы местных бюджетов в 2006–2013 годах, млрд р. [6]

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общий объём доходов местных бюджетов	1521,6	1948,8	2411,6	2387,6	2600,5	2961,1	3138,4	3390,2
Собственные доходы местных бюджетов	1084,2	1387,2	1880,1	1805,3	1973,3	2249,7	2244,8	2446,9
Удельный вес собственных доходов в ВВП, %	4,0	4,2	4,6	4,7	4,4	4,1	3,6	3,7
в консолидированном бюджете РФ, %	10,2	10,4	11,6	13,3	12,6	10,8	9,7	10,2
Общий объём расходов местных бюджетов	1511,4	1933,8	2422,2	2440,3	2612,4	2975,8	3165,9	3433,0
Объём расходов на решение вопросов местного значения	1074,0	1372,2	1890,6	1857,7	1985,1	2264,5	2272,3	2489,2
Удельный вес расходов на решение вопросов местного значения в ВВП, %	4,0	4,1	4,6	4,8	4,4	4,1	3,7	3,7
в консолидированном бюджете РФ, %	12,8	12,1	13,4	11,6	11,5	11,3	10,0	10,0

Таблица 2

Структура доходов бюджетов муниципальных образований разных типов в 2010 году (без учёта внутригородских округов Москвы и Санкт-Петербурга) [10]

Показатели	Городские округа		Муниципальные районы		Поселения	
	млрд р.	Удельный вес, %	млрд р.	Удельный вес, %	млрд р.	Удельный вес, %
Налоговые и неналоговые доходы	673,0	52,5	266,2	25,5	108,9	41,9
Безвозмездные поступления, в том числе:	603,9	47,1	774,3	74,3	158,4	58,1
дотации	82,3	6,4	183,5	18,1	62,0	23,8
субсидии	222,8	17,4	178,5	15,6	53,6	19,0
субвенции	256,6	20,0	359,4	35,8	6,9	2,8
прочие	42,2	3,3	52,9	4,8	35,9	12,5
Доходы от предпринимательской деятельности	6,0	0,5	1,6	0,2	0,1	0,0
Всего доходов	1282,8	100,0	1042,1	100,0	267,4	100,0

При этом было введено дополнительное специальное законодательное ограничение на расходную политику муниципальных образований. В соответствии со статьей 136 Бюджетного кодекса РФ, вступившей в действие в 2008 году, введены ограничения для субъектов Федерации и муниципальных образований, связанные с долей дотаций и субсидий в собственных доходах их бюджетов. Если доля дотаций и субсидий в собственных доходах в течение двух из трёх последних отчётных лет превышала 30 %, муниципальное образование не имеет права финансировать расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесённых к полномочиям органов местного самоуправления. Данные таблицы 2 показывают, что средний муниципалитет России не имеет права самостоятельно принимать расходные обязательства, актуальные для муниципального образования, но не определённые в законе.

Таким образом, в модели выравнивания социально-экономических условий функционирования местного самоуправления фактически отсутствует финансовая самостоятельность местного самоуправления. По этой причине также отсутствует заинтересованность в проведении преобразований, нацеленных на социально-экономическое развитие муниципальных образований, что тормозит развитие страны в целом.

Анализируя точки роста регионов, можно выявить территории опережающего развития. Инновационные подходы к территориальному управлению, создание ТОР и зон территориального развития требуют подключения инструментов территориального маркетинга. Для реализации сценария развития территорий необходимо законодательно закрепить статусы ТОР на различных уровнях: региональных, районных [8].

В модели выравнивания социально-экономических условий функционирования местного самоуправления критериями оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления выступали унифицированные формализованные количественные показатели, отражающие развитие муниципальных образований. К ним относятся: экономическое развитие, дошкольное, общее, дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильём, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности. Перечень оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления включил в себя направления, которые не относятся к компетенциям местного самоуправления, но влияют на качество жизни населения. Целью выработки оценки являлись анализ эффективности бюджетных расходов и поощрение муниципальных образований, достигших наилучшего качества управления местными финансами, а не стимулирование муниципалитетов к наращиванию собственного налогового потенциала.

Учёными выявлено, что при расчёте плановых социально-экономических показателей берутся в расчёт среднестатистические расходы бюджета муниципалитета на душу населения без учёта различий территорий по площади границ муниципалитетов [9].

Таким образом, выгоды децентрализации и самостоятельность местных бюджетов уменьшаются при увеличении различного рода трансфертов из бюджетов верхнего уровня при предоставлении помощи в покрытии расходов, так как трансферты позволяют не увязывать удовлетворение потребностей населения в вопросах жизнеобеспечения. Без существования подобной связки возникает риск «фискальной иллюзии», т. е. риск избыточного финансирования местных расходных потребностей. Слабая увязка расходов местных бюджетов с собственными доходами порождает тенденцию к превышению оптимального уровня совокупного налогового бремени за счёт роста федеральных налогов. С другой стороны, так как размер трансфертов зависит от решений региональных органов власти, то возникает вероятность частого и необоснованного снижения объёмов финансовых ресурсов, передаваемых в местные бюджеты, что приводит к невозможности создания стабильной системы финансирования местных бюджетов. Зависимость от трансфертов сковывает самостоятельность местных органов власти в разработке и реализации бюджетной политики, отвечающей предпочтениям жителей муниципальных образований.

Следствием сформировавшейся модели «выравнивания» является постепенное сокращение муниципального сектора экономики (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество муниципальных организаций, единиц на начало года [5]

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013/ 2009
Число муниципальных унитарных предприятий	22 988	21 099	21 025	19 547	18 251	16 752	15 950	–30,6 %
Число муниципальных учреждений социальной сферы, в том числе:	165 485	159 625	155 918	146 206	137 610	132 996	–	–19,6 %
образования	102 569	103 312	101 481	98 629	96 668	92 264	89 643	–12,6 %
здравоохранения	10 805	8342	7482	7440	6533	4515	–	–58,2 %
культуры	39 939	37 345	35 721	34 562	27 590	30 816	30 915	–22,6 %
спорта	12 152	10 626	11 234	5575	6819	5401	5171	–57,5 %

Сокращение организаций здравоохранения и спорта обусловлено тем, что из введения местного самоуправления были последовательно исключены вопросы оказания специализированной медицинской помощи, а затем и медицинской помощи в целом, а также полномочия в отношении специализированных спортивных школ. Этот подход был реализован в рамках повышения эффективности (оптимизации) бюджетных расходов. На практике это нарушение принципа субсидиарности на уровне местного самоуправления в части того, что полномочия должны стремиться осуществляться на уровне, который находится ближе всего к населению, то есть к подрыванию основ местного самоуправления, и не приводит к повышению качества и доступности для населения муниципальных услуг.

На решение проблем функционирования местного самоуправления направлены федеральные законы – № 136-ФЗ и 165-ФЗ, которые вносят изменения в систему управления местного самоуправления через наделение правом субъектов Федерации в вариантности и многообразии форм организации местного самоуправления. Это и возможность создания городских округов с внутригородским делением, и передача части функций от сельских поселений к муниципальным районам и обратно, и перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Федераций.

Вторым направлением реформирования системы местного самоуправления планируется внесение изменений в формирование муниципальных финансов и экономику муниципального сектора. Основные предложения в ходе обсуждения этой проблемы направлены на увеличение налоговых доходов местных бюджетов в целях стимулирования развития территорий. К ним относятся: налоги на малый бизнес, 2 % от налога на прибыль организаций, отчисления на доходы физических лиц и др.

При определении налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов важно создать условия для финансовой самостоятельности местных бюджетов. Мировая практика имеет опыт решения этой задачи в рамках моделей бюджетного федерализма: фискального, бюджетно-налогового и конкурентного. Использование моделей бюджетного федерализма в конкретных странах обусловлено влиянием исторических, географических, политических и этнокультурных факторов. Во всех моделях формирование финансовых ресурсов местного самоуправления базируется на следующих механизмах: взаимодействии федеральных, региональных и местных органов власти, типе налоговой системы, межбюджетных отношениях. При этом модели имеют свои особенности в формировании финансовой самостоятельности органов местного самоуправления.

Формирование финансовой самостоятельности органов местного самоуправления в модели фискального федерализма достигается сбалансированностью местного бюджета с солидной собственной базой. Размер бюджетных средств, предоставляемых каждому муниципальному образованию, рассчитывается на основании показателя финансовой потребности. Источниками доходов местных бюджетов являются, в первую очередь, собственные источники (в рамках вертикального финансового выравнивания) и финансовые трансферты из региональных бюджетов (в рамках горизонтального финансового выравнивания). Местное налогообложение играет вторичную роль. Трансферты в местные бюджеты выплачиваются в форме общих дотаций, которые органы местного самоуправления вправе расходовать свободно, по своему усмотрению, другую часть составляют целевые субвенции, которые служат инструментом государственной инвестиционной политики.

В модели бюджетно-налогового федерализма источники доходов местных бюджетов рассматриваются с точки зрения их влияния на бюджетную самостоятельность органов местного самоуправления. Данная модель исходит из того, что выгоды децентрализации и самостоятельность местных бюджетов уменьшаются при увеличении различного рода трансфертов из бюджетов верхнего уровня при предоставлении помощи в покрытии расходов, так как трансферты позволяют не увязывать удовлетворение потребностей населения в муниципальных услугах с ростом налогообложения именно тех граждан, которые потребляют данные блага. Без существования подобной связки возникает риск «фискальной иллюзии», т. е. риск избыточного финансирования местных расходных потребностей. Слабая увязка расходов местных бюджетов с собственными доходами порождает тенденцию к превышению оптимального уровня совокупного налогового бремени за счёт роста федеральных налогов. С другой стороны, так как размер трансфертов зависит от решений региональных органов власти, то возникает вероятность частого и необоснованного снижения объёмов финансовых ресурсов, передаваемых в местные бюджеты, что приводит к невозможности создания стабильной системы финансирования муниципальных услуг. Зависимость от трансфертов сковывает

самостоятельность местных органов власти в разработке и реализации бюджетной политики, отвечающей предпочтениям жителей муниципальных образований.

В модели бюджетно-налогового федерализма доходы местных бюджетов в большей степени ориентированы на собственные налоговые источники доходов. Преимущество такой системы в том, что она обеспечивает прямую ответственность местных органов самоуправления перед жителями-налогоплательщиками, а также обеспечивает высокую степень финансовой автономии местных сообществ, которые имеют возможность самостоятельно контролировать уровень своих финансовых ресурсов.

Конкурентный федерализм исходит из необходимости более весомой самостоятельности органов местного самоуправления, так как именно на этом уровне особенно ярко проявляется конкуренция между территориями, складываются непосредственные отношения между органами местной власти и экономическими субъектами. Важным условием самостоятельной конкурентной экономической политики органов местного самоуправления являются расходы местных бюджетов, направляемые на финансирование производственной и непроизводственной инфраструктур. Дело в том, что объекты инфраструктуры и социальной сферы не только локально привязаны, но, как правило, непосредственно работают на нужды конкретной территории, удовлетворяя прежде всего потребности местной деловой среды и населения. Расходы на финансирование инфраструктуры дают возможность частным предприятиям, размещённым на данной территории, экономить на вспомогательных строительных работах, сокращать сроки строительства и ввода предприятий в эксплуатацию, тем самым обеспечивают благоприятный инвестиционный климат территории.

Таким образом, каждая модель бюджетного федерализма имеет свои особенности формирования финансовых ресурсов местного самоуправления, которые во всех моделях являются основой финансовой самостоятельности местного самоуправления. Принципами, определяющими финансовую самостоятельность местного самоуправления, во всех моделях выступают: во-первых, сбалансированность местных бюджетов, под которой понимается соответствие размера доходов выполняемым полномочиям органов местного самоуправления, во-вторых, преобладание собственных финансовых ресурсов в доходах местных бюджетов.

Невзирая на все различия моделей бюджетного федерализма, общим для них является стремление определять объём финансовых ресурсов муниципального сектора через применение объективных и открытых правил. Независимо от того, идёт ли речь о налоговых поступлениях или об оценке финансовых потребностей, межбюджетные отношения воздействуют на них лишь мерами общего характера; региональные органы власти не имеют рычагов влияния на финансовые ресурсы отдельно взятого муниципального образования.

Библиографический список

1. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: закон Рос. Федерации от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Musgrave, R. A. Theories of Fiscal Federalism, in: Public Finance. The Naque, 1969. Vol. 24. Цит. по: Баранова К. К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. – М.: Дело и сервис. 2000. – С. 16.
3. Бабун, Р. Территориальная организация местного самоуправления: куда идём и что делать? / Р. Бабун // Муниципальная власть. – 2013. – № 3. – С. 32–38.
4. Уткин, Э. А. Зарубежный опыт местного самоуправления / Э. А. Уткин, А. Ф. Денисов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vasilieva.narod.ru>.
5. Баранова, К. К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии / К. К. Баранова. – М.: Дело и сервис, 2000. – 240 с.
6. Бабун, Р. Территориальная организация местного самоуправления: куда идем и что делать? / Р. Бабун // Муниципальная власть. – 2013. – № 3. – С. 32–38.
7. Новый формат местного самоуправления: некоторые подходы к реформе экономической модели // Муниципальная власть. – 2014. – №1. – С. 46–59.
8. Лукина, Т. С. Стратегии формирования территории опережающего развития / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Вестник СибАДИ. – 2015. – № 3(43). – С. 141–148.
9. Лукина, Т. С. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 4 (18). – С. 225–234.

10. Чернявский, А. Финансовая децентрализация и местное самоуправление в период реформ / А. Чернявский, К. Вартапетов // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 94–108.

11. Анализ финансового состояния муниципальных образований //Муниципальная власть – 2012. – № 1. – С. 51–55.

V. I. Ahmeeva,
Samara Institute (branch) Russian economic University. G. V. Plekhanov

THE REFORM OF THE ECONOMIC MODEL OF LOCAL GOVERNMENT BASED ON TERRITORIAL ORGANIZATION

Analysis of a model of «alignment» of local government. The purpose of the analysis the identification of problems of functioning of local government from the standpoint of economic categories and the theory of fiscal federalism. Defined approaches to the formation of financial independence of local governments with models of fiscal federalism.

Keywords: local self-government, territorial organization of local self-government, model «alignment» of local government, the model of fiscal federalism.

References

1. О внесении изменений в стат'ю 26.3 Федерального закона «Об основных принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 27 мая 2014 г. no 136 – FZ // <http://www.consultant.ru>.

2. Musgrave R. A. Theories of Fiscal Federalism, in: Public Finance. The Hague, 1969. Vol. 24. Tsit. po: Baranova K.K. *Byudzhetniy federalizm i mestnoe samoupravlenie v Germanii*. Moscow. Delo i servis. 2000. vol. p.16.

3. Babun R. Territorial'naya organizatsiya mestnogo samoupravleniya: kuda idem i chto delat'? *Munitsipal'naya vlast'*. 2013. vol. no 3. pp. 32–38.

4. Utkin E.A., Denisov A.F. Zarubezhnyi opyt mestnogo samoupravleniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: // <http://vasilieva.narod.ru>.

5. Baranova K. K. *Byudzhetniy federalizm i mestnoe samoupravlenie v Germanii*. Moscow. Delo i servis. 2000. vol. 240 p.

6. Babun R. Territorial'naya organizatsiya mestnogo samoupravleniya: kuda idem i chto delat'? *Munitsipal'naya vlast'*. 2013. vol. no 3. pp. 32–38.

7. Novyi format mestnogo samoupravleniya: nekotorye podkhody k reforme ekonomicheskoi modeli. *Munitsipal'naya vlast'*. 2014. vol. no 1. pp. 46–59.

8. Lukina, T. S. Strategii formirovaniya territorii operezhajushhego razvitiya / T. S. Lukina, O. Ju. Patlasov // *Vestnik SibADI*. 2015. no 3(43). pp. 141–148.

9. Lukina, T. S. Razrabotka marketingovykh strategiy sel'skikh territorij / T. S. Lukina, O. Ju. Patlasov // *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2014. no 4 (18). pp. 225–234.

10. Chernyavskii A., Vartapetov K. Finansovaya detsentralizatsiya i mestnoe samoupravlenie v period reform. *Voprosy ekonomiki*. 2003. vol. no 1. pp. 94–108.

11. Analiz finansovogo sostoyaniya munitsipal'nykh obrazovaniy. *Munitsipal'naya vlast'*. 2012. vol. no 1. pp 51–55.

© В. И. Ахмеева, 2015

Автор статьи – **Вера Ильинична Ахмеева**, кандидат экономических наук, доцент, Самарский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, e-mail: viax07@mail.ru.

Рецензенты:

М. Е. Коновалова, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

О. В. Трубечкая, кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет.

УДК 330.837

Т. В. Бахарева,
Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ФИРМЫ

Предметом научного анализа является корпоративная социальная ответственность современной фирмы, которая рассматривается автором в институциональном контексте. Цель работы – раскрыть содержание корпоративной социальной ответственности, её принципы, модели, специфику в российских условиях. Результаты работы показали, что институт корпоративной социальной ответственности, существующий фактически во всех зарубежных фирмах и имеющий статус формального, в российских фирмах присущ только наиболее продвинутым крупным фирмам и является по существу неформальным институтом. Данный институт обладает качествами экономического ресурса, поскольку обеспечивает более эффективные механизмы спецификации и защиты прав собственности, снижает транзакционные издержки во взаимодействиях с государством и бизнесом.

Ключевые слова: фирма, формальные институты, неформальные институты, корпоративная социальная ответственность, экономический ресурс.

Формирование основ концепции социальной ответственности бизнеса относят к концу XIX – началу XX в. Известно изречение Платона: «Одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно», по сути раскрывающее противоречивость рассматриваемого объекта исследования. Истоки концепции зародились в среде американских инженеров, которые видели в созидании и распространении социальной ответственности реальное средство повышения общественного престижа своей профессии. Впоследствии эта концепция с отраслевого уровня перешла на уровень бизнеса в целом, и в 20-х годах XX века в деловых кругах США концепция «служения» уже получила весьма широкое распространение. Отныне фирмы рассматривались как субъекты, имеющие обязательно иные более масштабные и высокие цели, кроме непосредственной цели «делания денег». Однако концепция служения, многие положения которой были в недостаточной степени проработаны и понятны, в условиях великой экономической депрессии в конце 20-х годов стала недолговечной.

Принято считать, что теоретические основы доктрины социальной ответственности бизнеса и представляющих его субъектов – фирм, корпораций сформулированы в работе экономиста Г. Боуэна «Социальная ответственность бизнесмена» (1953). Согласно его подходам *социальная ответственность корпораций* – это *обязанность* бизнесменов, выражающаяся в проведении той политики, принятии тех решений и следовании тем направлениям деятельности, которые желательны для общества с точки зрения его целей и ценностей [1].

Следует отметить, что выход работы Г. Боуэна способствовал научному размежеванию: появились как сторонники, так и противники данной теории. В числе сторонников корпоративной социальной ответственности были такие учёные, как К. Девис, Дж. МакГир, С. Сети, А. Кэрролл. Впоследствии их взгляды оформились в самостоятельное направление – теорию корпоративного альтруизма.

Противники корпоративной социальной ответственности были сильными специалистами, и к числу их относились такие известные учёные, как М. Фридмен, Т. Левитт. Так, М. Фридмен, родоначальник школы монетаризма, резко критиковал менеджеров за поддержку принципов социальной ответственности, поскольку расценивал это как вторжение в сферу вне их профессиональной компетенции. По сути М. Фридмен положил начало теории корпоративного эгоизма, согласно которой выражением всех моральных норм автоматически считается закон, и поэтому в бизнесе морально оправданы любые действия, если они не противоречат закону (соображения честности, нравственности и справедливости не должны влиять на принятие решения).

В настоящее время среди зарубежных концепций корпоративной социальной ответственности наибольшую известность получили такие теории, как теория корпоративной социальной деятельности, теория корпоративного гражданства, корпоративной социальной восприимчивости, теория заинтересованных сторон и др. На такое разнообразие теоретико-методологических подходов к

исследованию корпоративной социальной ответственности научный мир отреагировал по-своему, в частности, высказыванием американского специалиста С. Сети: «Понятие корпоративной социальной ответственности стало настолько часто употребляться в различных ситуациях, что лишилось уже всякого значения» [3].

Данный подход побуждает автора обратиться к первоисточникам, в которых раскрывается содержание понятия корпоративной социальной ответственности.

В английских энциклопедических источниках под социальной ответственностью понимается деятельность предприятия, учитывающего интересы общества, сознающего ответственность за свои действия, прямо или косвенно воздействующие на различные субъекты – на покупателей, поставщиков, сотрудников, акционеров, местное сообщество, а также на окружающую среду в целом. Европейская комиссия определяет корпоративную социальную ответственность как понятие, которое выражает добровольную озабоченность компаний социальными и экологическими вопросами, встающими как в процессе ведения бизнеса, так и при взаимодействии со стейкхолдерами [7]. Это определение подчёркивает добровольный характер КСО (корпоративной социальной ответственности).

Вариативность международных моделей КСО обусловлена дилеммой: бизнес самостоятельно определяет меру своего вклада в развитие общества, или официальные и неофициальные институты производят согласование общественных интересов, которые затем трансформируются в обязательные требования к бизнесу. Существует несколько моделей КСО.

Американская модель КСО инициируется самими компаниями и предусматривает максимальную самостоятельность корпораций в определении своего общественного вклада, но законодательно поощряет социальные инвестиции в выгодные для общества сферы через соответствующие налоговые льготы и зачёты, при этом государственное регулирование корпоративной социальной ответственности минимально.

Европейская модель КСО в большей степени представляет собой систему мер государственного регулирования.

Британская модель КСО сочетает элементы моделей США и континентальной Европы, но с существенным вовлечением государства и общественных институтов в процесс согласования общественных интересов, а также продвижения и поощрения лучших практик.

Российская модель КСО пока ориентирована на государство, собственников и персонал, но по мере развития общества произойдёт вовлечение местных сообществ, потребителей и других стейкхолдеров.

Подход к корпоративной социальной ответственности в России должен иметь более широкий и более прагматичный характер. Недопонимание целостности концепции корпоративной социальной ответственности и желание поскорее отчитаться перед государством представляют реальные сложности для формирования российской модели КСО. В России традиционно больше внимания уделяется вопросам КСО бизнеса как помощи социально уязвимым слоям населения, как спонсорство и меценатство. Однако постепенно общество начинает осознавать, что КСО представляет собой более сложное явление.

Отечественные учёные, как правило, не занимаются механическим переносом идей зарубежных коллег на российскую действительность, что весьма отордно, и представляют свои варианты видения КСО.

Обобщим существующие подходы к КСО (табл.)

Отметим, что подход к КСО как неформальному институту фирмы не раскрыт в известных автору научных источниках. Есть обоснование необходимости институционального подхода к анализу КСО в статье В. С. Сопина и Ю. А. Смагаринского [5]. Однако автору не удалось найти в статье содержательное раскрытие понятия КСО как института, а также присущих ему характеристик.

Автор считает правомерным рассматривать КСО как имманентный институт фирмы и намерен привести собственные аргументы. КСО – самостоятельное и добровольное возложение корпоративным бизнесом на себя ряда норм, правил, установок, связанных с участием в производстве отдельных общественных (опекаемых) благ, а также корпоративных и частных благ за счёт собственных корпоративных активов (ресурсов).

КСО: основные подходы

Комплементирующие	Альтернативные
<p>КСО – система этических норм и ценностей, а также последовательных экономических, экологических и социальных мероприятий компании, реализуемых на основе постоянного взаимодействия с заинтересованными сторонами и направленных на снижение нефинансовых рисков, долгосрочное улучшение имиджа и деловой репутации компании, рост капитализации и конкурентоспособности, обеспечивающих прибыльность и устойчивое развитие предприятия.</p> <p>КСО – это концепция, в соответствии с которой организации учитывают интересы общества, возлагая на себя ответственность за влияние их деятельности на заказчиков, поставщиков, работников, акционеров, местные сообщества и прочие заинтересованные стороны общественной сферы. Это обязательство выходит за рамки установленного законом обязательства соблюдать законодательство и предполагает, что организации добровольно принимают дополнительные меры для повышения качества жизни работников и их семей, а также местного сообщества и общества в целом.</p> <p>КСО – это проекты развития, учитывающие интересы местного сообщества (все более распространённый подход).</p> <p>КСО отражает добросовестное ведение бизнеса и его добровольное участие в улучшении жизни общества.</p> <p>КСО является частной инициативой, существенное развитие она получает за счёт стимулирования со стороны представителей гражданского общества и власти.</p> <p>КСО – капитализация высших видов нематериальных активов – связей, доверия, времени, оценки, культовых ценностей. Экономическая оценка goodwill (добрых дел)</p>	<p>КСО – перекалывание обязательств и функций государства на корпоративный бизнес (дань).</p> <p>КСО – плата корпоративного бизнеса государству за имеющиеся права собственности, преимущество в доходах и экономические свободы (откуп).</p> <p>КСО – это отъём денег у акционеров и инвесторов.</p> <p>КСО – уводит в сторону от фундаментальной экономической роли бизнеса, это приукрашивание действительности и реальной помощи бизнеса обществу.</p> <p>КСО – попытка подменить роль правительства в качестве контролёра мощных мультинациональных корпораций.</p> <p>КСО есть защитный механизм, выработанный бизнесом против враждебного отношения окружающего мира</p>

Источник: составлено автором.

В предложенном автором определении основной акцент сделан на неформальный характер института КСО. Поскольку институт – правила игры, которые структурируют взаимоотношения субъектов, в рамках КСО необходимо отметить таковые. Подчеркнём, что в настоящее время в зарубежных фирмах институт КСО имеет явные черты формального института, т. е. правила игры установлены и регламентированы соответствующими предписаниями, имеющими нормативный характер. Так, существует ряд руководств и стандартов отчётности, которые служат в качестве основных принципов социального учёта, аудита и отчётности:

- стандарт ответственности института AccountAbility (Институт Социальной и Этической отчётности) AA1000; основан на принципе отчётности с тройным итогом (3BL) Джона Элкинтона (John Elkington);
- руководство по отчётности по устойчивому развитию Глобальной инициативы по отчётности (англ.) рус.;
- руководство по мониторингу Verite;
- сертификация (стандарт), например, для отелей – Green Key (www.green-key.org);
- стандарт экологического управления ISO 14000;

– международный стандарт социальной ответственности SA8000.

Диалог на внутрикорпоративном рынке труда на основе социальной ответственности работодателей с анализом содержания стандарта SA8000 «Социальная ответственность» исследовался российскими и зарубежными учёными [4].

В зарубежных странах существует ряд структур и разработанных ими форматов, способствующих институционализации КСО. Так, глобальный договор ООН помогает компаниям отчитываться в формате Информации о ходе выполнения. Отчёт о ходе выполнения описывает реализацию компанией десяти универсальных принципов Договора. Межправительственная рабочая группа экспертов по международным стандартам учёта и отчётности ООН обеспечивает добровольное техническое руководство по показателям экономической эффективности, отчётности по корпоративной ответственности и раскрытия информации о корпоративном управлении. Газета Financial Times совместно с Лондонской фондовой биржей публикует индекс FTSE4Good, предоставляющий оценку эффективности компаний в области КСО.

В некоторых странах существуют законодательные требования к социальному учёту, аудиту и отчётности (например, Bilan Social во Франции), однако чётко измерить социальную и экологическую эффективность сложно. В настоящее время многие компании готовят проверенные внешними аудиторами годовые отчёты, которые охватывают вопросы устойчивого развития и КСО («Отчёты по методу тройного итога»), однако отчёты существенно различаются по формату, стилю и методике оценки (даже в одной отрасли). Критики называют эти отчёты пустыми словами, приводя такие примеры, как «Ежегодный отчёт о корпоративной ответственности» компании Enron и социальные отчёты табачных корпораций.

Социально ответственные компании придерживаются таких принципов, как актуальность, масштабность, открытость, прозрачность (транспарентность), публичность, достоверность, режим диалога, системность, последовательность, регулярность, политическая неангажированность, дистанцирование от церкви, отказ от поддержки националистических движений и даже отказ от поддержки фан-клубов.

Автор полагает, что применительно к российской практике КСО является в большей степени *неформальным институтом*, поскольку многие его элементы (институты) не прописаны нормативно, не регламентированы, не стандартизированы. Выделим базовые черты КСО как неформального института фирмы:

- непредписанность;
- отсутствие нормативов и регламентов, стандартов ведения и отчётности;
- добровольность;
- необязательность;
- недекларируемость;
- саморегулируемость;
- вариативность и свобода в выборе форм КСО.

О неформальной природе КСО в российских фирмах красноречиво говорят следующие факты. В 2008 году Европейский институт менеджмента поставил Россию на последнее место по социальной ответственности бизнеса в рейтинге, который был составлен по итогам исследования 55 стран мира. Также одно из последних мест Россия занимает в соответствии с рейтингом корпоративного управления, прозрачности и деловой этики Всемирного банка. Исследование «Барометр доверия», проведённое компанией Edelman Trust Barometer в 2007 году, исследование Edelman Trust Barometer, проведённое в 2010 году, подтвердили низкий уровень доверия к российским фирмам [2]. В рейтинге стран, применяющих на практике принципы корпоративной социальной ответственности, в 2012 г. Россия заняла предпоследнее место перед Турцией, замыкающей этот список. Корпоративная ответственность за экологию во всём мировом бизнес-сообществе становится нормой, однако в нашей стране экологически ответственный бизнес фактически отсутствует. Так, в рейтинге «Самые «зелёные» бренды мира 2011 года» российских представителей не оказалось.

Вместе с тем есть и позитивные изменения. 21 марта 2014 года Советом директоров Банка России одобрен Кодекс корпоративного управления, рекомендуемый к применению акционерными обществами, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам. Согласно данным РСПП, по состоянию на 4 мая 2010 г. в Национальный Регистр нефинансовых отчётов были внесены отчёты 78 компаний, зарегистрированы – 206, в числе которых экологические – 33, социальные – 116, отчёты в области устойчивого развития – 57 [6]. Все компании, торгующие на внешнем рынке,

приняли кодексы корпоративного поведения, и на 80 % эти кодексы совпадают. Социальная отчётность и ответственность компаний были актуальны с момента формирования бизнеса в России, только не всегда это афишировалось. В российских условиях регулярная социальная отчётность может помочь росту рыночной привлекательности предприятия, создать благоприятный имидж в глазах государства и общества, повысить капитализацию и подтянуть высокопрофессиональные кадры, усилить прозрачность и привлечь потенциальных инвесторов. Это также может помочь избежать специфического давления со стороны властей различных уровней, нередко «предлагающих» выделить средства на те или иные общественные проекты.

С позиций современной фирмы институт социальной ответственности должен рассматриваться в качестве экономического ресурса. Это, по мнению автора, проявляется в следующем:

- социально ответственные фирмы при всех совершаемых ими многочисленных транзакциях несут в целом меньшие транзакционные издержки во взаимодействиях с государством, бизнес-сообществом и персоналом, что обусловлено выполнением контрактов, предоставлением достоверной и достаточно полной информации о результатах хозяйственной деятельности, сокращением издержек оппортунистического поведения и т. д.;

- социально ответственные фирмы имеют более эффективные механизмы спецификации и защиты прав собственности, например, в отношении миноритарных акционеров;

- большой вотум доверия со стороны внешних агентов-поставщиков ресурсов, посредников-продавцов и покупателей, потребителей, что создаёт им положительный имидж и высокую репутацию в деловой среде;

- формируют социальный капитал;

- социально ответственные фирмы, вкладывая инвестиции в собственный персонал, обладают реальными конкурентными преимуществами – более высоким уровнем человеческого капитала, интеллектуального капитала, специфическими знаниями активами;

- они более стабильны и устойчивы в стратегическом плане на микроуровне и способны обеспечить социальную стабильность в обществе на макроуровне;

- они более привлекательны для лучших в профессиональном плане специалистов, что делает их активными игроками на рынке труда, более привлекательны для инвесторов, что делает их активными на финансовом рынке, более привлекательны для потребителей, что расширяет их долю на рынке конечной продукции, т. е. они (при условии их массовости и эффективной деятельности) способны определять конфигурацию различных факторных рынков и самостоятельно формировать различные ресурсные потоки.

Социально ответственные корпорации в определённых ситуациях могут непосредственно влиять на корпоративный бизнес и предпринимательское сообщество, на государственную политику. Здесь часто наблюдается своего рода «демонстрационный эффект». Он заключается в том, что социально ответственная фирма создаёт определённый тренд, позитивную тенденцию, которой следуют другие фирмы.

Необходимо отметить роль государства в формировании, поддержании и дальнейшем развитии корпоративной социальной ответственности, которая представляет собой законодательные и дополнительные инициативы, направленные на бизнес-сообщество. Так, в настоящее время Мин-экономразвития реализует два разработанных им проекта по социальному предпринимательству, в рамках которых к 2020 г. в регионах будет создано 50 тысяч социально ориентированных компаний. Первый проект – это развитие социального предпринимательства как самостоятельного направления в числе мероприятий федеральной финансовой программы развития малого и среднего предпринимательства. Второй проект – это инициатива по развитию системы негосударственных фондов социального бизнеса в моногородах и малых населённых пунктах, выдвинутая Минэкономразвития по итогам Первого форума социального бизнеса. В нём участвовал лауреат Нобелевской премии мира 2006 г. профессор Мухаммад Юнус. Согласно данному проекту фонды социального бизнеса финансируются из частных источников, в том числе от градообразующих предприятий. Основная задача минэкономразвития – оказание административной и консультационной поддержки. Инвестирование со стороны градообразующих предприятий в фонды происходит на принципах социального предпринимательства.

Автор полагает, что многие отечественные фирмы до первого десятилетия XXI века в основном заимствовали и адаптировали международные концепции КСО к условиям российской действительности, что наглядно демонстрирует факт импорта института и его трансплантации к условиям конкретной институциональной среды. Начиная с 2010 года осуществляется процесс выращивания института КСО, поскольку в нашей стране организованы специальные структуры, занимающиеся проблемами КСО – Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт), открыт Центр корпоративной социальной ответственности, создана Международная школа КСО ЕУСПб европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ценность КСО как экономического ресурса очевидна – это капитализация высших видов нематериальных активов современной фирмы – её связей, доверия, интеллектуального потенциала, корпоративных ценностей, goodwill (добрых дел).

Библиографический список

1. Bowen, H. Social Responsibilities of the Businessman/ H. Bowen. N. Y. : Harper and Row, 1953, P. 6.
2. Edelman Trust Barometer 2010 [Электронный ресурс] // Веб-сайт РСПП; Новости. – 2010. – URL: <http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=283&dno=7708>
3. Sethi, S. P. Dimesions of Corporate Social Perfomance: An Analytical Framework / S. P. Sethi // California Management Review. 1975. Vol. 17, № 3. P. 61.
4. Патласов, О. Ю. Маркетинг-менеджмент рынка труда / О. Ю. Патласов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 151–153, 608–612.
5. Сопин, В. С. Причины повышения корпоративной социальной ответственности как института современной экономики / В. С. Сопин, Ю. А. Смагаринский // Проблемы современной экономики. – № 1 (41). – 2012. – С. 74–77.
6. Цей, С. А. Анализ российской практики социальной ответственности компаний и раскрытие информации в отчётности [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1299/tsey2011_3.pdf
7. Яровой, А. И. Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и ЕС [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/enterprise/csr/index_en.htm

T. V. Bakhareva,

Saratov Socio-economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS AN INSTITUTION OF THE MODERN FIRM

Subject to scientific analysis of corporate social responsibility is a modern company which is regarded by the author in the institutional context. The aim of this study was to reveal the contents of corporate social responsibility, its principles, models, specific to the Russian environment. The results of the work have shown that the Institute of corporate social responsibility that exists in virtually all foreign firms and has formal status in Russian companies is unique to most advanced large firms and is essentially an informal institution. The Institute has economic resource because it provides more effective mechanisms for the specification and the protection of property rights, reduces transaction costs in interactions with Government and business.

Keywords: firm, formal institutions, informal institutions, corporate social responsibility, economic resource.

References

1. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman/ H. Bowen. N. Y. : Harper and Row, 1953, P.6.
2. Edelman Trust Barometer 2010 // Веб-сайт РСПП; Новости. 2010. URL: <http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=283&dno=7708>
3. Sethi S. P. Dimesions of Corporate Social Perfomance: An Analytical Framework. California Management Review. 1975. Vol. 17, № 3. P. 61.
4. Patlasov, O. Yu. Marketing-menedzhment ryinka truda. Tomsk : izd-vo Tom. un-ta, 2000. pp. 151–153, 608–612
5. Sopin V. S., Smagarinskij Ju. A. The reasons for the rise of corporate social responsibility as an institution of the modern economy // Problems of Modern economics, № 1 (41), 2012, p. 74–77.
6. Cej S. A. Analysis of Russian practice of corporate social responsibility and disclosure of the financial statements. http://vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1299/tsey2011_3.pdf

7. Jarovoj A. I. The impact of institutions on the development of corporate social responsibility in Russia and the EU [Electronic source]. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/csr/index_en.htm

© Т. В. Бахарева, 2015

Автор статьи – Татьяна Владимировна Бахарева, аспирантка, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, e-mail: tbahareva-74@mail.ru
Рецензенты:

В. В. Герасимова, доктор экономических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал РАНХиГС).

Н. П. Колядин, доктор экономических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

УДК 364.04

В. Б. Башуров, Г. В. Дербенева, Е. В. Пыхтеева, С. Н. Ширококов,
Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются практические аспекты развития социального законодательства. Также анализируется опыт реализации социально-значимых мероприятий на территории Омского региона. Особое внимание уделяется осмыслению государственно-частного партнёрства в современных социально-экономических условиях и исследованию лучших региональных социальных практик, направленных на поддержку детей и молодёжи.

Ключевые слова: государство, социальные программы, защита населения.

Создание условий для развития личности является приоритетом социального государства, экономическое развитие и самодостаточность которого определяют благополучие граждан. В современной социально-экономической ситуации Россия, политика которой направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, занимает особое место в мире по решению социально значимых проблем. Перечень государственных программ Российской Федерации (с изменениями на 2 ноября 2015 года) по разделу «Новое качество жизни» включает:

1. Развитие здравоохранения.
2. «Развитие образования» на 2013–2020 годы .
3. Социальная поддержка граждан.
4. «Доступная среда» на 2011–2020 годы.
5. Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации.
6. Развитие пенсионной системы на 2017–2025 годы.
7. Содействие занятости населения.
8. Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности.
9. Противодействие незаконному обороту наркотиков .
10. Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах .
11. «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы .
12. «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы.
13. Развитие физической культуры и спорта.

На основании Постановления Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”» осуществляется программа, базовая цель которой заключается в повышении уровня и качества жизни сельского населения. В научной литературе имеется достаточное число исследований взаимовлияния сельского предпринимательства на социальное развитие села и создание

благоприятной внешней среды для бизнеса в сфере АПК в части государственной поддержки социальной инфраструктуры, подготовки кадров и пр. [1].

Мониторинг достижения целевых показателей социально-экономического развития нашей страны, основанный на выполнении майских указов, показывает определённые изменения в социальной сфере. В настоящее время отмечается улучшение качества услуг в образовании и социальном обслуживании населения, что связано с принятием законодательного обеспечения [2]. Работа учителя вновь становится престижной [3]. Вместе с тем, учитывая положительную демографическую тенденцию, остро ставится проблема доступности дошкольного образования, организации дополнительного образования детей, занятости населения и развития кадрового потенциала, особенно в удалённых районах и в сельской местности. В своих докладах Президентом В. В. Путиным неоднократно отмечалась значительная роль субъектов Российской Федерации в повышении заработной платы педагогических работников и иных категорий работников социальной сферы до среднего уровня по экономике и сокращении числа неэффективных организаций, неспособных обеспечить гражданам предоставление услуг надлежащего качества. В целях обеспечения особого статуса педагогических работников и реализации задач кадровой политики региональной отрасли «Образование» в Омской области сложилась система мер социальной поддержки педагогических работников. Система социальной поддержки ориентирована на молодых специалистов – педагогических работников, осуществляющих педагогическую деятельность в образовательных организациях, расположенных на территории сельских поселений Омской области, и включает в себя:

- единовременную денежную выплату для работников общеобразовательных организаций на хозяйственное обзаведение в размере 20 тыс. р.;
- единовременную денежную выплату на строительство и приобретение жилья в размере 108 тыс. р. и другое.

Социально-экономическая поддержка педагогических работников отрасли «Образование» сохраняется и постоянно совершенствуется в соответствии с региональными нормативными правовыми актами. В рамках государственной программы Омской области «Развитие системы образования Омской области», утверждённой постановлением Правительства Омской области от 15 ноября 2013 г. № 250-п, в 2014 году на единовременные денежные выплаты молодым педагогам выделено около 6 млн р., с 2017 года предусмотрено более 9,7 млн р. ежегодно.

Система социальной поддержки педагогических работников сохраняется и постоянно совершенствуется. В 2012 году впервые предусмотрены новые размеры единовременной денежной выплаты молодым педагогам со стажем педагогической деятельности более 3 лет на профессиональное развитие. До 2014 года проходило увеличение размеров окладов, ставок выше рекомендуемого размера оклада. Ставки молодых педагогов увеличились на 15–50 %, с 2014 года – на 20–60 %. В 2015 году предусмотрено осуществление единовременной денежной выплаты на хозяйственное обзаведение в размере 20 тыс. р. для педагогических работников дошкольных образовательных организаций. В 2017 году планируется возобновить выплату денежных средств на первоначальный взнос при ипотечном кредитовании в размере 20 % от суммы кредита молодым учителям.

В настоящее время в Омской области осуществляется план мероприятий по реализации Комплексной программы повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций на 2014–2020 годы, утверждённый Министерством образования Омской области 10 октября 2014 года.

Акцентировалось и внимание руководителей регионов на недопустимость снижения доступности важнейших социальных услуг, уменьшение их объёмов.

Более того, в нашей стране активно развивается социальное законодательство. Примером тому является вступивший в силу с 1 января 2015 года Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», ориентированный, в первую очередь, на адресное предоставление социальных услуг гражданам, признанным нуждающимися в социальном обслуживании, не только государственными организациями социального обслуживания, но и частными поставщиками социальных услуг. Это, на наш взгляд, должно создать конкурентоспособную среду для развития всех организаций, осуществляющих деятельность в данной сфере, повысить качество предоставляемых ими социальных услуг. Большое значение в связи с этим будут приобретать различные социально-инновационные технологии, в том числе и работа с людьми, предоставления им социальных услуг, направленных на замещение менее эффективных, носящих комплексный характер.

Следует также отметить, что в Омской области активно проводится работа и по социальной поддержке инвалидов, созданию благоприятной, доступной среды для их полноценной интеграции в общество. В этих целях принят ряд региональных нормативных правовых актов, направленных на решение проблем в сфере реализации государственной социальной политики в отношении детей-инвалидов. Одним из важнейших направлений социальной защиты населения является социальная адаптация и интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе с целью активизации и использования их творческого и интеллектуального потенциала для развития страны. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определяет, что целью государственной политики в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод. Согласно ст. 9, 18 вышеуказанного закона, одним из основных направлений реабилитации является обучение и образование инвалидов, которое реализуется посредством закрепления за данной категорией граждан права на их воспитание и обучение в образовательных организациях различного вида. Закон Омской области «О социальной защите инвалидов в Омской области» также направлен на обеспечение государственных гарантий, предоставляемых детям-инвалидам, в том числе на получение образования (ст. 6) и обеспечение для инвалидов доступности среды жизнедеятельности (ст. 4). Кроме того, на решение основных проблем социальной защиты инвалидов направлена реализация государственной программы Омской области «Развитие системы образования Омской области», утверждённой постановлением Правительства Омской области от 15 октября 2013 года № 250-п, мероприятия которой предусматривают организацию обучения и воспитания детей-инвалидов.

Получение детьми-инвалидами образования является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности. Однако слабая материально-техническая база и недостаток квалифицированных педагогических кадров в учреждениях профессионального образования являются сдерживающими факторами, затрудняющими внедрение дистанционной и модульной технологии обучения инвалидов. Несомненно, универсальная безбарьерная среда позволяет обеспечить совместное обучение инвалидов и лиц, не имеющих нарушений в развитии. Решению названных проблем посвящена государственная программа Омской области «Доступная среда», утверждённая постановлением Правительства Омской области от 16 октября 2013 года № 261-п. Активное развитие законодательства в области социальной защиты населения, в том числе принятый 1 декабря 2014 года Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов», вступающий в силу с 1 января 2016 года, которым вносятся изменения более чем в 20 федеральных нормативных правовых актов, является наглядным подтверждением активной государственной политики по созданию для инвалидов и иных социально незащищённых категорий граждан условий для получения ими услуг в области образования, культуры, физической культуры и спорта, а также повышению их социальной активности, в том числе посредством поддержки благотворительной и волонтерской деятельности.

В современных социально-экономических условиях значительно обострились проблемы социальной адаптации и реабилитации лиц с особыми потребностями. Несмотря на множество предложенных форм образования и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья, семья, воспитывающая ребёнка-инвалида, сталкивается с трудностями в решении педагогических, социально-психологических и правовых задач. При оказании своевременной психолого-педагогической помощи повышаются шансы успешной адаптации детей-инвалидов к общественной жизни и укрепления морального и психологического климата в семьях. Анализ лучших региональных социальных практик, направленных на поддержку детей и молодёжи, позволяет отметить наличие тенденций к объединению интересов государства и общества в решении проблем обучения, воспитания и развития подрастающего поколения с учётом социальных, культурных особенностей, традиций муниципалитетов.

Социальное взаимодействие в рамках государственно-общественного управления является эффективным инструментом реализации ключевых идей по совершенствованию отношений в социальной сфере. Омская область в этой части по праву является регионом высокой социальной активности, на территории которого успешно реализуются инновационные проекты по работе с детьми с особыми образовательными потребностями. К примеру, в Тарском муниципальном районе Омской

области Омский государственный педагогический университет организует социально-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей-инвалидов в процессе социальной интеграции в условиях социально-психологической службы «LIFE». Сорок семей, воспитывающих детей-инвалидов, которые находятся в трудной жизненной ситуации, вызванной различными обстоятельствами, принимают участие в социально значимом проекте. Двадцать добровольцев оказывают практическую помощь в решении задач проекта и тридцать специалистов принимают участие в мероприятиях по распространению эффективных практик оказания социальных услуг и деятельности новых социальных служб при содействии Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Создание социально-психологических служб, направленных на совершенствование инклюзивного образования, позволяет оказывать реабилитационные услуги детям-инвалидам с различными заболеваниями, что даёт им возможность получить новые навыки жизнедеятельности, расширять и реализовывать физические и интеллектуальные возможности.

Таким образом, оказание социально-педагогической, психолого-педагогической помощи родителям в процессе воспитания детей-инвалидов и подготовки их к самостоятельной жизни, а также развитие и поддержка социальной активности, самореализации детей-инвалидов, расширение коммуникативного пространства с помощью осуществления психолого-педагогической диагностики, выявления индивидуальных проблем социальной интеграции, разработки индивидуальных коррекционных программ стали возможными благодаря успешному управлению проектом и эффективно-му взаимодействию всех его участников в условиях севера Омской области.

Считаем необходимым в целях успешной реализации на территории Омской области комплекса мероприятий, взаимоувязанных по конкретным целям, ресурсам, срокам реализации и исполнителям, обеспечить системный подход к решению проблем инвалидов программно-целевым методом как наиболее целесообразным в решении задач комплексной реабилитации инвалидов, более активно привлекать различные источники финансирования, в том числе средства фондов. Очевидно, что региональные мероприятия, проводимые на основе социального сотрудничества в рамках реализации проектов, актуальны и востребованы. Они имеют высокую социальную значимость и, на наш взгляд, должны содержать мероприятия, отражающие всевозможные механизмы государственно-частного партнёрства, согласованные со Стратегией социально-экономического развития Омской области до 2025 года и направленные на социальное развитие нашего региона и Российской Федерации в целом.

Библиографический список

1. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров и др. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – 596 с.
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 декабря 2012 г. № 650 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013–2018 годы)».
3. Улыбина, Ю. Профессия педагога вновь становится престижной [Электронный ресурс] // <http://www.ogirk.ru/news/2012-04-09/19849.html>

*V. B. Bashurov, G. V. Derbenyova, E. V. Pyhteeva, S. N. Shirobokov,
Tara Branch of Omsk State Pedagogical University*

SOCIAL SECURITY OF WELFARE PROGRAMS IN OMSK REGION

The article considers practical aspects of development of the social legislation and analyzes experience of development of socially significant actions on the territory of Omsk region. The authors give special attention to understanding of public and private partnership in modern social and economic conditions and to research of the best regional welfare activities for supporting children and the young.

Keywords: a state, welfare programs, population protection.

References

1. Organizacija proizvodstva i predprinimatel'stva v APK: uchebnoe posobie / F.Ja. Nachitov, O.Ju. Patlasov, F.K. Shakirov i dr. Omsk: Izd-vo OmGAU, 2004. 596 s.
2. Prikaz Ministerstva truda i social'noj zashhity RF ot 29 dekabrja 2012 g. № 650 «Ob utverzhdenii plana meroprijatij («dorozhnoj karty») «Povyshenie jeffektivnosti i kachestva uslug v sfere social'nogo obsluzhivaniya naselenija (2013–2018 gody)».

3. Ulybina Ju. Professija pedagoga vnov' stanovitsja prestizhnoj [Elektronnyj resurs] // <http://www.ogirk.ru/news/2012-04-09/19849.html>

© В. Б. Башуров, Г. В. Дербенева, Е. В. Пыхтеева, С. Н. Ширококов, 2015

Авторы статьи – **Владимир Борисович Башуров**, Министерство труда и социального развития Омской области, e-mail: Bashurov_v@mail.ru

Галина Викторовна Дербенева, кандидат педагогических наук, филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре, e-mail: derbeneva_gv@mail.ru

Елена Викторовна Пыхтеева, кандидат политических наук, филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре, e-mail: pichteeva@mail.ru

Сергей Николаевич Ширококов, кандидат педагогических наук, Омский государственный педагогический университет, e-mail: shirobokov@omgru.ru

Рецензенты:

И. Н. Дубина, доктор экономических наук, профессор, Алтайский государственный университет.

О. В. Коновалова, доктор исторических наук, доцент, Сибирский юридический институт ФСКН России.

УДК 614.7 : 65.005.5

М. Е. Глуценко,
Омский государственный институт сервиса

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ: КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Обоснована базовая роль экологической безопасности как фактора конкурентоспособности предприятия на рынке. Определены принципы формирования действенной системы показателей экологической безопасности предприятия, обеспечивающей комплексную, своевременную и достоверную оценку. Предложены показатели, применение которых позволит получить представление о степени экологичности производства и продукции, экологической эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия. Применение предложенной системы показателей обеспечивает возможность поддерживать оптимальный уровень экологической безопасности предприятия.

Ключевые слова: экологическая безопасность, система показателей, экологичность производства, экологичность продукции, экоэффективность, экологическая эффективность менеджмента.

В XXI веке экологическая проблематика продолжает оставаться одной из важнейших в мировой политике, поскольку вопросы гармонизации взаимодействия искусственной и естественной сред обитания человека приобретают первостепенное значение в условиях углубляющегося многомерного экологического кризиса. Именно поэтому в последнее время появилось понимание того, что в общей концептуальной структуре понятия «безопасность» формируется важная составляющая – экологическая безопасность. Экологическую безопасность можно определить как сбалансированное взаимодействие человека и окружающей среды, важнейшим условием достижения которого является включение экологической природоохранной компоненты в деятельность человека по созданию оптимальной для него среды обитания, как естественной, так и искусственной.

Под экологической безопасностью предприятия понимают обеспечение соответствия его природоохранной деятельности нормативным требованиям. В свете повышения уровня экологической ответственности предприятия его экологическая безопасность для окружающей среды и населения в значительной степени определяет его конкурентоспособность [1].

Экологическая безопасность напрямую связана с организацией и проведением контроля, который определён Федеральным законом от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» следующим образом: «...контроль в области охраны окружающей среды (экологический контроль) – это система мер, направленная на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечение соблюдения субъектами хозяйственной

и иной деятельности требований, в том числе нормативов и нормативных документов в области охраны окружающей среды» [2].

Рассматривая любой хозяйствующий субъект как систему, функционирующую в условиях рыночной экономики и обладающую многообразием социально-экономических параметров, можно говорить о том, что управление экологическими аспектами деятельности организации может быть оценено только через некую совокупность критериев, раскрывающих наиболее значимые стороны этого управления.

Оценка экологической безопасности предприятия требует комплексного подхода, который предопределяет необходимость по-новому осмыслить принципы построения системы показателей. Основное предназначение любой системы показателей состоит в преобразовании массива информации (нормативной, плановой, финансовой, юридической, учётной) в совокупность формализованных и неформализованных критериев, позволяющих понять суть явления (или процесса) и оценить размер происходящих в нём изменений [3].

Выявление экологических закономерностей и оценка масштабности экологических проблем проводятся с учётом отраслевой специфики производства, например, применительно к организациям АПК рассмотрено в трудах ряда учёных [4].

Исследуя круг интересующих вопросов в работах А. В. Анисимовой [5], В. Г. Когденко [6], а также базируясь на характеристиках учётной информации, определяемых международными стандартами [7], установили, что для формирования действенной системы оценочных инструментов экологической безопасности предприятия показатели и критерии, входящие в данную систему, должны удовлетворять обязательным условиям:

1. Быть пригодными для использования, т. е. простыми, понятными. При этом они должны иметь физический смысл и быть выражены в количественной форме либо иметь логическое содержание и быть выражены через качественную характеристику.

2. Быть эффективными по своей сути (полезность от показателя больше затрат на его получение). Некоторые критерии, имеющие статистическую основу (например, вероятность достижения определённой цели), безупречны с точки зрения теории, но требуют длительных и дорогостоящих экспериментов и сложных расчётов, что делает их малоприспособными для практики.

3. Быть доступными для получения. Это предполагает наличие информационной базы для проведения анализа. Расчёт количественных показателей должен быть основан на конкретных формах бухгалтерской или статистической отчётности, данных внутреннего управленческого и оперативного учёта фактов хозяйственной деятельности, доступной внешней информации [8].

Целью экологического менеджмента является безопасная деятельность предприятия и снижение негативного воздействия на окружающую среду. На первом этапе при оценке экологической безопасности предприятия целесообразно дать общую количественную оценку воздействия предприятия на окружающую среду. Для этого можно использовать следующие показатели [9].

1. Степень экологичности производства:

$$K_{\text{эк.пр.}} = \frac{Z_{\text{охр}}}{Z_{\text{общ}}},$$

где $K_{\text{эк. пр.}}$ – коэффициент экологичности производства;

$Z_{\text{охр}}$ – природоохранные затраты компании (затраты на охрану атмосферного воздуха, водных ресурсов, земельных угодий);

$Z_{\text{общ}}$ – общие затраты за период.

2. Степень экологичности продукции:

$$K_{\text{эк.прод.}} = \frac{P_{\text{серт}}}{P_{\text{общ}}},$$

где $K_{\text{эк. прод.}}$ – коэффициент экологичности продукции;

$P_{\text{серт}}$ – объем продукции, сертифицированной на экологичность и безопасность;

$P_{\text{общ}}$ – общий объем выпущенной продукции.

Предприятие будет иметь преимущество в конкурентной борьбе за покупателей и клиентов, если производимая продукция будет предпочтительней с экологической точки зрения.

3. Экоэффективность предприятия. Многими корпорациями на Западе принята концепция устойчивого развития, при котором состояние окружающей среды в конце отчётного периода остаётся, как минимум, таким же, как и в его начале. Всемирным экономическим форумом по устойчивому развитию был впервые введён термин «экоэффективность». Экоэффективный режим работы снижает воздействие предприятия на окружающую среду, одновременно повышая его рентабельность. Экоэффективность может быть точно измерена посредством ведения экологического учёта и анализа, т. е. предоставления точной информации по природоохранным расходам, сбережениям и анализа воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду:

$$K_{\text{эк.эф.}} = \frac{\text{Фин.рез.}}{\text{Экол.рез.}},$$

где $K_{\text{эк.эф.}}$ – коэффициент экологической эффективности;

Фин. рез. – финансовый результат, достигнутый в производственной деятельности, т. е. прибыль от продажи (можно брать не финансовый, а производственный результат – выручка от продажи продукции);

Экол. рез. – экологический результат, полученный от данного производственного процесса (количество затраченной энергии, выброшенных в атмосферу газов, потреблённой воды и т. д.).

Экоэффективность, являющаяся в равной степени эффективностью экологической и экономической, отражает производительность природных ресурсов. Иными словами, она означает удельное воздействие компании на окружающую среду в расчёте на прибыль или на производимую продукцию. Например, потребление энергии на единицу продукции или величина прибыли на тонну выброшенного в атмосферу углекислого газа. Таким образом, экоэффективность – это относительная комплексная величина, отражающая соотношение двух абсолютных переменных: экологической и финансовой результативности.

Принцип экоэффективности основан на стремлении к достижению экономической выгоды за счёт снижения воздействия на окружающую среду и сокращения использования природных ресурсов.

Для оценки экологических аспектов деятельности организации необходимо учитывать финансовые и собственно экологические параметры.

Финансовые параметры природозащитной деятельности можно описать количественными критериями:

А. Финансирование природоохранных мероприятий: текущие затраты на охрану окружающей среды (в том числе: на охрану и рациональное использование водных ресурсов, на охрану атмосферного воздуха, на охрану окружающей среды от отходов производства и потребления, на рекультивацию земель); затраты на капитальный ремонт основных фондов по охране окружающей среды.

Б. Экологические платежи: плата за допустимые выбросы (сбросы) загрязняющих веществ; плата за сверхнормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ; средства (иски) и штрафы, взысканные в возмещение ущерба, причинённого нарушением природоохранного законодательства.

В. Затраты, повышающие экологическую эффективность внедряемых производственных и технологических решений.

Г. Преимущества, получаемые от экологических улучшений.

Экологические параметры могут быть отражены через качественные критерии: здоровье и безопасность людей; реальные и ожидаемые экологические риски; экологические инциденты и происшествия; нагрузку на окружающую среду (выбросы, утечки, отходы), включая тенденции их изменения во времени; соответствие экологическим требованиям законодательных и нормативных актов; рациональное расходование материальных ресурсов [10].

При возникновении потребности в детальной оценке экологической безопасности предприятия можно придерживаться подхода, в соответствии с которым показатели экологической эффективности подразделяют на два типа:

– показатели эффективности функционирования, обеспечивающие информацию об экологической безопасности предприятия [11];

– показатели эффективности управления, обеспечивающие информацию об усилиях, предпринимаемых руководством с целью воздействия на экологическую безопасность предприятия [12].

Показатели эффективности функционирования используют для измерения экологической безопасности технологических объектов и оборудования (табл. 1).

Таблица 1

Показатели экологической безопасности производственной системы

Производственный аспект	Наименование показателей
Сырьё, вспомогательные материалы	– состав сырья, включая наличие вредных веществ; – наличие вредных и токсичных материалов и веществ в технологическом процессе; – количество материалов, приходящихся на единицу продукции; – количество повторно используемых материалов; – количество воды, расходуемое на единицу продукции
Энергоносители	– номенклатура энергоносителей; – расход энергоносителей; – количество расходуемой энергии, приходящееся на единицу продукции
Технологические объекты и оборудование	– число часов работы оборудования в год; – число аварийных ситуаций или нештатных ситуаций в год; – земельная площадь, используемая для производства
Снабжение и поставка	– средний расход топлива парком транспортных средств; – число грузовых перевозок транспортными средствами в день; – количество транспортных средств в парке, оборудованных технологическими устройствами для снижения вредных выбросов
Продукция	– безопасность для окружающей среды; – технология утилизации
Производство	– уровень аварийности; – состояние техники безопасности; – технологические регламенты
Газообразные, жидкие выбросы, твёрдые отходы, излучения	– состав и количество выбросов в атмосферу; – состав и количество сбросов; – состав и количество твёрдых отходов; – уровень излучений; – уровень шума; – степень переработки отходов; – количество выбросов загрязнителей, потенциально влияющих на уменьшение озонового слоя; – количество выбросов загрязнителей, потенциально влияющих на изменение климата

Показатели экологической эффективности управления организацией предусматривают наличие информации о выполнении требований законодательства, эффективном использовании ресурсов, регулировании затрат на управление окружающей средой (табл. 2).

В каждом конкретном случае выделяются важные для предприятия аспекты, связанные с экологической эффективностью функционирования и управления, что позволяет сформировать перечень индикативных показателей окружающей среды. Номенклатура показателей должна быть технически оправдана и отражать сбалансированный функциональный подход к оценке технологического процесса.

Конкретные показатели состояния окружающей среды должны быть охарактеризованы количественно (абсолютными, удельными, относительными, агрегативными значениями) [13] и отвечать следующим требованиям:

- отражать изменения в пределах коротких промежутков времени;
- определять тенденции, связанные с ухудшением состояния окружающей среды;
- иметь целевую направленность [8].

Показатели экологической эффективности менеджмента компании

Область управления	Наименование показателей
Соответствие нормативным правовым требованиям	<ul style="list-style-type: none"> – цели экологической политики; – базы данных с нормативно-правовыми актами, их актуализация; – наличие экологических нормативов; – наличие штрафных санкций за нарушение экологических нормативов; – число достигнутых целевых и плановых показателей; – число подразделений, выполнивших экологические целевые и плановые показатели; – число внедрённых мероприятий по предотвращению загрязнений; – число работников, прошедших обучение; – результаты проверки знаний работников по экологическим аспектам деятельности организации; – время реагирования или коррекции действий в связи с экологическими инцидентами; – число проведённых тренировочных занятий по обеспечению безопасности; – готовность к авариям, изученным на тренировочных занятиях
Функционирование системы экологического управления	<ul style="list-style-type: none"> – экологические программы, планы; – наличие документации на систему; – лицензия на комплексное природопользование; – экологическая экспертиза; – оценка воздействия на окружающую среду; – экологический мониторинг; – экологический аудит; – экологическое страхование
Финансовые характеристики	<ul style="list-style-type: none"> – затраты (текущие и капитальные), связанные с экологическими аспектами продукции или процессов; – экономия, достигнутая в результате предотвращения загрязнения или рециклинга отходов; – средства на исследования и разработки, затраченные на экологические проекты
Отношения с общественностью	<ul style="list-style-type: none"> – число расследований или замечаний по делам, связанным с экологией; – число публикаций в прессе, связанных с экологической эффективностью организации; – число программ или учебных материалов для экологического обучения населения; – ресурсы, привлекаемые для обеспечения поддержки общественностью экологических программ; – местные программы деятельности по восстановлению природы
Организация работ	<ul style="list-style-type: none"> – распределение работ и ответственности; – стимулирование экологической активности; – программы экологического обучения персонала

Для углублённой оценки экологической безопасности предприятия можно использовать широкий набор показателей в соответствии с возможностями, интересами и потребностями менеджмента. На начальном этапе необходимо определить производственные факторы, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду. Примерный перечень факторов воздействия на экологию и оценочных показателей состояния окружающей среды может быть сформулирован следующим образом:

1. Использование природных ресурсов:

- расход невозобновляемых природных ресурсов;
- воздействие на почву;
- воздействие на водоёмы;
- воздействие на лес;
- воздействие на атмосферу (выбросы).

2. *Использование земель* [13]:

- площадь земель, изымаемых (изъятых) в постоянное и временное пользование (всего и по категориям земель: пашня, пастбища, сенокосы, леса, болота, солончаки и прочие несельскохозяйственные земли), га;
- ограничения по использованию земельных ресурсов (особо охраняемых земель, водоохранной зоны, земель заповедного, рекреационного и историко-культурного назначения), га;
- объём земляных работ (выемки, карьеры, отвалы), куб. м;
- нарушение почвенного покрова (виды нарушений и площадь нарушенных земель), га;
- фоновые концентрации загрязняющих веществ в почвогрунтах до начала хозяйственной деятельности и уровни предельного загрязнения почвогрунтов (по компонентам, с указанием класса токсичности), мг/кг;
- условия снятия и сохранения плодородного слоя (площадь (га) и мощность (м) снимаемого слоя, условия складирования);
- мероприятия по сохранению (восстановлению) почвенного плодородия и ликвидации последствий загрязнения (вид мероприятия и площадь), га;
- рекультивация земель (техническая и биологическая рекультивация, инженерная защита территории от загрязнения, подтопления, затопления по типам нарушений), га.

3. *Использование атмосферы:*

- предельно допустимые выбросы загрязняющих веществ отдельными источниками (по компонентам), т/год, г/с;
- лимиты выбросов загрязняющих веществ отдельными источниками (по компонентам), т/год, г/с;
- фоновые концентрации (до начала хозяйственной деятельности) и уровни предельных концентраций основных загрязняющих веществ в атмосферном воздухе);
- мероприятия по охране воздушного бассейна.

4. *Использование водных ресурсов:*

- лимит использования водных ресурсов (забор свежей воды из поверхностных водоёмов, забор подземных вод, тыс. куб. м/год; куб. м/сутки; куб. м/с);
- сезонное водопотребление и водоотведение, тыс. куб. м;
- возможное ограничение водопотребления в маловодные годы;
- объёмы и категории воды, отводимой в оросительные системы (с учётом использования сточных вод), в накопители и т. д., тыс. куб. м/год; куб. м/сутки;
- предельно допустимый сброс (ПДС) веществ со сточными водами в водный объект (по компонентам), г/час, т/год;
- лимит сброса загрязняющих веществ – количество сбрасываемых сточных вод в водный объект по каждому выпуску (тыс. куб. м/год; куб. м/сутки) и их характеристика (фактическая концентрация), мг/л;
- фоновые концентрации загрязняющих веществ в водных объектах (до начала хозяйственной деятельности) и уровни предельного загрязнения водных объектов (по компонентам), мг/л;
- режим эксплуатации водохранилищ, включая объём природоохранного пропуска;
- природоохранные мероприятия, в т. ч. первоочередные;
- прочие условия водопользования, включая условия сплава древесины.

5. *Размещение отходов:*

- перечень отходов, разрешённых к размещению (наименование и класс опасности);
- объёмы (лимиты) размещаемых отходов (по годам на срок выдачи разрешения), т/сутки, т/год;
- условия и место захоронения (обезвреживание, способ складирования и хранения, мероприятия по защите грунтовых вод от загрязнения).

6. *Лимиты техногенной нагрузки на ландшафтные сообщества* [14]:

- лимиты пользования (площадь угодий, подвергающихся полному уничтожению, вырубкам, уничтожению отдельных групп растений, редких, эндемичных видов), га;
- ограничения по использованию лесных насаждений (особо ценных насаждений, молодняка, подростов, сеянцев, спелых древостоев);
- ограничения по использованию растительных ресурсов (недревесных растений: мхов, лишайников, трав, ягодников, кустарников);
- условия пользования растительностью в санитарно-защитной зоне (запрет на сенокошение, выпас скота, выращивание различных групп сельскохозяйственных культур);

– мероприятия по восстановлению и сохранению растительности (площади лесовосстановительных и других лесо- и лугово-мелиоративных работ), га.

7. *Воздействие на человека:*

- рост заболеваемости;
- повышение смертности;
- эпидемиологическая обстановка.

8. *Эстетические факторы:*

- контроль за состоянием мест, рассматриваемых как охраняемые, вблизи объектов предприятия.

9. *Условия сохранения животного мира:*

- лимиты по использованию фауны (по видам);
- лимиты по использованию биоты (перечень мест обитания и путей миграции промысловых, редких, эндемичных и занесённых в Красную книгу видов животных, наличие охранных территорий, для рыб – зимовальных ям, мест нереста и нагула);
- мероприятия по сохранению мест обитания животных и их кормовой базы;
- мероприятия по сохранению и восстановлению численности отдельных видов животных;
- рыбозащитные мероприятия.

В каждом конкретном случае перечень показателей будет определяться возможностями, интересами и потребностями предприятия, масштабом и типом производства, видом используемых материалов и энергоносителей, наличием выбросов в окружающую среду, степенью экологического риска, вероятностью аварийных ситуаций, требованиями обязательных законодательных и нормативных актов.

Исходя из предложенного перечня оценочных показателей, можно констатировать, что система информационного обеспечения управления экологической безопасностью предприятия отличается архитектурной сложностью и включает базу нормативных, плановых и прогнозных данных, справочно-информационный фонд, данные учётной системы (производственного оперативного, бухгалтерского, налогового, управленческого учёта). Эффективное взаимодействие элементов информационной системы невозможно без автоматизации процессов. В условиях автоматизированной обработки информации процессы получения данных, расчёта количественных показателей и обработки качественных критериев не представляют особой сложности. Многие из предложенных к оценке формализованных показателей относятся к критериям, традиционно контролируемым коммерческими предприятиями. Сбор и обработка информации для оценки качественных аспектов по трудоёмким участкам должны производиться выборочно, с экстраполяцией результатов на всю исследуемую совокупность [15]. Исходя из этого, можно утверждать, что все показатели, входящие в систему, отвечают изложенным ранее параметрам действительности системы оценочных средств: пригодны для использования, имеют физический смысл или логическое содержание, эффективны по своей сути, доступны для получения. При этом в условиях практического применения предложенная совокупность используемых показателей может быть количественно сокращена, с сохранением структуры и одинаковой направленности показателей.

Применение сформированной системы показателей экологической безопасности предприятия даст возможность идентифицировать и устранять экологические проблемы в управлении организацией. Регулярность проведения анализа обеспечит оперативный мониторинг основных аспектов экологической безопасности, что позволит своевременно корректировать экологическую политику предприятия для сохранения окружающей среды.

Библиографический список

1. Алимов, А. А. Экологическая безопасность и мировая политика: что происходит, кто виноват и что делать? / А. А. Алимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 4. – С. 226–232.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об охране окружающей среды» (принят ГД ФС РФ 20.12.2001).
3. Котова, Т. В. Роль и значение статистических показателей в оценке экологической безопасности / Т. В. Котова, Е. А. Косарева // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 4(27). – С. 161–167.
4. Начитов, Ф. Я. Организация производства и предпринимательства в АПК / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – С. 86–87.

5. Анисимова, А. В. Принципы формирования системы критериев устойчивого развития / А. В. Анисимова // Экономика и организация управления. – 2009. – № 5. – С. 90–99.
6. Когденко, В. Г. Методология и методика экономического анализа в системе управления коммерческой организацией : монография / В. Г. Когденко. – М. : ЮНИТИ, 2008. – 542 с.
7. Сиднева, В. П. Международные стандарты финансовой отчётности : учеб. пособие / В. П. Сиднева. – М.: КноРус, 2009. – 216 с.
8. Глущенко, М. Е. Методический подход к формированию системы показателей эффективности менеджмента / М. Е. Глущенко, О. В. Нарезнева // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 3. – С. 29–34.
9. Артюхов, В. В. Объективная оценка экологичности хозяйственной деятельности: методология и результаты. Предприятия, регионы России, страны мира / В. В. Артюхов, С. И. Забелин, А. С. Мартынов // Экология и социальная ответственность. – 2012. – № 16. – С. 113–142.
10. СТО Газпром 9-2005. Оценка экологической эффективности в системе менеджмента охраны окружающей среды [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nordoc.ru/doc/51-51506>, свободный.
11. Алборов, И. Д. Критерий оценки экологичности производства / И. Д. Алборов, Л. М. Гуриева // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2003. – № 12. – С. 97–99.
12. Шевчук, Е. Я. Экологическое управление : учеб. пособие / Е. Я. Шевчук. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 104 с.
13. Ефимова, М. Р. Социальная статистика : учеб. пособие / М. Р. Ефимова, С. Г. Бычкова – М. : Финансы и статистика, 2007. – 560 с.
14. Кашапов, Р. Ш. Баланс углерода – критерий оценки состояния региональной природно-хозяйственной системы : автореф. дис. ... д-ра географ. наук / Р. Ш. Кашапов. – Казань, 2009. – 38 с.
15. Нарезнева, О. В. Методологические основы анализа и оценки эффективности управления компанией : монография / О. В. Нарезнева, М. Е. Глущенко. – Омск : Омский государственный институт сервиса, 2013. – 220 с.

M. E. Glushchenko, Omsk State Institute of Service

COMPREHENSIVE METHOD OF ASSESSMENT OF THE ENVIRONMENTAL SAFETY ENTERPRISE

The article is devoted to environmental safety, which is a factor of competitiveness of the enterprise in the market economy. Principles of formation of the enterprise's ecological safety indicator system proposed in the article. These principles help to get comprehensive, timely and accurate assessment for research purposes. In the scientific research, the author proposed to use indicators which demonstrate the level of environmentally friendly of production and products, eco-efficiency of activity of the enterprise. The author uses an integrated approach to solving the problem, therefore proposes to form a set of quantitative and qualitative criteria, which are tools for assessing the environmental aspects of the activities of the enterprise. A more detailed assessment of ecological security of the enterprise is carried out on two fronts – the environmental security of functioning production system and the eco-efficiency of management of the enterprise. For monitoring environmental security enterprise the author proposes to allocate the basic production factors, which have a negative impact on the environment. Then list of environmental indicators is compiled by each factor. In practice, the proposed set of indicators and criteria is applied after adjustment for many conditions: opportunities, interests and needs of the enterprise, the scale and type of production, types of materials and energy, availability of releases to the environment, the degree of environmental risk and so on.

Keywords: environmental safety; system of indicators; ecological production; ecological products; eco-efficiency; environmental management effectiveness.

References

1. Alimov, A. A. Jekologicheskaja bezopasnost' i mirovaja politika: chto proishodit, kto vinovat i chto delat'? / A. A. Alimov // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. no 4. pp. 226–232.
2. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 N 7-FZ (red. ot 18.07.2011) «Ob ohrane okruzhajushhej sredy» (prinjat GD FS RF 20.12.2001).
3. Kotova, T. V. Rol' i znachenie statisticheskikh pokazatelej v ocenke jekologicheskoy bezopasnosti / T. V. Kotova, E. A. Kosareva // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2005. no 4(27). – pp. 161–167.
4. Nachitov, F. Ja. Organizacija proizvodstva i predprinimatel'stva v APK / F. Ja. Nachitov, O. Ju. Patlasov, F. K. Shakirov [i dr.]. Omsk : izd-vo OmGAU, 2004. pp. 86–87.

5. Anisimova, A. V. Principy formirovaniya sistemy kriteriev ustojchivogo razvitiya / A. V. Anisimova // Jekonomika i organizacija upravlenija. – 2009. – # 5. – S. 90–99.
6. Kogdenko, V. G. Metodologija i metodika jekonomicheskogo analiza v sisteme upravlenija kommercheskoj organizacii: monografija / V. G. Kogdenko. – M.: JuNITI, 2008. – 542 s.
7. Sidneva, V. P. Mezhdunarodnye standarty finansovoj otchetnosti: uceb. posobie / V. P. Sidneva. – M.: KnoRus, 2009. – 216 s.
8. Glushhenko, M. E. Metodicheskij podhod k formirovaniyu sistemy pokazatelej jeffektivnosti menedzhmenta / M. E. Glushhenko, O. V. Narezhneva // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Jekonomika». – 2011. – # 3. – S. 29–34.
9. Artjuhov, V. V. Ob'ektivnaja ocenka jekologichnosti hozjajstvennoj dejatel'nosti: metodologija i rezul'taty. Predpriyatija, regiona Rossii, strany mira / V. V. Artjuhov, S. I. Zabelin, A. S. Martynov // Jekologija i social'naja otvetstvennost'. – 2012. – # 16. – S.113–142.
10. STO Gazprom 9-2005. Ocenka jekologicheskoy jeffektivnosti v sisteme menedzhmenta ohrany okruzhajushhej sredy [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://nordoc.ru/doc/51-51506>, svobodnyj.
11. Alborov, I. D. Kriterij ocenki jekologichnosti proizvodstva / I. D. Alborov, L. M. Gurieva // Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal). – 2003. – # 12. – C. 97–99.
12. Shevchuk, E. Ja. Jekologicheskoe upravlenie: uceb. posobie / E. Ja. Shevchuk - M.: Izd-vo RAGS, 2005. – 104 s.
13. Efimova, M. R. Social'naja statistika: uceb. posobie / M. R. Efimova, S. G. Bychkova – M: Finansy i statistika, 2007. – 560 s.
14. Kashapov, R. Sh. Balans ugleroda – kriterij ocenki sostojaniya regional'noj prirodno-hozjajstvennoj sistemy: avtoref. dis. ... d-ra geograf. nauk. / R. Sh. Kashapov – Kazan', 2009. – 38 s.
15. Narezhneva, O. V. Metodologicheskie osnovy analiza i ocenki jeffektivnosti upravlenija kompaniej: monografija / O. V. Narezhneva, M. E. Glushhenko. – Omsk: Omskij gosudarstvennyj institut servisa, 2013. – 220 s.

© М. Е. Глущенко, 2015

Автор статьи – **Марина Евгеньевна Глущенко**, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный институт сервиса, e-mail: glu_mar@mail.ru

Рецензенты:

Л. Н. Гончаренко, кандидат экономических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Л. А. Руди, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

УДК 334.012

Е. В. Драгунова, А. В. Кравченко,
Новосибирский государственный технический университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАЕКТОРИЙ РОСТА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Рассмотрены основные подходы, определяющие понятие «органический рост» предприятия. Определены информационное поле, онтологические основы органического роста, а также его основные детерминанты. Проведено лонгитюдное исследование типов и траекторий органического роста российских ИТ фирм с 2003 по 2013 годы.

Ключевые слова: органический рост, модель развития, детерминанты роста, траектории роста.

В современных условиях рост является одной из наиболее «ценных» стратегических целей развития предприятия. Он широко освещается средствами массовой информации: ТОП-100, 400, 1000; 100 самых быстрорастущих фирм из списка Fortune; рейтинг CNewsFast, РБК-30, Forbes, ТехУспех и т. д. Однако давно признано, что решение расти или нет принимается предпринимателем и определяется его (их) ожиданиями относительно размера и масштабов операций бизнеса, в конечном итоге определяя потенциал роста на длительный временной период. Укрупненно можно рассмотреть четыре основных направления изучения тематики, связанной с «ростом». Во-первых, исследования, фокусирующиеся на вкладе последствий роста в экономику в целом, например, влияние новых (стартапов) и быстрорастущих фирм на изменение таких показателей, как ВВП, занятость в условиях турбулентности. Вторая группа исследований изучает проблемы роста с микроэкономических позиций. При этом упор делается на рассмотрение предприятия с точки зрения ресурсов,

продукции предприятия, интенсивности их использования, оптимизации затрат и т. д. Вопрос процессного достижения большего роста посредством дополнительных ресурсов или дополнительной производительности часто рассматривается как «чёрный ящик». Третья группа исследований делает упор на внешние аспекты роста: в каких направлениях возможен рост, какие стратегии могут использовать фирмы (развитие рынка, разработка новых видов продукции, диверсификация). Четвёртая группа концентрирует внимание на объяснении роста – его предпосылок и последствий для самой компании.

Рост предприятия может рассматриваться как изменение ресурсной составляющей, мотивационной активности, стратегической адаптации, архитектуры фирмы. Особым случаем может выступать мультипликационный эффект роста в результате реорганизации, в том числе объединения в результате рейдерского захвата [1]. На рисунках 1 и 2 представлены соответственно информационное пространство траекторий роста предприятий и визуализация онтологии роста.

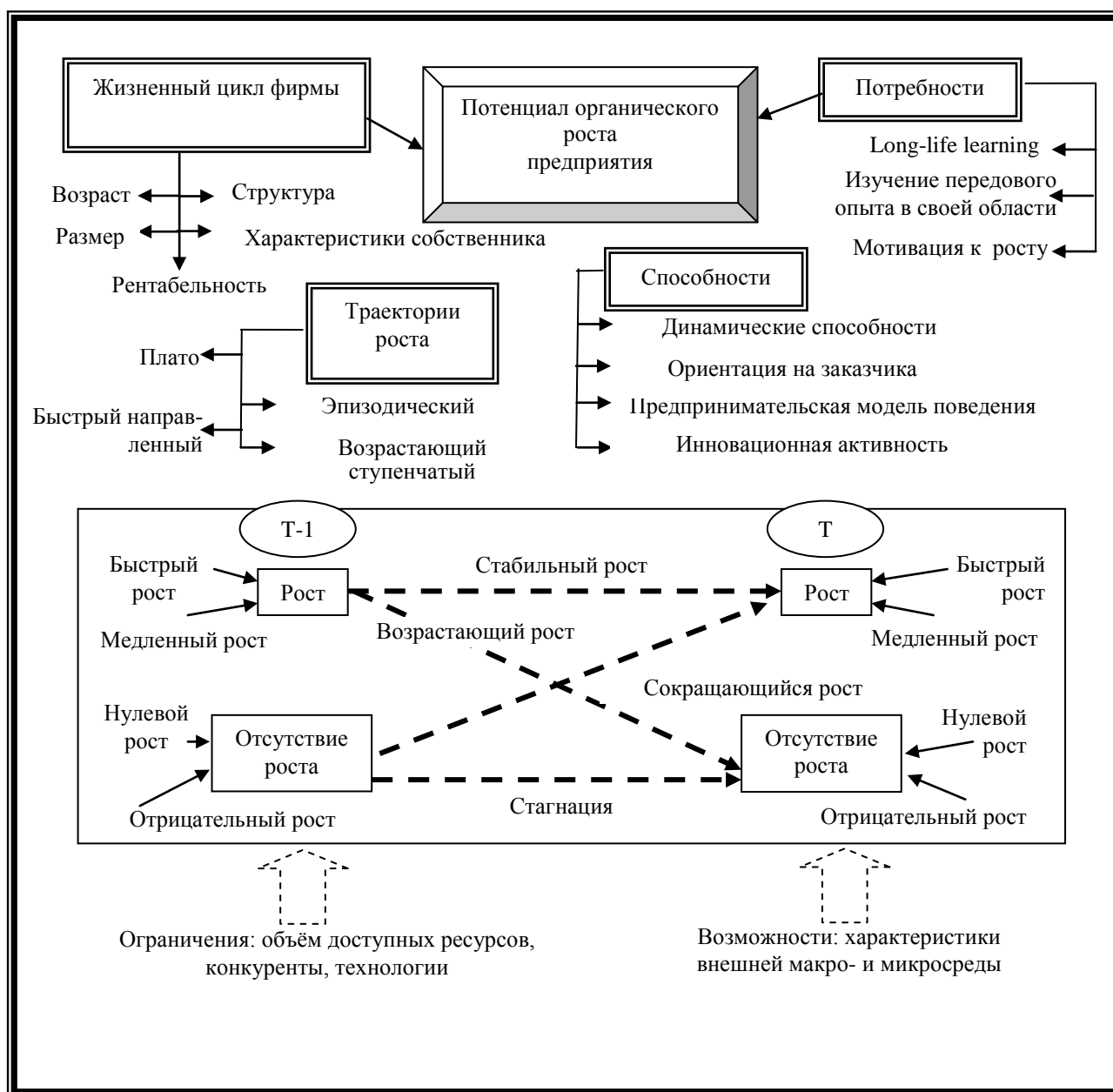

Рис. 1. Информационное пространство траекторий экономического роста компаний

Рис. 2. Визуализация онтологии категорий роста, созданная в Protege

Рост можно рассматривать двояко. Во-первых, непосредственное увеличение количественных и качественных характеристик (прибыли, количества занятых, доли экспорта, доли рынка, объёма продаж, скорости приобретения активов, повышения деловой репутации в ряде исследований экономической добавленной стоимости), связанных с деятельностью фирмы. Во-вторых, процесс, состоящий из серии взаимосвязанных внутренних изменений, улучшений приводящих к появлению новых характеристик фирмы. Какой показатель наиболее адекватно отражает рост компании? Идеальный вариант определить сложно, т. к. каждый показатель имеет свои недостатки, например, показатель «численность сотрудников» необъективен по отношению к капиталоемким фирмам, показатель «активы», напротив является дискриминирующим с точки зрения фирм с большим числом сотрудников или компаний с высоким уровнем аутсорсинга, «долю рынка» крайне сложно определить в реальных российских условиях, а деловая репутация собственной фирмы не отражается в официальной отчетности фирм. Проанализировав содержание нескольких десятков популярных эмпирических исследований, касающихся проблемы роста предприятий, можно сделать следующие выводы: чаще всего в качестве «измерителя роста» используется показатель «объём продаж» (относительный, абсолютный или их логарифм), в четверти случаев – «численность сотрудников», редко – активы. Исследователи предпочитают использовать временной период от 1 года до 5 лет, чаще всего 3 года. О. Ю. Патласов и О. В. Сергиенко считают, что рост стоимости активов компании, прирост стоимости собственного капитала является ключевой характеристикой финансового результата деятельности [2].

Изменение значения индикатора роста во времени описывается кривой роста и характеризует его траекторию. Очевидно, что существуют группы фирм, которые будут иметь схожие тенденции в изменении уровня их экономического роста. Одной из целей выявления групп компаний, для которых характерна одна траектория роста, является выделение и изучение характеристик быстрорастущих фирм. Исследовав их особенности, можно сформировать рекомендации, которых должны придерживаться фирмы с низкими темпами роста или стабильные фирмы, чтобы расти быстрее.

Исследования, посвящённые рассматриваемой теме, выделяют различные траектории роста компаний. Так, Р.Ченг [3] выделяет пять групп компаний: фирмы с наибольшим ростом (highest-growth), быстрорастущие фирмы (fast-growth), фирмы со средним ростом (medium-growth), медленно растущие фирмы (slow-growth), статичные фирмы/со снижающимся ростом (static/declining). В исследовании А. Баллок и др. [4], характеризующем траекторию фирмы по нескольким временным периодам, различаются: фирмы, постоянно снижающие рост (persistent decline), восстанавливающиеся в росте фирмы (recovering firms), фирмы с ослабевающим ростом (faltering firms), сверхрастущие фирмы (super growers), стабильно растущие фирмы (steady firms). Интерес представляет исследование К. Браш и др. [5], определяющее характер траекторий роста английских фирм, относящихся к отраслям информационных технологий, машиностроения, архитектуры, финансовых услуг и электроники, в зависимости от темпов развития менеджмента, маркетинга и финансовой активности. В результате анализа авторами было выделено 4 модели роста: фирмы, развивающиеся по шаблону «быстрый рост», «эпизодический рост», сменяющиеся периоды высоких и низких темпов роста, «возрастающий-ступенчатый», чередующиеся периоды роста и его отсутствия, а также «плато», когда, достигнув определённой точки роста, фирмы находятся в «застое». В зависимости от способностей и возможностей роста С. Нихтер [6] выделил 4 типовых профиля фирм: «Пони», «Газели», «Черепахи», «Гусеницы» – и связал их с факторами, оказывающими прямое и косвенное воздействие на возможности и способности.

При оценке органического роста предприятия, с нашей точки зрения, должны быть учтены детерминанты роста (подробнее см. [7]), самыми распространёнными из которых являются возраст и размер организации. Одной из первых работ, в которых рассматривались данные детерминанты, считается работа Р. Гибрата [8]. В ней автор впервые высказал предположение о стохастическом характере темпов роста компании. Позже изложенные концепции приобрели название закона Гибрата (Gibrat's law), который гласит о независимости темпа роста компании от её размера. Несмотря на наличие множества опровержений данного закона имеются работы, говорящие о его состоятельности в условиях экономики нашей страны [9]. При этом российские учёные говорят о том, что средние (медианные) темпы роста почти одинаковы для фирм разных размеров, а сверхвысокие темпы чаще представлены среди фирм малых размеров. Отметим, что существующие на сегодняшний день исследования не позволяют сделать однозначных выводов о справедливости закона

Гибрата, т. е. данный закон может быть справедлив для фирм отдельных отраслей и стран в определённый период времени, однако он не является строгой закономерностью.

В статье приводятся сводные результаты проверки наличия взаимосвязи роста ИТ фирм и возраста (а также размера), исследования типа и траекторий роста фирм, формирующих рейтинг «Список крупнейших российских компаний в области информационных и коммуникационных технологий», ежегодно составляемый агентством «Эксперт». Для проверки гипотез «молодые ИТ предприятия растут быстрее» и «малые предприятия растут быстрее, чем крупные» был проведён кластерный анализ. После проверки на выполнение ограничений (необходимо обязательное наличие данных о возрасте, темпе роста выручки, размере фирмы за 2013 г.) нами было исследовано 58 предприятий, которые в итоге сформировали 2 кластера по отношению рост-возраст и три кластера по отношению рост-возраст, размер. На рисунке 3 показаны графики средних для соответствующих кластеров, из которых видно, что существует обратная зависимость между возрастом и ростом, то есть утверждение о том, что, более молодые фирмы растут быстрее подтверждено. Также подтвердилось утверждение о том, что чем больше размер фирмы, тем медленнее её рост.

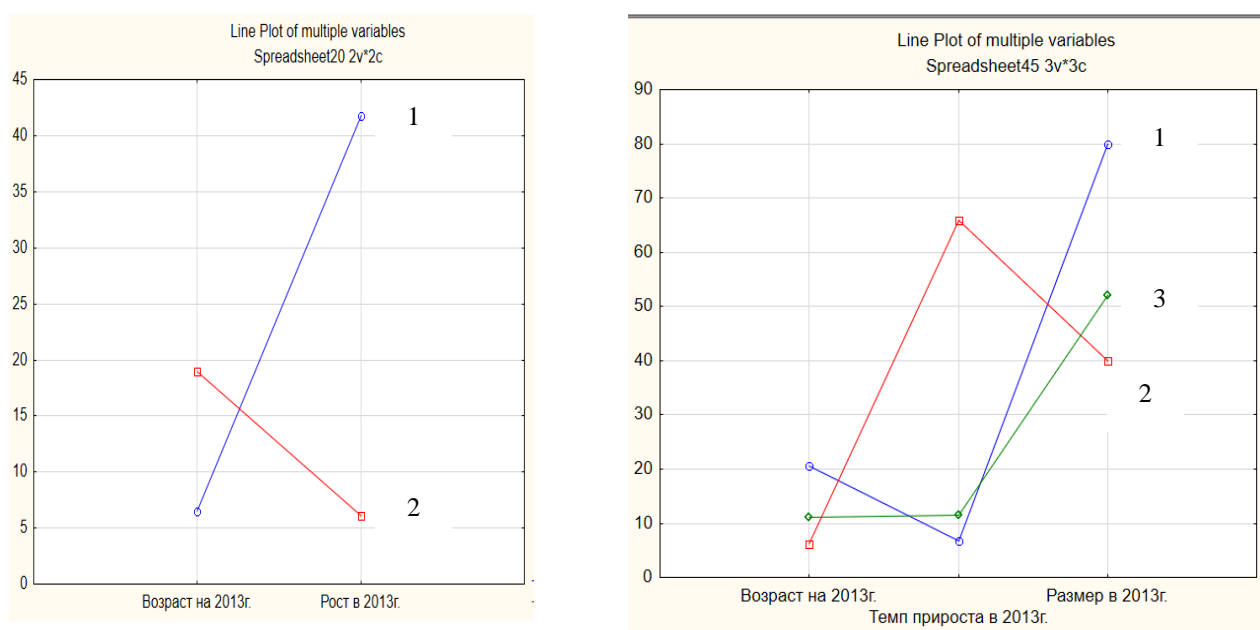

Рис. 3. График средних для выделенных кластеров: кластер 1, кластер 2, кластер 3

Дадим характеристику кластерам, полученным по отношению рост-возраст, размер. В первый кластер вошло 30 фирм, которые представляют собой в основном зрелые, медленно растущие компании со значениями возраста от 12 до 26 лет. Для них характерны средние значения возраста – 20,57 лет и темпа прироста – 6,76 %. К данному кластеру принадлежит равное количество фирм среднего и крупного размера. Во второй кластер вошло 8 фирм, которые представляют собой в основном молодые, быстрорастущие компании со значениями возраста от 3 до 11 лет и темпами прироста от 48,49 до 128,3 %. Для данных компаний характерны средние значения возраста – 6,125 лет и темпа прироста – 65,98 %. К данному кластеру принадлежит равное количество фирм среднего и малого размера (ближе к малому). В третий кластер вошло 20 фирм, которые представляют собой компании среднего возраста со средними темпами прироста. Значения показателя возраста для данных компаний изменяются в пределах от 3 до 22 лет и темпов прироста – от 26,08 до 41,63 %. Для данных компаний характерны средние значения возраста – 11,05 лет и темпа прироста – 11,47 %. В среднем данному кластеру принадлежат компании среднего размера.

Распределение крупнейших российских компаний в области ИТ, отобранных для исследования, по типам роста

Тип роста фирмы	Временной период			
	2001–2008	2008–2013	2001–2008	2008–2013
	Показатель: ВЫРУЧКА		Показатель: ЧИСЛО СОТРУДНИКОВ	
отрицательный рост (только низкий (< 20 %))	0	4	0	5
нулевой рост	0	0	1	1
положительный рост	31	27	27	22
• положительный высокий ($\geq 20\%$)	16	5	8	2
• положительный низкий (< 20 %)	15	22	19	20

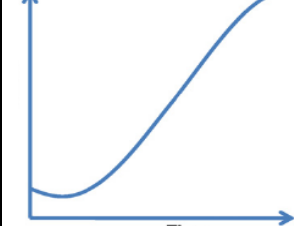

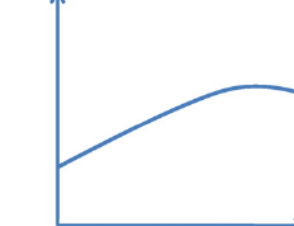
Формируя базу исходных данных для исследования типа и траекторий роста, нами было введено ограничение: предприятия должны были находиться в рейтинге не менее трёх лет подряд в периоды с 2001 по 2008 гг. (не включая) и с 2008 (включая) по 2013 гг., т. е. выделены два временных интервала, разделённые «кризисом». О фирме должны были иметься сведения как по показателю «выручка», так и показателю «число специалистов», т. е. иметься возможность сопоставить темпы роста «интересов собственников» и увеличения количества рабочих мест. Подобное ограничение позволило произвести расчёты с использованием критериев «абсолютный», «относительный» рост, т. е. не только определить направление роста, но и измерить его скорость. После проверки на выполнение ограничения из 195 фирм, когда-либо участвовавших в формировании рейтинга, нами было отобрано только 31 предприятие по показателю «выручка» и 28 – показателю «число специалистов» (табл. 1). Сопоставив результаты изменения характеристик роста фирм в обоих временных периодах (табл. 2), получаем отнесение фирм к одной из четырёх категорий по выручке (количеству занятых): устойчиво снижающие показатели – 0, восстанавливающиеся фирмы – 0, остановившиеся в росте – 3 (3), постоянно растущие – 2 (1), стабильные – 26 (24). Категория «стабильные» не является однородной и в свою очередь дополняется «возрастающим и снижающимся» ростом.

Отметим, что, несмотря на то, что все фирмы выжили в период экономического кризиса (наблюдалось сильное воздействие фактора-барьера «неблагоприятное воздействие внешней среды»), это по-разному повлияло на дальнейший путь развития, оказав положительное влияние лишь на небольшое количество фирм. Кроме того, нами была замечена тенденция, характерная практически для всех фирм рейтинга, после кризиса 2008 года произошло перераспределение долей различных видов деятельности и увеличилась концентрация на 1, 2 направлениях. Лучшие позиции заняли те фирмы, которые имели хотя бы одного стратегического зарубежного партнёра и проект, поддержанные на федеральном уровне.

К сожалению, проверить на принадлежность к одной из четырёх траекторий: быстрый направленный, эпизодический, возрастающий, плато – выбранные для определения «типа роста» фирмы в таком же составе было невозможно [6]. Графическая интерпретация траекторий была сделана только для тех фирм, которые имели непрерывный ряд данных с 2006 по 2013 гг., при этом несколько фирм, не удовлетворяющих первому ограничению, было включено в данную часть. Отметим, что в статье (см. табл. 2) фирмы распределены по траекториям только относительно показателя выручки, возрастающий ступенчатый рост характерен лишь для одной фирмы – «Аскон».

Таблица 2

Тип и траектории роста крупнейших российских компаний в области ИКТ, отобранных для исследования, по размеру выручки

Типы роста фирм, 2001–2008 гг.	Типы роста фирм, 2008–2013 гг.		
	Отрицательный	Положительный низкий	Положительный высокий
Положительный низкий	Группа компаний Vervysell	Группа компаний RStyle Корпорация «Галактика» РАМЭК-ВС, «Монолит-Инфо», Группа компаний IBS, «ФОРС-Холдинг», «Организационно-технологические решения – 2000» Центр компьютерного обучения «Специалист», «Гарс Телеком» Aladdin Software Security R. D. «Информконтакт консалтинг»	«Ланит» «Прогноз» EPAM Systems
	Стабильные Остановившиеся в росте		Возрастающий рост Сокращающийся рост
Положительный высокий	«КРОК Инкорпорейтед» НЭТА НВП «ИНЭК»	«Микротест», «Оптима» АЙ-ТЕКО, «АйТи» «ТехноСерв А/С» ICL-КПО ВС, «Ниеншанц» «Диасофт», АСКОН «Рексофт», «Форус»	«Инлайн Технолджис» «СофтЛайн Трейд»
			Постоянно растущие
Траектории роста фирм, 2013 г.			
Быстрый направленный	Эпизодический	Плато	
			
«Инлайн Технолджис» «СофтЛайн Трейд», «Ланит», «Прогноз», EPAM Systems, Центр финансовых технологий	Группа компаний IBS Информзащита, Группа компаний Компьюлинк, «Энвижн групп» 4, Вимком оптик ТС	ICL-КПО ВС, Корпорация «Галактика», «Монолит-Инфо» «ФОРС-Холдинг», Парма телеком, НЦИТ «Интертех», АЙ-ТЕКО, ТехноСерв А/С	

В заключении выделим наиболее важные результаты, которые могут быть полезными при формировании новых моделей оценки применительно к российским субъектам хозяйствования: оценка потенциала роста предприятия требует сопоставления и сопоставления в динамике показателей-детерминант, характеризующих различные стороны хозяйственной деятельности предприятия (абсолютные, относительные и смешанные); молодые предприятия имеют большую скорость роста; малые предприятия растут быстрее, чем крупные; фирмы, которые успешно внедряют развивающие организационные изменения, растут быстрее тех фирм, которые их не проводят; использование инноваций и высоких технологий способствует росту предприятия.

Успешное функционирование предприятий в условиях современной российской бизнес-среды является довольно сложным процессом, поэтому определение внутренних и внешних факторов роста поможет предпринимателям не только выживать в сложных условиях, но и действовать более целенаправленно и достигать успеха. Крайне сложно учесть динамику внешней среды и влияние таких факторов, как управленческий потенциал, доступ к знаниям и технологиям, инновационность бизнеса, развитость корпоративной культуры и другие, зачастую качественные, трудно формализуемые показатели, не в меньшей степени, чем финансовые, определяющие эффективность бизнеса, однако без их учёта невозможно корректно оценить перспективы органического роста.

Библиографический список

1. Патласов О. Ю. Рейдерский захват: виды, технологии, методы противодействия / О. Ю. Патласов, О. В. Сергиенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2010. – № 6. – С 39–54.
2. Патласов, О. Ю. Антикризисное управление. Финансовое моделирование и диагностика банкротства коммерческой организации : учебное пособие / О. Ю. Патласов, О. В. Сергиенко. – М. : «Книжный мир», 2009. – С. 192–201; Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Множественный дискриминантный анализ в моделях прогнозирования банкротства Альтмана: интерпретации и ограничения использования // Сибирская финансовая школа. – 2007. – № 1. – С. 76–80.
3. Cheng, R. W. The determinants of growth in small and medium enterprises: an empirical study in the logistics industry in Hong Kong, 2006. – P. 276.
4. Bullok, A., Cosh, A. Fu X., Hughes, A., Yang Q. SME Growth Trajectories: A pilot study of UK SME growth and survival using the CBR panel data. – June 2004. – P.82
5. Brush, C. G., Ceru D. J., Blackburn R. Pathways to entrepreneurial growth: The influence of management, marketing, and money. Business Horizons, 2009. pp. 483.
6. Nichter, S. Enhancing Productive Opportunities in Rural Pernambuco: Community-Driven Development in Brazil. Harvard Kennedy School of Government, Massachusetts, 2004.
7. Драгунова, Е. В. Алгоритм оценки динамики развития предприятия / Е. В. Драгунова, А. В. Кравченко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – № 3 (13). – С. 35–42.
8. Пирогов, Н. К. Закон Гибрата в исследованиях роста фирмы / Н. К. Пирогов, М. Г. Поповидченко // Корпоративные финансы. – 2010. – № 1 (13). – С. 106–119.
9. Широкова, Г. В. Управление изменениями в российских компаниях / Г. В. Широкова. – СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 480 с.

*E. V. Dragunova, A. V. Kravchenko,
Novosibirsk State Technical University*

INVESTIGATION OF GROWTH TRAJECTORY OF RUSSIAN ENTERPRISES

This study focuses on such problems as: how and why the company grows – paths of growth and rates of growth? What methods can be used to assess the potential development of the company according to its «initial» performance? The information field including the different directions of enterprises growth studying is presented. Ontology categories of growth are developed. It is proposed to determine the firm growth trajectories based on a multidimensional construct of growth: change in the resource component, motivational activities, strategic adaptation, architecture firms. Based on the data of 30 IT companies we defined the types of growth (persistent decline, recovering, faltering, super growers, steady firms) and the main trajectories (rapid, episodic, steady growth).

Keywords: organic growth, model of development, determinants of growth, growth trajectories of firms.

References

1. Patlasov O. Ju., Sergienko O.V. Rejderskij zahvat: vidy, tehnologii, metody protivodejstvija // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya, 2010. – № 6. – S 39–54.
2. Patlasov, O. Ju. Antikrizisnoe upravlenie. Finansovoe modelirovanie i diagnostika bankrotstva kommercheskoj organizacii : uchebnoe posobie / O. Ju. Patlasov, O.V. Sergienko. – M. : «Knizhnyj mir», 2009. pp. 192–201; Patlasov O. Ju., Sergienko O.V. Mnozhestvennyj diskriminantnyj analiz v modeljah prognozirovaniya bankrotstva Al'tmana: interpretacii i ogranichenija ispol'zovanija // Sibirskaja finansovaja shkola. 2007. no 1. pp. 76–80.
3. Cheng, R. W. The determinants of growth in small and medium enterprises: an empirical study in the logistics industry in Hong Kong, 2006. P.276.
4. Bullok, A., Cosh, A. Fu X., Hughes, A., Yang Q. SME Growth Trajectories: A pilot study of UK SME growth and survival using the CBR panel data. June 2004. P.82
5. Brush, C. G., Ceru D. J., Blackburn R. Pathways to entrepreneurial growth: The influence of management, marketing, and money. Business Horizons, 2009. Pp. 483.
6. Nichter, S. Enhancing Productive Opportunities in Rural Pernambuco: Community-Driven Development in Brazil. Harvard Kennedy School of Government, Massachusetts, 2004.
7. Dragunova, E., Kravchenko, A. Algorithm for estimating the dynamics of the enterprise. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2013, no. 3(13), pp. 35–42.
8. Pirogov, N. K., Popovidchenko, M. G. Testing Gibrat's Law: a Survey of Empirical Literature. *Korporativnye finansy*, 2010.no. 1 (13), pp. 106–119

9. Shirokova, G.V. *Upravlenie izmeneniyami v rossijskih kompaniyah* [Change Management in Russian companies]. St. Petersburg, 2006. 480 p.

© Е. В. Драгунова, А. В. Кравченко, 2015

Авторы статьи – **Евгения Валерьевна Драгунова**, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: Dragunova@fb.nstu.ru

Анатолий Васильевич Кравченко, кандидат технических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: avk-46@mail.ru

Рецензенты:

В. А. Титова, доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет.

Н. В. Шаланов, доктор экономических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации.

УДК 336.71

В. В. Завадская, О. В. Кучеренко,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Омский институт (филиал)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Исследование посвящено методологическим аспектам управления рисками, которые возникают в процессе функционирования субъектов банковской системы. В статье изложены результаты, системно развивающие положения риск-менеджмента в банке в направлении разработки методических рекомендаций по управлению операционным риском. В работе приведена обобщенная классификация банковских рисков, дана их сущностно-содержательная характеристика. Специальное внимание уделено анализу методик выявления и управления операционным риском.

Ключевые слова: банк, банковская деятельность, риск, управление рисками, риск-менеджмент, финансово-кредитная организация.

В настоящее время в условиях продолжающегося кризиса на финансовом рынке вопрос сохранения устойчивости развития и функционирования банковской системы стал одним из главных и определяющих основные её задачи в долгосрочной перспективе. Кроме того, устойчивость банковской системы определяет гарантии стабильности экономики в целом. Влияние финансово-кредитных организаций на развитие микро- и макроэкономических показателей усиливает понимание банковского сообщества о том, что для формирования и развития конкурентоспособности банка необходима детально продуманная политика управления и мониторинга банковских рисков.

Управление рисками – одна из наиболее актуальных научно-практических задач, стоящих перед современной банковской системой. По мере развития технологий и глобализации мировой экономики финансовые риски возрастают. Последствия экономических, политических, социальных, экологических кризисов становятся всё более серьёзными как для отдельных компаний, так и для мировой экономики в целом.

Финансово-кредитные организации в настоящее время изменили подходы к риск-управлению в силу значительного роста количества предоставленных услуг финансово-кредитного характера и последствий финансового кризиса прошлого года. Появилось понимание необходимости количественного учёта рисков при разработке и реализации стратегии развития финансовых организаций. Сформировалась новая стратегия уменьшения отрицательных последствий кризиса на основе массового регулирующего вмешательства в работу банков. При этом механизм такого вмешательства потребовал создания формальных методов и инструментов, определяющих новые ориентиры в прикладных методиках комплексной оценки работы финансово-кредитных организаций. Финансовое положение и надёжность банка оцениваются на основе анализа управления и контроля. Учитываются профиль риска, особенности риск-управления, финансовая отчётность, структура и качество

портфеля, политика и процедуры, человеческие ресурсы и информационный потенциал. Чтобы дать оценку перспективному потенциалу кредитной организации, необходимо диагностировать проблемы на основе использования эффективных инструментов мониторинга рисков.

Несмотря на достаточную степень изученности проблематики, продолжается исследование предметной области в контексте формирования эмпирических данных практики применения инструментов мониторинга банковских рисков.

При достаточной дифференциации приёмов и методов определения и управления рисками банковской практике РФ не достаёт системного подхода, позволяющего комплексно исследовать рискованность действий финансово-кредитных организаций и быстро сформировать меры корректирующего характера. Вместе с тем разработка и внедрение комплексного риск-менеджмента позволяют наиболее полно и в динамике проанализировать банковские риски, обеспечивать оптимальное соотношение «риск – доходность» и реализовывать стратегические программы развития при одновременном выполнении нормативных требований.

Современный банковский рынок связан с риском. В условиях усиления конкуренции повышается внимание к банковским рискам.

Риск – это сложное явление, имеющее множество несовпадающих, а иногда противоположных реальных основ. Теория рисков бурно развивается, поэтому термин «риск» у множества авторов может иметь различное толкование. О. Ю. Патласов среди финансовых рисков даёт определение налоговому, процентному, валютному, трансакционному, операционному, кредитному, отзывному, капитальному, селективному, портфельному, риску регулирования и др. [7]

Одна из классификаций представлена в табл. 1, которая делит риски на четыре категории: операционные, деловые, финансовые и чрезвычайные [3, с. 88; 5, с. 195]. Организация системы управления рисками предусматривает идентификацию риска, выявляющую зоны риска допустимого, критического, катастрофического [6], характерные для конкретных видов риска, определяющую положительные и негативные последствия для кредитных организаций в рамках рискованного диапазона (табл. 2) [2, с. 274].

Таблица 1

Спектр банковских рисков

Банковские риски			
Финансовые	Деловые	Операционные	Чрезвычайные
Структура баланса	Рыночный	Деловой стратегии	Политический
Структура отчета о прибылях и убытках	Юридический	Риски внутренних систем и операций	Риск «заражения» финансовым кризисом
Достаточность капитала	Деловой политики	Технологический	Риск банковского кризиса
Кредитный	Финансовая инфраструктура	Ошибки управления и мошенничество	Прочие экзогенные риски

По мере развития финансовых институтов стал развиваться операционный риск (ОР). Несмотря на то, что автоматизировались многие процессы и сократились ошибки со стороны персонала, усилилась зависимость компании от технологических и информационных систем, что приводит к существенным потерям, потому что потери также могут зависеть от человека. С 1 июля 2010 года началось внедрение в российскую банковскую практику упрощённого подхода к учёту операционных рисков. Базельский комитет и Банк России регламентировали процедуры по раскрытию информации всех видов рисков, включая операционный риск, для повышения возможности внешней оценки рискованности вложений в каждый конкретный банк [1].

Характеристика зон банковского риска

Вид риска	Зона риска
Кредитный	Снижение кредитоспособности заёмщика; Ухудшение качества кредитного портфеля; Возникновение просроченного основного долга и процентных платежей; Появление проблемных ссуд; Возникновение факторов делового риска; Ненадёжность источников погашения долга
Риск несбалансированной ликвидности	Использование краткосрочных ресурсов для покрытия более долгосрочных активов; Покрытие высоковольтными ресурсами низколиквидных активов
Процентный	Несоответствие размера и срока активов и пассивов банка, чувствительных к изменению % ставок в данном периоде; Несоответствие в изменении % ставок по активным и пассивным операциям банка, приводящее к снижению % маржи; Падение % маржи по видам активных операций банка; Превышение % ставок по привлечённым ресурсам
Риск потери доходности	Рост действительной стоимости ресурсов; Использование стабильной или относительно долгосрочной части ресурсов для покрытия высоколиквидных активов, приводящее к сокращению или появлению отрицательной % маржи; доля неработающих активов
Операционный	Операции банка, выполняемые персоналом с низкой квалификацией; Неотработанность ПО по отдельным направлениям деятельности банка; Направления деятельности банка, имеющие недостаточное законодательное обеспечение; Сфера деятельности банка, не обеспеченная квалифицированными кадрами или не имеющая внутренних регламентов; Низкое качество внутреннего контроля; Операции с неквалифицированными контрагентами

Многие банки используют рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору и рассчитывают минимальный капитал для покрытия убытков от операционного риска:

1. На основе базового индикатора (BIA – Basic Indicator Approach).
2. Стандартизованный метод включает в себя две методики:
 - а) стандартизованную (TSA – Standardised Approach);
 - б) альтернативную стандартизованную (ASA – Alternative Standardized Approach).
3. Усовершенствованный метод измерения (AMA – Advanced Measurement Approaches).

Инфраструктура управления должна включать обнаружение, оценку, мониторинг и снижение операционных рисков.

Мониторинг возможных негативных последствий в результате возникновения потерь от наступления операционного риска предусматривает оценку каждой конкретной рискованной ситуации, выяснение характера и причин, повлекших за собой реализацию операционных рисков финансово-кредитных организаций. С целью установления сфер, применительно к которым вероятность возникновения операционного риска высока, специалистами рекомендовано пооперационное разделение процессов и технологий на элементы, а затем выявление с помощью статистического инструментария вероятной степени воздействия на них источников операционных рисков финансово-кредитных организаций. Это обозначают пооперационной декомпозицией операционного риска с будущей систематизацией перечня. Указанный список способствует установлению наиболее рискованных структурных единиц финансово-кредитных организаций и в последствии позволит выстроить полноценную систему банковского риск-менеджмента. Варианты формирования перечня операционного риска выглядят следующим образом: самостоятельно в форме технологической карты проводимых операций; с привлечением консалтинговых фирм извне. Далее следует определить как процессы, так и отдельные операции, на которых сконцентрированы рискованные обстоятельства. Завершается процесс разработкой мероприятий корректирующего характера [9].

Управление операционными рисками финансово-кредитных организаций осуществляется внутри самих отделов, где эти риски возникают. IT-профессионалы лучше всего разбираются с системными рисками. Персонал back-офиса может дать нужную информацию по расчётным рискам. Однако общее планирование, координирование и мониторинг должны обеспечиваться централизованно – отделом управления операционными рисками. Работа должна вестись в сотрудничестве с управлением рыночными и кредитными рисками в общей инфраструктуре ERM.

Б. В. Сазыкин в своих трудах использует как выше представленные методы, так и описывает внутреннюю рейтинговую модель для измерения операционного риска, моделирование потерь методом Монте-Карло и Мэппинг [8, с. 9]. ЦБ РФ рекомендует для дистанционного анализа использовать балльно-весовой метод, сценарный анализ, а также метод оценки операционных рисков через анализ индикаторов деятельности банка.

Экономический смысл балльно-весаого метода сводится к оцениванию ОР ФКО в контексте принятия мероприятий, нацеленных на сведение его к минимуму. Путём экспертной оценки формируются информативно значимые для целей управления ОР параметры и рассчитываются их относительные величины (весовые коэффициенты). Далее обозначенные параметры систематизируются в табличных формах (оценочные карты) и анализируются посредством применения дифференцированных шкал. Сформированные итоговые величины корректируются на значения весовых коэффициентов, сравниваются в разрезе направлений ФКО, отдельных видов банковских операций и других сделок. Использование вышеуказанного способа (метод оценочных карт) наряду с анализом ОР ФКО способствует выявлению слабых и сильных стороны риск-менеджмента [4].

В контексте метода моделирования (сценарного анализа) посредством экспертного анализа для направлений функционирования ФКО, автономных категорий банковских операций и других сделок устанавливаются возможные сценарии возникновения события или обстоятельств, влекущих за собой операционные убытки, и разрабатывается модель распределения частоты возникновения и размеров убытков, впоследствии используемая для оценки ОР ФКО.

Известны следующие методы определения ОР ФКО в качестве величины Value at Risk (VaR) [10, с. 46]:

- базы данных по операционным рискам;
- симуляционные методы;
- актуарный метод;
- расчёт на основе отклонения от стандартных величин.

Финансово-кредитная организация может самостоятельно выбирать методику. В зависимости от степени готовности от VIA к AMA, а также вариант применения по согласованию с ЦБ РФ собственных методических положений.

Далее рассмотрим вышеуказанные способы подробнее.

ФКО активно применяют подход на основе базового индикатора, в рамках которого необходимо поддерживать капитал под операционные риски. Он рассчитывается как средняя величина за три предыдущих периода в процентах как положительное сальдо валового дохода за год. Из расчёта исключаются показатели периодов с отрицательным ежегодным валовым доходом.

Сумма отчисляемого капитала может быть выражена следующей формулой:

$$ORC = \alpha \cdot GL,$$

где $\alpha = 15\%$, значение установлено Базельским комитетом;

$GL > 0$ – ежегодный валовой доход (базовый индикатор) за предыдущие три года:

$$GL = \sum G_i / n,$$

где n – количество лет из предыдущих трёх, в которые валовой доход был положительным.

Валовой доход определяется как сумма чистого процентного дохода и чистого непроцентного дохода.

Условия расчёта валового дохода:

1. В GL сформированные резервы не учитываются.

2. Реализованные прибыль или убытки от продажи ценных бумаг, классифицируемые как «удерживаемые до погашения» и «имеющиеся в наличии для продажи», не учитываются.

3. GL не должен включать в себя результат от разовых операций и доход, полученный от страхования [8, с. 234–236].

Подход на основе базового индикатора является наиболее простым. Он может использоваться в небольших кредитных организациях или предприятиях, которым сложно использовать современные подходы к расчёту операционного риска. В любом случае банки должны придерживаться того подхода, который они выбрали.

Размер операционного риска рассчитывается ежегодно по состоянию на первое января года, следующего за отчётным. Если банки применяют подход, отличный от базового, то они обязаны соблюдать следующие условия:

1) совет директоров и высшее руководство должны активно участвовать в контроле за системой управления операционным риском и создать для этой цели отдельное подразделение;

2) в банке должна быть внедрена надёжная система управления операционным риском, включая прописанные способы разделения валового дохода и потерь по различным направлениям бизнеса;

3) ресурсов должно быть достаточно для внедрения соответствующего подхода к контролю и аудиту операционного риска во всех ведущих направлениях бизнеса;

4) регулятор имеет право проводить мониторинг используемого подхода перед его утверждением в качестве основного для расчёта требуемого размера капитала.

Следующий подход стандартизован. По данной методике TSA вся деятельность банка классифицируется на восемь производственных линий, которые представлены в табл. 3. Все операции классифицируются по стандартным направлениям деятельности, по каждому из которых рассчитывается величина его валового дохода. Для каждого направления деятельности задаётся коэффициент бета, с помощью которого рассчитывается размер резервного капитала. Базельский комитет по банковскому надзору присвоил коэффициенту бета значения, которые представлены в табл. 4.

Таблица 3

Классификация направлений деятельности банка

Бизнес-линия	Бизнес-процессы
Corporate finance	Первичное размещение эмиссионных ценных бумаг, гарантированное размещение ценных бумаг. Оказание банковских услуг при слиянии, поглощении или приватизации юридических лиц. Секьюритизация. Исследования рынков. Инвестиционный консалтинг
Trading and sales	Покупка ценных бумаг с целью получения инвестиционного дохода и перепродажи. Срочные сделки с ценными бумагами, иностранной валютой, драгоценными металлами, деривативами. Выполнение функций маркет-мейкера. Операции РЕПО
Retail banking	Выдача кредитов. Привлечение денежных средств во вклады. Открытие и ведение банковских счетов физических лиц. Осуществление платежей по поручению физических лиц. Доверительное управление денежными средствами и ценными бумагами. Консультации по вопросам инвестирования. Обслуживание банковских карт и кассовых операций
Commercial banking	Выдача кредитов. Привлечение депозитов. Ведение банковских счетов юридических лиц. Осуществление платежей по поручению юридических лиц. Операции с векселями. Выдача банковских гарантий и поручительств. Факторинговые, форфейтинговые операции. Лизинговые операции. Кассовое обслуживание, инкассация. Оказание консультационных услуг
Payment and settlement	Проведение расчётов на нетто-основе, клиринга, валовых расчётов, инкассовых операций
Agency services and custody	Доверительное хранение документов, ценных бумаг, депозитарных расписок, денежных средств и иного имущества. Осуществление агентских функций для эмитентов и функций платёжного агента
Asset management	Доверительное управление ценными бумагами, денежными средствами и имуществом
Retail brokerage	Брокерские услуги

Значение бета-коэффициента стандартных направлений деятельности банка, %

Бизнес-линии	Бета-факторы
Розничные банковские операции	12
Управление активами	12
Брокерские услуги	12
Коммерческие банковские операции	15
Агентские услуги	15
Платежи и расчёты	18
Торговля и продажи	18
Корпоративное финансирование	18

Бета-коэффициент отражает среднюю по отрасли зависимость между потерями от операционного риска по конкретному бизнес-направлению и средним уровнем валового дохода по этому направлению.

Валовой доход служит общим показателем масштаба операций. Требование к капиталу для бизнес-линий рассчитывается путём умножения валовых доходов на фактор (обозначаемый бета), присваиваемый данной бизнес-линии. Бета служит показателем общеотраслевого соотношения между имевшими место операционными убытками и общим уровнем валового дохода для данной бизнес-линии. Общую сумму отчисления капитала под операционный риск в году t можно выразить следующим образом:

$$ORC_t = \left(\sum_{j=1}^3 \max \left[\left(\sum_{i=1}^8 \beta_i \cdot GI_i^{t-i} \right) 0 \right] \right) / 3,$$

где ORC_t – требование к капиталу в рамках стандартизованного подхода;

GI_{it-j} – валовой доход i -ой бизнес-линии в $(t-j)$ году;

β_i – коэффициенты, установленные Базельским комитетом для стандартных бизнес-линий.

Преимуществом стандартизованного подхода является то, что банки могут зарезервировать капитал под операционный риск в зависимости от дохода, который приносит то или иное направление бизнеса, и подверженности его операций операционному риску. Этот подход не принимает во внимание возможное распределение убытков вследствие реализации операционного риска.

Банки, применяющие продвинутый подход, определяют размер требуемого капитала для покрытия операционного риска исходя из внутренних методик самого банка. Минимальный размер резервируемого капитала определяется как сумма ожидаемых и непредвиденных убытков от операционного риска, при этом банк комбинирует различные подходы.

Для применения данного подхода существуют определённые требования:

- наличие в банке независимого подразделения, ответственного за построение и внедрение системы управления операционным риском;
- система оценки и измерения операционных рисков должна быть интегрирована во все ежедневные процедуры управления рисками банка;
- банковская система управления операционными рисками должна быть хорошо документирована;
- регулярные отчёты по рисковому событиям и потерям должны предоставляться как менеджеру подразделений, так и совету директоров банка;
- банк должен регулярно проводить внутренний и внешний аудит системы измерения и управления операционным риском, имеет возможность доказать эффективность разработанных мер [10].

Альтернативная стандартизованная методика ASA расчёта отчисления капитала на операционный риск отличается от предыдущей тем, что данный метод исключает два вида производственной деятельности банка. По этим бизнес-линиям вместо валового дохода применяются кредиты. Отчисление капитала выглядит следующим образом:

$$ORS_3 = \beta_3 \cdot m \cdot LA_3,$$

где ORS_3 – размер исчисляемого капитала по операциям с физическими лицами;

β_3 – коэффициент для операции с физическими лицами;

LA_3 – общая сумма выданных кредитов;

$m = 0,035$ – установленный коэффициент.

В методике общая сумма по операциям с физическими лицами состоит из общих снятых с кредитных линий сумм по следующим кредитным портфелям: розничному, кредиты малому и среднему бизнесу и приобретение розничной дебиторской задолженности.

Для банковских операция обслуживания юридических лиц общая сумма выданных кредитов состоит из сумм по следующим кредитным портфелям: корпоративному, суверенному, банковскому, специализированному кредитованию, кредиты малым и средним предприятиям, приобретённая корпоративная дебиторская задолженность, а также балансовая стоимость ценных бумаг, находящихся на учёте в банке. Общая сумма исчисляемого капитала рассчитывается суммированием отчислений регуляторного капитала по каждой из восьми бизнес-линий банка.

Для применения усовершенствованного метода измерения операционного риска (АМА) надзорному органу необходимо обосновать задачи организационного управления, требования обоснованности выбранного метода, а также должны быть определены ключевые признаки в принимаемой системе оценок операционного риска.

Таким образом, научная новизна работы заключается в новом подходе к оценке операционного риска в условиях неопределённости. Впервые посредством формализации разработаны теоретические основы оценки измерения операционного риска в условиях неопределённости, на основе чего, в свою очередь, разработана внутрибанковская методика, позволяющая графически построить кривые удельных весов анализируемых отраслей банка с помощью системы уравнений.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 29.06.2015 г.) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Булацкий, С. М. Эволюция взглядов на проблемы операционного риска в коммерческих банках / С. М. Булацкий // Россия в глобальном мире. – 2014. – № 4 (27). – С. 267–280.
3. Вяткин, В. Н. Базель 2 – управление банковскими рисками / В. Н. Вяткин, В. А. Гамза. – М. : Экономика, 2010. – 192 с.
4. Елкин, С. Е. Бухгалтерский баланс – источник информации для анализа финансового состояния банка / С. Е. Елкин, О. С. Елкина // Вестник Омского университета. Серия экономика. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2003. – № 3. – С. 106–111.
5. Елкин, С. Е. Отчётность коммерческого банка: проблемы и перспективы перехода на международные стандарты бухгалтерского учёта и финансовой отчётности / С. Е. Елкин // Вестник Омского университета. Серия экономика. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2003. – № 4. – С. 105–111.
6. Начатов, Ф. Я. Организация производства и предпринимательства в АПК : учеб. пособие / Ф. Я. Начатов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – С. 528–573.
7. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска : учеб. пособие / О. Ю. Патласов. – В 2-х частях. – Омск : ОмГАУ, 1997. – С. 3–68.
8. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
9. Методы измерения операционного риска / Бухгалтерия и банки: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fin-buh.ru/text/107472-1.html>.
10. Миронова, С. Ю. Модель оценки эффективности управления операционным риском / С. Ю. Миронова // Банковское дело. – 2014. – № 9. – С. 44–50.
11. Операционные риски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pcxpert.net.ru/content/view/138/31/1/31/>.
12. Те, А. Л. Построение эффективной системы управления операционным риском в коммерческом банке / А. Л. Те // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2014. – № 30. – С. 194–198.

V. V. Zavadskaya, O. V. Kucherenko,
Plekhanov Russian University of Economics Omsk institute (branch)

TEORETIKO-METODOLOGICHESKIE OF THE BASIS OF RISK MANAGEMENT OF FINANCIAL CREDIT INSTITUTIONS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

Now in the conditions of world crisis of the financial market the question of preservation of stability of development and functioning of a banking system became one of main and defining its main objectives in the long term. Management of risks – one of the most actual scientific and practical problems of modern bank activity. In process of development of technologies and globalization of world economy, surrounding risks only increase. At a sufficient variety of ways and methods of definition and risk management in the Russian banking practice there is no the system approach allowing to investigate in a complex risks of commercial bank and to create response measures and control over them.

This article is devoted to research of teoretiko-methodological aspects of risk management, arising in the course of functioning of subjects of bank system. The risk is the difficult phenomenon having a set incoincident, and sometimes opposite real bases. The theory of risks actively develops therefore the term «risk» at a great number of authors can have various interpretation. The fullest classification is presented by the author in this article. The author allocated risk zones, characteristic for concrete types of risk, the positive and negative consequences for bank connected with these zones are defined.

The special attention is paid to research of operational risk as risk of emergence of losses as a result of inadequate or wrong internal processes, actions of employees and systems or external events. The author created theoretical bases of an assessment of measurement of operational risk in the conditions of uncertainty on the basis of what the intra bank technique allowing to construct graphically curves of specific weight of the analyzed branches of bank by means of system of the equations is developed.

Keywords: bank, bank activity, risk, risk management, risk management, financial and credit organization.

References

1. Federal'nyj zakon «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» ot 02 dekabrya 1990 g. № 395-1 (red. ot 29.06.2015 g.). Spravochno-poiskovaja sistema «Konsul'tantPljus».
2. Bulackij, S.M. Evolution of views of problems of operational risk in commercial banks. *Rossija v global'nom mire*, 2014, no. 4 (27), pp. 267–280.
3. Vjatkin, V.N., Gamza V.A. *Bazel' 2 – upravlenie bankovskimi riskami*. Moscow, 2010, 192 p.
4. Elkin S.E., Elkina O.S. Buhgalterskiy balans - istochnik informacii dly analiza finansovogo sostoyaniya banka. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya ekonomika*. 2003. no 3. – pp.106–111.
5. Elkin S.E. Otchetnost kommercheskogo banka: problemi i perspektivi perehoda na megdunarodnie standarti buhgalterskogo ucheta i finansovoi otchetnosti. – *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya ekonomika*. 2003. no 4. – pp.105–111.
6. Nachatov F. Ja. Organizacija proizvodstva i predprinimatel'stva v APK: Ucheb. posobie / F. Ja. Nachatov, O. Ju, Patlasov, F. K. Shakirov i dr. – Omsk: Izd-vo OmGAU, 2004. S. 528–573.
7. Patlasov O.Ju. Teorija i praktika predprinimatel'skogo riska: Ucheb. posobie. V 2-h chastjah. – Omsk: OmGAU, 1997. S. 3–68.
8. Rajzberg, B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubceva E. B. *Sovremennyj jekonomicheskij slovar'*. Moscow, 2010, 512 p.
9. Metody izmerenija operacionnogo riska / Buhgalterija i banki: [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.fin-buh.ru/text/107472-1.html>.
10. Mironova, S.Ju. Model of an assessment of effective management of operational risk. *Bankovskoe delo*, 2014, no. 9, pp. 44–50.
11. Operacionnye riski: [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pcxpert.net.ru/content/view/138/31/1/31/>.
12. Te, A. L. Creation of an effective control system of operational risk in commercial bank. *Sovremennye tendencii v jekonomike i upravlenii: novyj vzgljad*, 2014, no. 30, pp. 194–198.

© В. В. Завадская, О. В. Кучеренко, 2015

Авторы статьи – Вера Владимировна Завадская, старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова Омский институт (филиал), e-mail: vvzavadskaya@mail.ru

Ольга Викторовна Кучеренко, старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова Омский институт (филиал), e-mail: kucherenko75@inbox.ru

Рецензенты:

О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова Омский институт (филиал).

О. С. Елкина, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 332.1(338.46)

Т. И. Захарова, Ю. Н. Иванова, Е. В. Юдина,
Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье рассмотрены проблемы и основные факторы, влияющие на развитие социальной инфраструктуры сельских территорий. Дан анализ уровня развития социальной инфраструктуры сельских поселений Тарского района Омской области. Разработана концептуальная модель социальной устойчивости сельских территорий.

Ключевые слова: социальная инфраструктура села, факторы развития социальной инфраструктуры, бытовые потребности населения, устойчивое развитие сельских территорий.

Одним из важнейших факторов стабильности, повышения качества и уровня жизни, продовольственного благополучия населения, а также многофункционального развития сельской территории в целом является развитая и наполненная социальная инфраструктура. Ведь именно такое её состояние гарантирует удовлетворение потребностей населения практически во всех областях его жизни, начиная от условий труда и быта и заканчивая досугом, получением образования, медицинских услуг и т. д. Поэтому ухудшение социальной инфраструктуры, выраженное в сокращении количества школ и детских садов, объектов культуры и спорта, некачественном и нерегулярном медицинском обслуживании, плохом торговом обслуживании малых населённых пунктов является одной из основных проблем, препятствующих устойчивому развитию сельских территорий.

В то же время сельские территории являются важнейшим ресурсом, значение которого стремительно растёт в условиях углубляющейся глобализации при одновременном усилении значения природных и территориальных ресурсов в развитии страны.

Развитие сельских территорий сегодня происходит крайне неравномерно. Несмотря на динамичный рост агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстают от уровня жизни в городах, сужается доступ населения к услугам организаций социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью, что ведёт к росту миграционного оттока сельского населения, к утрате освоенности сельских территорий.

Социальная инфраструктура села имеет свои специфические особенности. В частности ими являются: меньшая развитость и оснащённость материально-техническими средствами по сравнению с аналогичной структурой города; небольшой объём оказываемых услуг; тесная зависимость от экономического состояния местных субъектов хозяйствования.

Нами проанализирован уровень развития институтов социальной инфраструктуры региона на примере Тарского района. Тарский муниципальный район с районным центром в г. Тара расположен на севере Омской области и является центром северного экономического региона Омской области. Расстояние от районного до областного центра – 302 км.

Площадь Тарского района составляет 15,66 тыс. кв. км. На его территории расположены одно городское поселение, включающее 3 населённых пункта и 21 сельское поселение, в состав которых входят 74 населённых пункта. Население района составляет 45,8 тыс. человек, что составляет 2,31 % от населения области. В сельской местности проживает 43,9 % от общей численности населения района. Протяжённость автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципального образования, составляет 824,8 км, из них дорог с усовершенствованным покрытием – 126,9 км, с твёрдым покрытием – 155,5 км.

Основными отраслями экономики района являются сельское хозяйство, лесная и деревообрабатывающая промышленность. Наибольшая доля хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в этих отраслях, относится к субъектам малого и среднего предпринимательства [1].

Обеспеченность населения услугами социальной инфраструктуры оказывает непосредственное влияние на экономическую эффективность общественного производства, поскольку улучшение условий жизни и отдыха, повышение квалификации работников способствуют росту производительности труда. Однако этому важному направлению не уделяется достаточного внимания.

Исследуя социально-экономические показатели районов Омской области, выявляется значительная дифференциация по основным показателям. Это явление наблюдается и на субрайонном (муниципальном) уровне внутри районов. На основании этого возникает необходимость разработки маркетинговых стратегий, реализации концептуальных подходов, использования инструментов маркетинга на сельских территориях. При расчёте плановых социально-экономических показателей берутся в расчёт среднедушевые расходы бюджета муниципалитета на душу населения без учёта различий территорий по площади границ муниципалитетов [2].

В сельской местности сокращается ввод жилья, количество библиотек и других объектов социальной инфраструктуры. Так, в районе на 74 населённых пункта приходится только 46 объектов здравоохранения, причём в ряде из них отмечается нехватка квалифицированных кадров. Наблюдается сокращение за последние четыре года объектов образования, физкультуры и спорта, культуры и искусства (табл. 1). Так, например, уровень фактической обеспеченности библиотеками по району в 2014 г. составил 50 % (-1,11 % к уровню прошлого года) от нормативной потребности. Доля детей в возрасте от 1 года до 6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в общей численности детей данной возрастной группы составляет 62,1 %.

Таблица 1

Объекты социальной инфраструктуры на территории сельских поселений
Тарского муниципального района

Сельское поселение	Объекты					
	здравоохранения		образования		физкультуры и спорта	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
Атирское	2	2	2	2	3	3
Больше-Туралинское	1	1	1	1	4	4
Васисское	2	2	2	2	4	4
Вставское	2	2	1	1	4	4
Егоровское	2	2	1	1	4	4
Екатерининское	1	1	1	1	7	6
Ермаковское	1	1	1	1	4	4
Заливинское	3	3	1	1	5	5
Имшегальское	2	2	1	-	3	3
Литковское	2	2	1	1	4	4
Ложниковское	2	3	2	2	6	6
Мартюшевское	3	3	2	2	5	5
Междуреченское	3	3	1	1	7	7
Нагорно-Ивановское	2	2	1	1	4	4
Орловское	2	2	1	1	6	5
Пологрудовское	2	2	1	1	7	7
Самсоновское	5	5	3	2	7	6
Соускановское	2	2	1	1	4	4
Усть-Тарское	2	2	1	1	4	4
Чекрушанское	2	2	1	1	5	5
Черняевское	2	2	2	2	4	4
Итого	45	46	28	26	101	98

В районе имеются населённые пункты, не имеющие регулярного автобусного сообщения с административным центром района.

В результате сворачивания объектов сети социальной инфраструктуры ликвидация социально-культурных и бытовых объектов, происходящая чаще всего в периферийных деревнях и сёлах, приводит к их дальнейшему измельчению и вымиранию. Одновременно с сокращением объектов социальной инфраструктуры в сельской местности уменьшается средний радиус их транспортной доступности.

Ещё более сложная ситуация в бытовом обслуживании населения, так как система бытового обслуживания сельского населения практически ликвидирована (табл. 2).

Объекты торговли и бытового обслуживания на территории сельских поселений
Тарского муниципального района

Сельское поселение	магазин	аптека	кафе	АЗС	парик- махерская	ремонт транспорта	пошив швей- ных изделий
Атирское	11	1	1				
Больше- Туралинское	4						
Васисское	4						
Вставское	2						
Егоровское	5						
Екатерининское	13	1		1		1	
Ермаковское	4						
Заливинское	8		1				
Имшегальское	3						
Литковское	5						
Ложниковское	7	1					
Мартюшевское	8						
Междуреченское	11	1					
Нагорно- Ивановское	6						
Орловское	5						
Пологрудовское	16	1	2	1	1		1
Самсоновское	7		1				
Соускановское	2						
Усть-Тарское	2						
Чекрушанское	7		1				
Черняевское	5		2				

В связи с увеличением торговых издержек и резким падением платёжеспособного спроса сельского населения сократилась сеть организаций розничной торговли и общественного питания системы потребительской кооперации. Снизились объёмы её закупочной и производственной деятельности.

Анализ объектов социальной инфраструктуры сельских поселений Тарского района Омской области позволил выявить ряд существенных проблем.

Одним из факторов развития социальной инфраструктуры сельских территорий является уровень развития агропромышленного комплекса и сельского хозяйства. В современных условиях сельские территории и сельскохозяйственное производство вынуждены функционировать и развиваться с учётом неудовлетворительного состояния всей системы аграрного хозяйствования и сельского уклада жизни.

В научной литературе была проанализирована регрессивная динамика социальной нагрузки сельскохозяйственных организаций [3].

Практическая реализация мер, направленных на развитие российского сельскохозяйственного производства, имеет определённые недостатки. Есть серьёзные проблемы финансирования в сфере государственной поддержки. Установлено, что основными причинами исторически сложившейся неблагоприятной ситуации в развитии российских сельских территорий являются остаточный принцип финансирования развития социальной и инженерной инфраструктуры села, высокий уровень затратности комплексного развития сельских поселений в связи с мелкодисперсным характером сельского расселения.

Агропромышленный комплекс – один из ведущих секторов экономики Тарского муниципального района Омской области. Основная специализация – производство продукции животноводства: на долю продукции животноводства приходится 63 % от общего объёма сельскохозяйственной

продукции, на долю растениеводства – 37 %. В структуре распределения организаций, учтённых в составе Статистического регистра хозяйствующих субъектов, по основным видам экономической деятельности сельское хозяйство занимает 7,4 %.

По состоянию на 1 января 2015 года производственную деятельность осуществляло 10 сельскохозяйственных организаций, 32 крестьянских (фермерских) хозяйства. Число личных подсобных хозяйств в районе составляет 11 529 единиц. Финансовое положение сельскохозяйственных товаропроизводителей в районе за последние годы серьёзно в позитивную сторону не изменилось и остаётся сложным.

Основными причинами замедления развития отрасли сельского хозяйства Тарского района являются:

- низкие темпы структурно-технологической модернизации отрасли, обновления основных производственных фондов и воспроизводства природно-экологического потенциала;
- неблагоприятные общие условия функционирования сельского хозяйства, прежде всего неудовлетворительный уровень развития рыночной инфраструктуры, затрудняющий доступ сельскохозяйственных товаропроизводителей Тарского района к рынкам финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, готовой продукции;
- финансовая неустойчивость сельского хозяйства, обусловленная нестабильностью рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, растущим диспаритетом цен на основные потребляемые отраслью ресурсы и производимую отраслью продукцию, недостаточным притоком частных инвестиций на развитие отрасли, слабым развитием страхования в сфере производства сельскохозяйственной продукции;
- дефицит квалифицированных кадров, в том числе молодых кадров, вызванный низким уровнем заработной платы и качества жизни в сельской местности.

В сельском хозяйстве труд отличается сезонностью. Это сказывается на неравномерности спроса населения на услуги объектов социальной инфраструктуры.

Для социальной инфраструктуры сельских населённых пунктов характерна более низкая обеспеченность непроизводственными фондами и обслуживающими их учреждениями, худший качественный состав материально-технического потенциала. Как правило, в сёлах многие объекты расположены в ветхих зданиях и помещениях. Такие объекты не имеют реальной возможности предоставлять качественные услуги, что отрицательно сказывается на обустройстве быта и закрепляемости высококвалифицированных специалистов.

На развитие социальной инфраструктуры сельских населённых пунктов оказывает влияние уровень инженерного освоения территории. Часть элементов социальной инфраструктуры имеет двойной характер функционального назначения: социальный и производственный. К ним относятся инженерные объекты, сети, коммуникации, дороги.

Технология антикризисного управления сельскохозяйственных организаций определяет среди комплекса первоочередных мер передачу на баланс муниципалитетов объектов социальной инфраструктуры предприятий АПК [4].

Как показывают результаты проведённого социологического опроса степень удовлетворённости качеством социальных услуг низкая (табл. 3).

Таблица 3

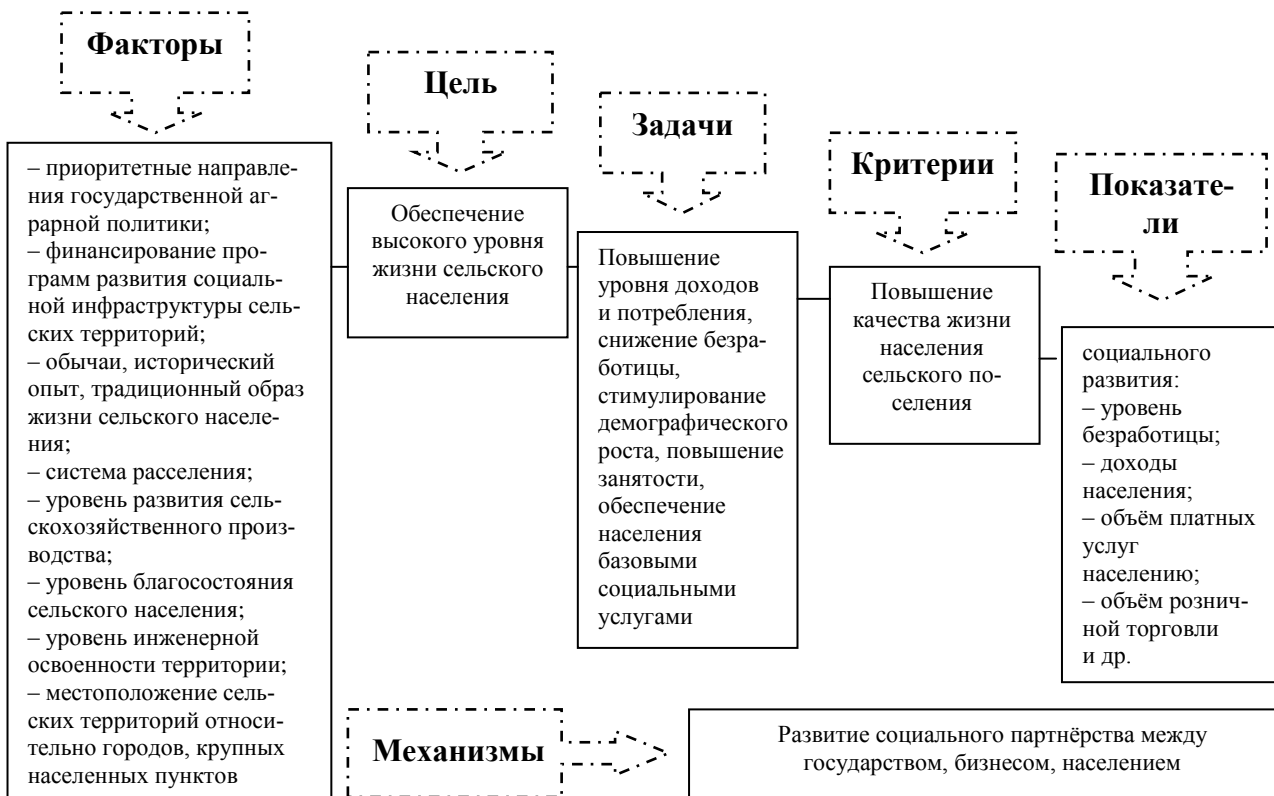
Оценка качества социального обслуживания в Тарском муниципальном районе в 2014 г., %

Вариант	Транспортное обслуживание	Автомобильные дороги	Теплоснабжение	Водоснабжение	Электроснабжение	Газоснабжение
Удовлетворен	33,22	32,02	29,17	29,5	34,87	34,41
Не удовлетворен	58,72	58,18	59,35	60,01	56,58	53,9
Затрудняюсь ответить	8,06	9,8	11,48	10,49	8,55	11,69

В целях инфраструктурного обеспечения развития экономики и социальной сферы в 2015–2016 гг. Администрация Тарского района планирует следующие мероприятия:

- обустройство объектов инженерной инфраструктуры (водоразборные скважины, водопроводы) сельских населённых пунктов: с. Большие Туралы, с. Вставское, с. Атирка, д. Фрунзе, с. Мартюшево, с. Нагорное, с. Самсоново, с. Чекрышево, с. Черняево, с. Заливино, с. Ложниково, с. Сеитово, с. Пологрудово, с. Ермаковка, д. Кольтюгино, в которых осуществляются инвестиционные проекты в сфере агропромышленного комплекса. Для реализации планируется привлечение средств областного и федерального бюджетов путём участия в конкурсных отборах в рамках реализации государственной программы Омской области;
- развитие систем теплоснабжения на территории Тарского района;
- строительство и реконструкция, капитальный и текущий ремонт, содержание дорог общего пользования муниципального значения [6].

На развитие социальной инфраструктуры оказывают влияние сложившийся уклад жизни местного населения, традиции, обычаи, бытовые навыки. Традиционный уклад жизни, в свою очередь, влияет на сложившуюся систему сельского расселения. В Тарском районе проживают следующие национальности: 86,47 % – русские, 7,9 % – татары, 1,6 % – немцы, 0,7 % – эстонцы, 3,4 % – другие. Это также предопределяет особенности размещения и развития объектов социальной инфраструктуры.

Концептуальная модель социальной устойчивости сельских территорий

В сельской местности размещаются в основном низовые звенья инфраструктурных отраслей (образовательные школы, магазины смешанной торговли, детские сады, ФАПы, клубы). Проведённый нами социологический опрос населения сельских территорий выявил потребность в объектах социально-бытовых услуг: наличие банкоматов, приемо-заготовительных пунктов, парикмахерских, автозаправочных станций, устойчивой связи и интернета.

Таким образом, результаты исследований позволили выделить следующие факторы развития социальной инфраструктуры сельских территорий:

1. Приоритетные направления государственной аграрной политики.

2. Финансирование программ развития социальной инфраструктуры сельских территорий.
3. Обычаи, исторический опыт, традиционный образ жизни сельского населения.
4. Система расселения.
5. Уровень развития сельскохозяйственного производства.
6. Уровень благосостояния сельского населения.
7. Уровень инженерной освоенности территории.
8. Местоположение сельских территорий относительно городов, крупных населённых пунктов.

На основе анализа факторов развития социальной инфраструктуры нами разработана концептуальная модель социальной устойчивости сельских территорий (рис.).

Анализируемые факторы имеют как прямой, так и косвенный характер влияния. Следует заметить, что они связаны с устойчивым развитием сельских территорий в целом и отраслевого хозяйственного механизма, ориентированного на обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях импортозамещения. Комплексное воздействие названных факторов на исследуемую систему позволяет добиться положительной динамики развития социальной инфраструктуры сельских территорий.

Библиографический список

1. Захарова, Т. И. Перспективы развития малого бизнеса в Тарском районе / Т. И. Захарова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 2(16). – С. 89–93.
2. Лукина, Т. С. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – №4 (18). – С. 225–234.
3. Начитов, Ф.Я. Организация производства и предпринимательства в АПК / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – 596 с.
4. Патласов, О. Ю. Антикризисное управление в АПК. Диагностика банкротства коммерческой организации / О. Ю. Патласов, О. В. Сергиенко. – Омск – Тара : Изд-во ОмГАУ, 2005. – 450 с.
5. Юдина, Е. В. Микрокластер как основа устойчивого развития / Е. В. Юдина // Сибирская финансовая школа. – 2013. – № 3 (98). – С. 75–77.
6. Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Тарского муниципального района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tarsk.omskportal.ru/>

*T. I. Zakharova, Y. N. Ivanova, E. V. Yudina,
Tarsky branch of federal state budgetary institution of higher education
«Omsk state agrarian university of P. A. Stolypina»*

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE SELKY TERRITORIES

In article the problems and major factors influencing development of social infrastructure of rural territories are considered. The analysis of a level of development of social infrastructure of rural settlements of the Tarsky region of the Omsk region is given. The conceptual model of social stability of rural territories is developed.

Keywords: the social infrastructure sat down, factors of development of social infrastructure, household requirements of the population, a sustainable development of rural territories.

References

1. Zaharova, T. I. Perspektivy razvitiya malogo biznesa v Tarskom rajone. *Nauka o cheloveke:gumanitarnye issledovaniya*. 2014. no 2 (16). pp. 89–93.
2. T.S. Lukina, O.Ju. Patlasov Razrabotka marketingovyh strategij sel'skih territorij. *Nauka o cheloveke:gumanitarnye issledovaniya*. 2014. no 4 (18). – pp. 225–234.
3. F.Ja. Nachitov, O.Ju. Patlasov, F. K. Shakirov i dr. Organizacija proizvodstva i predprinimatel'stva v APK. Omsk: Izd-vo OmGAU, 2004. 596 p.
4. Patlasov O.Ju., Sergienko O.V. Antikrizisnoe upravlenie v APK. Diagnostika bankrotstva kommercheskoj organizacii. Omsk–Tara: Izd-vo OmGAU, 2005. 450 p.
5. Judina, E.V. Mikroklaster kak osnova ustojchivogo razvitiya. *Sibirskaja finansovaja shkola*. 2013. no 3 (98). pp. 75–77.

6. Razvitie sel'skogo hozjajstva i regulirovanija rynkov sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stviya Tarskogo municipal'nogo rajona. [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://tarsk.omskportal.ru/>

© Т. И. Захарова, Ю. Н. Иванова, Е. В. Юдина, 2015

Авторы статьи – **Татьяна Ивановна Захарова**, кандидат экономических наук, доцент, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Юлия Николаевна Иванова, ассистент кафедры экономики и землеустройства, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Елена Васильевна Юдина, кандидат экономических наук, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Рецензенты:

Н. А. Седельникова, кандидат исторических наук, доцент, филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре.

Э. А. Латыпова, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

УДК 633.1

Б. С. Кошелев,
Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина,
Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства,
В. В. Пецевич,
Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНЫ НА СОРТОВЫЕ СЕМЕНА ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

В статье рассматривается важная проблема сельского хозяйства – цена на сорт, которая в последнее время подвергается активному обсуждению. В настоящее время происходит смешивание понятий, когда под ценой на сорт понимается цена на его семена. Вместе с тем, создание селекционных методов и технологий выведения качественно новых сортов всегда относится к «числу общественно важной и в то же время рискованной, долговременной, дорогостоящей работы» (1). Каждый сорт является итогом реализации интеллектуального потенциала учёного, и, чем он полнее используется, тем плодотворнее результаты. В настоящее время связь между селекционером и его сортом отсутствует, так как он не знает истинной цены своего труда. И хотя по закону РФ о «Селекционных достижениях» сорт провозглашён полноправным товаром, селекционер считается только автором сорта, но патентообладателем он не является. Причём, реализуя лицензию на право пользования сортом, продавец, как правило, не располагает механизмом формирования договорной цены, поскольку его просто нет, а так как владельцы сорта сегодня находятся в жёстких тисках хронического недостатка финансовых средств, они вынуждены в большинстве случаев продавать своё «селекционное достижение» практически за полцены.

Ключевые слова: цена, затраты, сорт, сортовые семена.

В конце 80-х годов XX века в отделе экономики СибНИИСХ предпринимались попытки разработать подходы к определению цены сорта. За основу были приняты затраты на финансирование лабораторий по отдельным культурам: яровой мягкой и твёрдой пшеницы, ячменя, овса и проса. По экспертным оценкам селекционеров, на создание сорта от начальных стадий работы с исходным материалом до районирования необходимо в среднем не менее 10–15 лет.

Анализ затрат на создание сортов показал, что практически себестоимость сорта будет меньше там, где специалисты работают успешнее и за один и тот же отрезок времени создали их большее количество. Поэтому в тот период этот показатель не мог служить базой для цены сорта, так как при таком принципе её формирования дороже становится сорт с большими затратами.

Такой подход нашёл применение в начале 90-х годов прошлого столетия для разработки хозяйственного расчёта в институте с целью использования его для поощрения подразделений за экономии затрат.

В данном случае применялся принцип расчёта, который не учитывал одного важного обстоятельства – в работе у учёного обычно не один, а несколько сортов с разной степенью готовности во времени. С другой стороны, в эти годы не было острой потребности в таких материалах, поэтому подобного рода разработки не проводились и не были востребованы. Существовавший порядок расчётов за семена исходил из государственной закупочной цены на зерно с определёнными сортовыми надбавками к ней за классность семян. Такая система существовала много лет и не изменялась десятилетиями.

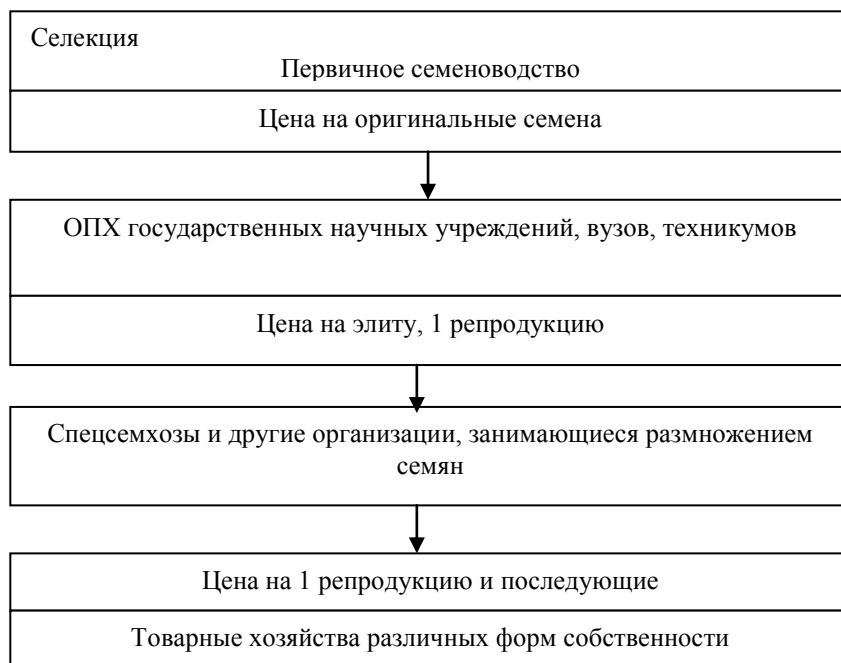
К началу XXI века страна уже более двадцати лет находится в рыночном пространстве. Именно рынок устанавливает свои жёсткие правила и тот, кто их не принимает, сегодня не выдерживает конкуренции. К тому же государство закупает незначительную часть зерновой продукции и на деле самоустранилось от регулирования рынка зерна, а значит, и не существует общепринятого ценового базиса, так как цены колеблются не только по годам, но и между субъектами одного и того же территориального образования.

На наш взгляд, в зависимости от движения сорта от исходного материала до товарных высококлассных семян на каждом уровне: при выведении новых сортов в селекцентрах и других научно-исследовательских организациях; массовом размножении сортов и гибридов с сохранением их сортовых и урожайных качеств, – должна устанавливаться своя индивидуальная цена. В ней должны найти отражение усилия всех участников зарегистрированного сорта в Государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию (сорта).

Во-первых, это селекционеры и специалисты по первичному семеноводству, продающие оригинальные семена опытно-производственным хозяйствам научных учреждений или учхозам высших учебных заведений и техникумов. Каждый из них должен знать свою долю в цене оригинальных семян при формировании лицензионных договоров.

Во-вторых, это работники опытно-производственных хозяйств, которые размножают семена до элиты и первой репродукции.

В-третьих, это организации, занимающиеся заготовкой и реализацией сортовых семян, созданием необходимых страховых фондов.

Последовательность разработки цены на сорт и его семена

На схеме показана система цен, в которой до непосредственных сельскохозяйственных товаропроизводителей принимают участие в основном государственные структуры. Если убрать из нее звено спецсемхозов и заменить его на частную фирму (акционерное общество) или другие формы, которые занимаются размножением семян самостоятельно или через подконтрольные им хозяйства, то в последнем случае цена на семена для товаропроизводителей будет устанавливаться последним

звеном системы, имеющим исключительную или неисключительную лицензию. В том случае, когда коммерческая фирма занимается выведением сортов и реализацией сортовых семян, то есть имеет замкнутый цикл, она практически является патентообладателем на свои селекционные достижения. Отдельные организации венчурного типа могут покупать семена минуя государственное сортоиспытание в целях значительного сокращения пути сорта до производственных посевов, но тогда резко возрастает риск потерпеть неудачу, поскольку приобретается товар, возможности и качества которого неизвестны на момент покупки. В условиях российского рынка семян два последних вида работы с семенным материалом встречаются очень редко и только тогда, когда селекционер является обладателем патента на сорт. В обычной, сложившейся за многие годы практике государственные селекционные учреждения осуществляют весь процесс создания сорта и первичного семеноводства до оригинальных семян, продающихся затем посредническим организациям, которые продвигают их по разным каналам до потребителей.

В любом из вышеперечисленных формирований перечень калькулируемых статей издержек производства не будут колебаться в широких пределах. Нормативный коэффициент рентабельности устанавливается с учётом специфики данного вида работы для создания соответствующих накоплений.

Формула для определения цены сорта (семян) имеет вид:

$$P = \sum N_{i, j, z} \cdot (1 + n),$$

где P – цена сорта (семян), р.;

$N_{i, j, z}$ – группы элементов калькулируемых затрат (переменных, постоянных, прочих), р.;

$1 + n$ – нормативный коэффициент рентабельности.

В группу переменных затрат включаются: заработная плата с начислениями, материалы, хозяйственный инвентарь, химикаты, семена, удобрения, горючее, пестициды; постоянные состоят из отчислений на содержание основных средств производства (зданий, сооружений, оборудования, сельскохозяйственных машин и орудий и др.) К прочим затратам относятся: отопление, вода, электричество и др., связанные с обслуживанием основных – селекционных и семеноводческих подразделений, и затраты на испытание слотов ГСИ. Суммарная величина всех групп затрат определяет размер производственной себестоимости такой продукции.

Важная методическая особенность заключается в том, что данные для расчётов берутся из разных источников. Они одинаковы для определения себестоимости как для селекционных, так и семеноводческих подразделений научного учреждения.

Переменные затраты определяются путём привлечения нормативных материалов на все виды работ, связанных с пооперационным выполнением этапов селекционного процесса (на конкретную комбинацию) или первичного семеноводства. Это необходимо делать, чтобы избежать недостатков свойственных фактическим затратам, размер которых часто определяется неправильно поставленным учётом. Постоянные и прочие затраты изменяются во времени не так резко, причём последние только в сторону повышения.

Себестоимость возрастает при повышении размера минимальной заработной платы, цены на энергоносители, услуги, материалы и др. Она может увеличиваться или по отдельным статьям затрат, или в целом на основе прогнозного коэффициента индексации, который может определяться разными способами, но самый простой заключается в расчёте среднего темпа роста себестоимости за 3–5 лет.

Коэффициент рентабельности используется двояко. С одной стороны, он может применяться при лицензировании автором сорта, и тогда процент отчислений от компенсационной цены будет составлять договорную цену лицензии.

С другой стороны этот коэффициент увеличивает на нормативную рентабельность себестоимость оригинальных семян при передаче их для размножения до элиты и первой репродукции в хозяйства, которые занимаются этим делом. Они в свою очередь исходят из того, что себестоимость товарного и сортового зерна не может быть одинаковой, так как для их получения необходимы дополнительные затраты по доведению зерна до соответствующих качественных параметров. Причём повышенные требования предъявляются также и к агротехнике выращивания семян зерновых культур. Цена на сортовые семена рассчитывается аналогичным способом (см. формулу), и также к ней в зависимости от обстоятельств может быть применена индексация по статьям или в целом на уровень инфляции. НДС начисляется в общем порядке.

Естественно, что принцип расчёта цен на сорт и семена, изложенные выше, не исчерпывают все возможные подходы к этой важной в современных условиях проблеме. Вероятно, имеются и другие направления совершенствования ценового механизма на рынке семян зерновых культур, но ясно одно – с появлением новых субъектов на рынке семян эта область рыночных отношений требует гибкой, эффективной системы, обеспечивающей нормальное функционирование зернового хозяйства Западной Сибири.

Зарубежный опыт формирования цен на сортовые семена показывает, что розничная цена на них более высокая, чем цены на товарную продукцию. При ее калькуляции для культур, семена которых используются как товарная продукция (зерновые, масличные и бобовые), за основу производственных расходов берется рыночная цена на товарную продукцию. В конечную цену на сортовые семена включаются расходы на послеуборочную доработку, упаковку, хранение, транспортировку, контроль качества, рекламу, а также определенная доля прибыли. Учитывается также амортизация оборудования, сооружений, инвестируемый капитал и т. д. В странах, где действуют законы по охране прав селекционера, учитывается и авторский гонорар.

Как правило, сортовые семена зерновых культур стоят в 2–4 раза дороже товарного зерна, а гибридные семена в 10–30 раз дороже. Однако по мере увеличения репродукции (числа) семян рыночные цены на них резко снижаются. Тем самым семеноводческие фирмы и компании экономически заинтересованы в ускорении сортосмены (2, 3).

Таким образом, в связи с отсутствием общепринятой методики определения цены сорта следует в качестве основы использовать нормативный затратный механизм селекционного процесса и размножения высококлассных семян зерновых культур, а также норматив рентабельности.

Библиографический список

1. Жученко, А. А. Адаптивное семеноводство (эколого-генетические основы) // Вестник семеноводства в СНГ. – 2000. – № 2. – С. 18–20.
2. Кошелев, Б. С. Организационно-экономические основы производства зерна в Западной Сибири : монография / Б. С. Кошелев. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2003. – С. 140.
3. Кошелев, Б. С. Повышение экономической эффективности реализации семян зерновых культур в условиях рынка / Б. С. Кошелев, В. В. Пецевич // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2015. – № 2 (18). – С. 103.
4. Алтухов, А. И. Методические основы разработки моделей развития зернового производства / А. И. Алтухов, Д. Ф. Вермель, Т. М. Лысенкова, В. А. Грачев [и др.]. – М., 2002. – 153 с.
5. Ильичева, С. Н. Организация системы маркетинга семян сельскохозяйственных культур в развитых капиталистических странах // Агропромышленное производство: опыт, проблемы и тенденции развития, – М., 1989. – Серия 1. Экономика, организация и управление. Обзорная информация. – №3. – С. 57–67.

*B. S. Koshelev, Omsk-venous your country of Agrarian University named after PA Stolypin
Head of the Department of Economics Siberian Research Institute of Agriculture (SibNIISKH)
V. V. Petsevich,
Omsk-venous your country of Agrarian University named after PA Stolypin*

PRICING AND LONG GRADE SEEDS GRAIN

The article deals with the important problem of pro-agriculture – the price of variety, which has recently been active discussion. Until now, the pro-mixing concepts come when the price of a Class refers to the price of its seeds. However, the establishment of breeding methods and technologies of breeding new varieties of high quality always refers to "the number of socially important and at the same time risky, long-term, costly work" (1). In other words, each variety is a result of the realization of the intellectual potential of the scientist, and what it is used more fully, more fruitful results. Currently, tangible link between the selectivity-conditioner and its grade is not because it does not know the true price of their labor. And although the law of the Russian Federation on the "Selection-tional achievements," declared the full product variety, the breeder is considered to be only the author of the class, but pas tentoobladatelem he is not. Atthan implementing a license for benefit-tion grade of the seller, as a rule, does not have the mechanism of formation of the contract price because it does not exist, as well as the owners of varieties are now in the hard grip of chronically of a lack of funds, they have in most cases pro-give their "selection achievement" almost half the price.

Keywords: price, costs, grade, high-quality seed

References

1. Zhuchenko A. A. Adaptivnoe semenovodstvo (jekologo-geneticheskie osnovy). *Vestnik semenovodstva v SNG*. 2000. no 2. pp. 18–20.
2. Koshelev B. S. Organizacionno-jekonomicheskie osnovy proizvodstva zerna v Zapadnoj Sibiri: monografija. Omsk: Izd-vo OmGAU, 2003. p. 140.
3. Koshelev B.S. Povyshenie jekonomicheskoj jeffektivnosti realizacii semjan zernovyh kul'tur v us-lovijah rynka / B.S. Koshelev, V. V. Pecevich // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015. no 2 (18). p. 103.
4. A. I. Altuhov, D.F. Vermel', T.M. Lysenkova, V.A. Grachev i dr. Metodicheskie osnovy razrabotki modelej razvitija zernovogo proizvodstva. Moscow. 2002. 153 p.
5. P'icheva S. N. Organizacija sistemy marketinga semjan sel'skohozjajstvennyh kul'tur v razvityh kapitalisticheskikh stranah *Agropromyshlennoe proizvodstvo: opyt, problemy i tendencii razvitija*, Moscow. 1989. Serija 1. Jekonomika, organizacija i upravlenie. Obzornaja informacija. no 3. pp. 57–67.

© Б. С. Кошелев, В. В. Пецевич, 2015

Авторы статьи – **Борис Степанович Кошелев**, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, заведующий отделом экономики сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства (СибНИИСХ), e-mail: bs.koshelev@omgau.org

Виталий Витальевич Пецевич, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, e-mail: v-pecevich@mail.ru

Рецензенты:

В. Ф. Стукач, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина.

О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова Омский институт (филиал).

УДК 657

Л. С. Медведева, Ю. В. Мостовая,
Астраханский государственный технический университет

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ВНЕДРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ УЧЁТА И ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА

В статье оцениваются перспективы применения российскими предприятиями малого бизнеса в своей деятельности международного стандарта учёта и финансовой отчётности, который разработан специально для сектора экономики и существенно упрощён. Особое внимание в исследовании уделяется анализу содержания разработанного Советом МСФО стандарта, а также проблемам и преимуществам адаптации стандарта в российских условиях ведения бизнеса, что особенно актуально в период реформирования законодательства в области бухгалтерского учёта.

Ключевые слова: предприятия малого бизнеса, международные стандарты учёта и финансовой отчётности, инвестиционная привлекательность, стандарт.

Предприятия малого бизнеса выступают в настоящее время в качестве сектора экономики, который, с одной стороны, легко адаптируется к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, но в то же время требует особого внимания в части выработки эффективных направлений государственной поддержки. С целью совершенствования ориентиров развития малых предприятий следует изучать опыт зарубежных стран в области функционирования субъектов хозяйствования в целом, а также учётно-аналитического обеспечения их деятельности в частности. Так, учёными широко исследуется вопрос перспектив применения российскими предприятиями малого бизнеса международных стандартов учёта и финансовой отчётности.

Предприятия малого бизнеса – это одна из форм хозяйствования, функционированию и развитию которой в зарубежных странах уделяется особое внимание, так как они играют важнейшую роль в стабилизации экономических преобразований в стране. Повышение эффективности

деятельности предприятий малого бизнеса невозможно без совершенствования систем учёта и контроля на данных предприятиях. Действующие методики финансового анализа не учитывают размер субъекта предпринимательства, хотя имеются исследования о влиянии масштабов бизнеса на финансовые индикаторы. Сравнивая средние общероссийские и региональные данные за ряд лет, учёные выявили, что практически все показатели для предприятий малого бизнеса ниже тех же значений, полученных для средних и крупных предприятий. Исключение в отдельные периоды составляет показатель рентабельности капитала и резервов [3].

В этом направлении необходимо особо отметить деятельность Совета МСФО, которым было принято решение разработать специальный упрощённый стандарт, регулирующий процесс формирования и представления отчётности, а также ведения учёта предприятиями малого бизнеса, которые заинтересованы в получении международных инвестиций. Данный стандарт был разработан и вступил в силу в 2009 году. Оценивая значимость стандарта, отметим, что, в первую очередь, он был нужен малым предприятиям, для которых затратно и трудоёмко вести учёт по МСФО, усложненный в связи с их ориентацией на повышенную информативность сведений о деятельности именно крупных корпораций. В то же время единство учётных принципов, которое нашло отражение в стандарте, повышает открытость и достоверность отчётных данных предприятий малого бизнеса, что делает их более привлекательными для инвесторов.

В целом международные стандарты учёта и финансовой отчётности – это свод документов, который регламентирует порядок формирования отчётных форм о деятельности предприятий с целью представления достоверной информации внешним пользователям.

Международные стандарты учёта и финансовой отчётности в условиях глобализации – это инструмент, который позволяет:

- повысить качество бухгалтерской финансовой отчётности;
- улучшить инвестиционный климат предприятий;
- развить инновационную составляющую деятельности предприятий.

Международные стандарты затрагивают большой круг вопросов, отражающих результаты функционирования предприятия, что подтверждает их группировка, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1

Группировка международных стандартов финансовой отчётности

Группы	Классификация стандартов		
Обобщающие стандарты	1. Вводные 2. Основные 3. Частные 4. По раскрытию информации 5. Пояснения по трансформации отчётности		
Детализирующие стандарты	1. По основным средствам и инвестициям 2. По вознаграждению работников 3. Группа стандартов для компаний, зарегистрированных на бирже 4. По консолидации	Специальные стандарты	1. Отраслевые 2. Банковские

Детально исследовав непосредственно МСФО для малых предприятий, можно отметить, что этот стандарт разработан с целью формирования отчётности, которая может служить достоверным источником данных о результатах деятельности малого предприятия для заимодавцев, потенциальных инвесторов, собственников и партнёров. Содержание и структура стандарта включает 35 взаимосвязанных секций (рис. 1).

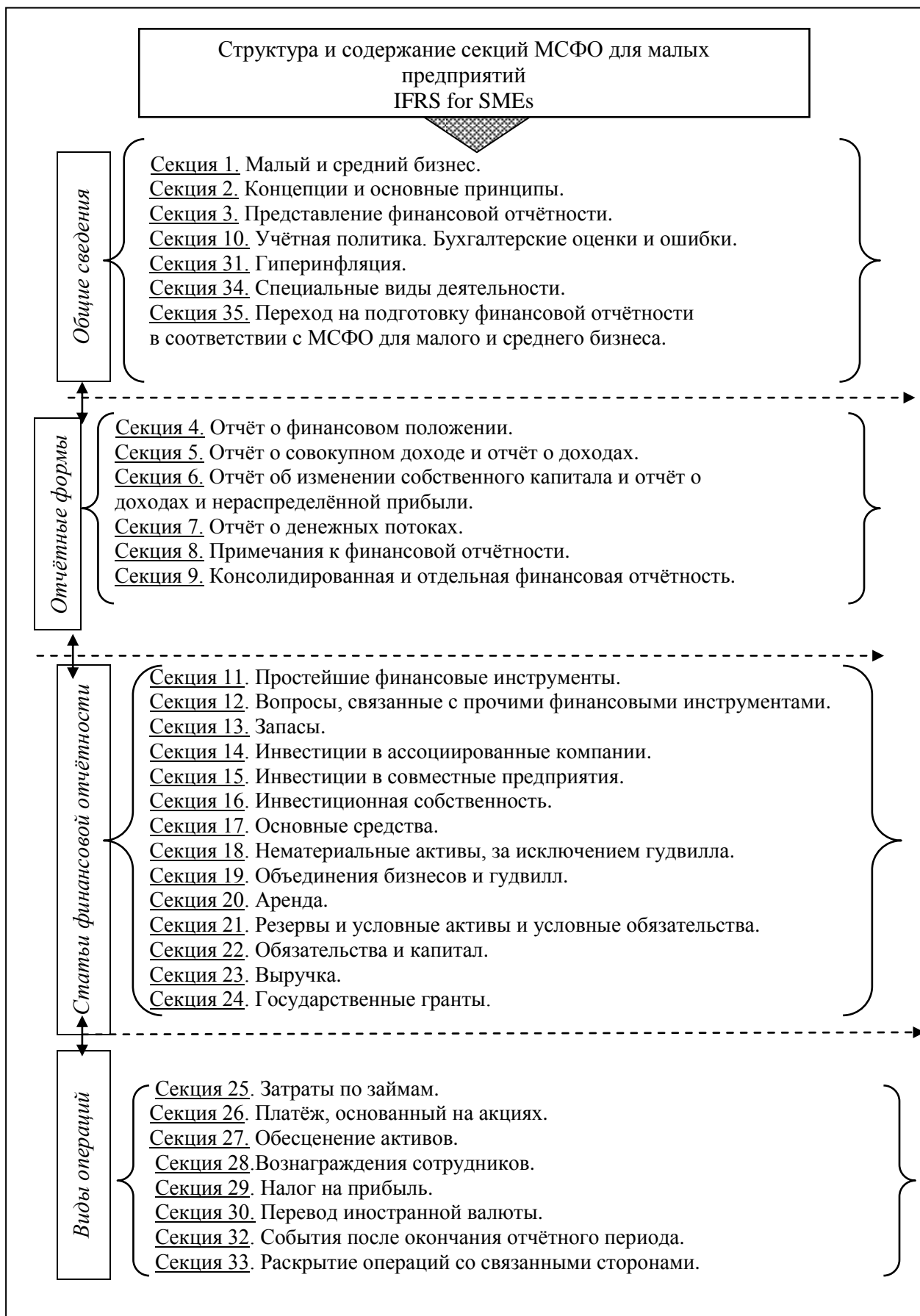

Рис. 1. Содержание международного стандарта финансовой отчётности для малых предприятий

Если сравнивать стандарт для малых предприятий с полной версией МСФО, можно выделить ряд существенных упрощений:

- целиком исключены те положения, которые не касаются процесса функционирования предприятий малого бизнеса;
- упрощён процесс представления отчётности, в частности, предусмотрена возможность не формировать отчёт о финансовом положении на начало самого раннего сравнительного периода, если компания ретроспективно пересматривает статьи финансовой отчётности. Также малые предприятия имеют право объединять отчёт о совокупных доходах и нераспределённой прибыли в том случае, если причинами увеличения или уменьшения капитала было только получение прибыли или убытка, выплата дивидендов и внесение изменений в учётную политику;
- в части учёта и оценки финансовых инструментов рекомендовано принимать первоначальную стоимость за вычетом накопленной амортизации;
- учёт инвестиционных вложений допускается вести по первоначальной стоимости, по методу долевого участия или по справедливой стоимости;
- нематериальные активы такие, как, например, деловая репутация, срок полезного использования которых не оценён, должны амортизироваться в течение 10 лет;
- затраты, связанные с полученными займами на разработки, всегда учитывать в качестве расходов периода;
- государственные гранты учитываются в части доходов;
- имеется возможность учёта инвестиционной собственности в качестве основного средства только в том случае, если учёт данной недвижимости по справедливой стоимости несёт высокие затраты [1].

Применение данного стандарта на территории Российской Федерации предприятиями малого бизнеса возможно с учётом его адаптации под специфику деятельности хозяйствующих субъектов в стране, а также с учётом определённых уточнений. В таблице 2 представлен перечень основных проблем, которые препятствуют эффективному внедрению и использованию малыми предприятиями в России МСФО.

Таблица 2

Спектр проблем применения МСФО российскими малыми предприятиями

Формулировка проблемы	Возможные пути решения
1. Отсутствие типизации критериев признания организаций субъектами малого бизнеса	Дополнение международного стандарта количественными критериями отнесения предприятий к малому сектору с возможностью установления собственных нормативных значений в каждой стране применения стандарта
2. Сложность привлечения российскими компаниями иностранных инвестиций	Повышение информационной открытости в зарубежных источниках, данных об инвестиционно привлекательных малых предприятиях, функционирующих на территории России
3. Необходимость модернизации законодательной базы в области бухгалтерского учёта малых предприятий	Существует необходимость создания на федеральном уровне в Российской Федерации структуры, которая бы занималась разработкой и утверждением единых нормативно-правовых актов в области функционирования, ведения учёта и формирования отчётности малыми предприятиями
4. Низкая квалификация кадров бухгалтерских служб малых предприятий	Популяризовать использование аутсорсинговых услуг в области ведения бухгалтерского учёта. Малым предприятиям выгодно с финансовой точки зрения передавать ведение учёта сторонним компаниям
5. Высокие финансовые затраты на внедрение МСФО	Привлечение дополнительных инвестиций из-за рубежа позволит малым предприятиям покрыть затраты на внедрение системы учёта по МСФО

Рассмотрим спектр проблем более подробно. Критерии отнесения предприятий к субъектам малого и среднего бизнеса в России для различных целей, а также отсутствие унификации отнесения к малому бизнесу в отечественной банковской системе требуют, по мнению учёных, унификации классификации масштабов бизнеса с учётом зарубежного опыта поддержки этого сектора экономики [5]. В стандарте в качестве критерия отнесения предприятия к субъекту малого бизнеса выступает непубличность коммерческой компании, которая составляет финансовую отчётность общего назначения для внешних пользователей [2]. Однако в России и в других странах широко используются количественные критерии отнесения субъектов хозяйствования к малым предприятиям. Для российских организаций законодательно установлены количественные критерии, определяющие принадлежность предприятия к малой форме хозяйствования. Однако в настоящее время многие предприятия малого бизнеса занимаются разработкой и внедрением инновационных достижений, что, по нашему мнению, требует включения в критериальные показатели инновационной составляющей. В целом совокупный набор критериев должен выглядеть следующим образом (рис. 2).

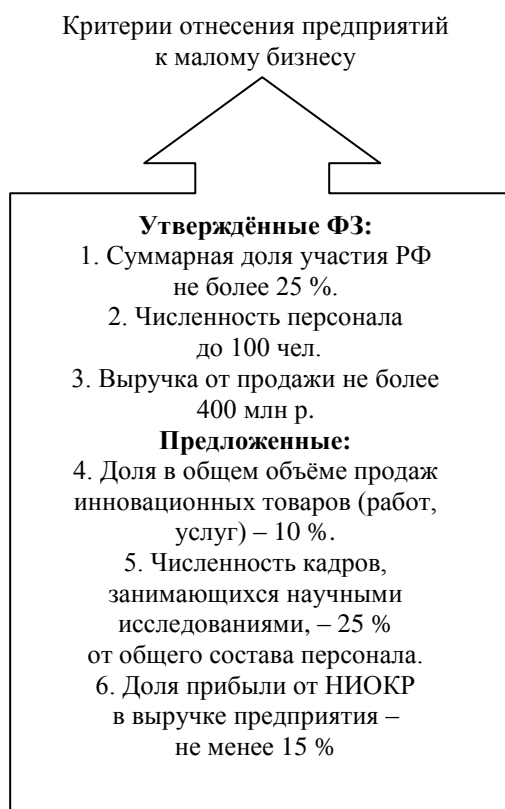

Рис. 2. Группировка критериев отнесения предприятий к малым субъектам хозяйствования

Анализ проблем в области законодательного регулирования деятельности малых предприятий в Российской Федерации, который отражает наличие существенных расхождений в нормативно-правовых актах, показал необходимость достижения их единства, что может быть решено ввиду применения МСФО для малых предприятий, но также существенно усложнит учётные процессы на данных предприятиях [4]. Необходимость реформы системы бухгалтерского учёта малых предприятий не вызывает сомнений. Однако она должна быть обдуманной и начинаться с разработки согласованных действий и положений как со стороны государственных структур, так и со стороны коммерческих и профессиональных сообществ. В научной литературе на примере крестьянских (фермерских) хозяйств отмечается влияние бухгалтерской отчётности на корректность использования финансовых показателей в анализе хозяйственной деятельности, особенно для целей реструктуризации задолженности [6].

Немаловажным препятствием на пути применения МСФО малыми предприятиями остаётся низкоквалифицированный персонал, который следует обучать, причём данные функции можно возложить на высшие учебные заведения страны и профессиональные организации.

Безусловно, решение всех вышеуказанных проблем невозможно без создания в стране экономической, производственной, правовой и социальной инфраструктур, направленных на поддержание эффективной деятельности малых субъектов хозяйствования со стороны государственных структур.

В качестве преимуществ, которые получают российские малые предприятия от использования МСФО, можно выделить следующие:

- повышение инновационно-инвестиционной привлекательности малых предприятий;
- возможность свободного размещения денежных средств в виду открытости рынка иностранного капитала;
- утверждение единой законодательной базы в области формирования отчётности малыми предприятиями;
- повышение информативности отчётных форм для внешних пользователей;
- эффективное принятие управленческих решений;
- развитие деятельности экспортоориентированных малых предприятий;
- привлечение зарубежных поставщиков.

Безусловно, говорить о полноценном переходе российских малых предприятий на международные стандарты учёта и финансовой отчётности сложно, ввиду того, что процесс их применения требует значительных материальных затрат. Однако нельзя не отметить, что ужесточение требований ведения учёта на предприятиях малого бизнеса, которые уже нашли отражение в законодательстве, доказывает, что развитие малых субъектов хозяйствования возможно только с притоком инвестиционного капитала, привлечение которого связано с представлением единой, открытой, полной и достоверной информации о результатах деятельности малого предприятия.

Библиографический список

1. Амирбемян, Л. Р. Перспективы внедрения МСФО для субъектов малого бизнеса в РФ [Электронный ресурс] / Л. Р. Амирбемян // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/38893>
2. Валинурова, А. А. Оценка перспектив применения МСФО для малого и среднего бизнеса в России / А. А. Валинурова, А. А. Гусева // Международный бухгалтерский учёт. – 2013. – № 42. – С. 19–26.
3. Васина, Н. В. Параметрическое моделирование результатов деятельности субъектов малого бизнеса / Н. В. Васина, О. Ю. Патласов // Российское предпринимательство. – 2009. – С. 32–39.
4. Иванов, А. Е. Проблемы организации учёта на предприятиях малого бизнеса в условиях реформирования российского бухгалтерского законодательства [Электронный ресурс] / А. Е. Иванов, В. Ю. Каменская // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/24245>
5. Патласов, О. Ю. Субъекты малого и среднего бизнеса: критерии, структура, финансовый механизм / О. Ю. Патласов, А. В. Гордусенко // Омский научный вестник. – 2011. – № 6. – С. 41–46.
6. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – 596 с.

L. S. Medvedeva, Yu. V. Mostovaya, Astrakhan State Technical University

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL STANDARDS OF ACCOUNTING AND FINANCIAL REPORTING ACTIVITIES OF SMALL BUSINESSES

The article evaluates the prospects of Russian small businesses the activities of the international accounting standard and financial reporting which is designed specialty for this sector of the economy and significantly simplified. Special attention in research is paid to the analysis of the content developed by the Council of the IFRS standard, as well as the benefits of adaptation of this standard in the Russian business environment, which is especially important in the period of law reform in the field of accounting.

Keywords: small businesses, international standards of accounting and financial reporting, investment attractiveness, standard.

References

1. Amirbekjan L.R. Perspektivy vnedrenija MSFO dlja sub#ektov malogo biznesa v RF [Jelektronnyj resurs]/ L.R. Amirbekjan // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. – 2014. – № 11. – Rezhim dostupa: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/38893>
2. Valinurova A.A., Guseva A.A. Ocenka perspektiv primenenija MSFO dlja malogo i srednego biznesa v Rossii / A.A. Valinurova, A.A. Guseva// Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. – 2013. – № 42. – S.19-26.
3. Vasina N.V., Patlasov O.Ju. Parametricheskoe modelirovanie rezul'tatov dejatel'nosti sub#ektov malogo biznesa. // Rossijskoe predprinimatel'stvo. – 2009. – S. 32-39.
4. Ivanov A.E., Kamenskaja V.Ju. Problemy organizacii ucheta na predpriyatijah malogo biznesa v uslovijah reformirovanija rossijskogo buhgalterskogo zakonodatel'stva[Jelektronnyj resurs] / A.E. Ivanov, V.Ju. Kamenskaja // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. – 2013. – № 5 Rezhim dostupa: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/24245>
5. Patlasov O.Ju., Gordusenko A.V. Sub#ekty malogo i srednego biznesa: kriterii, struktura, finansovyj mehanizm // Omskij nauchnyj vestnik. – 2011. – № 6. – S. 41-46.
6. Organizacija proizvodstva i predprinimatel'stva v APK: uchebnoe posobie / F.Ja. Nachitov, O.Ju. Patlasov, F.K. Shakirov i dr. - Omsk: Izd-vo OmGAU, 2004. 596 s.

© Л. С. Медведева, Ю. В. Мостовая, 2015

Авторы статьи – **Людмила Сергеевна Медведева**, кандидат экономических наук, Астраханский государственный технический университет, e-mail: milla1988@mail.ru

Юлия Владимировна Мостовая, кандидат экономических наук, Астраханский государственный технический университет, e-mail: m_juliy@list.ru

Рецензенты:

О. А. Куличева, кандидат экономических наук, доцент, Астраханский государственный технический университет.

С. П. Свешников, кандидат экономических наук, доцент, Астраханский филиал МФПУ «Синергия».

УДК 330.341.1

В. В. Нарбут,

Государственный университет управления, г. Москва

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Приведены результаты анализа состояния и развития научного потенциала Сибирского федерального округа, а также его связи с инновационной активностью. На основе метода кластерного анализа выделяются группы регионов России по уровню развития науки и определяется место регионов Сибирского федерального округа в общероссийском научном потенциале.

Ключевые слова: научный потенциал, исследования и разработки, внутренние затраты, исследователи, научная степень, инновационная активность.

Научный потенциал является основой инновационного потенциала региона и важным фактором его устойчивого развития. Оценка состояния и развития научного потенциала региона позволяет понять, каковы научные ресурсы региона, насколько эффективно они используются и насколько высоки результаты научной деятельности, в том числе и по сравнению с другими регионами страны.

Научный потенциал Сибирского федерального округа составляют 428 организаций (табл. 1). Основная их часть расположена в Новосибирской области (27,6 %), Красноярском крае (12,1 %), Иркутской области (11,9 %), Томской области (11,2 %). В Омской области научными исследованиями и разработками занимаются 38 организаций (8,9 %) от общего числа Сибирского округа.

Таблица 1

Состояние и развитие научного потенциала Сибирского федерального округа с 2009 по 2013 гг.

Показатель	Значение		Изменение в 2013 по сравнению с 2009 г.	
	2009	2013	абс. прирост	темп прироста, %
Число организаций, выполняющих исследования и разработки, ед.	410	428	18	4,4
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	53 463	53 769	306	0,6
Численность научного персонала в расчёте на одну научную организацию, чел.	130	126	-4	-3,7
Удельный вес исследователей в общей численности научного персонала, %	51,8	50,2	-1,6	-3,1
Удельный вес исследователей с научными степенями в общей численности исследователей, %	38,5	43,1	4,6	11,9
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов, ед.	194	205	11	5,7
Число организаций, ведущих подготовку докторантов, ед.	89	87	-2	-2,2
Удельный вес аспирантов, защитивших диссертацию после окончания аспирантуры, %	29,2	25,3	-3,9	-13,3
Удельный вес докторантов, защитивших диссертацию после окончания докторантуры, %	34,0	31,5	-2,5	-7,3
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн р.	31 539,5	47 666,3	16 126,8	51,1
Внутренние затраты в расчёте на одну научную организацию, тыс. р.	76 926	111 370	34 444	44,8

За последние пять лет число научных организаций увеличилось на 18, в основном за счёт их создания в Новосибирской, Иркутской областях, Республиках Бурятия, Алтай и Тыва (рис. 1). В Алтайском и Забайкальском краях, Кемеровской, Омской и Томской областях шёл процесс упразднения научных организаций.

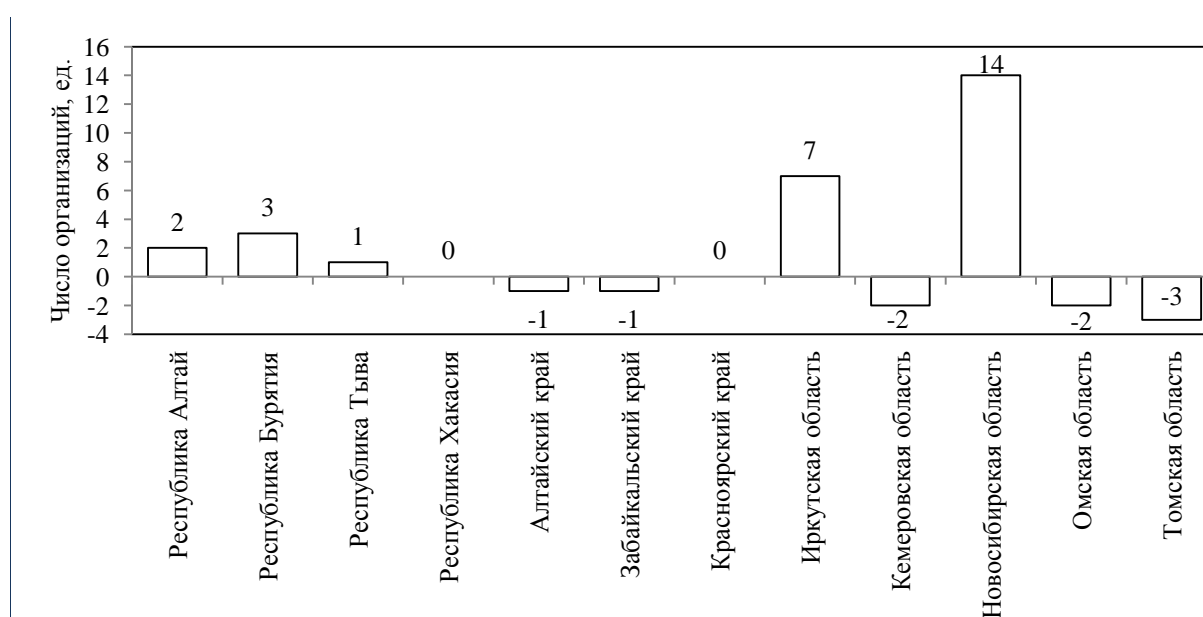

Рис. 1. Динамика числа научных организаций Сибирского федерального округа за период с 2009 по 2013 гг.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в целом по Сибирскому федеральному округу увеличилась на 306 чел. (0,6 %). В значительной степени пополнились научными кадрами Алтайский край (прирост на 1068 чел.) и Красноярский край (прирост на 974 чел.). Наибольшие потери научных кадров отмечены в Омской области. За последние пять лет из сферы науки высвободилось 2042 чел. (рис. 2).

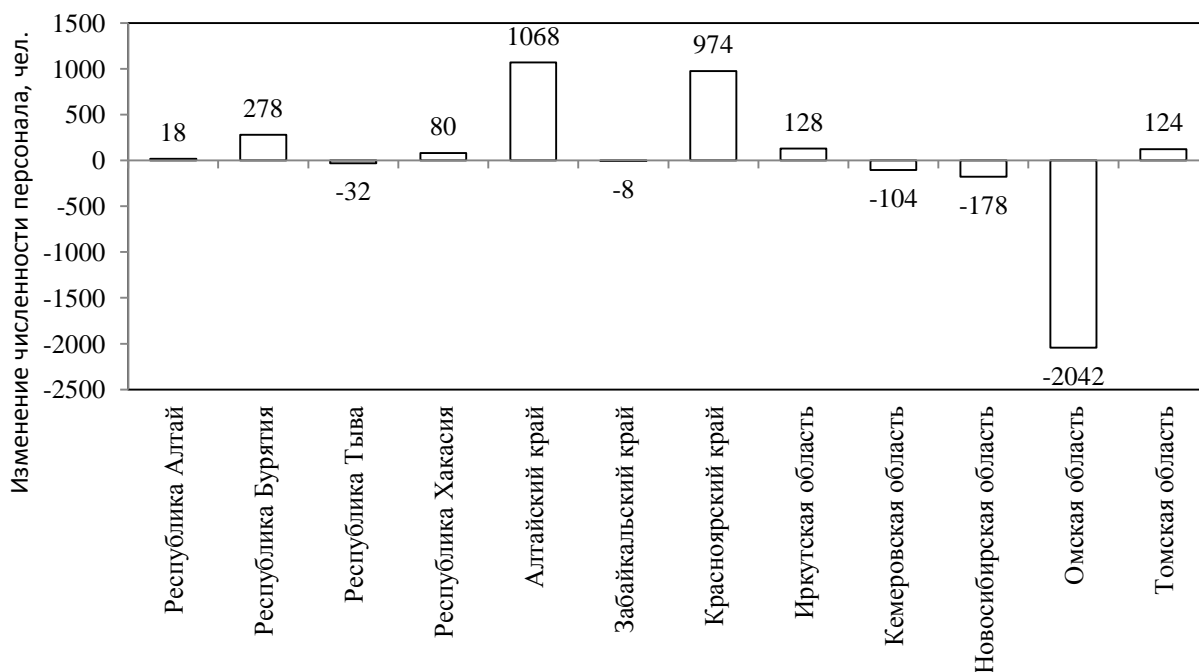

Рис. 2. Динамика численности научных кадров Сибирского федерального округа за период с 2009 по 2013 гг.

В целом по Сибирскому федеральному округу на одну организацию, занимающуюся исследованиями и разработками, приходится 126 чел. Только в трёх регионах – Красноярском крае, Новосибирской области и Томской областях – численность персонала в расчёте на одну научную организацию выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу (рис. 3). Но даже в этих регионах численность персонала научных организаций не дотягивает до среднероссийского уровня (202 чел. на одну организацию) и тем более до уровня регионов – лидеров по величине научных организаций – Ленинградской области (583 чел. на одну организацию), Нижегородской области (432 чел. на одну организацию), Московской области (365 чел. на одну организацию).

Исследованиями и разработками в Сибирском федеральном округе занимаются 27 017 чел. (50,2 %) исследователей, 5713 чел. (10,6 %) техников, 12 599 чел. (23,4 %) вспомогательного персонала и 8439 чел. (15,7 %), осуществляющих прочие виды деятельности.

Наиболее уязвимой категорией научного персонала оказались исследователи – работники, профессионально занимающиеся исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Их число за последние пять лет уменьшилось на 680 чел. (или 2,5 %). На 268 чел. (2,1 %) сократился и вспомогательный персонал – работники планово-экономических, финансовых подразделений, патентных служб, подразделений научно-технической информации, научно-технических библиотек; рабочие, осуществлявшие монтаж, наладку, обслуживание и ремонт научного оборудования и приборов; рабочие опытных (экспериментальных) производств; лаборанты, не имеющие высшего и среднего профессионального образования.

Прирост научных кадров в Сибирский округ происходил за счёт увеличения численности техников – работников, участвующих в исследованиях и разработках и выполняющих технические функции, как правило, под руководством исследователей (на 1062 чел., или 22,8 %) и прочих категорий персонала (на 191 чел., или 2,3 %).

Исследования и разработки в Сибирском округе преимущественно ведутся в сфере естественных (54,4 %) и технических наук (13,1 %).

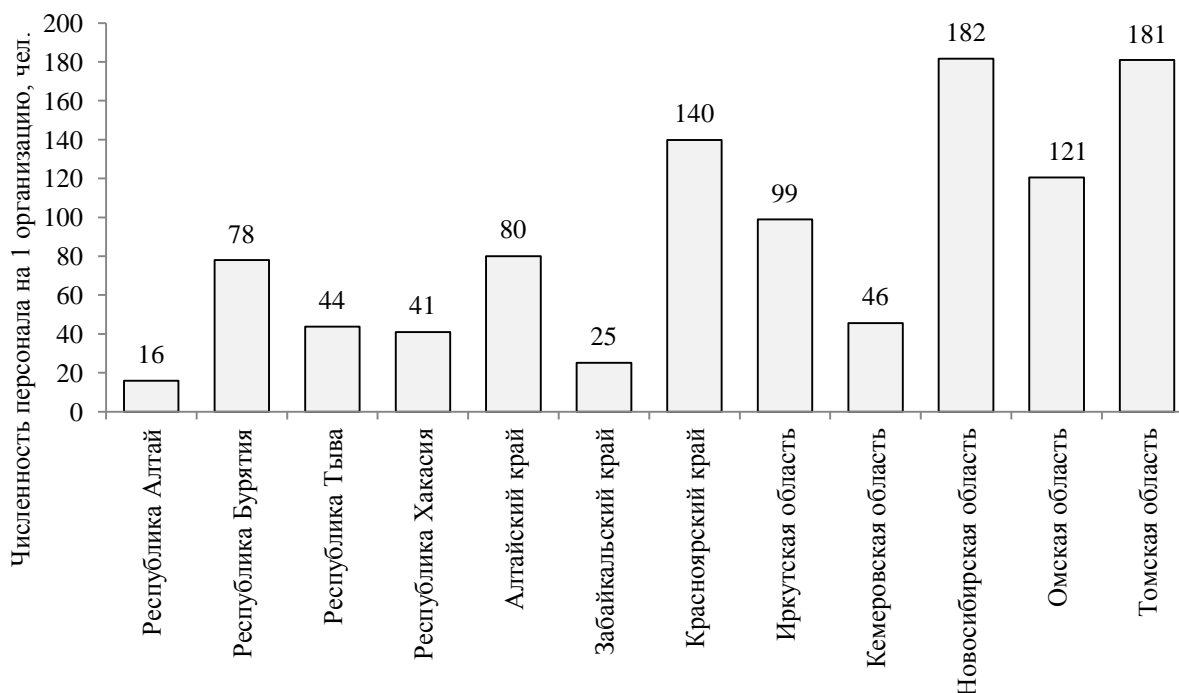

Рис. 3. Численность научных кадров в расчёте на одну научную организацию по регионам Сибирского федерального округа, 2013 г.

Качественной характеристикой персонала, осуществляющего научные исследования и разработки, является уровень образования. По состоянию на 2013 г. в Сибирском федеральном округе только 43,1 % (11 631 чел.) исследователей имели научную степень. Самый маленький процент исследователей со степенью в Омской области – всего 17,0 %.

За период с 2009 по 2013 гг. почти во всех регионах Сибирского округа отмечен рост удельного веса исследователей с научными степенями. Исключение составили Республики Алтай, Тыва и Красноярский край.

Подготовка аспирантов осуществляется в 205 организациях округа, докторантов – в 87 организациях. За период с 2009 по 2013 гг. число организаций, ведущих подготовку аспирантов, увеличилось на 11 (5,7 %) преимущественно за счёт их создания в Новосибирской, Кемеровской, Омской и Иркутской областях. Число организаций, ведущих подготовку докторантов, в целом по округу уменьшилось на 2 (2,2 %) за счёт их сокращения в Забайкальском и Красноярском краях, а также Кемеровской и Томской областях.

Современный этап развития научного потенциала Сибирского округа характеризуется ухудшением показателей выпуска обучающихся из аспирантуры и докторантуры. Доля аспирантов, защищающих диссертацию к концу срока своего обучения в аспирантуре, уменьшилась на 4,0 %. В настоящее время диссертацию сразу после обучения в аспирантуре защищают всего 25,3 % всех аспирантов. Самая низкая эффективность обучения в аспирантуре в Республике Хакасии (всего 7,1 % защитившихся) и Республике Алтай (11,8 % защитившихся).

Доля докторантов, защищающих диссертацию по окончании обучения в докторантуре, выше, чем доля аспирантов. После обучения в докторантуре более 1/3 докторантов успешно защищают диссертацию. Однако за последние пять лет отмечено снижение доли защитившихся докторантов с 34 до 31,5 %.

Важным фактором, влияющим на развитие науки, является её финансирование. В 2013 г. в Сибирском федеральном округе на финансирование научных исследований и разработок было направлено 47 666,3 млн р. (6,4 % от средств по России в целом). Основная часть средств (74,2 %) была распределена между тремя регионами – Новосибирской областью (34,3 %), Красноярским краем (21,3 %) и Томской областью (18,6 %). Оставшиеся 25,8 % средств пошли на финансирование научных исследований в остальных регионах Сибирского федерального округа.

Сумма затрат на исследования и разработки в расчёте на одну научную организацию в целом по Сибирскому федеральному округу составляет 111 370 тыс. р. Только в трёх регионах эта величина выше значения в среднем по Сибирскому федеральному округу – в Красноярском крае (в 1,8 раза), Томской (в 1,7 раза) и Новосибирской областях (в 1,2 раза). Однако ни в одном из перечисленных регионов уровень финансирования не дотягивает до среднероссийского (207 988 тыс. р. в расчёте на одну организацию).

Четыре региона Сибирского федерального округа специализируются на научных разработках, то есть работах, основанных на существующих знаниях, полученных в результате исследований и практического опыта, и направленных на создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов: Томская, Омская области, Алтайский и Красноярский край (рис. 4). Остальные регионы округа специализируются на фундаментальных исследованиях, представляющих собой экспериментальные или теоретические исследования, направленные на получение новых знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний. Их результатом являются гипотезы, теории и методы.

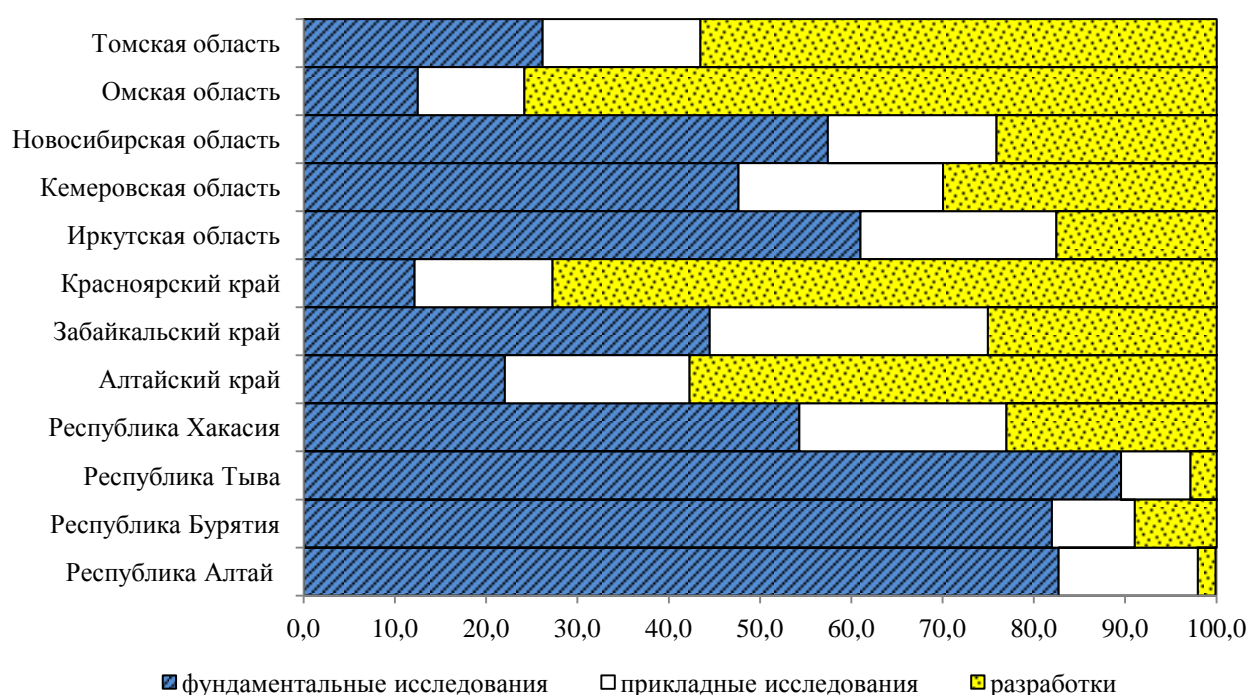

Рис. 4. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по видам работ по регионам Сибирского федерального округа в 2013 г., %

Учитывая особенности состояния и развития научного потенциала в регионах России, с помощью кластерного анализа субъекты страны можно объединить в четыре группы, однородные по показателям развития науки. Выделенные группы регионов статистически значимо различаются по показателям внутренних затрат на исследования и разработки в расчёте на одну научную организацию, численности научного персонала в расчёте на одну организацию, а также инновационной активности и удельному весу инновационных товаров и услуг в общем объёме отгруженной продукции. Статистически значимого различия регионов по показателям удельного веса аспирантов и докторантов, защитивших диссертации по окончании срока обучения, не выявлено. Средние значения показателей, характеризующих научный потенциал и результаты научной деятельности каждой группы, представлены в таблице 2.

Первую группу образуют 7 регионов – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, а также Нижегородская, Самарская и Ульяновская области. Ни один из регионов Сибирского федерального округа в эту группу не входит. В регионах первой группы функционируют самые крупные научные организации (359 человек на 1 организацию) и осуществляются самые крупные внутренние затраты на исследования и разработки – 379 598 тыс. р. в расчёте

на одну организацию. Научные организации, осуществляющие деятельность в этих регионах, характеризуются высокой инновационной активностью (11,9 %) и самым большим по сравнению с регионами других групп удельным весом инновационных товаров и услуг в общем объёме отгруженной продукции (14,2 %).

Таблица 2

Показатели развития научного потенциала для групп, выделенных с помощью кластерного анализа

Показатель	I группа	II группа	III группа	IV группа
Научный потенциал				
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчёте на одну организацию, тыс. р.	379 598	193 324	101 136	32 136
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчёте на одну организацию, чел.	359	200	116	49
Удельный вес кандидатов наук в общей численности исследователей со степенями, %	78,5	79,0	79,1	78,8
Удельный вес аспирантов, защитивших диссертацию, %	20,7	21,0	20,9	21,3
Удельный вес докторантов, защитивших диссертацию, %	14,2	28,3	22,9	24,3
Доля затрат на фундаментальные исследования, %	8,4	13,0	27,6	43,1
Доля затрат на прикладные исследования, %	22,9	12,6	20,8	28,2
Доля затрат на разработки, %	68,7	74,4	51,5	28,7
Показатели результатов научной деятельности				
Отношение выданных патентов на изобретения к поданным заявкам, %	72,3	82,7	73,7	69,2
Отношение выданных патентов на полезные модели к поданным заявкам, %	89,4	94,0	89,4	88,5
Инновационная активность, %	11,9	12,0	10,9	8,1
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	14,2	7,3	5,1	6,0

Во вторую группу входят 10 регионов России – Владимирская, Калужская, Курская, Ярославская области, Пермский край, Пензенская, Свердловская, Челябинская области, а также два региона Сибирского федерального округа – Красноярский край и Томская область. Численность персонала в расчёте на 1 организацию в этих регионах в 1,8 раз меньше, чем в регионах I группы. Финансирование научных организаций этих регионов в расчёте на 1 организацию почти в 2 раза ниже, чем в регионах I группы. Для регионов второй группы характерны самые высокие показатели отношения выданных патентов к поданным заявкам как на изобретения, так и на полезные модели. Инновационная активность научных организаций находится на уровне научных организаций I группы. Удельный вес инновационных товаров почти в 2 раза ниже, чем в первой группе (7,3 %).

Третью группу составляют 23 региона страны с численностью занятых исследованиями и разработками в расчёте на одну организацию 166 человек. Затраты в расчёте на одну организацию почти в два раза ниже, чем во II группе, и в 3,8 раза ниже, чем в I группе. Инновационная активность составляет 10,9 %, а удельный вес инновационных товаров и услуг в общем объёме товаров и услуг в 2,8 раза ниже, чем в первой группе, и в 1,4 раза ниже, чем во второй группе. В третью группу вошли Иркутская, Новосибирская и Омская области.

Четвёртую группу образуют 40 регионов, т. е. половина субъектов страны. Исследования и разработки здесь осуществляют мелкие научные организации, численность персонала в которых не превышает 50 человек. Уровень финансирования научных организаций этой группы самый низкий. Финансирование исследований и разработок в расчёте на одну организацию в 11,8 раза ниже, чем в регионах I группы, в 6 раз ниже, чем в регионах II группы, и в 3,1 раза ниже, чем в регионах III группы. Самый низкий здесь и уровень инновационной активности (8,1 %). В эту группу попали Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Кемеровская область.

Если сопоставить уровень развития науки в выделенных группах регионов со среднероссийским уровнем, то окажется, что по всем показателям, уровень развития научного потенциала

I группы регионов значительно превышает среднероссийский уровень. Большинство показателей развития науки регионов II группы близки к среднероссийскому уровню. Почти все показатели развития науки регионов III группы на 40–50 % ниже среднероссийского уровня. Показатели затрат на исследования и численности персонала IV группы регионов на 75–85 % ниже среднероссийских.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день ни в одном из регионов Сибирского федерального округа научный потенциал не превышает среднероссийский уровень. Близок к среднероссийскому уровню научный потенциал только двух регионов – Красноярского края и Томской области. Для них характерна и высокая степень его реализации. Научный потенциал Иркутской области и Омской области на 40–50 % ниже среднероссийского уровня и реализуется в недостаточной степени. Самым низким по сравнению с другими регионами Сибирского округа научным потенциалом располагают Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край и Кемеровская область. Показатели затрат на исследования и численности персонала этих регионов на 75–85 % ниже среднероссийских, их инновационная активность самая низкая. Существует потребность в проведении политики, направленной на развитие научного потенциала региона.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
2. Индикаторы науки: 2014 : Статистический сборник. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 400 с.
3. Наука. Инновации. Информационное сообщество: 2014 : краткий статистический сборник. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 80 с.
4. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ «Наука России в цифрах: 2014». [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://csrs.ru/archive/stat_2014_science/science_2014.pdf

V. V. Narbut,
State University of Management, Moscow

THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: CONDITION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The results and analysis of the development of scientific potential of Siberian Federal District, as well as its connection with innovation activity. Groups of Russian regions in terms of development of science, and the place is determined by the Siberian Federal District in the all-Russian scientific potential based on the method of cluster analysis

Keywords: research potential, research and development, internal costs, researchers, science degree, innovation activity.

References

1. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014: Stat. sb./ Rosstst. – M., 2014. – 900 p.
2. Indicators of Science: 2014 : Statistical Yearbook. – M. National Research University «Higher School of Economics», 2014. – 400 p.
3. Science. Innovation. Information society: 2014 : short Statistical Book. – Moscow, National Research University "Higher School of Economics", 2014. – 80 p.
4. FGBNU NII RINKCE «Science of Russia in Figures: 2014» [Electronic resource] / access mode http://csrs.ru/archive/stat_2014_science/science_2014.pdf

© В. В. Нарбут, 2015

Автор статьи – **Виктория Викторовна Нарбут**, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, г. Москва.

Рецензенты:

М. Б. Челышкова, доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет управления.

В. И. Звонников, доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет управления.

О. Ю. Патласов,
Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия,
С. С. Каурденков,
Омская гуманитарная академия

ЭТИЧЕСКИЕ ФИНАНСЫ В ПРАВСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Описаны контуры теории духовно-нравственной экономики и этических финансов. Проанализирована этика традиционных банков. Проведён сравнительный анализ видов финансирования. Прогнозируются перспективы исламского финансирования в светских государствах и формирование православного банкинга.

Ключевые слова: этические финансы, православный бандинг, исламский бандинг, нравственная экономика.

Актуальность теории этических финансов возникла с новой силой во время мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. в рамках системного анализа и необходимых цивилизационных трактовок. Левые партии связывали кризис с нарушением принципов социальной справедливости и недостаточностью госрегулирования экономики. «Правая» идеология, напротив, упрекает правительства за чрезмерное вмешательство в рыночные механизмы, забвение либеральных ценностей, расширение коллективных начал и подавление индивидуализма. Протестантская церковь связывает причины кризиса забвением этики, восходящей к идеям рациональности, бережливости и воздержания. Иерархи католицизма и православия единодушны в оценке кризиса как расплаты человека за отказ от незыблемых ценностей, таких как любовь к Богу, милосердие, добро, истина, взаимопомощь и др. К аналогичным выводам приходят духовные лидеры иудаизма и буддизма. Более жёсткую позицию занимают религиозные деятели и богословы исламского мира, предлагая «исламскую экономическую модель».

Создание виртуальной экономики, кратно превышающей реальный сектор, надутые финансовые пузыри, приведшие к мировому банковскому кризису, показали, что этический бандинг, прежде всего исламский, а также сберегательные кассы проявили высокую финансовую устойчивость уже хотя бы потому, что не работали в секторе рискованных финансовых инструментов.

Анализу лучших банковских практик и формированию контуров теории этических финансов посвящены работы как отечественных и зарубежных учёных, так и богословов [1, 9]. Ряд публикаций посвящён созданию нравственных экономик [3].

Гипотезы и проблемы

1. Как повлияет расклад влияния отдельных мировых религий после продвижения соответствующего банкинга на структуру прихожан (мирян)?

2. Делая исторический экскурс в становление банковской системы, выявляем, что, по мнению учёных, Давида Юма, Адама Смита и др. эталоном кредитно-депозитного института считался Муниципальный банк Амстердама.

3. Следует ли ожидать в рамках традиционного банкинга большую социальную ответственность от муниципальных банков, в отличие от коммерческих банков без участия государства и муниципалитетов, таких как: Банк Москвы, Ханты-Мансийский Банк, Башпромбанк, Дальневосточный банк, Банк Казани и Хакассский Муниципальный банк, а также Россельхозбанк, ВТБ и госкорпорация «ВЭБ»?

4. Что можно отнести к христианским банковским инструментам?

5. Что считать христианским банкингом в условиях закрытости Института религиозных дел (официальное название Банка Ватикана) или развитие банкинга должно идти в конфессиональном русле: православный, католический и др.?

6. Можно ли считать традиционный бандинг религиозным, но на основе протестантской этики и вероучения?

7. Будет ли конкурентоспособна христианская система микрокредитования?

8. Не спровоцирует ли введение исламского банкинга усиление фундаменталистских настроений в светских странах с превалированием мусульманского населения?

Радикальные течения современного восприятия ислама уже вызвали фобии. Среди обычных людей бытует мнение, что исламское финансирование связано либо с финансированием радикальных

течений, либо с финансированием мечетей, медресе и литературы. Именно поэтому, на наш взгляд, более мягким вариантом является открытие исламских окон в традиционном банкинге, хотя, по некоторым данным, в банках, работающих на основе шариата, 70 % вкладчиков – христиане [10].

Каковы же основные отличия исламских экономических моделей от традиционных способов финансирования? (табл. 1)

Таблица 1

Сравнительный анализ видов финансирования

Критерий	Исламское финансирование	Традиционное финансирование
Основа для бизнеса и ограничения	В соответствии с Кораном и Сунной, а также в соответствии с действующим законодательством	Действующее законодательство конкретного государства
Поток финансовых ресурсов	В пользу бедных и незащищённых слоёв населения	Максимизировать ценности акционера
Отношения между контрагентами	Отношения между вкладчиками и предпринимателями дружественные и скоординированные	Отношения кредитора и должника
Источники для бизнеса	Без использования процентных операций	Любые в соответствии с законодательством страны
Процентные ставки	Процентные ставки и ростовщичество исключены на всех уровнях финансовых сделок	Основой все финансовых сделок являются процентные ставки и ростовщичество высокого уровня
Соотношение рисков	Вкладчики берут на себя риски, нет необходимости гарантирования депозитов	Вкладчики не берут на себя риски, более того, банк склонен к уплате основной суммы с доходом по гарантированной процентной ставке
Уровень морального ущерба	Низкий уровень морального ущерба, благодаря партнёрским отношениям между банком и клиентом	Высокая проблема морального ущерба, потому что отношения основаны на денежных сделках
Основные принципы	Личная выгода на фоне распределения справедливости и равенства возможностей	Максимизация личной выгоды любыми способами в рамках законов конкретного государства

Макроэкономические модели социально-экономического порядка

Степень влияния различных мировых религий на экономики стран, бесспорно, зависит от формы государственного управления, например, в светских государствах (конституционного отделения религии и государства) она в среднем ниже. Здесь тоже прослеживается разнообразие во взаимовлиянии церкви и государства. Так, в ФРГ церковь отделена от государства, но при доминировании протестантов и римско-католической церкви государство выполняет функцию по сбору специального налога на поддержку церкви, и священник является государственным чиновником. Особый статус имеет Ватикан и банк Ватикана. Успешной моделью сочетания религии (ислама) и общемировых цивилизационных ценностей выступает кемализм, от которого в последние годы уходит политическое руководство Турции, пытаясь восстановить черты панисламистской доктрины османской империи, «сдобренные» фундаменталистскими течениями ислама. Саудовская Аравия выступает примером мусульманского государственного устройства с нормами шариата; на идеологии радикального исламизма базируется непризнанное Исламское государство Ирака и Шама (ИГИШ, ИГИЛ, ИГ). В настоящее время ростовщичество запрещено в Иране и Пакистане.

Общие правила, по которым функционирует исламский банкинг:

- общий запрет на ссудные проценты и фьючерсные сделки;
- запрет на спекуляцию – использование каких-либо обстоятельств, чьих-либо затруднений в своих интересах, своих планах (например, спекуляция на политических затруднениях). Однако «западные» финансовые инструменты в изменённой форме (в соответствии с законами шариата) используются двумя биржами: NASDAQ Dubai и «Дубайским финансовым рынком» (владелец – арабская холдинговая компания Borse Dubai);

- запрет на азартные игры (лотерея и т. п.).

Также можно отметить социальные и этические условия отбора экономических действий – особенно запрет на инвестиции в производство и потребление алкоголя и табака, проституцию, порнографию, колдовство, особые условия переработки мяса животных [5].

В научно-публицистической литературе социальный банкинг рассматривается как синоним исламского банкинга, что не совсем точно. Этический банкинг не обязательно должен следовать нормам ислама или других мировых религий, как, например, в православном банкинге. Проектное финансирование также не является синонимом исламского банкинга, хотя и очень близко по смыслу.

Этические финансовые технологии развиваются медленнее аналогичных движений в производстве, в сфере коммерции и потребления, таких как движения за справедливую и этическую торговлю (Fair trade, Ethical trade); этическую идеологию потребления и стиля жизни с учётом заботы об окружающей среде (LOHAS – Lifestyle Of Health And Sustainability) и др.

Понятийный аппарат

Духовно-нравственная экономика – экономика активной, творческой солидарности людей как в личной, так и в общественной жизни. «Духовно-нравственная экономика – это экономика, базирующаяся на православных духовных принципах и нравственных нормах, выступающая как необходимое средство спасения и духовного совершенства человека» [3].

Аксиома нравственной экономики – предоставление всем членам общества бесплатно общественно значимых благ, таких как образование, наука и культура [6].

Под этическим инвестированием (socially responsible investing (SRI), social investing, socially aware investing, ethical investing) понимается процесс принятия инвестиционных решений, учитывающий в рамках традиционного финансового анализа социальные и экологические последствия инвестиций [2].

Этический (социальный, альтернативный, гражданский, стабильный) банк – банк, обеспокоенный социальными воздействиями и и воздействиями на окружающую среду его инвестиций и кредитов. Этические банки – часть социального движения, Banktivism», призывающего к большей социальной и экологической ответственности в финансовом секторе. Это движение включает этические инвестиции, социально ответственные инвестиции, корпоративную социальную ответственность, также оно связано с такими движениями, как движение справедливой торговли, этическая защита прав потребителей и др. Самая известная ассоциация для этического банковского дела – Глобальный Союз для Того [16].

В научной литературе среди признаков отнесения к этическому банкингу часто называется привлечение общественности, что не бесспорно, т. к. кредитные кооперативы и традиционные банки тоже часто привлекают к управлению общественность и участвуют в общественно значимых проектах. Это проекты доступного жилья (например, Банк Vancity & Citizens), программы финансовой грамотности населения, выделение стипендий и спонсорство, поддержка событий муниципалитетов (TD Канадское доверие жертвует на местные инициативы) и др.

Экономическая свобода, нравственность, религиозность

Религиозные нормы продолжают оказывать существенное влияние на нравственные взгляды, бизнес-этику верующих той или иной конфессии. При анализе опыта ряда стран экономической успех можно наблюдать в тех странах, где в экономической сфере основными добродетелями личности и бизнеса являются честность, достоинство, уважение к партнёру и к своим обязательствам. Та или иная религия отчётливо прививает эти качества своим последователям. «Ведь все религии признают одного Бога, и у всех религий одни авраамические корни» [4]. Встают вопросы, в чём состоят основные особенности взглядов религий на происходящие в экономике процессы? Как связана религиозность населения с экономикой, финансами и банкингом?

Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» в 1905 году отметил взаимосвязь религии и экономики. Так, он обнаружил, что в Германии (где проживают как католики, так и протестанты) наилучших экономических успехов добивались протестанты. Они составляли основной состав предпринимателей и высококвалифицированных технических специалистов. Также динамично развивались такие страны, как США, Англия и Голландия. На основе корреляции статистических данных можно вскрыть некоторые их факторов отсталости или процветания стран и выявить влияние социокультурных различий общества в доминирующей религии.

Директор Института культурных преобразований Школы права и дипломатии при Университете Тафтса профессор Лоуренс Харрисон приводит результаты анализа 117 стран, в которых более 1 млн человек исповедуют одну из мировых религий (табл. 2) [13].

Таблица 2

Соотношение религии, свободы, экономических результатов, доверия и коррупции

Религия	Население (млрд чел.)	Общая свобода	ВВП на душу населения, долл.	Коэффи- циент Джини	Доверие, %	Коррупция
Ислам	1122	9,7	3142	36,6	26	78,6
Православие	262	8,6	7045	40,4	25	75,7
Католицизм	904	5,5	9358	45,6	16	45,6
Иудаизм	6	4	19 320	35,5	-	16
Протестантизм	530	2,3	29 784	36,8	46	14,9

Из анализа таблицы 2, на первый взгляд, можно сделать вывод, что, чем выше уровень свободы в стране, тем выше уровень жизни и ниже коррупция. Также видна прямая зависимость уровня свободы от религии, исповедуемой большинством населения: чем ниже уровень, тем выше степень свободы.

На наш взгляд, если брать во внимание коэффициент Джини, демонстрирующий расслоение населения по доходам, то в религиях с наивысшим показателем коррупции коэффициент ниже, что свидетельствует о наиболее справедливом распределении доходов в обществе. Соответственно, процент доверия выше (в данном случае указан процент населения, убеждённого, что людям можно доверять). Не без внимания остаётся количество населения, так как в данном исследовании оценка ВВП на душу населения велась по равенству покупательной способности.

В работе В. Г. Кандалинцева «Типология и ВВП современных цивилизаций» для построения типологии цивилизаций выделяется четыре «мира цивилизаций»: мир христианских цивилизаций, мир исламских цивилизаций, мир восточно-религиозных цивилизаций, мир национально-религиозных цивилизаций. Предлагаемая типология содержит четыре крупных сообщества («мира») цивилизаций и шестнадцать собственно цивилизаций» [12]. Мир христианских цивилизаций представлен как Западно-христианская, Восточно-православная, Латиноамериканско-католическая, Океанско-христианская, Афро-христианская. Мир исламских цивилизаций классифицирован как Средиземноморско-Аравийская суннитская, Среднеазиатско-суннитская, Афро-суннитская, Восточно-суннитская, Шиитская. Мир восточно-религиозных цивилизаций, по словам автора, разделён на Конфуцианскую, Буддийскую, Индуистскую, Дальневосточно-синкретическую. Иудейская и Афро-азиатская полирелигиозная вошли в мир национально-религиозных цивилизаций. В исследовании В. Г. Кандалинцева приведена динамика ВВП по данным цивилизациям и сделан прогноз на 2020 год (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ВВП в разрезе цивилизаций, млн долл.

Цивилизации	1999 г.	2009 г.	2020 г. (прогноз)
Весь мир	30 742 328	58 278 994	141 340 080
Мир христианских цивилизаций	22 065 722	40 211 823	87 099 819
Мир исламских цивилизаций	1 326 635	4 186 023	14 507 871
Мир восточно-религиозных цивилизаций	7 179 329	13 500 938	38 751 484
Мир национально-религиозных цивилизаций	170 642	380 210	980 905

Доля каждой из цивилизаций: мир христианских цивилизаций – 61,6 %; мир исламских цивилизаций – 10,3 %; мир восточно-религиозных цивилизаций – 27,4 %; мир национально-религиозных цивилизаций – 0,7 % соответственно.

Анализируя промежуточный период (2012–2013 гг.), мы видим, что в мире национально-религиозных цивилизаций (согласно классификации, предложенной профессором В. Г. Кандалинцевым) можно наблюдать следующее (рис. 1).

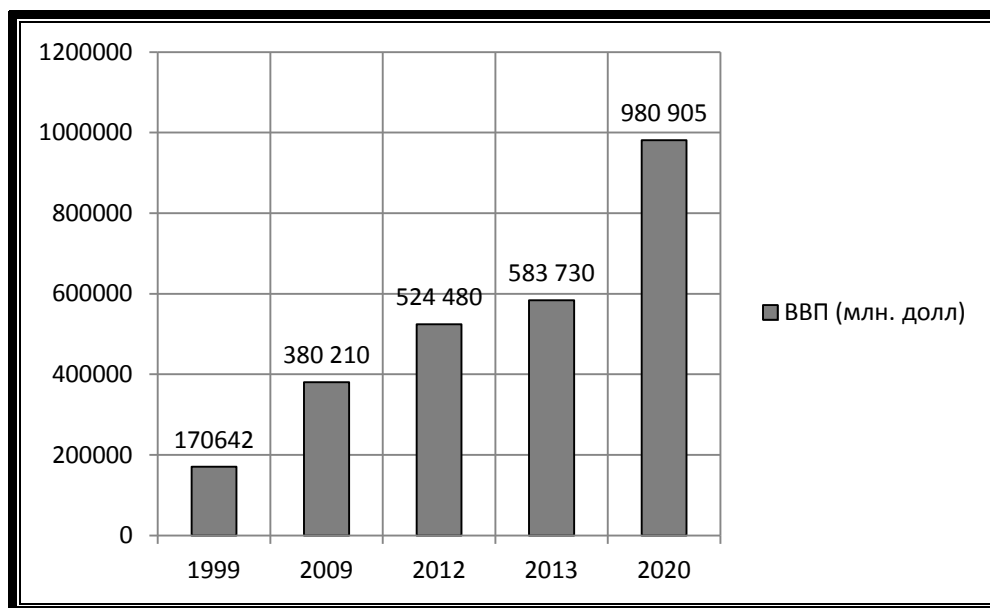

Рис. 1. Мир национально-религиозных цивилизаций. *2012, 2013 гг. рассчитаны по данным МВФ
Источник: собственные расчёты

То есть за 10 лет уровень ВВП поднялся на 55 % (в среднем 5,5 % за год) и, соответственно, прогноз, предложенный профессором В. Г. Кандалинцевым, – на 2020 год уровень ВВП поднимется на 61,2 % (в среднем 5,56 % за год). Так, проанализировав промежуточный период, видим, что за три года процент ВВП увеличился на 27 % (в среднем 9 % за год). Значима динамика за один год, когда процент роста равен 10 % (сравнивая промежуточные года с 1999 по 2009 г.). Таким образом, можно предположить, что за 7 лет ВВП увеличится на 65,5 %, т. е. на 9,4 % в среднем за год. И объём ВВП может достигнуть 1 692 006 млн долл.

Аналогична динамика и в мире восточно-религиозных цивилизаций (рис. 2). Так, за 10 лет уровень ВВП вырос на 46,8 % и по прогнозам к 2020 г. достигнет отметки 38 751 484 млн долл., что равно 65,2 %. Проведённый промежуточный анализ показал, что уровень ВВП в 2012 году достиг 18 756 760 млн долл., а в 2013 году – 18 854 490 млн долл., что соответственно равно 28,02 % за три года и 0,52 % за год. В 2013 г. наблюдается незначительная динамика роста ВВП во всех государствах, входящих в данный состав, и даже спад в Японии (5 938 000 долл. в 2012 г. и 4 902 000 долл. в 2013 г.). В 2013 г. Правительство Японии приняло меры по преодолению последствий природных катаклизмов и производило огромные траты на восстановление экономики регионов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что уровень ВВП, а соответственно, и экономика государств, так или иначе, растёт во всём мире и не зависит от вероисповедания или принадлежности основного населения государства к той или иной религии. Вопрос в другом: как относится та или иная религия к денежному обороту в государстве и, соответственно, к предоставлению денег в долг под проценты? Как соотносится вопрос банкинга в известных религиях?

Основы морали всех мировых религий очень похожи. Все монотеистические религии признают Моше (Моисей – у христиан, Муса – у мусульман) пророком, которому Всевышний даровал свои Законы. Анализируя экономический аспект, можно сказать, что многие традиционные религии, такие как христианство, иудаизм и ислам, осуждают ростовщичество.

Ростовщичество – предоставление денежных ссуд под высокий процент [8]. Вопрос запрета ростовщичество является основным для понимания сущности работы исламской экономики. Ислам, так же, как и другие религии, осуждает взимание и предоставление процентов. Одним из первых положение о запрете ростовщичество в религиозной науке было отражено в Торе. В Ветхом Завете содержатся тезисы о том, что настоящий праведник «в рост не отдаёт и процентов не берёт» (приводится по переводу института «Мосад ха-рав Кук»; Йехезк, 18:8). Тора рекомендует бережно обращаться с должником. Запрещено брать в залог вещи, используемые для приготовления пищи, запрещается также входить в дом должника, чтобы забрать залог (Шмот, 22: 24–26, Дварим, 24: 6, 10–13).

Другие положения Торы красноречиво свидетельствуют, что давать деньги под процент запрещено только своим единоверцам: «Когда деньгами будешь ссужать народ Мой, неимущего, который с тобой, – не будь ему притеснителем и не бери с него проценты» (перевод П. Гиля по изданию Пятикнижие Моисеево: перевод и комментарии / Электронная библиотека издательства Директ Медиа Паблишинг. – Т. 12 (на CD), Шмот, 22: 24), «Чужеземца можешь ты притеснять, но долг брата твоего прости ему» (Дварим, 15: 3). Предостерегая иудеев от попадания в долговую зависимость от представителей других народов, Тора недвусмысленно рекомендует практиковать ростовщические операции по отношению к иноверцам: «...и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы, и будешь ты властвовать над многими народами, а над тобою они властвовать не будут» (Дварим, 15: 6).

Соответственно, видна динамика ВВП во всём мире, включая все цивилизации (рис. 3)

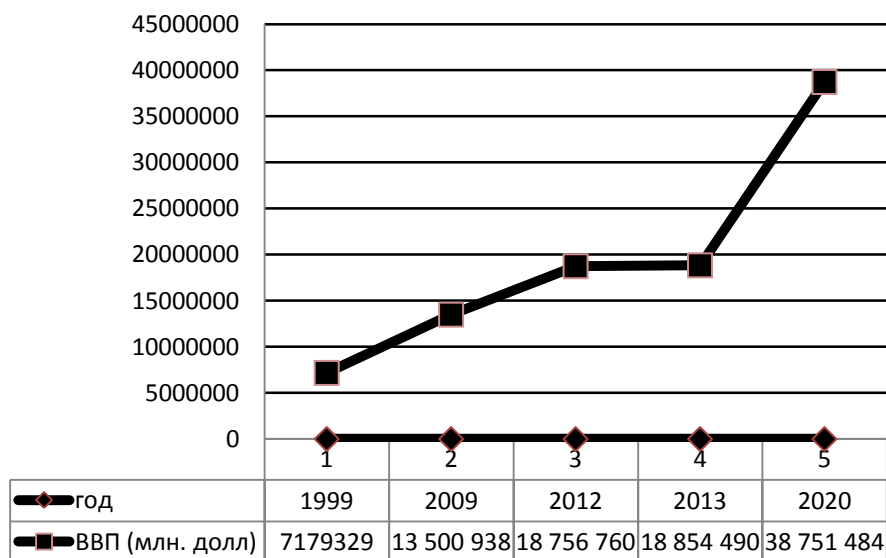

Рис. 2. Мир восточно-религиозных цивилизаций. *2012, 2013 гг. рассчитано по данным МВФ
Источник: собственные расчёты

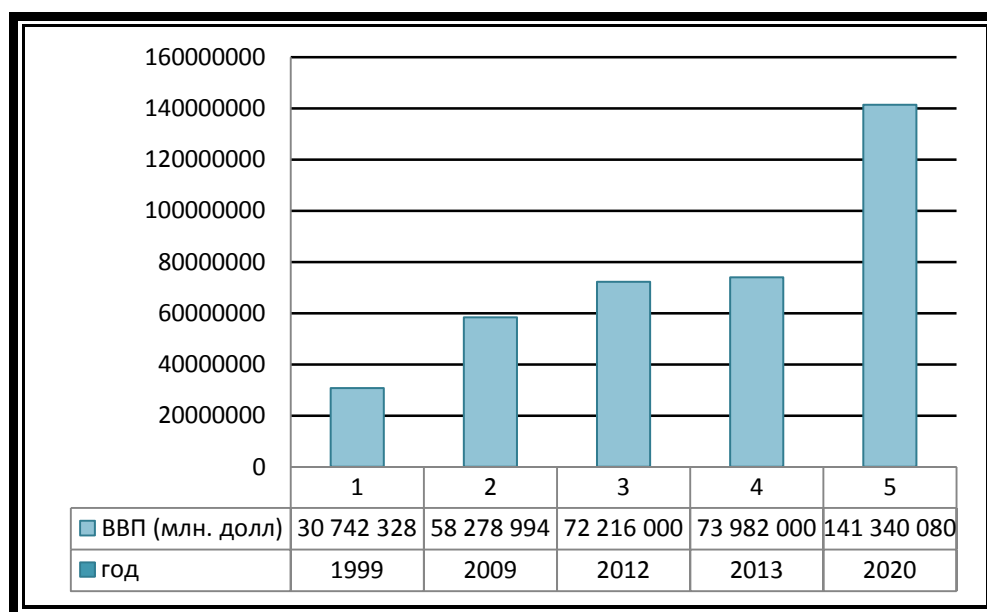

Рис. 3. ВВП: весь мир. *2012, 2013 гг. рассчитано по данным МВФ
Источник: собственные расчёты

Таким образом, данный вопрос интерпретируется авторитетными еврейскими мудрецами двояко. В иудаизме ссуда денег под процент запрещена среди единоверцев. Для иноверцев таких ограничений нет, и данный вопрос интерпретирован впоследствии как взимание процента с неевреев в случае крайней нужды. Библия также осуждает ростовщичество, понимая под ним предоставление займодавцем ссуды заёмщику на условиях уплаты за это вознаграждения. Размер вознаграждения при этом значения не имеет.

Согласно христианской церкви, запрет на взимание процентов содержится в Евангелии от Луки: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твоё не требуй назад», «И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность?». Христианство не отвергало возможность беспроцентных кредитов: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Матф, 5: 42). В своих притчах он также упоминает о ростовщических операциях, в притче о минах (Лк, 19: 23), притче о талантах (Матф, 25: 27).

В Средние века христианская церковь запрещала ростовщичество. Папа Климент V на Вьенском соборе в 1311 году угрожал отлучением от церкви правителям, которые законодательно разрешали ссудный процент либо в течение 3 месяцев не отменили бы уже имеющиеся постановления. В исламе ростовщичество однозначно осуждается. Австрийский экономист Ойген фон Бём-Баверк выделяет четыре аргумента, которые приводят христианские богословы против процента на ссудный капитал. Наиболее определяющий из них высказывание епископа Коваррубиаса: «Деньги сами по себе не приносят и не производят никаких плодов, поэтому непозволительно и несправедливо брать что-либо сверх отданной внаём вещи за пользование ею, так как это получилось бы не столько с денег, которые ведь плодов не приносят, сколько с чужого труда».

В настоящее время формируется идея православного банкинга, однако нецелесообразно восстанавливать запрет на проценты по кредитам, на наш взгляд, православный банкинг должен вписаться в концепцию этических финансов.

Какова же современная трактовка и отношение той или иной религии к банковским продуктам?

Ростовщичество можно назвать аналогом современного кредитования, соответственно, ростовщичество – это предшественники кредитодателей. Обращались к ростовщикам небогатые люди, которые занимали деньги для ежедневных собственных нужд или открытия либо развития своего бизнеса, что, можно сказать, усугубляло их финансовое состояние. И надо отметить, что ростовщичество давали займы деньги под довольно большой процент. Ростовщичество представлялись как негативные субъекты, которые жили за счёт получения процентов.

С появлением современных кредитных организаций ростовщичество вошло в историю как элемент прошлого. Сама процедура ростовщичества напоминает современный процесс кредитования. Единственное отличие в том, что современные банки при выдаче кредита используют новые технологии, которые помогают им рассчитать свои риски. Широко используется база данных, которая позволяет определить платёжеспособность того или иного заёмщика по ранее выданным кредитам. Поэтому современные банки могут держать на приемлемом уровне ставки по кредитам. Ростовщичество же в своё время, не имея таких возможностей, свои риски закладывали в высокий процент по предоставляемым ссудам.

Возвращаясь к вопросу соотношения религии и банковского кредитования, вспомним, что исламская экономическая модель запрещает любое ростовщичество, существуют схемы финансирования исламскими банками. Конечно же, в исламских банках не может быть в классическом понимании таких услуг, как кредитование. И, как известно, шариат также запрещает некоторые другие виды деятельности банковского заработка, как, например, игра на бирже. Но при всей схожести с классическими схемами кредитования при исламском финансировании заёмщик подвергается гораздо меньшему давлению. Например, по потребительскому финансированию банк сам покупает нужный клиенту товар и затем продаёт его с рассрочкой денежного платежа. Разница между ценой покупки и продажей его клиенту банка и составляет прибыль банка. И немаловажным моментом в данном правоотношении является то, что если клиент банка просрочит платёж, исламский банк не имеет права начислять проценты. Ведь прозрачность бизнеса – одно из важнейших условий исламского банкинга. Один из основных принципов исламского финансирования – это обойти ссудный процент. Исламский банк не берёт процент за выданный кредит, и обе стороны являются равноправными партнёрами. Соответственно, банки, работающие по принципам исламского финансирования, не имеют источника прибыли от разницы между процентом по выданным ссудам и процентом по привлечённым средствам. Однако исламские банки имеют источник дохода, как и обычные банки.

Результаты исламского финансирования, некоторая скрытая конкуренция между мировыми религиями явились фоном в рамках этических финансов создания православного банкинга. Данный вопрос был поднят председателем Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества (ОВЦО) протоиереем В. Чаплиным, который выступил в Москве на встрече с членами клуба «Русский предприниматель» и призвал к дискуссии по поводу того, как сделать российскую экономику более независимой, предложил подумать над созданием системы православного банкинга. «Необходимо в мире наращивать роль механизмов, не основанных на ростовщичестве. Иначе неизбежный конец финансового пузыря, работающего по принципу “деньги делают деньги”, может привести к катастрофическим последствиям или даже к большой войне, на которую можно было бы списать всё» [7]. Указал на то, что это получилось у мусульман, которые отказались от ростовщичества, ссудного процента, но при этом «эффективности у исламского банкинга это не убавило». Священник предложил подумать над тем, «может ли Россия предложить православную систему банкинга без ростовщичества, входящую в прямые отношения с Китаем, исламским миром, иными возрастающими в мире центрами влияния»; как отказаться от диктата по отношению к отечественной экономике тех глобальных центров, «которые всё больше и больше проявляют свою недружественность»; возможно ли максимально отказаться от тех валют и экономических инструментов, «которые связаны с недружественными нам центрами»; можно ли «закрутить мировую экономику по нашим собственным правилам». Так, год назад В. Чаплин выразил несогласие с теми экспертами, которые считают православные страны наиболее депрессивными в экономическом смысле. Он заявил тогда, что будущее – в переходе от экономики роста к экономике достаточности. «Многие сегодня с презрением и пренебрежением говорят о православных народах как экономически неуспешных. Строят графики зависимости экономического процветания от вероисповедания. Дескать, атеисты – самые успешные, протестанты – чуть менее, католики и того меньше, а православные – самые бедные и несчастные». Не споря с подобными утверждениями, В. Чаплин напомнил о том, что «многие современные экономисты, не страдающие рыночным фундаментализмом, говорят, что рост экономики и потребления не может быть бесконечным». По его словам, «народы, которые смогут отойти от идеи неперемного и ничем не сдерживаемого роста, окажутся более успешными в условиях, когда этот рост прекратится». Считая, что «нужно переходить от экономики роста к экономике достаточности», В. Чаплин отметил, что «именно достаточность и самоограничение в стяжании земных благ всегда были свойственны православной цивилизации». Такая модель экономики, по его убеждению, будет гораздо более успешной, чем идея вечного роста и безграничного потребления, «которые не могут не окончиться крахом» [15].

По нашему мнению, идея создания православного банкинга в России заслуживает внимания. Благодаря авторитетным представителям духовенства, бизнеса и учёным возможно формирование контуров нравственного государства, характеризующегося также и прозрачным механизмом ведения бизнеса и высокими экономическими показателями. Внедрение исламского банкинга и создание православного банкинга поможет создать поле этических финансов, работающих на моральных принципах. Мы не исключаем, что этические финансы не ограничиваются религиозными, и подтверждение этому – этические кодексы банков, правда, не всегда имеющие практическое воплощение.

Некоторые специалисты скептически отнеслись к идее создания православного банка. Так, начальник аналитического управления банка БКФ М. Осадчий считает, что православные священники не смогут выполнять функции омбудсменов для решения экономических споров. «Православный банкинг – явная калька с исламского банкинга, который не просто успешен, а суперуспешен. Один из секретов этого успеха кроется в огромном авторитете исламских священников. Мусульманский муфтий может выполнять функции омбудсмана для решения споров, в том числе экономических. Справится ли русский поп с такой задачей – неизвестно» [11].

А кто такой омбудсмен? Омбудсмен (от древнескандинавского *ombud* – «полномочие», «поручение») – гражданское или в некоторых государствах должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля за соблюдением справедливости и интересов определённых гражданских групп в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц [14]. По нашему мнению, функция омбудсмана не может быть отнесена к деятельности мусульманского муфтия или христианского священника. Ведь муфтий – это высшее духовное лицо у мусульман, наделённое правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата. Аналогична ситуация и с высшим духовным лицом у христиан. В настоящее время общество слабо ориентировано в вопросах духовного и нравственного воспитания. Конечно же, в условиях светского восприятия настоящего тяжело

ориентировать общество на духовность. Этот процесс должен формироваться у личности, в первую очередь, с момента рождения, и закладывать нравственные устои должны родители. Основные постулаты той или иной религии закладываются в ребёнка в семье.

Этика традиционных банков

В научном плане, когда речь идёт об этическом банкинге и финансах, следует понимать, что речь не идёт исключительно о религиозном банкинге. В настоящее время формируется этическая наука в области банковской деятельности; методологические подходы к формированию этических норм; задачи, методы этики банковской деятельности; стандарты формирования корпоративного поведения, служебной и внеслужебной этики банковских сотрудников, а также делового этикета; нормы этического поведения в межбанковской деятельности; накапливается опыт применения стандартов этического поведения в банковской деятельности за рубежом. Нами проанализированы этические документы коммерческих банков России, Узбекистана, Украины, Казахстана, Беларуси и других стран. Фрагмент аналитической таблицы см. в табл. 4.

Таблица 4

Этические принципы и нормы банковского дела

Наименование этического документа банка	Банк и общество	Взаимоотношения с конкурентами	Взаимоотношения с органами гос. власти	Ответственность за нарушения положений Кодекса	Корпоративный стиль; регламентация дресс-кода	Взаимоотношение с духовенством	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8
Этический кодекс КБ «ЭНЕРГОТРАНС-БАНК»		-	-				
Кодекс профессиональной этики Акционерного Коммерческого Банка «1-й Процессинговый Банк» (ЗАО) (2010)		+	+	+			
Кодекс корпоративной этики сотрудника Банка (2010). Объединённый банк промышленных инвестиций					Из украшений для мужчин уместно лишь обручальное кольцо		А если православный перстень?
Кодекс корпоративной этики (2012) Акционерного коммерческого банка «Банк Москвы» (ОАО)	+				+		
ОАО «Акционерный банк «Народный банк Республики Тыва», правила корпоративного поведения и этики ведения бизнеса	+	-	+	+	-	-	
Этический кодекс ЗАО Банк ВТБ (Армения) (2008)	+	+	+				

1	2	3	4	5	6	7	8
Кодекс корпоративной этики ПАО «АСВБИО БАНК» (Украина) (2015)	+	+	+	+	+	-	Действующий первый принцип в кодексе: обеспечение прибыльности и эффективности
Кодекс деловой этики АО «Казкоммерцбанк» (Казахстан) (2008)	+	+	+	+	+	-	Сотрудники банка могут принимать в дар подарки или получение выгод, если это связано с обычным доброжелательным отношением (например, приглашение на деловой обед или ужин, перевозка по городу и пр.) и/или их размер или стоимость не являются чрезмерными (не более 100 долларов США)
Кодекс Корпоративной этики Государственно-коммерческого Народного банка Республики Узбекистан (2010)	+	+	+	+	Недопустимым является ношение свитеров, кофт и иных вязаных и трикотажных изделий вне зависимости от времени года, а также одежды ярких цветов		Для сотрудников, непосредственно обслуживающих клиентов в районных (городских) филиалах, кассах и точках обслуживания, действует правило обязательного ношения рубашек и блузок белого цвета
Кодекс деловой этики АО «Банк Развития Казахстан» (2012)	+	-	+	+	+	С общественными и неправительственными организациями	
Кодекс корпоративной этики ЗАО «ТК Банк» (Республика Беларусь) (2012)	+	+	+	+	Парфюмерия: с умеренной интенсивностью запаха		Как подсчитать?
Кодекс корпоративной этики АО ДБ «Альфа-Банк» (Казахстан) (2013)	-	+	+	+	+	-	

Источник: составлено авторами.

Выводы

Некоторое снижение религиозности населения планеты на территории традиционных мировых религий как результат освоения методов научного познания сопряжено с ослаблением духовной стороны вопроса, что уже привело к изменению конфигурации религиозности в части появления сектанства, различных агрессивных религиозных течений, дающих искажённую трактовку фундаментальных положений мировых религий. На церковных иерархах лежит ответственность адекватной трактовки постулатов религии. Наблюдается политический заказ в противостоянии отдельных конфессий внутри ислама.

Создавая исламский или православный банк, в первую очередь необходимо понимать, что этика и мораль, особенно в экономических отношениях, вместо того чтобы быть обычным правилом и нормой для всего человечества, в настоящее время рассматриваются как что-то сверхъестественное и аномальное.

Анализируя создание православного банкинга и деятельность исламских банков, учитывая идею создания и идею работы этих финансовых институтов, задаёшься вопросом создания единого, так называемого «религиозного банка» или «этического банка». Конечно же, при создании или внедрении того или иного института, помимо низкого уровня интереса, проявляемого самими верующими, существует немало преград, в частности, это относится и к законодательным банковским нормам.

Становление религиозных финансовых институтов сопряжено не с предоставлением преимуществ религиозным финансам, а с формированием нормативно-правовой базы, в рамках которой данный институт будет осуществлять свою деятельность. Появление православного или внедрение исламского банкинга потребует от регулятора обеспечить правильное трактование принципов функционирования религиозных банковских институтов, разработать правила регулирования всех сделок, обеспечить клиентам религиозных институтов равноценный уровень защиты, как и в традиционных банках. По мере дальнейшего распространения религиозных банковских продуктов перед органами денежно-кредитного регулирования и надзора неизбежно встанет задача оптимального их встраивания в финансовые системы светских стран. Причём для обеспечения устойчивости развития финансовой системы в целом необходимо будет не только адаптировать законодательство, но и обеспечить наличие соответствующей банковской инфраструктуры, необходимой для финансирования религиозных финансовых организаций. Так, для развития исламского банкинга в РФ необходима корректировка законодательства, в частности, Гражданского кодекса РФ, Федерального Закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 13.07.2015; с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2015), Федерального Закона «О рынке ценных бумаг» (в редакции Федерального закона от 3 февраля 1996 г. № 17-ФЗ) (с изм. на 13 июля 2015 года; вступ. в силу с 12 октября 2015 г.) и др., в том числе в части трактования банковских операций. Для развития банкинга необходимо внесение изменений в подзаконные нормативно-правовые акты, которые направлены на создание и регулирование не только деятельности исламских банков, но и других форм ведения предпринимательской деятельности на основе шариата.

Анализируя наблюдения, можно констатировать низкий уровень осведомлённости участников финансового рынка, а также населения в целом о принципах и возможностях исламского финансирования, что является одним из препятствий внедрения данных институтов, так как на сегодняшний день в России не полностью решён вопрос подготовки кадров, необходимых для данной сферы. Регионы с компактным проживанием преимущественно исламского населения не в полной мере готовы к исламским формам финансирования, но могут быть открытыми к инвестициям со стороны стран арабского и мусульманского мира и сотрудничать с международными исламскими финансовыми организациями.

Таким образом, препятствием в создании того или иного банкинга является слабое знание населения об основных постулатах той или иной религии. Каждый, называя себя христианином или мусульманином, мало знает, что лежит в основе духовности. Духовность – важнейший фактор экономической жизни и основа формирования общества с новым человеческим сознанием. Ведь экономическая реальность, построенная на долгосрочную перспективу, – это реальность хозяйствования, где прибыль не есть единственный и окончательный показатель качества работы.

Необходима ясная политика встраивания банковских продуктов в финансово-кредитные системы светских государств как развитие этических финансов. При этом следует учитывать риски превращения, особенно исламского банкинга, в катализатор развития агрессивных течений ислама. Этические нормы исламского банкинга в сочетании с принципами разделения прибыли и рисков привлекают в исламские банки не только мусульман.

Этический банкинг не ограничивается только исламским, а относится ко всем мировым религиям, имеющим общие базовые этические принципы.

Библиографический список

1. Benedikter, R. (2011): Social Banking and social Finance. SpringerBriefs in Business. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://link.springer.com/chapter/10in.1007/978-1-4419-7774-8_1.

2. Батаева, Б. С. Исламские банки сквозь призму развития этических финансов / Б. С. Батаева // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1 (45). – С. 270–272.
3. Ветошкин, А. П. Духовно-нравственная экономика : монография / А. П. Ветошкин, Н. А. Каратеева, А. М. Миняйло. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2008. – 702 с.
4. Выступление Президента РК Н. Назарбаева на заседании Совета министров Организации Исламская конференция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://titus.kz/? type= polit& previd=23671>
5. Каирденов, С. С. Исламские банковские продукты: восприятие клиентов в светских государствах / С. С. Каирденов, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОмГА», 2013. – № 4. – С. 25–33.
6. Львов, Д. С. Нравственная экономика [Электронный ресурс] / Д. С. Львов // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 9. – Режим доступа: <http://рустрана.рф/article.php?nid=9588>
7. Протоиерей Всеволод Чаплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26323.5/3204367/>
8. Словарь бизнес-терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic. ru/dic.nsf/business/ 11634>
9. Туишев, Ш. М. Инвестирование по законам шариата как пример финансирования инноваций в инвестиционно-строительном комплексе Республики Татарстан / Ш. М. Туишев, А. Ш. Низамова // Известия КГАСУ. – 2011. – № 4 (18). – С. 324–329.
10. Шашкин, П. Основные этические принципы банковской деятельности и её нравственное измерение [Электронный ресурс] / П. Шашкин. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/arch/religy/12oct2010/busines.html>
11. Православный банкинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1787694>
12. Типология и ВВП современных цивилизаций [Электронный ресурс] / Блики света. Сайт Виталия Кандалинцева. – Режим доступа: <http://www.blisvet.ru/society/articles/>
13. Культурный код и прогресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1295413.html>
14. Электронный ресурс [<https://ru.wikipedia.org>]
15. Всеволод Чаплин призвал создать «православный банкинг» и взять пример с мусульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsru.com/arch/religy/11nov2014/chaplin_banking.html
16. Этическое банковское дело. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.knowledgr.com/02255669/>

*O. Yu. Patlasov, Omsk Regional Institute,
Omsk Humanitarian Academy,
S. S. Kairdenov, Omsk Humanitarian Academy*

ETHICAL FINANCE IN MORAL ECONOMY

The article describes outlines of ethical finance and the theory of moral and spiritual economy. The authors carry out the comparative analysis of financing activities and analyze ethics of traditional banks. Prospects of Islamic financing in secular states and formation of orthodox banking are predicted.

Keywords: ethical finance, Orthodox banking, Islamic banking, moral economy

References

1. Benedikter , R. (2011): Social Banking and social Finance. SpringerBriefs in Business. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://link.springer.com/chapter/10in.1007/978-1-4419-7774-8_1.
2. Bataeva, B. S. Islamskie banki skvoz' prizmu razvitija jeticheskikh finansov. *Problemy sovremennoj jekonomiki*. 2013. no 1 (45). pp. 270–272.
3. A. P. Vetoshkin, N. A. Karateeva, A. M. Minjajlo. Duhovno-nravstvennaja jekonomika : monografija / – Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 2008. 702 p.
4. Vystuplenie Prezidenta RK N. Nazarbaeva na zasedanii Soveta ministrov Organizacii Islamskaja konferencija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://titus.kz/? type= polit& previd=23671>
5. S. S. Kairdenov, O. Ju. Patlasov Islamskie bankovskie produkty: vosprijatie klientov v svetskih gosudarstvah. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija*. Omsk : Izd-vo NOU VPO «OmGA», 2013. no 4. pp. 25–33.
6. L'vov, D. S. Nravstvennaja jekonomika [Jelektronnyj resurs] Svobodnaja mysl'-HHI. 2004. no 9. Rezhim dostupa: <http://rustrana.rf/article.php?nid=9588>
7. Protoierej Vsevolod Chaplin [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kp.ru/daily/26323.5/3204367/>

8. Slovar' biznes-terminov. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/11634>
9. Tuishev, Sh. M. Investirovanie po zakonam shariata kak primer finansirovanija innovacij v investicionno-stroitel'nom komplekse Respubliki Tatarstan / Sh. M. Tuishev, A. Sh. Nizamova // Izvestija KGASU. 2011. no 4 (18). – pp. 324–329.
10. Shashkin, P. Osnovnye jeticheskie principy bankovskoj dejatel'nosti i ee npravstvennoe izmerenie [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.newsru.com/arch/religy/12oct2010/business.html>
11. Pravoslavnyj banking [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://worldcrisis.ru/crisis/1787694>
12. Tipologija i VVP sovremennyh civilizacij [Jelektronnyj resurs] Bliki sveta. Sajt Vitalija Kandalinceva. Rezhim dostupa: <http://www.blisvet.ru/society/articles/>
13. Kul'turnyj kod i progress [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.opec.ru/1295413.html>
14. Jelektronnyj resurs [<https://ru.wikipedia.org>]
15. Vsevolod Chaplin prizval sozdat' «pravoslavnyj banking» i vzjat' primer s musul'man [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.newsru.com/arch/religy/11nov2014/chaplin_banking.html
16. Jeticheskoe bankovskoe delo. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ru.knowledgr.com/02255669/>

© О. Ю. Патласов, С. С. Каирденов, 2015

Авторы статьи – **Олег Юрьевич Патласов**, доктор экономических наук, профессор, Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия, зам. генерального директора ООО «Западносибирский биотехнологический центр по селекции и семеноводству картофеля и топинамбура», e-mail: opatlasov@mail.ru

Серик Сырлыбаевич Каирденов, аспирант, Омская гуманитарная академия, e-mail: s_kairdenov@mail.ru

Рецензенты:

А. Ж. Искаков, доктор экономических наук, Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова.

О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова Омский институт (филиал).

УДК 338. 48

Б. И. Штейнгольц,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
В. А. Назаркина,
Новосибирский государственный технический университет

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТОЧКИ РОСТА

В статье изложены проблемы и перспективы развития автомобильного туризма в Российской Федерации. Анализ современного состояния автомобильного туризма проводится по следующим параметрам: мотивы автомобильных путешествий россиян; регионы страны, перспективные для развития туризма; состояние автомобильной туристской инфраструктуры и т. д. В результате анализа выявлены перспективные регионы для развития автомобильного туризма в Российской Федерации. Сформулированные выводы и выявленные возможности могут быть использованы предпринимателями при разработке бизнес-планов по развитию автомобильного туризма, при этом собственно автомобильный туризм можно рассматривать как важное условие экономического роста и устойчивого развития некоторых регионов России.

Ключевые слова: автомобильный туризм, мотивы автопутешествий, прокат и аренда автомобилей, кемперы и автодома, джип-туры, экскурсионные туры, туристская инфраструктура.

Ежегодно более миллиона человек по всему миру отправляются в автомобильные туры – путешествуют с комфортом, не думая о билетах и гостиницах, на собственном или арендованном автотранспорте. Автопутешествия стали не просто разновидностью туризма, они превратились в особый стиль жизни и даже культуру. Признанными мировыми лидерами в области организации автомобильного туризма являются страны Западной Европы (Германия, Франция, Испания, Швейцария) и страны Северной Америки (США, Канада). Российская Федерация в настоящее время не входит даже в первую десятку стран-лидеров по развитию автотуризма, хотя всем понятно, что это достаточно перспективный вид туризма, который может существенно увеличить туристские потоки,

создавая при этом большое количество рабочих мест. Далее проведём анализ состояния и определим некоторые точки роста автомобильного туризма в современной России.

Анализ состояния автомобильного туризма в Российской Федерации был проведён по следующим признакам:

- мотивы автомобильных путешествий россиян;
- статистика ввоза автодомов в Российскую Федерацию;
- количество российских туристских компаний, предлагающих автотуры;
- регионы Российской Федерации, перспективные для развития автотуризма;
- состояние автомобильной туристской инфраструктуры;
- объёмы проката и аренды автотранспорта в Российской Федерации.

Рассмотрим подробнее.

Мотивы автомобильных путешествий россиян. Если в Европе автотуризм уже пятый год удерживает лидерство в предпочтениях путешественников, то россияне отдают предпочтение, по большей части, простым (недалгим) автомобильным поездкам, например, на собственный (пригородный) дачный участок или в близлежащий город к родственникам, друзьям, с коммерческими целями. Мотивы этих поездок в большинстве своём не автопутешествие как таковое, они имеют строго целевое (в основном деловое) назначение. Статистические данные говорят, что примерно пятая часть (20 %) российских автотуристов приезжает в другие города и страны с целью шопинга, половина (50 %) – в деловые командировки, 25 % – с целями отдыха и в поисках приключений, 5 % российских автотуристов руководствуется прочими мотивами [14].

Несомненный интерес представляют данные о методах и способах организации автомобильных поездок. Так, почти 90 % российских автопутешественников совершают поездки на собственных автомобилях, в то время как в США на своей машине путешествуют не более 25 % водителей, остальные пользуются авто, взятыми напрокат; в Западной Европе предпочтения делятся практически пополам [14].

Причины, которыми автопутешественники руководствуются при выборе автомобиля («свой-чужой»), существенно различаются. У российских автомобилистов это в основном страх, боязнь, что за рулём арендованного транспортного средства они будут испытывать дискомфорт, а это повышает риск аварии. Американцы путешествуют на арендованных, а не личных транспортных средствах исключительно в целях экономии (из опасений разбить машину). Европейцы же оказались самыми практичными: они берут машину напрокат в том случае, если характеристики их собственного автомобиля не подходят для конкретной поездки.

В процессе проведения исследования было выявлено, что подавляющее большинство россиян путешествует на автомобиле с семьёй, при этом количество людей в поездке составляет четыре человека; среднее расстояние автопутешествия – в пределах 2,5 тыс. км; средняя длительность поездки – 15 дней. Наиболее популярные маршруты российских автопутешественников – туры по «Золотому Кольцу», на юг России, Валдай, по Карелии, великими рекам России (Волга, Дон) и т. д. При выборе мест отдыха автотуристы отдают предпочтение остановкам в местах с нетронутой природой [10].

Исследование помогло также выявить проблемы, с которыми российские автотуристы часто сталкиваются в дороге: низкое качество автодорог, малое количество кемпингов, проблемы безопасности в пути, малый набор и низкое качество услуг, отсутствие информации по пути следования.

Автомобильный туризм тесно связан с инфраструктурой территорий, в том числе мотелей, придорожных кафе, мест парковок, сетью автосервисов. Территориальный маркетинг исходит из признания того, что поведение всех экономических субъектов территориально, то есть разворачивается в рамках конкретной территории и детерминировано рядом социально-экономических, культурных, пространственных тенденций, отражающих закономерности развития конкретного места. При выявлении структуры потребностей, особенностей и закономерностей потребительского поведения в целевых группах потребителей территорий присутствуют разные интересы:

- местные жители заинтересованы в качестве предоставляемых общественных благ, уровне развития инфраструктуры, низком уровне социального напряжения;
- инвесторы заинтересованы в недорогой рабочей силе, налоговых преференциях, а также в уровне развития инфраструктуры и транспортного сообщения;
- приезжающие заинтересованы в поисках работы, в наличии выгодных рабочих вакансий, а туристы – в наличии культурно-исторических объектов [3].

Внешней средой развития автотуризма выступает структура автосервисов. Автомобильные дилерские центры относятся к числу крупных и средних предприятий. Кроме них на автомобильном

рынке присутствуют также средние и малые формы предпринимательства, в перечень которых входят неавторизованные станции технического обслуживания, станции гаражного типа (как правило, не имеющие юридической регистрации). Тенденцией к минимизации затрат на налоговые отчисления со стороны авторизованных и неавторизованных станций технического обслуживания стало создание нескольких мелких юридических лиц на территории одной станции, работающих по упрощённой системе налогообложения. Российские предприниматели, занимающиеся продажей и обслуживанием автомобилей, вынуждены скрывать свои доходы, поскольку политика государства недостаточно гибка в отношении малых и средних субъектов автомобильного бизнеса [4].

Статистика ввоза автодомов в Российскую Федерацию. В целях определения примерной ёмкости рынка приведём данные по ввозу в Россию автодомов (кемперов) и караванов (прицепов).

Так, по данным пограничных и таможенных органов, в период с 2005 по 2013 годы в Российскую Федерацию ввозилось в год более 800 караванов и чуть более 1000 кемперов. При этом примерно 65 % из них – это бывшие в употреблении автотранспортные средства.

Интересно, что цена нового автодома в России – более 75 тыс. евро, нового каравана – примерно 30 тыс. евро, это на 60 % выше среднеевропейских цен. Основные причины такой большой разницы – высокие таможенные пошлины и транспортные издержки.

Российские автолюбители предпочитают приобретать «подержанные» автодома (кемперы) по цене до 1,5 млн р., а также бывшие в употреблении караваны по цене, не превышающей 1 млн р., со сроком эксплуатации этой техники в Европе от трёх лет и старше.

Лидером по продажам кемперов и прицепов на территории Российской Федерации выступает немецкий концерн HYMER AG – европейский лидер, имеющий 50-летний опыт производства автодомов и караванов.

Помимо западноевропейских моделей, на российском рынке представлены белорусские кемперы «Купава» на шасси «Газели», собранные в филиале Минского автозавода. Однако большой популярностью они не пользуются.

Количество российских туристских компаний, предлагающих автотуры. На туристском рынке России есть много фирм, предлагающих автомобильные туры за границу и в пределах страны. Рассмотрим компании, предлагающие автотуры за рубеж.

Туроператор Cosmopolitan Travel & Tours, Inc имеет офис в Америке (г. Детройт) и представительство в Москве. Туроператор специализируется на предоставлении помощи в составлении маршрутов и организации поездок на автомобиле по США.

Туроператор Uneh (Москва) предлагает автомобильные туры на арендованной машине по США и Канаде с посещением таких городов, как Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Сан-Франциско. Во время путешествия обязательно будет посещение Ниагарского водопада, Йеллоустонского Национального парка, озера Гурон, Онтарио, Мичиган и других объектов.

Туроператор Viking Travel (Москва) предлагает автомобильные туры по Скандинавии, Исландии, Швеции, Дании и Норвегии.

Туроператор ЛатинаТревел (Москва) предлагает туры по Латинской Америке: джип-туры и ралли по Чили и Аргентине.

Далее рассмотрим российские турфирмы, предлагающие автомобильные туры в Европу.

ТК «Эль-Тур» (Новосибирск) занимается организацией автомобильных туров, учитывая индивидуальные пожелания туристов в выборе направления, машины и стиля путешествия. Оформление автомобильного тура включает разработку маршрута; бронирование автомобиля; визовую поддержку; медицинскую страховку; страховку на автомобиль; заказ билетов на самолёт либо на паром; бронирование отелей, замков (в Европе) и кемпингов по всему пути следования [11].

Уникальные автомобильные туры по Европе предлагает Санкт-Петербургская компания ALM Travel Agency. Путешествия возможны как на арендованном, так и на личном транспорте туристов. Есть несколько вариантов отдыха: автопутешествие по Центральной Европе – Германия, Австрия, Чехия; по южным европейским странам – Италия, Франция, Испания или посещение скандинавских стран – Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция [13].

Автомобильное турагентство «АВТОТУРИСТ» (Москва) занимается разработкой и планированием индивидуальных автомобильных туров на собственном или арендованном автомобиле, автокемпере, караване по Европе. Новое направление – автомобильные путешествия по Южной Африке (Кейптаун, Дурбан). Также компания предлагает подбор и бронирование кемпингов, аренду автомобилей, кемперов и караванов по всей Европе [12].

Регионы Российской Федерации, перспективные для развития автотуризма. На наш взгляд, наиболее перспективными для развития различных видов автотуризма в нашей стране являются: Подмосковье, Центральная Россия, Ленинградская область, Республика Карелия, Краснодарский край и Адыгея, Крым, Кавказские Минеральные Воды, Урал, Алтайский край и Республика Алтай, озеро Байкал, Красноярский край и Тыва, Дальний Восток, Камчатка, остров Сахалин. Факторы, влияющие на развитие автотуризма в этих регионах, приведены в таблице.

Наиболее перспективные районы Российской Федерации для развития автомобильного туризма

Регион	Перспективный вид автотуризма	Благодаря чему будет развиваться автотуризм
Подмосковье	– джип-туры; – экскурсионные туры по Московской области; – исторические туры	тяжёлое бездорожье, удивительная природа; развитая сеть автодорог и автосервиса; большое количество памятников истории
Центральная Россия	– джип-туры; – исторические туры	обилие полевых и лесных дорог для любителей труднопроходимых мест; богатство историко-культурного наследия
Ленинградская область и Санкт-Петербург	– туры на внедорожниках, джип-триал, экстримтуры; – исторические туры; – экскурсионные туры	Off-road трассы включают как простые, так и технически сложные участки, что позволяет организовывать экскурсионные автомобильные туры и экстрим-туры; богатое историко-культурное наследие и удивительная природа
Республика Карелия	– джиппинг и джип-туры, зимнее сафари, экспедиции на снегоходах, комбинированные туры; – исторические туры; – экскурсионные	наличие большого количества гостевых домов позволяет организовать многодневные зимние автоприключения; памятники истории; наличие туристских ресурсов (Кижы, о. Валаам)
Краснодарский край и Адыгея	– малый автотуризм (поездки 1–2 дня) внутри региона; – средний туризм – поездки на более дальние расстояния; – длительные автотуры на Северный Кавказ; – джип-туры, уазинг	достопримечательности горных районов и черноморского побережья; разветвлённая сеть автомобильных дорог; хорошее состояние автодорог
Крым	– джип-сафари; – путешествия на автомобилях в Горный Крым	на всех дорогах есть автозаправочные станции, СТО, кемпинги, заведения общепита, палаточные лагеря, стоянки для автотранспорта, оборудованные пляжи
Кавказские Минеральные Воды	– путешествия на автомобилях; – джип-туры; – экскурсионные туры	удивительная дикая природа, оборудованные площадки для кемпинга, наличие смотровых площадок, возможности для преодоления горных перевалов, Кавказские Минеральные Воды отлично подходят для автотуризма экстремального уровня
Урал	– путешествия на автомобилях; – джип-туры	богатство и самобытность природы, труднопроходимые места отлично подходят для туров повышенной сложности
Алтайский край и Республика Алтай	– джип-туры, туры на внедорожниках, сафари на снегоходах; – исторические туры	богатство природных достопримечательностей, речные долины и горные перевалы; древние курганы
Озеро Байкал	– джип-туры, туры на внедорожниках, снегоходах; – автомобильные путешествия	поездки на внедорожниках вдоль Байкала; продолжительный отдых на берегу озера, рыбная ловля, пешие прогулки
Красноярский край и Тыва	– туры на внедорожниках и снегоходах; – автомобильные путешествия	уникальная природа, много труднопроходимых мест для активных туров – горные перевалы, речные пороги
Дальний Восток (Камчатка, Сахалин)	– джип-туры, поездки на грузовиках, снегоходах; – комбинированные туры: джип-туры + вертолётные экскурсии	уникальная первозданная природа и просторы для путешествий: вулканы, горы, гейзеры, каменные пустыни, котловины

Состояние автомобильной туристской инфраструктуры. Это чрезвычайно проблемная зона, существенно сдерживающая развитие автотуризма. Негативными параметрами, характеризующими современное состояние автомобильной туристской инфраструктуры, являются: низкий технический уровень и несоответствие качества дорог интенсивности движения; регулярные перегрузки отдельных участков дорог; несоответствие темпов дорожного строительства росту количества автомобилей в стране; низкий уровень мер безопасности на дорогах; несоответствующий современным требованиям уровень развития и состояния придорожной туристской инфраструктуры.

Однако необходимо подчеркнуть, что в России в настоящее время формируются факторы, благоприятно влияющие на развитие автомобильной туристской инфраструктуры: наличие разнообразных туристских ресурсов; рост числа качественных автомобилей у населения; рост уровня доходов и платежеспособности населения, отсюда возрастающая мобильность россиян; наличие значительного потенциала и перспектив роста рынка услуг, оказываемых предприятиями сферы автотуризма.

Объемы проката и аренда автотранспорта в Российской Федерации. Для начала выясним, чем отличается аренда автомобиля от проката. Принципиального отличия между этими понятиями нет, но существуют нюансы, связанные с их применением. Аренда автомобиля подразумевает передачу в пользование имущества на длительный срок, определяемый условиями договора. Прокат автомобиля рассматривается как частный случай аренды и обычно осуществляется на более короткие сроки.

Сегодня автопутешествиями никого не удивишь, поэтому пункты проката автомобилей есть практически в любой стране мира, есть они и в России.

Во многих крупных городах нашей страны появляются представительства мировых прокатных компаний, таких как Avis, Herz, Europcar, RentalCars, CarBooking и других. Наиболее востребованные услуги – аренда автомобиля без водителя в деловых и личных целях, в т. ч. с выездом за границу, а также аренда представительских машин с водителем. По данным экспертов, в настоящее время Россия является самой дорогой страной в мире по стоимости аренды автомобиля. Средняя стоимость проката авто в России на 69 % выше, чем в Великобритании, где эта услуга доступнее всего. В среднем взять в аренду машину на сутки у нас обойдется в 113 долларов, в то время как британцы отдают за то же самое лишь 79 долларов [2]. Интересно, что России удалось обойти даже дорогую Швейцарию, занявшую второе место. Среди российских систем бронирования автомобилей можно выделить: *naprokat.ru* (Санкт-Петербург) – предлагает аренду машин по всей России, «Агентство “ДАВС”» – аренда машин по всему миру, компания *I-way* – аренда машин и трансфер по всему миру, *Prokator.ru* – первая система проката автомобилей между автовладельцами России и стран СНГ, *kagent.ru* – прокат автомобилей в России и странах СНГ.

Характеризуя фирм-лидеров российского рынка проката автомобилей, следует выделить два сегмента: прокат отечественных автомобилей и прокат иномарок.

В первом сегменте лидером является официальный дилер АвтоВАЗа – компания «Элекс-Полус», во втором – «Рольф-Прокат» (10 % рынка) и «Европарт» (17 % рынка).

Эти фирмы среди российских автолюбителей имеют достаточно высокую репутацию, и их цены наиболее всего соответствуют критерию «цена-качество» [14].

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод: автотуризм в России, несомненно, находится в стадии роста и при благоприятных условиях (внутренних и внешних) может стать драйвером развития не только туристической индустрии, но и в т. ч. депрессивных сегодня территорий.

Библиографический список

1. Анализ рынка аренды автомобилей в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rentavto.org/company/statistika>
2. В России самая дорогая в Европе аренда машин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/auto/news/2014/07/24/n_6338245.shtml
3. Лукина, Т. С. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – №4 (18). – С. 225–234.
4. Михайлов, М. Н. Функция внутрисетевого контроллинга деятельности автомобильных компаний / М. Н. Михайлов, О. Ю. Патласов // Вестник СибАДИ, – 2014. – Вып. 3 (37). – С. 103–110.
5. Назаркина, В. А. Мировое гостиничное хозяйство: уровень и динамика ключевых параметров / В. А. Назаркина, Б. И. Штейнгольц // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2014. – № 4. – С. 209–217.

6. Назаркина, В. А. Особенности потребительского спроса в гостиничной сфере / В. А. Назаркина, Б. И. Штейнгольц // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 122–126.
7. Назаркина, В. А. Проблемы использования аутсорсинговых технологий в практической деятельности туристских фирм / В. А. Назаркина, Б. И. Штейнгольц // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2013. – № 2. – С. 58–65.
8. Назаркина, В. А. Процессы взаимодействия в логистической системе «ресурсы-производство-потребление»: особенности в сфере туризма / В. А. Назаркина, Б. И. Штейнгольц // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2014. – № 2. – С. 313–319.
9. Назаркина, В. А. Совершенствование оценки качества услуг: методический аспект / В. А. Назаркина, Я. В. Ситникова, Т. А. Половова // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2012. – № 2. – С. 183–190.
10. Организация управления автомобильным туризмом в регионах России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy-lib.com/organizatsiya-upravleniya-avtomobilnym-turizmom-v-regionah-rossii#ixzz3FoQ8Aj7C>
11. Автомобильные туры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.el-tours.ru/avtomobilnyetur.html>
12. Автотуры в Европу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://auto-tourist.ru/index.php>
13. Автомобильные туры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.almtravel.ru/auto.html>
14. Статистика российского автотуризма: большинство предпочитает личные авто // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fineworld.info/statistika-rossijskogo-avtoturizma-bolshinstvo-prjedorochitajet-lichnyje-avto/>
15. Чередникова, Л. Е. Инновации в социально-культурном сервисе и туризме: стратегия и практика / Л. Е. Чередникова, А. А. Бовин, Б. И. Штейнгольц. – Новосибирск, НГТУ, 2006 – 450 с.
16. Штейнгольц, Б. И. Современные гостиничные технологии : монография / Б. И. Штейнгольц, В. А. Назаркина ; отв. ред. Б. И. Штейнгольц. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. – 176 с.
17. Штейнгольц, Б. И. Специальные виды туризма : учебное пособие / Б. И. Штейнгольц, Ю. О. Владыкина, Е. Ю. Воротникова [и др.] ; под общей ред. Б. И. Штейнгольца. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. – 255 с.

*B. I. Shteingoltz, Novosibirsk State University Economy and Management,
V. A. Nazarkina, Novosibirsk State Technical University*

AUTOMOBILE TOURISM IN MODERN RUSSIA: GROWTH POINT

The problems and prospects of automobile tourism development in Russian Federation are described in the article. Modern automobile tourism is analyzed according to the following aspects: what is an incentive for Russian automobile tourists; which geographic areas are promising for tourism development; the state of automobile tourism infrastructure, etc. Advantageous areas for automobile tourism development in Russian Federation have been determined as a result of the analysis. Conclusions and opportunities obtained in the analysis may be used by businessmen in their business plans for automobile tourism development, in addition automobile tourism may be considered as an important condition of economic growth and steady development in some Russian areas.

Keywords: automobile tourism, motives autotravel, rent a car, campers and motorhomes, jeep tours, excursions, tourist infrastructure.

References

1. Analysis of the rental market of cars in Russia [electronic resource]. Mode of access: <http://rentavto.org/company/statistika>
2. In Russia the most expensive in Europe Car Rental [electronic resource]. Mode of access: http://www.gazeta.ru/auto/news/2014/07/24/n_6338245.shtml
3. T. S. Lukina, O. Ju. Patlasov. Razrabotka marketingovyh strategij sel'skih territorij. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2014. no 4 (18). pp. 225–234.
4. M. N. Mihajlov, O. Ju. Patlasov. Funkcija vnutrisetevogo kontrollinga dejatel'nosti avtomobil'nyh kompanij // *Vestnik SibADI*, 2014. Vyp. 3 (37). pp. 103–110.
5. Nazarkina V. A., Shteingoltz B.I. World Hotel Industry: level and dynamics of key parameters. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*, 2014, no. 4, pp. 209–217.
6. Nazarkina V. A., Shteingoltz B.I. Especially consumer demand in the hotel industry. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 122–126.
7. Nazarkina V. A., Shteingoltz B. I. Issues of outsourcing technologies use in practical activity of tourist firms. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*, 2013, no. 2, pp. 58–65.

8. Nazarkina V.A., Shteingoltz B.I. Interacting processes in «resources – production – consumption» logistic system: features in touristic field. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*, 2014, no. 2, pp. 313–319.
9. Sitnikova Ya. V., Polovova T.A., Nazarkina V.A. Development of the assessment of quality of service: methodic aspect. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*, 2012, no. 2, pp. 183-190.
10. Organization of management automobile tourism in the regions of Russia [electronic resource]. – Mode of access: <http://economy-lib.com/organizatsiya-upravleniya-avtomobilnym-turizmom-v-regionah-rossii#ixzz3FoQ8Aj7C>
11. Road trips [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.el-tours.ru/avtomobilnye-tury.html>
12. Car Tours to Europe [electronic resource]. – Mode of access: <http://auto-tourist.ru/index.php>
13. Road trips [electronic resource]. – Mode of access: www.almtravel.ru/auto.html
14. Statistics Russian trailering: most prefer private cars [electronic resource]. – Mode of access: <http://fineworld.info/statistika-rossijskogo-avtoturizma-bolshinstvo-prjedpochitajet-lichnyje-avto/>
15. Cherednikova L. E. Innovatsii v sotsialno-kulturnom servise i turisme: strategiya i praktika [Innovation in social and cultural service and tourism: policies and practices]. Novosibirsk, 2006, 450p.
16. Shteingoltz B.I., Nazarkina V.A. *Sovremennye gostinichye tehnologii* [Modern hotel technology: monograf]. Novosibirsk, 2014, 176 p.
17. Shteingoltz B.I. *Spetsyalnye vidy turisma* [Special forms of tourism]. Novosibirsk, 2015, 255p.

© Б. И. Штейнгольц, В. А. Назаркина, 2015

Авторы статьи – **Борис Исакович Штейнгольц**, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, e-mail: b.i.shteingolts@nsuem.ru

Валерия Александровна Назаркина, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: valeria71@bk.ru

Рецензенты:

А. Е. Архипов, доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

О. С. Комарова, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления.